

**ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ
И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ФОНД «ИНИЦИАТИВА ПО СОКРАЩЕНИЮ ЯДЕРНОЙ
УГРОЗЫ»**

РОССИЯ И ДИЛЕММЫ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

**Под редакцией
Алексея Арбатова, Владимира Дворкина,
Сергея Ознобищева**

**Москва
ИМЭМО РАН
2011**

УДК 327.37(470)

ББК 66.4 (2 Рос)

Росс 76

Авторский коллектив:

Алексей Арбатов (Ч. I. Гл. 4, 5; Ч. II. Гл. 4; Ч. III. Гл. 2, 3; Ч. IV. Гл. 2; Ч. V. Гл. 1, 2; Ч. VI. Гл. 4, 9), Владимир Барановский (Ч. VI. Гл. 10), Владимир Дворкин (Ч. I. Гл. 1, 2; Ч. II. Гл. 2; Ч. III. Гл. 1; Ч. IV. Гл. 1; Ч. VI. Гл. 1, 8), Анатолий Дьяков (Ч. V. Гл. 4), Виктор Есин (Ч. VI. Гл. 6), Раймонд Жанлоз (Ч. VI. Гл. 2), Эдвард Иффт (Ч. VI. Гл. 5), Сергей Ознобищев (Ч. I. Гл. 3; Ч. II. Гл. 3; Ч. III. Гл. 4; Ч. IV. Гл. 2), Александр Пикаев (Ч. I. Гл. 3; Ч. IV. Гл. 3, 6), Джус Силберберг (Ч. II. Гл. 1), Виктор Слипченко (Ч. V. Гл. 3), Петр Топычканов (Ч. IV. Гл. 7), Малколм Чалмерс (Ч. VI. Гл. 3), Джеймс Эктон (Ч. VI. Гл. 7)

Рос76

Россия и дилеммы ядерного разоружения. Под ред. А.Г. Арбатова, В.З. Дворкина, С.К. Ознобищева

– М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 237 с.

ISBN 978-5-9535-0323-5

Настоящая книга объединяет темы, проанализированные в рамках совместного проекта ИМЭМО РАН и фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (“Nuclear Threat Initiative, Inc” – NТИ) под общим титулом: «Россия и глубокое ядерное разоружение».

Авторы выражают благодарность сотрудникам ИМЭМО РАН за всестороннюю помощь в подготовке исследования и организацию плодотворного обсуждения. Данное исследование подготовлено в рамках Проекта по ядерной безопасности (NSP) при поддержке NТИ. Дополнительную информацию можно получить на сайте NSP <http://nuclearsecurity.org> Представленные в данной работе взгляды принадлежат авторам и не отражают позиции ИМЭМО или NSP.

Russia and the Dilemmas of Nuclear Disarmament

This book embraces the topics analyzed under the joint project implemented by the Institute of World Economy and International Relations (IMEMO) and the Nuclear Threat Initiative, Inc. (NTI) and titled “Russia and the Deep Nuclear Disarmament”.

The authors express their gratitude to the IMEMO staff for comprehensive support in the production of this research paper and organization of the fruitful discussion. This research report was commissioned by the Nuclear Security Project (NSP) of the Nuclear Threat Initiative (NTI). For more information see the NSP website at <http://www.nuclearsecurity.org>. The views expressed in this paper are entirely the authors' own and not those of the IMEMO or NSP.

Публикации ИМЭМО РАН размещаются на сайте <http://www.imemo.ru>

ISBN 978-5-9535-0323-5

© ИМЭМО РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	5
ВВЕДЕНИЕ	9
I. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ	11
1. Стратегическая стабильность в годы холодной войны	11
2. Факторы стабильности	15
3. Дестабилизирующие тенденции в новых условиях	20
4. Российское восприятие военной политики США	22
5. Китай и стабильность	24
II. СОВРЕМЕННЫЕ ЯДЕРНЫЕ ДОКТРИНЫ ГОСУДАРСТВ	37
1. Обзор ядерной политики США 2010 г.	37
2. Ядерная стратегия России	41
3. Эволюция ядерной концепции НАТО	45
4. Сравнительный анализ ядерных доктрин современных государств	53
III. НЕЯДЕРНЫЕ ФАКТОРЫ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ	59
1. Перспективы сотрудничества России и США в создании ПРО	59
2. Стратегические наступательные системы в обычном оснащении	64
3. Космическое оружие	73
3. Невооружение космоса	79
IV. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ	87
1. Россия и НАТО после холодной войны	87
2. В поисках новой архитектуры европейской безопасности	93
3. Нестратегическое ядерное оружие	98
4. Россия, НАТО и программы ПРО	106
5. НАТО и перспективы ДОВСЕ	110
6. «Третьи» ядерные государства	117
7. Средний и Дальний Восток, Южная Азия	120
V. ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ	131
1. Диалектика разоружения и нераспространения	131
2. Проблемы укрепления ДНЯО	139
3. Запрещение ядерных испытаний	145
4. Ядерные боезаряды и оружейные материалы	152
VI. ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ	161
1. Трансформация ядерного сдерживания через сотрудничество в развитии ПРО	161

2.Перспективы совместной ПРО и ядерное сдерживание.....	163
3.Сотрудничество по ПРО: возможность, но не панацея	166
4.Взаимный отход от концепции ответно-встречного удара	173
5.Проблемы понижения уровня боевой готовности баллистических ракет	179
6. Трансформация ядерного сдерживания через транспарентность.....	185
7.Транспарентность и стратегическая стабильность	188
8.Новый Договор и дальнейшие перспективы СНВ	196
9.Внешняя и военная политика держав как фактор разоружения	200
10.Обеспечение мира и стабильности на пути ядерного разоружения	208
ВЫВОДЫ	216
ПРИЛОЖЕНИЯ	225
1.Статьи видных общественных деятелей России и США.....	225
2.Таблица. Варианты ядерной доктрины. Роль ядерного оружия	233
3.Список сокращений.....	233

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

В данной книге представлены основные итоги выполнявшегося в 2010-2011 годах совместного проекта ИМЭМО РАН и фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» (“Nuclear Threat Initiative, Inc” – NTI). Основная цель проекта состояла в том, чтобы представить экспертный анализ возможностей перехода к глубокому ядерному разоружению и основных препятствий на этом пути.

В России и США, других государствах из числа пятерки ядерных держав получил широкое распространение постулат, что безопасность по-прежнему наиболее надежно гарантируется только ядерным оружием. Такую точку зрения, к сожалению, начинают разделять и т.н. «новые ядерные государства» – страны, которые в последние десятилетия различными путями заполучили ядерное оружие, как и те, кто только еще стремится стать его обладателем.

Однако ряд фундаментальных соображений заставляет усомниться в универсальности расхожих истин прошлых лет. После окончания холодной войны, в условиях глобализации и растущей взаимозависимости мира (что лишний раз продемонстрировал текущий экономический кризис) ядерное сдерживание, похоже, предотвращает прошлые угрозы, угрозы XX века. А именно – преднамеренное массированное нападение великих держав или их союзов друг на друга. В списке приоритетов реальных нынешних угроз – эта ушла далеко на задний план.

В то же время, ядерное сдерживание не блокирует реальные угрозы нового времени: международный терроризм, распространение ОМУ и его носителей, этнические и религиозные конфликты, не говоря уже о проблемах климата, экологии, незаконной миграции, эпидемий, трансграничной преступности и т.п.

Что касается зависимости безопасности самой России от ядерного оружия, то на поверку и эта концепция весьма поверхностна. Не надо забывать, что ОВД и Советский Союз распались, имея в 5–7 раз больше ядерных вооружений, чем нынешняя Россия. Надо совершенно не верить в российский народ, чтобы полагать, что ядерное оружие (в основном доставшееся в наследство от СССР) – это единственный атрибут статуса великой мировой державы, который ему по плечу. Что ни в экономике, ни в научно-технических инновациях, ни в благоустройстве материальной и политической жизни своих граждан, ни в новейших вооруженных силах общего назначения и обычных вооружениях Россия не может быть конкурентоспособной.

В изменившихся военно-политических условиях, в контексте новых угроз и дестабилизирующих факторов следует констатировать и значительное расширение представлений о стратегической стабильности, по сравнению с традиционными взглядами периода холодной войны. Содержание стратегической стабильности сейчас и на перспективу требует значительной корректировки. Целый комплекс предложений на этот счет разработан авторами проекта и представлен в настоящей книге.

Важным моментом на пути дальнейшего сокращения и ограничения вооружений стало подписание нового Договора СНВ. Безусловно, это событие знаменательно как по беспрецедентно низким новым уровням, установленным для стратегических вооружений сторон, так и в свете возобновления договорно-правового взаимодействия держав в этой сфере, которое в силу известных причин было прервано на десять с лишним лет.

Недавний исторический опыт убедительно показал, что процесс переговоров и соглашений по ядерному разоружению между Россией и США должен иметь непрерывный и поступательный характер. Тупики или длительные перерывы в процессе переговоров, неминуемо влекут утрату взаимопонимания и политического доверия

между великими державами, рост взаимных подозрений, расшатывание стратегической стабильности и подрыв сотрудничества по новым проблемам безопасности XXI века.

Последующие шаги в ядерном разоружении не могут оставаться сугубо двусторонними. Предстоит, прежде всего, в той или иной форме вовлечь в процесс «третьи» ядерные державы – Францию, Великобританию и Китай.

Не менее важно, что только в контексте переговоров по ядерному разоружению и никак иначе, Россия получают возможность решить для себя смежные военно-политические проблемы: прекращение на условиях, приемлемых для России и наших постсоветских соседей, расширения НАТО на восток; ограничение стратегических систем ПРО и высокоточных обычных вооружений; предотвращение гонки космических вооружений и пр.

Помимо иных факторов, которые были подробно рассмотрены в проекте, на состояние стратегической стабильности заметное воздействие оказывают военные доктрины. Известно, что военные доктрины государств, включая ядерные концепции, имеют как внешнее, так и внутреннее измерение. Обращаясь вовне, они служат предупреждением потенциальным противникам о том, какие их действия могут привести к применению силы, в том числе ядерного оружия (ЯО).

Внутренняя сторона доктрин призвана показать народу, что государство заботится о его защите от внешних врагов и не зря тратит значительные средства на оборону. Наконец, в той или иной мере доктрины дают установку армии и военной промышленности относительно вероятности и характера будущих войн, о целях и задачах участия в них вооруженных сил, о программах их боевой подготовки и технического оснащения.

По-прежнему значительным в наше время остается влияние доктрин на военно-политические отношения государств, международную безопасность, перспективы сокращения и ограничения вооружений. Ключевым вопросом ядерной доктрины является то, в каких условиях государство готово применить ЯО.

Эти официальные позиции государств, ввиду их огромной политической «нагрузки», имеют особенно большое значение. Они определяют отношение государств к месту ЯО в обеспечении национальной безопасности, обороноспособности, в осуществлении внешней политики. Доктрины оказывают большое воздействие на отношение неядерных стран к вопросу обретения ЯО или отказа от него. Ядерные доктрины имеют косвенное отношение к перспективам ядерного разоружения и продвижения к миру, свободному от ядерного оружия. Наконец, доктрины воздействуют на режим нераспространения ЯО.

Очевидно, что последовательный и эффективный процесс сокращения и ограничения вооружений, переход к глубоким сокращениям ЯО невозможен без существенной корректировки военных доктрин, отказа на определенных условиях от применения ядерного оружия первыми.

Обострение в последние месяцы полемики вокруг ЕвроПРО, превращение этого вопроса в принципиальный вопрос отношений России и США/НАТО подтверждает роль систем ПРО в ядерном разоружении и нераспространении. Если системы ПРО будут создаваться и наращиваться на односторонней основе или только в рамках существующих альянсов, то это наверняка застопорит дальнейшее ядерное разоружение и сорвет сотрудничество великих держав в деле нераспространения – со всеми вытекающими последствиями в виде расширения «ядерного клуба» и вероятного получения террористами доступа к ядерному оружию.

С другой стороны, если развитие ПРО будет основываться на сотрудничестве России и США/НАТО, то это будет реально способствовать дальнейшему сокращению и нераспространению ядерных вооружений. Однако просто сказать, что великие державы должны сотрудничать в области ПРО, совершенно недостаточно. Это наглядно

демонстрируется тем, что в пользу такого сотрудничества в 90-е годы и в текущем десятилетии США и Россия сделали немало односторонних предложений и даже провели серию компьютерных упражнений, подписали ряд совместных документов, однако, как говорится, дело не сдвинулось, а ныне и вовсе зашло в глубокий тупик.

Перспективы создания совместной ПРО связаны с большими проблемами как для участников этого процесса, так и для тех стран мира, которые вольно или невольно вовлечены в отношения безопасности и стабильности в ядерной области. Не ответив для себя хотя бы в принципиальном плане на эти вопросы, едва ли можно всерьез рассчитывать на сотрудничество России и США в сфере ПРО, даже если еще сто раз призвать к такому партнерству.

Нет пока однозначного ответа и на то, как на перспективы следующего этапа сокращения СНВ и сотрудничества по ПРО может повлиять развитие высокоточных баллистических и крылатых ракет США и НАТО в обычном снаряжении. Не ясно, каким образом развитие космических вооружений может отразиться на процессе сокращения СНВ и создания совместной ПРО. Возможно ли в обозримой перспективе выработать и принять соглашения или правила поведения держав в космосе? Наконец, как ход дел в области СНВ, ПРО, обычных высокоточных вооружений и космических систем может отразиться на распространении ядерного оружия и ракетных технологий в мире?

Распутать сложный узел названных проблем и процессов или хотя бы наметить основные принципы, критерии и направления таких развязок – важнейшая задача военно-политического сообщества специалистов России и стран Запада на современном этапе. Некоторые практически значимые «рецепты» на этот счет предлагаются авторами проекта.

Важным компонентом обеспечения международной безопасности является ситуация на европейском континенте. Здесь отношения России и НАТО будут играть в контексте следующих шагов ядерного разоружения огромную роль. Сегодня, прежде всего, это относится к упомянутым планам развития системы ПРО США и НАТО в Европе.

Кроме того, будет поставлен вопрос о нестратегических ядерных вооружениях, преобладающая часть которых тоже расположена в Европе. А эта тема связана с проблемой ограничения обычных войск и вооружений на континенте и соглашениями по Договору об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), оказавшимися в «подвешенном» состоянии. И, наконец, все эти сюжеты не могут рассматриваться вне контекста общей евро-атлантической безопасности, ее нынешних недостатков и будущих перспектив, включая российские предложения на это счет.

Проведенный авторами проекта анализ приводит также к выводу о наличии очевидно прослеживаемой взаимосвязи ограничения и сокращения вооружений и нераспространения, хотя многие эксперты в России и за рубежом такую взаимосвязь отрицают. В прошедшее десятилетие застой в процессе разоружения, в первую очередь – ядерного, привел к провалу попыток упрочения ДНЯО и режимов ядерного нераспространения. Можно с достаточными основаниями утверждать, что следующий этап распространения, если он наберет инерцию, не просто повлечет рост угрозы применения ядерного оружия, но, в силу слияния многочисленных факторов риска, сделает использование ЯО в обозримой перспективе государствами или экстремистами практически неизбежным.

Мир, свободный от ядерного оружия, а значит и от ядерного сдерживания – это, в лучшем случае, дело далекого будущего. Но для достижения этой цели, которая делает осмысленным процесс ограничения и сокращения ядерного оружия, а также усилия по противодействию его распространения, необходима упорная работа уже сейчас, несмотря

на циклы ухудшения или улучшения отношений России и стран Запада. Некоторые наиболее значимые на наш взгляд предпосылки, направления и возможные способы решения задач этой огромной работы мы представляем в предлагаемой вашему вниманию книге.

Академик РАН А.А. Дынкин – академик-секретарь Отделения глобальных проблем и международных отношений РАН, директор ИМЭМО РАН

ВВЕДЕНИЕ

Предлагавшийся Михаилом Горбачевым в середине 80-х годов сжатый по срокам поэтапный план перехода к безъядерному миру не состоялся и не имел шансов на успех, потому что чрезвычайно опередил свое время. После этого, фактически, более чем на двадцать лет, наполненных сложными и часто опасными поворотами в мировых делах, эти предложения оказались забытыми.

Ренессанс идеи ядерного разоружения, начался со знаменитой статьи четырех известных американских политиков¹. В России такая перспектива получила поддержку в статье четырех именитых авторов – Е.Примакова, И. Иванова, Е. Велихова и М. Моисеева. Они сделали акцент на ключевом аспекте, что «мир без ядерного оружия – это отнюдь не нынешний мир минус ядерное оружие. ... Поэтому реализация идеи ядерного разоружения, которая должна оставаться стратегической целью, возможна лишь в контексте глубокой реорганизации всей международной системы»².

Крайне важно, что по этой идее было достигнуто согласие между президентами России и США. В Совместном заявлении Дмитрия Медведева и Барака Обамы в ходе саммита в Лондоне (1 апреля 2009 г.) было заявлено о приверженности двух стран «цели достижения мира, свободного от ядерного оружия»³.

Авторы совместного проекта ИМЭМО РАН и фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» считают, что первоочередной задачей на этом пути должен стать отход от опоры на ядерное сдерживание как основы обеспечения безопасности. Несмотря на то, что холодная война, а вместе с ней и ядерное противостояние закончились более 20 лет назад, ядерное сдерживание занимает прочное место в документах по национальной безопасности стран-обладательниц ядерного оружия и их военно-политических объединений, а также определяет их развернутые ядерные силы и программы вооружений.

Тем не менее, очевидно, что ядерное сдерживание становится все большим анахронизмом в свете появления новых общих вызовов и угроз, требующих сотрудничества великих держав в обеспечении международной безопасности.

Ядерное сдерживание и заключенная в нем имманентная угроза ядерной войны могут быть полностью устранены только путем окончательного ядерного разоружения. Однако это дело далекого будущего, человечеству предстоит жить с ядерным оружием много десятилетий. Между тем уже в ближайшее время можно наметить целый ряд мер и начать действовать в направлении значительного уменьшения опоры на ядерное сдерживание, его глубокой трансформации и снижения вероятности ядерной войны к абсолютному минимуму.

В предлагаемой книге, представляющей основные итоги упомянутого проекта под общим титулом «Россия и глубокое ядерное разоружение» предлагается широкий комплекс мер в этой сфере. Кроме того в проекте, выполнявшемся на протяжении 2010-2011 годов, подробно анализируются проблемы стратегической стабильности, современных ядерных доктрин государств, взаимосвязи ядерного разоружения и нераспространения, неядерных факторов ядерного разоружения, а также отношений России и НАТО. По всем исследуемым проблемам авторы проекта делают практически

¹ См.: Shultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. A World Free of Nuclear Weapons // The Wall Street Journal. January 4. 2007.

² Примаков Е, Иванов И., Велихов Е., Моисеев М. От ядерного сдерживания к общей безопасности // Известия. 15.10.2010.

³ Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А.Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б.Обамы. Лондон, 1 апреля 2009 г.

(<http://www.president.kremlin.ru/text/docs/2009/04/214587.shtml>)

значимые выводы, которые должны способствовать дальнейшему продвижению процесса сокращения и ограничения вооружений, укреплению режима нераспространения и международной безопасности.

Многие из вопросов, подробно рассмотренных в рамках проекта, не получили широкого осмысления и анализа в других известных российских и западных работах.

Будущее процесса контроля над вооружениями и приближения к миру без ядерного оружия не видится простым и беспроблемным. К этим темам, в своих разработках и обсуждениях, авторы проекта возвращались не раз. Даже делается попытка представить пути обеспечения мира и стабильности при минимальных ядерных арсеналах и в условиях безъядерного мира. Об этом читатель сможет прочесть на страницах предлагаемой книги.

Несмотря на имеющиеся трудности, проделанная за последние сорок лет работа по сокращению и ограничению вооружений, возрождение стремления к безъядерному и стабильному миру, заставляет надеяться на лучшее. Эта надежда не оставляла авторов проекта и служила им подспорьем в анализе и формулировании предложений, рассчитанных как на близкое будущее, так и на далекую перспективу.

Академик РАН А.Г. Арбатов, руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН; профессор В.З. Дворкин, главный научный сотрудник ИМЭМО РАН, генерал-майор в отставке; С.К. Ознобищев, заведующий сектором ИМЭМО РАН, профессор МГИМО (У) МИД РФ.

I. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ ПОСЛЕ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

1. СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ В ГОДЫ ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ

После достаточно длительного употребления термина «стратегическая стабильность», в который СССР и США вкладывали разный смысл, в июне 1990 г в Совместном Заявлении двух государств появилось в самом общем виде первое согласованное определение⁴. Оно практически заменило прежний, аморфный и ни к чему не обязывающий принцип «равенства и одинаковой безопасности».

Стратегическая стабильность, говорилось в Заявлении 1990 г., это такое соотношение стратегических сил США и СССР (или состояние стратегических отношений двух держав), при котором отсутствуют стимулы для нанесения первого удара.

Декларировалось, что будущие договоренности должны обеспечивать стратегическую стабильность путем стабилизирующих сокращений СНВ и посредством воплощения соответствующей взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями. В качестве принципов стабилизирующих сокращений были названы уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях и оказание предпочтения системам вооружений, обладающим повышенной выживаемостью.

Поскольку провозглашалась цель устранения стимулов к первому удару, требовалось уточнить, какими стратегическими задачами может руководствоваться государство при нанесении первого удара. Теоретически преследуемые цели такого удара могут быть различными: демонстрация решительности, изменение ядерного баланса сил в свою пользу, дезорганизация боевых действий обычных вооруженных сил, уничтожение военного и промышленного потенциалов в целом или только отдельных отраслей промышленности.

Вместо этого, взаимоприемлемым стало пониманием, что возможной целью первого удара является предотвращение или существенное ослабление ответного удара противника, то есть в оперативные планы первого удара входит максимальное поражение стратегических сил другой стороны, включая ее системы боевого управления и связи.

Эти самые общие принципы представляли собой значительный шаг вперед во взаимопонимании двух стран по проблемам сущности их стратегических взаимоотношений. Однако для практической реализации сформулированных положений этого недостаточно, необходима их формализация, перевод в плоскость обоснованных и наглядных количественных соотношений.

Решению этих задач посвящено значительное количество исследований советских (российских) и американских специалистов, библиография которых весьма внушительна. При этом для представления стратегической стабильности (точнее, ее уровня) в конкретных числовых показателях и коэффициентах используются специальные математические модели и алгоритмы. Созданные на их основе компьютерные программы моделируют гипотетический обмен ядерными ударами при различных вариантах его нанесения.

Подобные модели стратегической стабильности вряд ли можно назвать универсальным инструментом, с помощью которого можно найти ответ на вопрос о том, как и каким образом стороны должны действовать в области военного строительства и

---

⁴ См.: Сергеев И. Без первого удара // Российская газета. 13.11.2001.

ограничения вооружений при максимальном соблюдении обоюдных интересов безопасности. Слишком много факторов, не укладывающихся в математические формулы, оказывают серьезное влияние на эти процессы.

Тем не менее на основе таких моделей рассчитывались варианты развития событий в области ограничения и сокращения СНВ СССР и США на перспективу, а также оценивался уровень стабильности, имевшей место в 60-е, 70-е и 80-е годы XX в. Результаты показали, что во второй половине 60-х годов имело место возрастание стабильности, обусловленное выравниванием количественных параметров соотношения сил сторон, увеличением их живучести, улучшением систем предупреждения, управления и связи. Пик стабильности пришелся на начало 70-х годов, что совпало с первыми договорами об ограничении стратегических оборонительных и наступательных вооружений. Но после того как Соединенные Штаты, а вслед за ними СССР приступили к развертыванию стратегических баллистических ракет с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН), уровень стабильности стал снижаться.

Среди советских (российских) специалистов распространилось определение стратегической стабильности в широком и узком смыслах.

В широком смысле стратегическая стабильность рассматривалась как результирующая политических, экономических, военных и других мер, проводимых противостоящими государствами (коалициями), вследствие которой ни одна из сторон не имеет возможностей для осуществления военной агрессии.

В узком смысле под стратегической стабильностью понималось состояние стратегических группировок вооруженных сил и военных отношений между государствами (коалициями), характеризующееся примерно равными военными потенциалами, отсутствием попыток одной из сторон изменить военный баланс сил и добиться (реализуемого путем военных операций) превосходства над другой стороной на достаточно продолжительный период времени.

Американские эксперты выделяли в стратегической стабильности два понятия – кризисная стабильность и стабильность гонки вооружений. В первом случае подразумевалось, что ситуация является стабильной, когда даже в кризисной ситуации у каждой из противостоящих сторон отсутствуют серьезные возможности и стимулы для нанесения первого ядерного удара. Во втором случае стабильность оценивалась по наличию стимулов для резкого наращивания своего стратегического потенциала.

Механизм действия кризисной стабильности, согласно теории, заключался в следующем. Если стратегические силы противостоящих сторон обладают достаточно высоким контрсилowym потенциалом (т.е. способны уничтожить высокозащищенные стационарные и мобильные объекты, обладая достаточной мощностью боезарядов и высокой точностью), являясь при этом уязвимыми для контрсилowego удара противника и, более того, привлекательными для нанесения по ним первого удара (когда вероятный противник может использовать сравнительно небольшую часть своих средств, уничтожив значительное количество наступательных систем оппонента), стратегическая («кризисная») стабильность считалась нарушенной.

Это связано с тем, что в условиях серьезного кризиса каждая из сторон получит важный стимул для нанесения первого удара, находясь перед выбором: или уничтожить наступательные вооружения противника, получив серьезное преимущество, или же потерять свои уязвимые системы стратегического оружия.

Ситуация может быть нестабильной и в том случае, когда только одна из сторон обладает уязвимыми средствами. Даже если последняя и не будет иметь надежды серьезно ослабить врага при нанесении по нему первого удара, она будет находиться перед тем же выбором «использовать или потерять» свои вооружения. Противоположная сторона, зная об этом, в свою очередь получит стимул для нанесения упреждающего удара по противнику с целью предотвратить такой «удар отчаяния», а первая сторона также будет понимать, что ее

противник, в силу названных обстоятельств, получает стимул к упреждающему удару и т.д. Перерастание кризиса в войну или же переход (эскалация) обычного конфликта в ядерный, а ограниченного в глобальный считались наиболее вероятными, во всяком случае в том отношении, в каком это зависело от состояния военного баланса.

Для того чтобы избежать подобной ситуации, стороны должны следить за действиями своего оппонента в области развертывания новых систем оружия с тем, чтобы путем принятия ответных мер не позволить ему получить военное преимущество и нарушить «кризисную стабильность». Тем самым нарушается «стабильность гонки вооружений» и стороны вовлекаются в очередной цикл военно-технического соревнования.

Необходимо учитывать, что стратегические наступательные вооружения – это хоть и значительная, но только часть вооружений ядерных государств. В той мере, в которой СНВ способны решить региональные или глобальные стратегические задачи вооруженных сил, они и определяют стратегическую стабильность. В той мере, в которой СНВ зависят от обычных вооружений или государство планирует использовать такие средства для поражения СНВ – в оценке стратегической стабильности необходимо учитывать роль обычных вооружений.

Одно из конструктивных определений стратегической стабильности (применительно к стратегическим вооружениям), позволяющее перейти к ее анализу как к характеристике сложной системы, состоит в том, что стратегическая стабильность есть устойчивость стратегического ядерного равновесия, которое сохраняется в течение длительного периода времени, несмотря на влияние дестабилизирующих факторов.

В свою очередь стратегическое ядерное равновесие обеспечивается при примерном равенстве ядерных вооружений сторон по совокупности количественных (боевой состав, суммарное число боезарядов и т.д.) и качественных (боевые возможности в различных видах ударов) показателей, что означает примерное равенство контрсилловых потенциалов, потенциалов ответно-встречных действий и потенциалов сдерживания.

Обычная мера контрсиллового потенциала – число поражаемых объектов СНВ, включая не только высокозащищенные малоразмерные объекты типа шахтовой пусковой установки (ШПУ) и командного пункта (КП), но и мобильные объекты, поражение которых в меньшей степени зависит от точности попадания, а определяется возможностью средств разведки, гибкостью боевого управления и оперативностью переприцеливания. Это не исключает задачу одновременного поражения и других объектов инфраструктуры, административно-промышленных центров. Но главное – поражение ударных средств противника.

Потенциал ответно-встречных действий определяется способностью вывести боевые средства из-под удара до начала воздействия по ним боевых блоков нападающей стороны. Он зависит от эффективности систем предупреждения, оперативности передачи информации и принятия решения и от технической готовности оружия к боевому применению. В качестве меры этого потенциала рассматривается количество боевых блоков, выведенных из под удара, а также их боевые возможности по поражению объектов различного типа.

Потенциал гарантированного сдерживания или, по-другому, эффективность ответного удара определяется количеством выживших боевых средств СНВ и их боевыми возможностями с учетом характеристик систем боевого управления.

Каждая составляющая играет самостоятельную роль в решении задачи сдерживания от нападения:

- контрсилловой потенциал одной стороны стимулирует повышение живучести средств СНВ другой, однако он не должен быть избыточным, если обе стороны стремятся к стабильности;

- способность вывести достаточное количество своих средств из-под удара является эффективным фактором сдерживания, поскольку лишает смысла нанесения контрсилового удара;
- потенциал ответного удара является последним фактором сдерживания от нападения и рассматривается как основной.

Баланс по всем трем составляющим ядерного равновесия, поддерживаемый в течение достаточно длительного периода времени при влиянии возможных дестабилизирующих факторов, и определяет, по существу, условия сохранения устойчивой стратегической стабильности.

Такой баланс необходим не только для надежной гарантии безопасности, но и, что не менее важно, для долгосрочного сдерживания от возврата к конфронтации и гонке вооружений.

Таким образом, стратегическая стабильность включает в себя два слагаемых. Первое – это способность к ядерному сдерживанию глобальной войны за счет поддержания стратегического ядерного равновесия оппонентов, т. е. способности стратегических ядерных сил гарантированно нанести агрессору неприемлемый ущерб в ответных действиях. Второе – иметь такую группировку СЯС, планы и возможности по ее развитию, которые наглядно демонстрируют бесплодность попыток достижения односторонних преимуществ, т. е. бесперспективность гонки вооружений.

Это достигается в случае поддержания примерного общего ядерного паритета оппонентов по количественному составу группировок, их боевым возможностям, а также наличием научной и производственной базы, способной обеспечить адекватный ответ на возможные вызовы в области СНВ.

В качестве критерия сдерживания противника длительное время использовалась угроза причинения ему «неприемлемого ущерба» уничтожением городов и промышленных центров, составляющих основу военного и экономического потенциала.

Однако самый значительный недостаток такого подхода – неопределенность категории «неприемлемого ущерба». Его величина зависит от исторических, экономических, социальных, психологических и других факторов, различных для всех государств. Известные на этот счет критерии А. Сахарова и Р. Макнамары (400–500 боезарядов мегатонного класса) и европейских аналитиков (полагавших достаточным для сдерживания несколько единиц боезарядов) носили сугубо теоретический характер, а результаты обширных исследований в этой области нельзя признать успешными.

Дискуссия с целью определения согласованной величины неприемлемого ущерба, как показывает опыт, в практическом отношении бесплодна. Именно по этой причине в качестве критерия сдерживания было более целесообразно принимать примерный баланс потенциалов ответного удара.

Такие взгляды на стратегическую стабильность сложились в США, а затем в СССР к концу 80-х годов и были на практике в той или иной мере воплощены в Договор СНВ-1, а в 90-е годы в Договор СНВ-2 и рамочное соглашение по Договору СНВ-3.

2. ФАКТОРЫ СТАБИЛЬНОСТИ

На стратегическую стабильность как в период холодной войны, так и до настоящего времени, оказывают комплексное влияние политические, оперативно-стратегические, военно-экономические и военно-технические факторы.

В контексте сохраняющегося взаимного ядерного сдерживания России и США можно рассматривать влияние на стратегическую стабильность следующих основных факторов:

- степень выживаемости СНВ;
- системы противоракетной обороны;
- ядерные вооружения третьих стран;
- высокоточное оружие с неядерным оснащением;
- космическое оружие;
- противолодочная оборона.

Выживаемость СНВ. Как уже отмечено выше, на состояние стратегической стабильности, первоочередное влияние оказывают характеристики структуры ядерной триады и параметры вооружений в этих структурах.

В СССР до середины 80-х годов основной вклад в ядерный баланс с США вносили стационарные ракетные комплексы с РГЧ ИН, которые вследствие высокой инженерной защищенности сохраняли достаточно высокий потенциал ответного удара. В то же время в США их считали дестабилизирующей системой оружия из-за высокого контрсилового потенциала и пониженной живучести. Из-за высокой концентрации головных частей (ГЧ) на таких межконтинентальных баллистических ракетах (МБР) одним или двумя боезарядами поражается до 10 боеголовок. Опасность потерять эти ракеты подталкивает к ответно-встречному или даже к упреждающему удару, что резко дестабилизирует обстановку.

Стационарные МБР с моноблочными головными частями считались значительно менее дестабилизирующей системой вооружения, которая (будучи уязвимой) может использоваться в ответно-встречном ударе, однако представляет собой относительно низкую ценность для нападающей стороны при нанесении разоружающего удара.

Наиболее стабилизирующими системами вооружения традиционно считались мобильные МБР и подводные ракетноносцы с баллистическими ракетами подводных лодок (БРПЛ), поскольку они должны вносить основной вклад в эффективность ответного удара, то есть в потенциал ядерного сдерживания, и до определенного времени не играли большой роли в разоружающем ударе.

Правда, до заключения Договора СНВ-1 США рассматривали трудности контроля мобильных МБР как их негативное свойство, предоставляющее возможность скрытного наращивания ракет, развертывания пусковых установок в выработках горных массивов и т.п. Именно поэтому были введены дополнительные правила засчета, инспекции и уведомления в отношении мобильных МБР.

Что касается атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ), то с середины 80-х годов повышенная точность БРПЛ Трайдент-2 с мощными боезарядами типа W-88 стала представлять собой значительную угрозу для стационарных и мобильных МБР СССР/России, что придало этой системе существенный дестабилизирующий характер. И только решение США развернуть не более 400 боезарядов типа W-88 позволило снизить дестабилизирующий эффект этих БРПЛ. В будущем, в ходе глубокого сокращения российских стационарных и мобильных МБР, этот эффект может вновь возрасти.

Среди экспертов периодически обсуждается дестабилизирующая роль подводных ракетноносцев и тяжелых бомбардировщиков (ТБ) при нахождении их в ограниченном количестве пунктов базирования в мирное время из-за высокой концентрации боезарядов и привлекательности таких целей для разоружающего удара. Однако, поскольку в угрожаемый период, без которого в реалистических сценариях конфликтов военные действия с применением любого вида оружия вряд ли могут быть начаты, ПЛАРБ выходят в зоны патрулирования, ТБ рассредоточиваются на значительном количестве запасных аэродромов и готовы к взлету, постольку этот дестабилизирующий фактор можно не рассматривать в качестве значимого.

Системы ПРО. Подобные система способны подорвать стратегическую стабильность в том случае, если они защищают территорию страны от массированного ядерного удара, перехватывая значительную часть атакующих ракет и боезарядов. Если ПРО защищает только базы МБР, ПЛАРБ, стратегической авиации, пункты высших звеньев боевого управления, то она способствует поддержанию стратегической стабильности. Именно этим руководствовались СССР и США при заключении Договора по ПРО 1972 г. и Протокола к нему 1974 г.

Вместе с тем по мере технологического совершенствования информационных и огневых средств ПРО их возможности расширились настолько, что, например, два района ПРО стратегических противоракет GBI на Аляске и в Калифорнии прикрывают по существу всю территорию США от одиночных пусков ракет, т. е. такая ПРО уже стала территориальной. Но пока она только теоретически противоречит мерам по укреплению стратегической стабильности, так как 30 противоракет GBI никаким образом не влияют на потенциал ядерного сдерживания, имеющийся у России. То же относилось к планировавшемуся прежней администрацией США третьему району ПРО в Польше и Чехии.

Однако подобные решение были дестабилизирующими в политическом смысле, поскольку противоречили соглашениям между США и РФ о стратегическом партнерстве, совместном развитии ПРО, а также создавали значительную долгосрочную неопределенность для России.

Реально дестабилизирующей система ПРО может стать в случае массированного наращивания наземных, морских, воздушных и космических рубежей перехвата ракет и боезарядов на всех участках траектории их полета. (Более подробные оценки влияния ПРО на потенциал сдерживания России будут изложены ниже.)

Ядерные вооружения третьих стран. Великобритания и Франция как в период холодной войны в СССР, так и теперь в России рассматриваются в качестве возможного дополнения, прежде всего, контрсилового потенциала СНВ США при совместном планировании разоружающего удара по российской (советской) ядерной триаде. Оценка опасности совместного применения ядерных сил НАТО может возрастать в условиях глубоких сокращений СНВ США и России. К тому же руководство Великобритании и Франции не ставит развитие собственных ядерных сил в зависимость от хода современного переговорного процесса разоружения РФ и США, хотя заметно ограничивает состав своих сил.

При этом, как считается в России, целями для разоружающего удара со стороны ядерных сил этих государств могут быть, прежде всего, площади патрулирования мобильных МБР, базы ПЛАРБ и стратегической авиации. Тем не менее, хотя ядерные силы Великобритании и Франции систематически рассматривались как дестабилизирующий фактор в ядерном балансе, они не оказывали заметного влияния на

программы развития СЯС СССР и России и не влияли на договоры по сокращению СНВ и ликвидации ракет средней и малой дальности (РСМД)⁵.

В 90-е годы Великобритания и Франция предприняли односторонние добровольные шаги по сокращению своих ядерных арсеналов. Эти меры целиком касались нестратегических вооружений – авиабомб и глубинных бомб Великобритании и баллистических ракет наземного базирования средней дальности и оперативно-тактического класса Франции. В результате Великобритания располагает четырьмя стратегическими подводными лодками, вооруженными закупленными у США ракетами «Трайидент-2»⁶. По утверждениям британского правительства, количество боезарядов на них сокращено примерно до 160, что почти в 4 раза ниже максимальной загрузки. Франция, помимо четырех подводных лодок, сохранила небольшой авиационный компонент. Она остается единственной ядерной державой, обладающей ядерными носителями на авианосце «Шарль де Голль».

Таким образом, после окончания холодной войны европейские ядерные державы практически полностью отказались от тех элементов своего ядерного потенциала, который теоретически мог быть использован в военном конфликте в Европе. Это еще более уменьшило вероятность выполнения ими функции усиления американского ядерного потенциала в ходе подобного конфликта.

В Великобритании ведутся дебаты относительно возможного ограничения будущего состава стратегического подводного флота тремя лодками. Что касается Франции, то в случае очередной волны сокращения ядерных арсеналов России и США, ей будет сложно уклониться от принятия на себя дополнительных односторонних мер в области ядерного разоружения. Отказ от авиационного компонента был бы здесь естественным шагом, укрепляющим стабильность.

Китай, в отличие от Франции и Великобритании, насколько известно, не осуществлял односторонних мер по ядерному разоружению. Однако после окончания холодной войны модернизация его ядерных сил носила качественный характер и не сопровождалась значительным количественным наращиванием. Вместе с тем с учетом роста экономической мощи и военного бюджета Китая, его военно-технических успехов, в случае принятия политического решения, уже в текущем десятилетии китайский арсенал может возрасти на сотни боезарядов.

Тактическое ядерное оружие (ТЯО) во времена холодной войны рассматривалось в СССР в качестве дополнения к СНВ США, развернутого на передовых базах в Европе и Азии, на кораблях и подводных лодках американских ВМС. Тем не менее, поскольку ТЯО главным образом фигурировало в сценариях эскалации обычной войны на театрах военных действий, СССР и США никогда не могли достичь согласия относительно его роли в стратегической стабильности. С точки зрения СССР оно было дестабилизирующим средством первого ядерного удара США, а для НАТО – противовесом превосходству СССР и ОВД по вооруженным силам общего назначения.

После окончания холодной войны, распада ОВД и СССР и резкого ослабления российских СОН в ходе затяжного кризиса экономики и военной реформы, стороны поменялись местами. Россия стала рассматривать ТЯО как стабилизирующий элемент военного баланса на театре, компенсирующий относительное превосходство СОН НАТО в ходе расширения альянса на восток. Одновременно в порядке параллельных односторонних инициатив США и СССР/Россия значительно (более чем на порядок)

---

⁵ Одним серьезным исключением были усилия СССР учитывать ядерные потенциалы Великобритании и Франции для предоставления СССР преимущества по количеству ПЛАРБ в СНВ-1.

⁶ Боезаряды на них – британского производства и не располагают контрсиловым потенциалом, аналогичным боезарядам W-88, которыми вооружена часть ракет «Трайидент-2», состоящих на вооружении ВМС США.

сократили свои средства ТЯО. Также, в отличие от периода холодной войны, ныне США и их союзники все более настойчиво ставят вопрос ограничения и ликвидации ТЯО.

Высокоточное оружие дальнего действия с неядерным оснащением. Это оружие появилось в конце 70-х годов в виде крылатых ракет морского базирования (КРМБ) для ударов по берегу с кораблей и подводных лодок США. Однако в период холодной войны эти средства не рассматривались в СССР в качестве отдельной угрозы. Они были предметом разногласий сторон на переговорах по СНВ только из-за невозможности отличить с помощью национальных технических средств контроля (НТСК) ядерные от неядерных КРМБ.

С конца 90-х годов массированное развертывание ВТО Соединенными Штатами и их эффективное применение в локальных войнах 1999, 2001 и 2003 гг. стали расцениваться рядом экспертов как серьезный дестабилизирующий фактор. По их мнению, потенциально эти средства могут обладать контрсилowym потенциалом, сопоставимым по эффективности с ядерным разоружающим ударом. В новой Военной доктрине РФ 2010 г. угрозе нападения с применением ВТО придается приоритетное значение, как и обеспечению противовоздушной обороны (ПВО) важнейших объектов Российской Федерации и готовности к отражению ударов средств воздушно-космического нападения⁷.

Действительно, возможности высокоточного оружия и дальность поражения вместе с космическими и авиационными средствами разведки, навигации и наведения на цели постоянно совершенствуются, о чем свидетельствуют две войны в Заливе, а также в Югославии и Афганистане за последние 20 лет. Однако по отношению к оценке роли высокоточного оружия как дестабилизирующего фактора в ядерном балансе Россия – США его потенциальные способности необходимо сопоставлять с реальными сценариями военных действий.

Во-первых, широкомасштабные военные действия с применением неядерных средств поражения требуют достаточно длительной подготовки, включающей массированные переброски войск, перебазирование авиации, корабельного состава и развертывание. Для этого необходимо (по опыту даже намного менее крупных операций, чем гипотетическая подготовка войны с Россией) несколько месяцев, что скрыть абсолютно невозможно. В такой обстановке Вооруженные силы России, включая ядерную триаду, будут приведены в полную боевую готовность с максимальным рассредоточением и маскировкой. Поэтому поразить высокоточным оружием можно будет главным образом только часть стационарных объектов типа ШПУ и КП, прикрытых от авиационных ударов территориальными и объектовыми средствами ПВО. Основная часть мобильной группировки МБР, самоходные пусковые установки которой патрулируют на значительной площади и хорошо замаскированы от оптических и радиолокационных средств разведки, а также подводные ракетоносцы в морских и океанских районах патрулирования, сохранят значительный потенциал ядерного сдерживания после разоружающего удара не только обычных, но и ядерных средств поражения.

Во-вторых, одномоментное поражение даже разведанных стационарных целей высокоточным оружием морского и авиационного базирования невозможно из-за чрезвычайно сложного планирования подобного удара по очевидным причинам, связанным с огромной территорией России и прогнозируемым расположением носителей высокоточного оружия. Таким образом, разоружающий удар по ядерным силам России с применением высокоточных неядерных средств поражения связан с достаточно продолжительными военными действиями, при которых, несмотря на значительное превосходство сил общего назначения США и государств НАТО, этим силам будет оказано активное противодействие. Необходимо также представлять, что в такой войне

---

⁷ См.: Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 г.

удары будут наноситься не только по ядерным силам России, но и по всей совокупности военных и промышленных объектов воюющих сторон.

Наконец, насколько известно, в СССР и России всегда рассматривались все возможные сценарии военных действий с применением неядерных средств поражения, при которых оценивались допустимые потери ядерной триады, после превышения которых считалось необходимым применять ответные меры с использованием ядерного оружия. По существу такие установки определены и в военных доктринах России 2000 и 2010 гг.

Все это позволяет утверждать, что планирование подобных военных действий со стороны США и НАТО против России даже с чисто военной точки зрения – полная бессмысленность, не говоря уже о политическом и экономическом аспектах. Поэтому по отношению к официальным членам «ядерного клуба» сценарии широкомасштабных разоружающих ударов высокоточным неядерным оружием можно рассматривать в основном в качестве теоретических изысканий.

Космическое оружие. Оно представляет собой боевые космические системы, развернутые в космосе, на земле, в воздухе и на море для поражения объектов в космосе и из космоса. В период холодной войны такие вооружения были развернуты в СССР и США в ограниченном масштабе (противоспутниковые системы) и не играли сколько-нибудь значительной роли в стратегическом балансе.

В будущем космическое оружие при определенных обстоятельствах может получить широкое развитие в качестве противоспутниковых средств разнообразного базирования и орбитальных систем ПРО. При таком сценарии оно способно играть не только роль дестабилизирующего фактора в уравнении ядерного баланса, но оказывать значительное влияние на вертикальное и горизонтальное ядерное распространение.

Максимальными потенциальными возможностями развертывания космического оружия в обозримой перспективе обладают США. Если решение об этом будет принято, то главной возможностью для России парировать подавляющее превосходство США в космосе как сфере военной деятельности может стать наращивание ядерного оружия (помимо развития противоспутниковых систем). Ответная реакция США путем повышения своего потенциала СНВ и ПРО приведет к неизбежному нарушению, как минимум, стратегической «стабильности гонки вооружений», а возможно, и «кризисной стабильности».

Противолодочная оборона. ПЛО во время холодной войны и до настоящего времени рассматривалась в СССР и России как дестабилизирующий фактор. В США и Советском Союзе одновременно с появлением первых ПЛАРБ приступили к совершенствованию сил борьбы с ними, равно как и сил обеспечения боевой устойчивости ПЛАРБ в море. В 70-е годы прошлого столетия в США была создана глобальная система гидроакустического обнаружения подводных лодок SOSUS, обладающая достаточно высокой эффективностью в борьбе с подводными лодками. Антенны SOSUS были развернуты вдоль западного и восточного побережий США, на противолодочных рубежах мыс Нордкап – о. Медвежий, Гренландия – Исландия – Фарерские острова – Великобритания, а также в Тихом океане.

В дополнение к этому США осуществляли систематическое наблюдение за ПЛАРБ в прибрежных зонах СССР. Отрицательным моментом была и более высокая, по сравнению с американскими, шумность советских/российских подводных лодок.

В конце 70-х – начале 80-х годов на вооружение ВМФ СССР поступили ракетные подводные лодки проектов 667Б, 667БД, 667БДР, а затем 941 «Гайфун» и 667БДРМ, оснащенные ракетами межконтинентальной дальности. Советским ПЛАРБ уже не нужно было преодолевать противолодочные рубежи для выхода в районы боевого патрулирования. Основным способом противолодочной деятельности США стало скрытное наблюдение за советскими ПЛАРБ в прибрежных зонах. Противодействие силам противолодочной обороны США должны были оказывать советские силы

обеспечения боевой устойчивости, включающие надводные и подводные корабли, противолодочную авиацию, гидроакустическая система освещения подводной обстановки.

Тем не менее результаты моделирования боевых ситуаций в начале 90-х годов, выполненные западными экспертами, показывали, что в ходе противолодочных операций начального периода войны может быть уничтожено до 30–40% российских стратегических подводных лодок.

Таким образом, противолодочная оборона с позиции России продолжает оставаться одним из значимых факторов дестабилизации военно-стратегического равновесия. Позитивным шагом США, способствующим снижению озабоченности России, стало свертывание программы Sea Wolf – строительства перспективного класса многоцелевой атомной подводной лодки на смену подводным лодкам типа Los Angeles – основному средству скрытого наблюдения за российскими ПЛАРБ. Однако, необходимо отметить, что американская сторона до настоящего времени не считала возможным в каком-либо виде ограничить масштабы и районы своей противолодочной деятельности.

Итак, в порядке приоритетности следующие факторы признавались определяющими степень стратегической стабильности в годы холодной войны и (по инерции) в первый период после ее окончания в начале 90-х годов:

- степень выживаемости СНВ и способность нанести ответным ударом недопустимый ущерб при любых условиях начала войны;
- объем контрсилового потенциала СНВ, как обратная величина по отношению к выживаемости СНВ другой стороны;
- ограничение систем ПРО территории и эффективность средств ее преодоления у обеих сторон как гарантия нанесения ответного удара;
- примерное равенство сторон по числу боезарядов и носителей СНВ.

Следующие три критерия фигурировали главным образом в подходах СССР, но не принимались Соединенными Штатами и не были воплощены в положениях договоров по СНВ:

- роль и вклад третьих стран в стратегическую стабильность;
- влияние сил общего назначения и средств двойного назначения передового базирования США в качестве носителей оперативно-тактических ядерных вооружений;
- противолодочной обороны (ПЛО) НАТО в Атлантике и американо-японских ВМС на Тихом океане.

3. ДЕСТАБИЛИЗИРУЮЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ В НОВЫХ УСЛОВИЯХ

В конце прошлого и начале нового века, как уже отмечено выше, представления о стратегической стабильности значительно расширились за счет новых угроз и дестабилизирующих факторов. В известной мере такое расширение лишает это понятие ясного и четкого содержания и затрудняет согласование его понимания разными державами. В то же время было бы неправильно и нереалистично консервировать прежнее понимание стратегической стабильности, относящееся к периоду холодной войны, как и тесно связанных со стратегической стабильностью принципов взаимного ядерного сдерживания.

Ранее можно было сказать, перефразируя слова У. Черчилля, что ядерное сдерживание было самым плохим средством избежать новой мировой войны, кроме всех остальных. Теперь противоречивость этого тезиса становится настолько очевидной, что

заставляет существенно пересматривать и переоценивать роль ядерного сдерживания в обеспечении безопасности великих держав и мирового сообщества в целом.

Причины этого заключаются, во-первых, в несоответствии ядерного сдерживания реальным вызовам и угрозам, возникшим после холодной войны. Сдерживание остается эффективным по отношению к наименее вероятным и надуманным угрозам, среди которых ядерное или широкомасштабное нападение с использованием обычных вооружений великих держав и их союзов друг на друга. Но оно совершенно бесполезно против новых, реальных угроз безопасности, таких как распространение ядерного оружия, международный терроризм, этнические и религиозные конфликты и их последствия, распространение наркотиков, трансграничная преступность, нелегальная иммиграция и т.д.

Во-вторых, сохраняющиеся принципы ядерного сдерживания, и прежде всего взаимного ядерного сдерживания между Россией и США, в большей степени ограничивают возможности великих держав к глубокому сотрудничеству в консолидированном противодействии новым вызовам и угрозам. В первую очередь это проявляется в возникших серьезных противоречиях вокруг планов развертывания ПРО США, НАТО и Японии для защиты от ядерного и ракетного оружия «стран-изгоев», которое воспринимается Россией (и КНР) как угроза ее потенциалу ядерного сдерживания. Достаточно наглядно это несоответствие взаимного сдерживания и императива сотрудничества проявляется в трудностях осуществления взаимных обязательств России и США по созданию совместного Центра обмена данными о ракетных пусках (ЦОД) и, особенно, по совместному развитию систем ПРО ТВД России–НАТО и глобальной ПРО России–США.

Ядерное противостояние, пусть и отодвинутое на задний план текущей политики, не способствует сотрудничеству разведывательных сообществ и вооруженных сил при проведении специальных операций против террористов как, например, в рамках «Инициативы по безопасности в борьбе с распространением ОМУ», в операциях «Активные усилия» и др.

В-третьих, сохраняя состояние ядерного сдерживания, ядерные государства растрачивают значительные материальные, интеллектуальные и технологические ресурсы, которые могли бы с большей эффективностью использоваться для сотрудничества в обеспечении глобальной и региональной безопасности.

В-четвертых, распространение ядерного оружия и его носителей в мире не влечет автоматического воссоздания взаимного ядерного сдерживания и стратегической стабильности на региональном уровне. Можно со всей определенностью утверждать, что отработанный за десятилетия механизм сохранения стратегической стабильности в рамках взаимного ядерного сдерживания, включая системы предотвращения несанкционированного применения, в значительной части отсутствует на региональном уровне во взаимоотношениях между новыми ядерными государствами.

Стабильность будет окончательно разрушена в случае дальнейшего распространения ядерного оружия и неизбежного получения доступа к нему международным терроризмом. Это полностью упразднит все механизмы ядерного сдерживания как средства обеспечения национальной и международной безопасности.

Таким образом, сохранение и далее в качестве важнейшей основы безопасности системы ядерного сдерживания (которая за годы глобальной конфронтации обрела существенные стабилизирующие компоненты и, за неимением лучшего, служила предотвращению третьей мировой войны), с учетом новых угроз и процессов, неминуемо повлечет эрозию стратегической стабильности и нарастание вероятности боевого или террористического применения ядерного оружия с катастрофическими последствиями для современной цивилизации.

4. РОССИЙСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ ВОЕННОЙ ПОЛИТИКИ США

Изложенную выше новую философию роли ядерного сдерживания в обеспечении безопасности разделяют далеко не все в США, а в России она пока еще пользуется поддержкой явного меньшинства экспертов, политиков, военных и гражданских должностных лиц, прессы и общественного мнения. Сейчас в этих кругах ядерное сдерживание считается гораздо более важным фактором национальной безопасности, чем даже в худшие годы холодной войны. Характерно, что такую позицию занимают не только националисты, коммунисты и консерваторы, но и значительная часть либеральных, в том числе прозападных кругов.

Причины этого, прежде всего, в глубоком разочаровании российской общественности в результатах посткоммунистического внутреннего развития страны и опыте взаимоотношений с США и их союзниками в течение последних 20 лет. Особенно негативное влияние оказали следующие моменты:

- произвольное, вне рамок международного права, применение силы со стороны США и НАТО в 1999 г. в Югославии и в 2003 г. в Ираке;
- расширение НАТО, вопреки всем возражениям России, на страны Центральной и Восточной Европы, освобожденные горбачевским руководством СССР и ельцинской демократической Россией от коммунистического угнетения и военной оккупации;
- деградация в годы правления республиканской администрации системы договоров и переговоров по разоружению (договоры по ПРО, СНВ-2, СНВ-3, соглашения по ПРО ТВД от 1997 г., Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ) и пр.) и настойчивая линия США на упразднение разоружения в качестве средства укрепления безопасности;
- отсутствие внятных и обоснованных альтернатив взаимному ядерному сдерживанию как основы стратегических отношений ядерных держав, не являющихся военно-политическими союзниками;
- усиление доктринальных акцентов на ядерное сдерживание (включая его упреждающее и превентивное применение) при республиканской администрации в контексте общей публичной официальной ориентации на достижение превосходства США по новейшим вооружениям, в том числе по ПРО, ВТО, космическим системам оружия;
- открытое и даже вызывающее пренебрежение со стороны США озабоченностями России в вопросах региональной и глобальной безопасности;
- ощущение продолжающегося ослабления позиций России в глобальной и региональной системе военно-политических отношений с другими державами и союзами;
- деградация российских сил общего назначения, растущее отставание по новейшим военным технологиям и технологиям двойного назначения, кризис оборонной промышленности и многолетняя стагнация военной реформы России.

Последний фактор, безусловно, относится к ответственности самой России, но он воспринимается особенно остро на фоне перечисленных выше аспектов политики США и НАТО.

Смена администрации в результате победы Барака Обамы в 2008 г., ставшая важным поворотным моментом истории США, была для российских политических кругов и общественности далеко не достаточным фактором перемен, чтобы снять накопившиеся

разочарование, недоверие и враждебность в отношении США, переговоров и договоров с Вашингтоном.

Для изменения этого восприятия недостаточно речей и деклараций со стороны американского руководства. Только длительная и последовательная политика соглашений США и России, развитие их практического сотрудничества в сфере безопасности, снятие практическими мерами озабоченностей РФ могут постепенно вернуть доверие и надежду на устойчивое партнерство между двумя державами.

По сравнению с периодом холодной войны преобладающее в России восприятие стратегической стабильности претерпело определенные изменения. В той или иной мере они могут быть предметом согласования с США и состоят в следующем.

1. В самосознании новых правящих кругов значительно возросла политическая роль ядерного потенциала России, утратившей статус второй мировой сверхдержавы почти во всех иных сферах. При этом политические эффекты и символика заметно потеснили рациональную составляющую в качестве политики поддержания стратегической стабильности.

2. Как ни парадоксально, в то же время примерному равенству (паритету) с США по количественным характеристикам СНВ, если судить по негативному отношению к Договору СНВ-1 и новому Договору в некоторых кругах, придается теперь меньше значения.

3. Критерии достаточности потенциала ответного удара существенно понижены, но отнюдь не сводятся к поражению одного или нескольких городов гипотетического противника.

4. Несмотря на окончание холодной войны, возможность вооруженного конфликта с США и их союзниками не снята полностью с повестки дня (из-за таких поводов, как соперничество за господство над постсоветским пространством, борьба за источники энергосырья, контроль над стратегически важными коммуникациями и пр.), хотя и считается крайне мало вероятной.

5. Стали более явными попытки имитировать американские доктринальные положения (первый ядерный удар, избирательные, упреждающие, демонстративные, превентивные удары и пр.).

6. Системы ПРО территории более не считаются однозначно дестабилизирующими, как в 70–80-е годы. Россия может согласиться с развертыванием ПРО ТВД и глобальной системы США и их союзников, если это будет согласовано с ней и, тем более, основываться на сотрудничестве великих держав.

7. Меньше внимания уделяется роли потенциалов третьих ядерных держав, но по мере сокращения СНВ акцент на этом аспекте ядерного баланса будет усиливаться.

8. Гораздо большее значение придается развитию систем ВТО большой дальности как новому дестабилизирующему фактору – более важному, чем системы ПРО, ТЯО, асимметрии и возвратный потенциал в пользу США по СНВ.

9. Переговоры и соглашения по разоружению стали признанным «козырем» внутривнутриполитической борьбы (нападки на СНВ-1 и следующий Договор) и внешнеполитических жестов («замораживание» Договора об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ), заявления о возможном выходе из Договора по РСМД).

Очевидно, что такой господствующий подход к проблеме делает достижение соглашений по глубокому ядерному разоружению по ряду направлений намного более сложным делом, чем во времена СССР.

5. КИТАЙ И СТАБИЛЬНОСТЬ

В настоящее время Китай – единственная из пяти великих держав, постоянных членов Совета Безопасности ООН и признанных пяти ядерных держав Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), которая не предоставляет никакой официальной фактической информации о своих ядерных силах, программах их развития и складских запасах.

Ядерная транспарентность и официальные позиции КНР. Объективности ради, следует отметить, что ныне Россия и Соединенные Штаты публикуют официальные данные о численности и характеристиках только тех ядерных вооружений, которые охвачены договорами об СНВ (а в прошлом об РСМД). Китай не является участником договоров об ограничении ядерных вооружений. Советский Союз тоже не раскрывал такого рода информацию, пока не стал заключать с США соглашения ОСВ/СНВ, но и тогда, долгое время после договоров ОСВ-1 и ОСВ-2 придерживался принципа минимальной открытости. Прорыв в советской транспарентности наступил только в ходе переговоров об РСМД, СНВ-1 и ДОВСЕ в середине и конце 80-х годов.

В настоящее время Великобритания и Франция официально предадут огласке информацию о своих ядерных силах, правда, в несколько более обтекаемом виде, чем РФ и США, но по сравнению с КНР – весьма подробно. То же относится к связанным с ними доктринальным положениям и программам развития ядерных сил. Эти две страны тоже не являются членами договоров об ограничении ядерных вооружений, но представляют собой открытые демократические государства и, кроме того, как члены НАТО находятся под защитой американских гарантий безопасности и потенциала ядерного сдерживания.

Дополнительно к данным по СЯС в 2010 г. США опубликовали официальную информацию об общей численности их оперативно развернутых и находящихся в боеготовом резерве ядерных вооружений, включая историческую динамику численности своего ядерного арсенала за весь период 1945-2010 годов. Однако это общее количество не было разграничено по видам (и типам) на стратегические и нестратегические средства, как не было обозначено критериев разделения боеготового резерва и запаса боезарядов, предназначенных для демонтажа и утилизации. Этот запас вообще не получил количественной оценки, кроме определения «несколько тысяч»⁸.

Вместе с тем, следует отметить, что в США и в России публикуется огромный объем неофициальных фактических и аналитических материалов по ядерным вооружениям с детальной информацией о количествах, видах, типах и технических характеристиках систем оружия, включая их исторический генезис. Также обе державы в развернутом виде представляют свои официальные военные доктрины и стратегические концепции, не говоря уже об обширной неофициальной экспертной литературе по этой тематике. Сходная ситуация в Великобритании и Франции.

Остальные четыре ядерных государства публикуют свои стратегические концепции в общем виде, но полностью закрыты, как и Китай, в плане фактической технической информации. Израиль вообще не признает факта обладания ядерным оружием, но позволяет публиковать много экспертных оценок на данную тему. За исключением уголовно наказуемых утечек секретной информации, это является, видимо, сознательной политикой «латентного» ядерного сдерживания.

Что касается КНР, то вместо фактической информации, она выдвигает на официальном уровне большой объем общих заявлений на тему сугубо оборонительного

---

⁸ Fact Sheet: Increasing Transparency in the U.S. Nuclear Weapons Stockpiles // Department of Defense, May 3, 2010 (http://www.defense.gov/npr/docs/10-05-03_Fact_Sheet_US_Nuclear_Transparency_FINAL_w_Date.pdf).

характера китайских ядерных сил и своей стратегии минимального сдерживания. Так в китайской «Белой книге» под названием «Китайская Национальная Оборона в 2010», декларируется: «Китай неуклонно следует своей замечательной культурной традиции и считает мир высшей ценностью, отстаивает урегулирование споров только мирными средствами, сдержанность в вопросе войны и (исповедует) стратегию нанесения удара только после того, как сам подвергнется удару...Китай последовательно проводит политику неприменения ядерного оружия первым, придерживается стратегии ядерной самообороны и никогда не вовлечется в гонку ядерных вооружений ни с какой другой страной»⁹.

Чуть более развернуто эти же положения выражены следующим образом: Китай «придерживается политики неприменения ядерного оружия первым во все времена и при любых обстоятельствах» и принял обязательство не использовать угрозу применения и не применять ядерное оружие «против любого неядерного государства или зоны, свободной от ядерного оружия»¹⁰. КНР также призывает все ядерные государства «отказаться от политики ядерного сдерживания на основе применения ядерного оружия первыми, принять безоговорочное обязательство ни при каких условиях не использовать и не угрожать использованием ядерного оружия против неядерного государства или зоны, свободной от ядерного оружия...Ядерные государства должны вести переговоры и заключить договор о неприменении ядерного оружия первыми друг против друга»¹¹. Касательно величины необходимых ядерных сил сказано, что они будут поддерживаться на минимальном уровне, «которого требует национальная безопасность»¹².

Понятно, что эти определения ни о чем конкретно не говорят (вроде того, что «ноги должны быть такой длины, чтобы доставать до пола»). Правда, и в этом плане следует признать, что сформулированные в доктринах США и России критерии достаточности стратегических сил более развернуты, но не намного конкретнее¹³.

Стратегическая дискуссия экспертов. В последнее время в Китае на неофициальном уровне появилось много аналитических материалов общего порядка по содержанию понятия стратегической стабильности, влиянию на нее систем ПРО и высокоточных обычных вооружений, достаточности, боеготовности, оперативным концепциям ядерных сил КНР. Глубокий и всеобъемлющий анализ современной китайской дискуссии по этой проблематике представлен в недавно опубликованной работе американской исследовательницы Л. Саалман: «Китай и американский «Обзор ядерной политики»»¹⁴.

Но достоверность открыто обсуждаемой фактологии и мера ее соответствия реальной китайской военной политике отнюдь не ясна. Также не понятно, в какой степени эта дискуссия контролируется властями КНР и служит орудием их пропагандистской линии. По понятным причинам, не имея возможности оперировать фактическими

---

⁹ China's National Defense in 2010: II. National Defense Policy // China.Org.Cn (http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263420.htm).

¹⁰ Ibid.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid.

¹³ Так в Военной доктрине России от 2010 г. ставится задача поддержания стратегических ядерных сил на уровне, «гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях обстановки» (Военная доктрина Российской Федерации // Президент России. 2010, 5 февраля (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461)). Новейшая американская формула: «...Важнейшая задача американского ядерного оружия состоит в сдерживании ядерного удара против США, их союзников и партнеров. Соединенные Штаты будут рассматривать возможность применения ядерного оружия лишь в чрезвычайных ситуациях для защиты жизненно важных интересов своей страны, а также союзников и партнеров» (Арбатов А.Г., Дворкин В.З., Ознобищев С.К. Современные ядерные доктрины государств. М.: ИМЭМО, 2010).

¹⁴ Саалман Л. Китай и американский «Обзор ядерной политики» / Пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Моск. Центр Карнеги, 2011.

цифрами и качественными характеристиками вооружений Китая, объективно оценивать стратегические концепции своей страны и других держав, китайские специалисты компенсируют это пространными и весьма схоластическими теоретическими построениями.

Например, Л.Саалман приводит рассуждения ряда китайских экспертов о стратегической стабильности между США и КНР. Как они отмечают, ее ключевым отличием от российско-американских стратегических отношений является то обстоятельство, что она не основана на примерном ракетно-ядерном паритете. В этой связи обосновывается необходимость для КНР приобрести равную с двумя другими державами «совокупную силу», включающую экономическую, политическую и военную мощь, и тем самым исключить их доминирование на стратегических переговорах¹⁵.

Другие китайские специалисты утверждают, что призыв США к переговорам о стратегической стабильности с КНР, который прямо выражен в «Обзоре ядерной политики» от 2010 г., направлен на сохранение между двумя странами статус-кво, которым Китай не удовлетворен. Причина этого неприятия в том, что «США рассматривают Китай не как стратегического соперника со сравнимой мощью, а скорее как стратегического противника, намного уступающего им по мощи...» В качестве условия стабильного стратегического баланса выдвигается признание Вашингтоном суверенитета Китая над Тайванем, Тибетом и Синьцзяном и невмешательство в эти вопросы¹⁶. Тут налицо явная военно-политическая чересполосица, размывающая рамки предметного обсуждения вопроса и призванная, видимо, восполнить отсутствие открытых для обсуждения количественно-качественных характеристик ядерных сил КНР и концепций их применения.

Вдобавок к этому, в качестве предпосылки и условия стратегической стабильности выдвигается принцип «стратегического доверия». Такое доверие связывается с признанием Соединенными Штатами взаимной уязвимости с Китаем, отказом США от концепции применения первыми ядерного оружия (или с детальным разъяснением обстоятельств, при которых такое применение допускается), отходом от «расширенного сдерживания» (ядерных гарантий союзникам), а также с глубоким и необратимым сокращением ядерных вооружений (включая ликвидацию, а не складирование боезарядов) – что по умолчанию относится также и к России¹⁷. Дестабилизирующими факторами единодушно называют американские программы ПРО, высокоточные обычные вооружения, ракетно-космические системы в рамках концепции быстрого глобального удара (БГУ), развертывание атомных подводных лодок в западной части Тихого океана и милитаризацию космоса (включая спутники радиолокационной разведки)¹⁸.

В ответ на эти угрозы, по просачивающимся в печать сведениям, вероятнее всего санкционированным сверху, Китай качественно улучшает ракетные технологии, повышает боевую живучесть и маневренность сил, строит подводные ракетноносцы. Разрабатываются кинетические (контактно-ударные) боеголовки и оружие направленной энергии для целей ПРО и противоспутникового оружия (чтобы Китай «не застали врасплох в научном плане»), развертываются наземные противокорабельные ракеты большой дальности и системы их наведения (для борьбы с авианосцами и кораблями противника, оснащенными системой ПРО типа «Иджис»/СМ-3)¹⁹.

О том, что открытая дискуссия в стране идет в весьма узких рамках дозволенного и плотно контролируется властями, свидетельствует единодушное отрицание всеми «независимыми» специалистами идеи транспарентности применительно к китайским

---

¹⁵ Там же. С. 23-24.

¹⁶ Там же. С. 38.

¹⁷ Там же. С. 24-25.

¹⁸ Там же. С. 33.

¹⁹ Там же. С. 34-35.

ядерным силам и программам их развития. Утверждается, что скрытность – это неотъемлемый элемент китайского потенциала сдерживания, намного уступающего по размерам потенциалам США (и России). Провозглашается, что «сначала нужно укрепить стратегическое доверие, а затем уже договариваться о транспарентности»²⁰ (хотя, по логике вещей, транспарентность есть первое условие доверия, предсказуемости и соглашений об ограничении вооружений).

Столь же единодушно выдвигается требование отказа США (и, по умолчанию, России) от концепции применения ядерного оружия первыми - в качестве условия большей транспарентности китайских ядерных сил. Неукоснительно коллективно повторяется тезис о том, что «...когда США и Россия доведут ядерное разоружение до определенного уровня (равного с китайским? – Ал. А.), проблем с участием Китая в процессе разоружения не возникнет»²¹.

В целом следует отметить, что в последние годы публичная стратегическая дискуссия в Китае достаточно далеко отошла от «железобетонных» революционно-идеологических штампов прошлого и стала более предметной и прагматичной. В ней появился ряд вполне рациональных и обоснованных оценок. Ее уже можно рассматривать как объект экспертного анализа с соответствующими оговорками и поправками на влияние контроля и управления сверху. Тем не менее, отражая некоторые элементы реальной военной политики державы, она еще не может расцениваться как источник объективного анализа военной политики Китая и других государств. Во многом, характер обсуждения этих вопросов в Китае сходен с публичной дискуссией по соответствующей тематике, которая велась в СССР с конца 60-х и до конца 70-х годов.

Обращает на себя внимание, что, видимо, в контексте какой-то специфической политической линии, по контрасту с крайне «скромными» стратегическими декларациями, на военном параде по случаю 60-летия образования КНР 1 октября 2009 г., Китай явно стремился произвести на весь мир впечатление быстро растущей военной мощи, включая стратегические ядерные вооружения.

Неприменение ядерного оружия первыми. Официальное обоснование полной секретности в отношении своих ядерных сил и программ состоит в том, что китайские ядерные средства малочисленны и технически несопоставимы с ядерными вооружениями других держав «пятерки» и потому для поддержания своего потенциала ядерного сдерживания Китай нуждается в сохранении неопределенности. При этом Китай – единственная из великих держав, которая на официальном уровне имеет обязательство о неприменении ЯО первой, причем безо всяких оговорок. Поскольку Пекин придает этому обязательству первостепенное значение в своей военной политике, постольку там, вероятно, не осознают, что полная закрытость информации о силах и планах КНР – это главный фактор, подрывающий кредитоспособность китайского обязательства о неприменении ЯО первыми в глазах окружающего мира. Это противоречие не признает ни один неофициальный китайский эксперт, что тоже свидетельствует о жестких рамках на разрешенные в стране рамки дискуссии по стратегической тематике.

В подтверждение обязательства о неприменении первыми ядерного оружия приводятся некоторые расплывчатые неофициальные разъяснения (вероятно, санкционированные властью) о том, что в мирное время китайские ядерные боеголовки хранятся отдельно от ракет. Также указывается, что в случае ядерного удара ставится задача в течение двух недель доставить боеголовки к носителям и нанести ответный удар по агрессору. Если это соответствует действительности, то объяснение, вероятно, состоит не в приверженности упомянутому обязательству, а в отсутствии надежной системы предотвращения несанкционированного применения ЯО в виде соответствующих

---

²⁰ Там же. С. 25.

²¹ Там же. С. 25.

организационно-технических средств, включая кодо-блокирующие устройства. Кстати, именно по этой причине практику раздельного хранения ракетных носителей и боеголовок осуществляли США и СССР в 50-е годы.

Впрочем, доставка ядерных боеголовок к выжившим носителям, их состыковка и запуск в обстановке после разоружающего ядерного удара США или России – весьма нереалистичная концепция, тем более что у противника есть возможность разведки результатов первого удара и нанесения повторных ударов. Столь сомнительные концепции едва пристало всерьез исповедовать Китаю с его блестящей школой стратегической мысли, насчитывающей две с половиной тысячи лет и до сих пор служащей в качестве хрестоматии стратегам ведущих военных держав.

Обычно считается, что ядерная держава, принявшая обязательство о неприменении ЯО первой, опирается на концепцию и средства ответного (второго) удара. Однако, по общепринятым оценкам, пока китайские СЯС, равно как и системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН), инфраструктура пунктов боевого управления слишком уязвимы, чтобы обеспечить возможность ответного или ответно-встречного удара после гипотетического разоружающего (контрсилового) ядерного удара со стороны США или России.

Поэтому официальную доктрину КНР можно трактовать как преимущественно политико-пропагандистский инструмент (вроде советского обязательства о неприменении ЯО первым от 1982 г.), не отражающий реального оперативного планирования СЯС. Последнее, видимо, в условиях кризиса и высокой вероятности ядерного нападения предусматривает приведение ракетных сил в полную боевую готовность и нанесение упреждающего ядерного удара. Впрочем, в обозримом будущем программы модернизации ядерных сил Китая будут объективно увеличивать его высокоживучий потенциал ответного удара при условии повышения неуязвимости систем СПРН, боевого управления и внедрения надежных систем предотвращения несанкционированного применения, которые позволят отказаться от раздельного хранения носителей и боеголовок. Впрочем, китайская концепция неприменения ЯО первыми наряду с отказом от транспарентности может иметь и другое объяснение, о чем речь пойдет ниже.

Ядерные силы и программы. Китайская Народная Республика провела первое испытание ЯО в 1964 г. По оценкам специалистов, там имеется в общей сложности 20-24 т высокообогащенного урана и 4-4,8 т оружейного плутония в боезарядах и запасах оружейных ядерных материалов²².

Ввиду полной закрытости официальных данных, оценки ядерных средств КНР основываются на информации зарубежных правительственных и частных источников. Так, по подсчетам СИПРИ, Китай имеет около 130 стратегических баллистических ракет с ядерными боеголовками. В их составе 32 старых МБР стационарного базирования типа «Дунфан-4/5А» и 12 устаревших стационарных баллистических ракет средней дальности (БРСД) типа «Дунфан-3А». Также развернуты около 25 новых грунтово-мобильных МБР типа «Дунфан-31/31А» (китайский отдаленный аналог российской ракеты «Тополь») и 60 новых грунтово-мобильных БРСД «Дунфан-21» (сходных с советской системой 70-х годов РСД-10 «Пионер»)²³. По российским данным, у Китая есть 12 «Дунфан-31/31А» и 71 БРСД «Дунфан-21/21А». Все названные ракеты имеют моноблочную ГЧ²⁴.

По одному из самых новых Западных источников, КНР располагает 17 устаревшими БРСД «Дунфан-3А» и 17 МБР «Дунфан-4» и 20 «Дунфан-5А». Новое поколение ракетных сил представлено 55 БРСД «Дунфан-21» и 20-30 МБР «Дунфан-31/31А»²⁵ – всего 130-140

²² SIPRI 2010. Armaments, Disarmament and International Security. L.: SIPRI; Oxford University Press. 2010. P. 367-369.

²³ Op. cit. P. 340-343.

²⁴ Вильданов М., Ануфриев А. Ставка на ответный удар // Национальная оборона. 2009. №12(45). С. 32-35.

²⁵ Kearns I. Beyond the United Kingdom: Trends in the Other Nuclear Armed States. L.: BASIC. P. 18.

стратегических ядерных ракет. Есть мнение, что около 30 БРСД «Дунфан-21» оснащены неядерной головной частью. Прогнозируется, что к 2015 г. будет численность МБР «Дунфан-31А» достигнет 75-100 единиц²⁶.

К новейшим разработкам относится МБР типа «Дунфан-41» с разделяющейся головной частью (6-10 боеголовок) для грунтово-мобильных и железнодорожно-мобильных пусковых установок (типа снятой с вооружения российской МБР РС-22). До настоящего времени Китай периодически выводил в море экспериментальную атомную подводную лодку типа «Ксиа» с 12 пусковыми установками БРПЛ типа «Джуланг-1». В разных стадиях строительства находятся еще 3-5 ПЛАРБ типа «Джин», каждая с 12 ракетами большей дальности «Джуланг-2»²⁷. Авиационная составляющая представлена 20 устаревшими средними бомбардировщиками типа «Хонг-6», скопированными с советских самолетов Ту-4 выпуска 50-х годов.

Хотя Пекин отрицает наличие оперативно-тактических ядерных вооружений (используя демагогический довод, что Китай будет воевать только на своей территории и потому не собирается применять на ней ЯО), есть оценки, что в Китае развернуто не менее 100 таких средств. В их числе 48 мобильных оперативно-тактических ракет (ОТР) «Дунфан-15/15А» и 48 ОТР «Дунфан-11/11А». Также КНР интенсивно развертывает крылатые ракеты наземного базирования (КРНБ) типа «Дунфанг-10», численность которых за последние годы выросла с 350 до 500 единиц. Вероятно, значительная их часть имеет неядерную боеголовку и предназначена для ударов по авианосцам и кораблям с ПРО «Иджис»/СМ-3 США и Японии. Поступают на вооружение и крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ) – для оснащения средних бомбардировщиков «Хонг-6» наряду с ядерными бомбами свободного падения (примерно 40 единиц). Ударная тактическая авиация, которая тоже может нести ядерные бомбы, представлена фронтowymi бомбардировщиками типа «Киан-5» и новыми ударными самолетами, созданными на технической основе российских истребителей Су-30 и Су-35²⁸.

В общей сложности оперативно развернутый ядерный арсенал Китая оценивается примерно в 180-400 боеголовок, что вполне вероятно делает его, а не Францию, 3-й ядерной державой после США и РФ, в зависимости от точности имеющихся неофициальных оценок. Китайские ядерные боезаряды относят в основном к термоядерному классу с диапазоном мощности 200 кт – 3,3 Мт.

Несомненно, что экономический и технический потенциал КНР позволяет осуществить быстрое наращивание ракетно-ядерных вооружений по всему диапазону их классов. В случае принятия политического решения, Китай сможет за 10 лет развернуть крупную группировку мобильных МБР «Дунфан-41» с РГЧ в составе 200-250 ракет и 1200-2500 боеголовок. Также КНР прилагает усилия для повышения живучести и эффективности своих наземных и космических СПРН, систем боевого управления и осуществляет программы НИОКР в сфере ПРО и противоспутникового оружия.

Впрочем, нельзя исключать, что зарубежные оценки нынешних сил КНР и перспектив их наращивания абсолютно ошибочны. В прессе периодически появляются сведения о построенных и строящихся в Китае огромных тоннелях, общая протяженность которых оценивается примерно в 5000 км²⁹. Интересно, что строительство ведется силами Второго Артиллерийского Корпуса, ответственного за стратегические силы наземного базирования (вроде российских РВСН). Эти тоннели непомерно велики для хранения ядерных боеголовок, которые, по одной из полуофициальных версий, должны быть пристыкованы к ракетам после ядерного удара противника. Скорее, тоннели могут

²⁶ Op. cit. P. 18-19.

²⁷ Ibid.

²⁸ SIPRI 2010. Armaments, Disarmament and International Security. L.: SIPRI; Oxford University Press. 2010. P. 342-343.

²⁹ Stephens B. Plumbing the Secret Underground Great Wall // The Wall Street Journal. 2011, Oct. 24.

предназначаться для скрытного хранения резервных мобильных пусковых установок, стратегических и оперативно-тактических ракет. По различным прогнозам, в том числе Разведывательного управления Министерства Обороны США, к настоящему моменту Китай может иметь от 1000 до 3500 ядерных боезарядов и сотни, если не тысячи запасных ракет, скрытых в тоннелях³⁰.

Если эти оценки хоть в какой-то мере отвечают действительности, то истинные мотивы полной засекреченности информации о китайских ядерных силах, как и нежелание Пекина участвовать в процессе ограничения ядерных вооружений – предстают в совершенно ином свете. Они прикрывают не «слабость» и «малочисленность», а огромную избыточность ядерного потенциала КНР.

Что касается ракетных сил морского базирования, то на первый взгляд китайская программа может показаться напрасной тратой больших средств в престижных целях (иметь триаду, как у США и РФ). Выход в открытый океан из военно-морских баз Китая закрыт островной цепью Япония-Рюкю-Тайвань-Филиппины-Малазия-Индонезия, опираясь на которые могут действовать мощные противолодочные силы США, Японии и ВМС Южной Кореи и Тайваня.

Однако, вполне возможно, что строительство ПЛАРБ свидетельствует об амбициозных планах Китая по развитию своих военно-морских сил и вполне укладывается в эти планы. По имеющимся сведениям³¹, на первом этапе (до 2015 г.) Китай планирует создать военно-морской потенциал (включая береговые ракетные средства) для эффективного противодействия флотам США, Японии и других государств в «ближней зоне» - Желтом, Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях. На втором этапе (2015-2020 гг.) предполагается получить в названных акваториях полное военное превосходство, а в «средней зоне» - Охотском, Японском морях и морях Индонезийского архипелага, а также на морских пространствах до Марианских, Каролинских островов и Новой Гвинеи обеспечить китайскому флоту возможность активного противодействия военно-морским силам США. На следующем этапе (после 2020 г.) Китай рассчитывает на военно-морское господство в упомянутой «средней зоне», а в «дальней зоне» (до Гавайских островов) намерен получить возможность противодействия флоту США. Иными словами, КНР надеется в долгосрочной перспективе «поделить» Тихий океан с США на «зоны военного влияния» примерно по долготе Гавайев. Тогда китайские морские стратегические силы будут под защитой своего флота как в прибрежных морях, так и в открытом океане. Грандиозные военно-морские планы Китая также включают развертывание баз и сил флота в Индийском океане для контроля над коммуникациями поставок энергоресурсов из Персидского залива и Африки.

Наступательные ядерные вооружения. Как отмечено выше, Китай – единственное ядерное государство, которое на декларативном уровне и безоговорочно приняло обязательство о неприменении ЯО первым. Тем не менее, перед лицом превосходящих сил и крупного контрсилового потенциала США и России китайская официальная концепция ответного удара выглядит пока крайне сомнительной (если сведения о ракетном резерве в тоннелях не достоверны), а возможность ответно-встречного удара вовсе исключена. Однако со временем Китай, несомненно, обретет такой потенциал сначала в отношении РФ, а затем и США путем развертывания мобильных МБР и атомных подводных ракетноносцев.

В случае значительного наращивания оперативно развернутых ракетных сил КНР получит возможность контрсилового удара по Индии, а впоследствии, возможно, против России, особенно если крупная доля ее СЯС останется на МБР шахтного базирования

---

³⁰ Ibid.

³¹ См.: Шлындов А.В., Тебин Н.П. Поднебесная выставляет рубежи в океане // Независимое военное обозрение. 2011, 3 ноября. №42. С. 8-9.

(включая разрабатываемую новую тяжелую ракетную систему, которая может быть развернута на базах РВСН Домбаровский и Ужур в относительной близости от территории КНР).

В отношении США такого потенциала КНР не приобретет ввиду перехода американских ракетных сил наземного базирования на моноблочные головные части и сохранения преобладающей доли стратегических сил на системах морского базирования, наибольшая часть которых (8 ПЛАРБ из 14) теперь развертывается не в Атлантике, а на Тихом океане (т.е. не против России, а с прицелом преимущественно на КНР). Кстати, китайские экспертные материалы выражают по этому поводу большое беспокойство и считают одним из новых дестабилизирующих факторов.³²

Наращивание ядерных сил обеспечит Китаю мощное стратегическое «прикрытие» его превосходства в силах общего назначения над всеми региональными соседями. Такая перспектива крайне беспокоит Японию, Южную Корею, Тайвань, ослабляя кредитоспособность гарантий безопасности этим странам со стороны США. Это может побудить их к политике «умиротворения» Пекина или толкнуть на путь объединения усилий и, возможно, военной ядерной самостоятельности. Также это вызывает опасения у Индии и стран Юго-Восточной Азии, с которыми КНР сталкивается из-за нефтяного шельфа Южно-Китайского моря.

Для России наращивание китайского потенциала ядерного удара по европейской части ее территории будет означать блокирование преимуществ РФ по ядерным средствам средней дальности и оперативно-тактического класса, которые пока еще компенсируют превосходство обычных вооруженных сил и вооружений КНР вблизи российской Сибири и Дальнего Востока.

Так или иначе, Китай – единственная страна, помимо США и РФ, обладающая большим экономическим и техническим потенциалом быстрого наращивания СЯС. Это обуславливает необходимость учитывать китайские ядерные силы (или обеспечить их транспарентность и ограничение) при обсуждении любого следующего российско-американского соглашения по сокращению стратегических вооружений после нового Договора СНВ.

В этом главное отличие Китая от Великобритании и Франции. Кроме того, две европейские ядерные державы являются союзниками США по НАТО, и Россия обычно суммирует их потенциал с американским. Хотя неоднократные попытки Москвы приплюсовать силы двух союзников к американским СЯС под потолками договоров ОСВ-1, ОСВ-2, РСМД и СНВ-1 не увенчались успехом, Россия балансирует эти ядерные вооружения своими ядерными системами средней дальности (средние бомбардировщики, КРМБ). К тому же невозможно представить себе вооруженный конфликт РФ с этими державами без вовлечения Соединенных Штатов, и потому сил, достаточных для сдерживания США, хватит и для сдерживания НАТО в целом. Две европейские державы сокращают ядерные силы в одностороннем порядке и обеспечивают в их отношении достаточную транспарентность и предсказуемость. В перспективе вполне вероятно, что эти транспарентность и предсказуемость при благоприятной политической ситуации могут быть закреплены юридическими обязательствами Великобритании и Франции и мерами доверия из инструментария нового Договора СНВ.

Китай не является союзником ни США, ни России, и обе ведущие державы вынуждены впредь учитывать его ядерный потенциал в планировании своих стратегических сил и переговоров по сокращению ядерных вооружений. Сложность усугубляется отсутствием транспарентности и предсказуемости в отношении ядерного потенциала КНР, наряду с большой возможностью его быстрого наращивания. Данное обстоятельство налагает жесткие пределы на процесс дальнейшего сокращения ядерных

---

³² См.: Саалман Л. Указ. соч.

вооружений России и США – со всеми вытекающими последствиями для дела ядерного разоружения и нераспространения. Между тем Китай декларирует свою готовность присоединиться к процессу разоружения только при дальнейшем глубоком сокращении ядерного оружия России и США.

Оборонительные системы. Вероятность наращивания ядерных сил КНР создают существенный, хотя и негласный стимул для развития системы ПРО США и их союзников на Дальнем Востоке. Видимо, посредством противоракетной обороны Вашингтон стремится максимально затруднить и отдалить перспективу обретения Китаем потенциала ядерного сдерживания на основе гарантированной возможности ответного удара по США, не говоря уже о достижении Пекином стратегического паритета.

Остается неясным, ставится ли аналогичная задача в отношении Китая перед российскими силами Воздушно-космической Обороны и грандиозной программой их развития в ГПВ 2020. Однако, скорее всего, развертывание этих систем и средств (в том числе за Уралом) будет именно так восприниматься Пекином.

Наибольшую озабоченность Китая вызывали переговоры РФ-США/НАТО о сотрудничестве в развитии ПРО в Европе. Вероятно, китайские специалисты вполне обоснованно ставят под сомнение возможность оперативно-технически отграничить совместную (или сопряженную) ПРО РФ-НАТО для Европы от противоракетной обороны США на Дальнем Востоке и российской ВКО за Уралом. Китай постоянно незримо присутствовал на переговорах Москвы и Вашингтона по ПРО, хотя эта проблема адресно не обсуждалась, и обе стороны не могли придумать способов ее решения. Очевидно, что если США хотя бы теоретически допускали возможность совместной ПРО с Россией, то о сотрудничестве в этой сфере с Китаем – главным соперником США в XXI веке – не могло быть и речи. А для России взаимодействие по ПРО с США было чревато большими осложнениями отношений с КНР.

Поэтому для Москвы вероятность негативной политической или военной реакции Пекина (наращивания ракетных сил) на совместную ПРО РФ-США всегда была важнейшим сдерживающим фактором в диалоге с Соединенными Штатами. Провал переговоров временно снял озабоченность Китая по этому поводу, но вероятность их возобновления остается важным моментом стратегического планирования КНР.

Возрождение проекта сотрудничества России и США по ПРО прямо связывается с возможностью продолжения их переговоров о следующем соглашении по СНВ. Этого официально требует Китай в качестве условия своего эвентуального присоединения к процессу ядерного разоружения. Между тем, совместная ПРО РФ-США воспринималась бы Китаем как препятствие для своего участия в разоружении, даже если бы он серьезно планировал присоединиться к процессу в будущем.

Указанные обстоятельства создают сложнейший узел трехстороннего стратегического взаимодействия РФ-США-КНР в сфере наступательных и оборонительных стратегических (а также нестратегических) вооружений.

Судя по официальным позициям Пекина и работам экспертов из научного мира, большую озабоченность в Китае вызывает развитие американских средств большой дальности с высокоточным неядерным оружием (ВТО): крылатых ракет морского и воздушного базирования в сочетании с космическими системами разведки (особенно – радиоэлектронной), навигации и связи. Еще большая обеспокоенность связана с перспективой создания частично-орбитальных ракетно-планирующих гиперзвуковых систем с высокоточным обычным оружием в рамках концепции БГУ (эксперименты с космическим самолетом Х-37В в апреле 2010 г.³³ и запуски системы Минотавр Лайт IV).

Интересно, что, как и Россия, Китай проецирует угрозу применения таких систем исключительно на себя. При этом практически единственный сценарий конфликта,

---

³³ Там же. С. 33.

который повсеместно и всерьез рассматривается в Китае, это вооруженное столкновение с США из-за попытки силового решения Тайваньской проблемы³⁴. Исходя из малой эффективности системы СПРН, малочисленности и низкой боеготовности оперативно развернутых наземных ракетных сил КНР, вероятно, полагает, что упомянутые наступательные системы США смогут наносить массированные и многократные разоружающие удары по ядерным силам Китая. Видимо, Пекин не уверен, что ответит ядерным возмездием на нападение с применением высокоточных обычных вооружений. (Возможно, именно в этом контексте Китаем рассматривается поддержание крупного запаса скрытых в тоннелях ракет, если подозрения об их наличии обоснованны).

Что касается морских стратегических сил КНР, то угроза им исходит не только от американо-японской ПЛО. Помимо этого, Китай весьма озабочен возможностью США отразить удары БРПЛ с помощью систем ПРО на Аляске и в Калифорнии (GBI), а также на боевых кораблях США и на наземных базах и кораблях Японии (система «Иджис»/СМ-3). В уникальном по своей военной детализации и техническим расчетам исследовании китайских специалистов³⁵ доказывалось, что такая многоэшелонная ПРО будет весьма эффективна против китайских БРПЛ, запускаемых с подводных лодок из мелководных прибрежных морей, где они могут быть под защитой флота КНР и где их труднее обнаружить системам ПЛО США и Японии.

В случае выхода ПЛАРБ Китая в открытый океан противолодочным силам противника было бы легче бороться с ними, но при запуске БРПЛ с южных азимутов по территории США упомянутая система ПРО не смогла бы отразить удар. Для этого потребовалось бы ее значительное наращивание с добавлением космических и морских систем обнаружения и сопровождения, усовершенствованных наземных и корабельных систем ракет-перехватчиков. США способны создать такую систему ПРО, если поставят цель и дальше сдерживать рост китайского потенциала ракетного удара.

Перспективы переговоров. Прежде всего, едва ли оправданны надежды «обучить» Китай российско-американским стратегическим теориям и переговорным методам как «новичка» в деле стратегических отношений, и на этой основе вовлечь его в процесс сокращения и ограничения вооружений таким образом, каким это удобно для США и России. Китай достаточно осведомлен по части теории и практики стратегической стабильности и не будет заимствовать чужую методологию. Он намерен формировать свою собственную стратегическую философию, приспособленную к его объективному положению и интересам безопасности, и будет продвигать ее на любых переговорах.

Официальная позиция Пекина, единодушно и безо всякой критики поддерживаемая профессиональным стратегическим сообществом страны, состоит в том, что «...страны, обладающие наибольшими ядерными арсеналами...должны в дальнейшем решительно сократить свои арсеналы проверяемым, необратимым и юридически обязывающим способом, с тем чтобы создать условия для полной ликвидации ядерных вооружений. Когда возникнут соответствующие условия, другие ядерные государства должны также присоединиться к многосторонним переговорам по ядерному разоружению. Для достижения конечной цели полного и всеобъемлющего ядерного разоружения международное сообщество должно выработать в подходящий момент действенный, долгосрочный, поэтапный план включающий заключение конвенции о полном запрещении ядерного оружия»³⁶.

Такого рода риторика, по опыту СССР в 50-60 гг., свидетельствует о неготовности государства всерьез вести переговоры о сокращении и ограничении ЯО. Это тем более

³⁴ Там же. С. 22, 35.

³⁵ Wu Riqiang. Survivability of China's Sea-Based Nuclear Forces // Science & Global Security. Vol. 19. No. 2. 2011, May-August. P. 91-120.

³⁶ China's National Defense in 2010: X. Arms Control and Disarmament // China.Org.Cn (http://www.china.org.cn/government/whitepaper/2011-03/31/content_22263885.htm).

так, что Китай связывает такого рода диалог с отказом держав от применения ядерного оружия первыми («стратегическое доверие») и решением тайваньской проблемы. В свете китайского взгляда на стратегическую стабильность можно ожидать также увязки переговоров об ограничении ЯО с прекращением патрулирования подводных лодок США в западной части Тихого океана и их отказом от космических радиолокационных систем разведки, прекращением разработки и развертывания ракетно-планирующих систем БГУ и противоракетных средств морского и наземного базирования.

Хотя все эти вопросы имеют под собой ту или иную рациональную основу, и Россия тоже ставит некоторые из них в контексте стратегического диалога с США, превращать их в предварительные условия начала переговоров – значит заведомо блокировать их начало.

Кроме того, Пекин рассматривает транспарентность ядерных сил (наряду со своим огромным экономическим и техническим потенциалом их эвентуального наращивания) в качестве главного «козыря» в военных отношениях с ядерными сверхдержавами и в любом возможном диалоге по стратегической стабильности и ограничению ядерных вооружений. Убедить Китай расширить ядерную транспарентность в виде жеста доброй воли, первого шага или минимального вклада перехода к многостороннему разоружению, скорее всего, не удастся. Пекин намерен вести по этому поводу жесткий торг и стремиться «продать» каждый частный фрагмент транспарентности за максимальную плату контрагентов.

Исключением является, видимо, только ДВЗЯИ. При ратификации Договора Сенатом США Китай последует этому примеру. Другой многосторонний договор, связывающий напрямую ядерное разоружение и нераспространение – ДЗПРМ, едва ли получит поддержку Китая ввиду предполагаемого огромного превосходства накопленных запасов ОЯМ России и США, по сравнению с запасом КНР. Нежелание Китая продвигаться на этом пути демонстрировала проводившаяся им весьма искусственная увязка ДЗПРМ с немилитаризацией космоса на Конференции по Разоружению в Женеве.

Тем не менее, как представляется, Китай можно постепенно вовлечь в процесс ограничения ядерных вооружений. Но путь лежит не через благие пожелания о расширении числа участников процесса. Это тем более так, поскольку США и Россия не сформулировали убедительных стратегических аргументов относительно того, на каком этапе их сокращений следует подключать третьи державы, на какой основе строить ограничения (стабильность, паритет?), какие системы должны быть охвачены и как их контролировать.

Вовлечение КНР возможно только на сугубо прагматической основе: если он сочтет, что его уступки по части транспарентности и каких-либо лимитов на вооружения окупаются уступками США (и по умолчанию России) по тем вопросам, которые интересуют Пекин.

Ряд нынешних условий и пониманий стратегической стабильности, выдвигаемых Пекином, явно выглядят «запросными» и обусловленными политической конъюнктурной игрой (Тайваньская проблема, формальный отказ от концепции применения ЯО первыми, подводные лодки США в западной части Тихого океана и их радиолокационные спутники, ликвидация ядерных боеголовок, ограничение ЯО на складах и пр.). Впоследствии от них КНР может, видимо, отойти. Но есть концепции, от которых Китай не откажется и которые с его угла зрения выглядят вполне обоснованными.

Китайское понимание стабильности, в отличие от американского, выраженного в «Обзоре ядерной политики» от 2010 г., состоит не в транспарентности (даже в качестве первого шага), а в признании США (и негласно Россией) права КНР на собственное ядерное сдерживание в отношении двух сверхдержав, несмотря на отсутствие стратегического паритета с ними. Это подразумевает, прежде всего, признание двумя ведущими державами факта своей уязвимости для гипотетического китайского ответного ядерного удара и неприемлемости для них разрушительных последствий такого удара -

несмотря на значительное отставание КНР от них по количественно-качественным параметрам оперативно развернутых ядерных сил. Далее, это предполагает обязательство двух ведущих держав не пытаться ослабить такой потенциал Китая посредством наступательных (ядерных и обычных) средств и оборонительных систем (ПРО ТВД и стратегического класса).

Если США и Россия в той или иной форме согласятся на указанные условия общего понимания стратегической стабильности, то на этой основе можно формировать конкретные положения договоренностей о транспарентности и ограничении вооружений.

Однако в силу политических и стратегических причин США и России весьма затруднительно однозначно согласиться с этими положениями. Для Соединенных Штатов, помимо всего прочего, это связано с обязательствами безопасности союзникам и партнерам (Япония, Южная Корея, Тайвань), а для России это обусловлено ее растущим отставанием от КНР по силам общего назначения в Сибири и на дальнем Востоке.

Кроме того, Пекин считает новый Договор СНВ промежуточным, наскоро согласованным документом для замены истекшего в 2009 г. Договора СНВ-1 и, в известном смысле, профанацией сокращения СЯС (минимальные реальные сокращения, специфические правила засчета, сокращение через перемещение боеголовок на склады и т.д.). Если подозрения относительно крупных запасов тайно складированного ЯО Китая обоснованы, то разоружение в рамках СНВ путем наращивания складированных ядерных боеголовок США при формальном сокращении оперативно развернутых боезарядов - должно вызывать в Пекине тем большие возражения. Это может объяснить его весьма критическое отношение к новому Договору.

Для того чтобы всерьез подойти к вопросу каких-либо ограничений на свое ядерное оружие, Китай как минимум ждет следующего российско-американского договора СНВ о реальном сокращении СЯС двух держав. Между тем, перспективы такого соглашения сейчас кажутся крайне сомнительными из-за их разногласий по ПРО и нестратегическим ядерным вооружениям.

Таким образом, подключение Китая к процессу ядерного разоружения – это в некоторой мере проблема изменения военной политики США и России, а не только перемен в курсе КНР. В отличие от политико-пропагандистских условий, исходящих ныне от Китая, реальными предпосылками его согласия на поэтапное «открытие» своих стратегических вооружений и их ограничение (хотя бы через обязательство не наращивать количественно) могут быть следующие положения:

- обязательство США не наращивать средства ПРО морского и наземного базирования на Тихом океане;
- обязательство США и России, что в случае их договоренности о сотрудничестве в развитии ПРО такая систем будет ограничена Евроатлантической зоной и что в отдельных проектах (например, обмен данными СПРН) КНР сможет принять участие в приемлемом для нее формате;
- переход США и РФ к переговорам о следующем соглашении СНВ, включая ликвидацию стратегических носителей, ограничение высокоточных средств в неядерном оснащении, ракетно-планирующих частично-орбитальных систем (в чем должна быть заинтересована и Россия);
- продвижение в ограничении нестратегических ядерных вооружений США и России, которое позволит поставить вопрос о транспарентности и ограничении китайских систем средней дальности и оперативно-тактического класса (в чем особенно заинтересованы Россия, Япония, Индия).

Вероятный формат переговоров – двусторонний диалог между США и КНР, параллельно с переговорами по СНВ между США и Россией и наряду с регулярными стратегическими консультациями России и Китая. Трехсторонний формат возможен впоследствии по сотрудничеству в сфере ПРО (обмен данными СПРН).

В долгосрочной перспективе Россия и США могли бы перейти к новой модели ядерного разоружения – через глубокое сокращение оперативно развернутых стратегических средств при сохранении значительного числа неразвернутых вооружений. Китай мог бы напрямую подключиться к этим ограничениям, согласившись на равные с двумя другими державами потолки на развернутые носители и боезаряды. Асимметрия по неразвернутым средствам может оказаться приемлемой для Пекина, если он обладает скрытым запасом ЯО в тоннелях и хранилищах. В конечном итоге и на эти резервы ядерного оружия тоже могут распространиться меры транспарентности и согласованные ограничения.

II. СОВРЕМЕННЫЕ ЯДЕРНЫЕ ДОКТРИНЫ ГОСУДАРСТВ

1. ОБЗОР ЯДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ США 2010 г.

6 апреля 2010 г. был опубликован Обзор ядерной политики США. В нем в общих чертах изложен подход американской администрации к осуществлению выдвинутой президентом США «пражской повестки дня» по уменьшению ядерной опасности и укреплению мира и безопасности в мире, свободном от ядерного оружия. В этом обзоре намечены шаги, необходимые для сохранения безопасного, надежного и эффективного потенциала ядерного сдерживания до тех пор, пока в мире существует ядерное оружие.

Это третий всесторонний обзор ядерной политики и потенциала США после окончания холодной войны. Документ был подготовлен благодаря тесному сотрудничеству и консультациям между несколькими ведомствами: Министерством обороны, Государственным департаментом и Министерством энергетики США. В работе над ним принял непосредственное участие и сам президент, который давал четкие указания относительно того, что заслуживает первоочередного внимания. Благодаря этому Обзору, во главу угла в котором поставлена необходимость противодействовать таким наиболее неотложным современным вызовам в области безопасности, как ядерное распространение и ядерный терроризм, ядерная политика и потенциал США будут в большей степени соответствовать сложившимся условиям в области безопасности.

В Обзоре заложена стратегическая основа комплексного подхода к этим вызовам. 8 апреля 2010 г. в Праге президент подписал новый Договор СНВ, 12-13 апреля в Вашингтоне состоялся саммит по ядерной безопасности, а 3 мая в Нью-Йорке открылась Конференция государств – участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора. В ходе работы над Обзором Вашингтон вел широкие консультации с нашими союзниками и партнерами. США будут тесно сотрудничать с ними и в осуществлении этого документа.

В основе анализа и выводов, представленных в Обзоре, лежат изменившиеся и меняющиеся условия международной безопасности. Учитывались несколько ключевых факторов: во-первых, ядерное распространение и ядерный терроризм, представляющие на сегодняшний день наиболее серьезную угрозу в ядерной области; во-вторых, необходимость преодоления антагонизма, оставшегося нам в наследие со времен холодной войны, несмотря на сложность сохранения стратегической стабильности в отношениях с другими ядерными державами, в особенности с Россией и Китаем; в-третьих, не имеющий себе равных рост потенциала обычных вооружений США, а также значительное совершенствование систем противоракетной обороны от региональных угроз.

Эти перемены в условиях ядерной угрозы изменили приоритетность вопросов, вызывающих обеспокоенность в ядерной сфере, и стратегических задач. В предстоящие годы мы должны, в первую очередь, не поощрять новые страны к развитию ядерного потенциала и не допустить, чтобы в руки террористических групп попали атомные бомбы или материалы для их изготовления.

В то же время мы должны продолжать поддерживать стабильные стратегические отношения с Россией и Китаем. Кроме того, мы должны наращивать потенциал для сдерживания региональных угроз, укрепляя уверенность наших союзников и партнеров в том, что мы по-прежнему твердо привержены обеспечению их защиты.

Выполнение этих задач возможно при меньшей роли ядерного оружия и существенно более низких уровнях ядерных сил, чем это было в прошлом. Поэтому

теперь, даже при укреплении потенциала сдерживания и подтверждении гарантий, мы можем формулировать свою стратегию в сфере ядерного оружия и структуры ядерных сил таким образом, чтобы более эффективно решать наши наиболее неотложные проблемы безопасности.

Выводы и рекомендации, содержащиеся в Обзоре, ориентированы на решение пяти политических задач.

Первая из них – предотвращение ядерного распространения и ядерного терроризма. Для этого в Обзоре предлагается:

- возглавить международные усилия по укреплению режима ядерного нераспространения, в том числе путем восстановления жизнеспособности Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), укрепления Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ), содействия ратификации и вступлению в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), Договора о запрещении производства расщепляющихся материалов (ДЗПРМ), и, конечно, путем содействия ратификации и выполнению нового Договора СНВ;
- активизировать усилия в области ядерной безопасности, в том числе увеличив в 2011 фин. г. ассигнования Министерству энергетики на программы в области ядерного нераспространения до 2,7 млрд. долл., то есть более чем на 25%;
- активизировать усилия, направленные на реализацию инициативы президента Обамы, призванной обеспечить надежную охрану всех уязвимых ядерных материалов в мире в течение четырех лет и расширить наши возможности по идентификации и блокированию ядерных материалов;
- создать национальную программу исследований и разработок для обеспечения неуклонного продвижения к миру без ядерного оружия, в том числе активизировать разработку технологий контроля и мер транспарентности.

Вместе с тем Обзор является недвусмысленным подтверждением того, что США твердо намерены выполнить свои обязательства по ДНЯО, в том числе обязательства в соответствии со ст. VI.

Кроме того, администрация США вновь подтвердила обязательство США привлечь к ответственности любое государство, террористическую группировку или другую негосударственную структуру, которые поддерживают террористов, способствуют их усилиям в попытках получить доступ к ОМУ или использовать его и с этой целью оказывают им помощь, финансируют их или предоставляют им профессиональные знания или убежище для осуществления подобных действий.

Вторая задача – это уменьшение роли американского ядерного оружия. С момента окончания холодной войны США удалось уменьшить роль ядерного оружия в сдерживании неядерного удара против США, их партнеров и союзников. Однако сегодня США считают возможным и необходимым предпринять дополнительные шаги. Важнейшая задача американского ядерного оружия состоит в сдерживании ядерного удара против США, их союзников и партнеров. Соединенные Штаты будут рассматривать возможность применения ядерного оружия лишь в чрезвычайных ситуациях для защиты жизненно важных интересов своей страны, а также союзников и партнеров.

Американская администрация подтверждает ранее данные Вашингтоном в связи с ДНЯО «негативные гарантии безопасности», заявляя, что Соединенные Штаты не будут угрожать ядерным оружием или использовать ядерное оружие в отношении безъядерных государств – участников ДНЯО, соблюдающих свои обязательства по нераспространению.

Недавно подготовленный Четырехлетний обзор Министерства обороны и Обзорный доклад о состоянии противоракетной обороны предполагают направление дополнительных средств на укрепление потенциала сдерживания при уменьшении роли ядерного оружия, что включает ассигнования на системы ПРО, потенциал по борьбе с ОМУ и потенциал других обычных вооружений. Одной из задач этих ассигнований

является содействие созданию условий, в которых по прошествии определенного времени и после активных консультаций с союзниками и партнерами США смогут объявить, что единственной функцией их ядерного оружия является сдерживание ядерного удара.

Третья задача состоит в обеспечении стратегического сдерживания и стабильности при снижении уровня ядерных вооружений. Администрация США принимает на себя обязательство продолжать процесс сокращения ядерных арсеналов времен холодной войны и осуществлять такие сокращения совместно с Россией таким образом, чтобы способствовать сохранению стратегической стабильности при более низких уровнях сил. Важным шагом в выполнении этой задачи является новый Договор СНВ.

В Обзоре определены некоторые руководящие принципы для американских переговорщиков относительно того, какие целевые показатели будут отвечать требованиям обеспечения стратегической стабильности. Теперь, когда Договор согласован, мы будем добиваться его скорейшей ратификации Сенатом. США и Россия договорились сократить свои ядерные арсеналы до уровня в 1550 засчитываемых стратегических боезарядов, 700 развернутых стратегических средств доставки и 800 развернутых и неразвернутых стратегических пусковых установок. В соответствии с новым Договором СНВ, США сохраняют свою ядерную триаду и демонтируют со своих межконтинентальных баллистических ракет разделяющиеся головные части индивидуального наведения (МБР РГЧ ИН), оставляя на них лишь по одному боезаряду в целях укрепления стратегической стабильности.

США стремятся к продолжению диалога с Россией о дальнейших дополнительных сокращениях с целью ограничения не только стратегических, но и нестратегических, а также развернутых и неразвернутых вооружений обеих сторон. Кроме того, США стремятся начать диалог высокого уровня с РФ и Китаем в интересах обеспечения отношений большей стабильности и транспарентности. С Россией такой диалог включает дальнейшие двусторонние сокращения и меры по повышению стабильности и укреплению взаимного доверия. Цель такого диалога с Китаем – определение места встреч и механизма для того, чтобы каждая сторона могла изложить свою точку зрения относительно стратегии, политики и программ по ядерному оружию и другим стратегическим возможностям другой стороны.

Четвертая задача состоит в укреплении регионального сдерживания и подтверждении гарантий союзникам и партнерам США. В Обзоре отражено твердое намерение Соединенных Штатов укреплять сдерживание в отношении всего спектра угроз XXI в. В частности, необходимо укрепить потенциал для сдерживания региональных субъектов, стремящихся получить доступ к ядерному оружию в нарушение своих договорных обязательств, не считаясь с мнением международного сообщества.

Как отмечается в Обзоре, существует много путей укрепления сдерживания, и большинство из них не связаны с ядерным оружием. Американская администрация обязуется сотрудничать с союзниками и партнерами США в деле обеспечения безопасности в интересах укрепления регионального сдерживания путем наращивания потенциалов обычных вооружений, развертывания систем противоракетной обороны и совершенствования потенциала по противодействию ОМУ.

Однако до тех пор, пока для сил США и их союзников сохраняется ядерная угроза, в этой архитектуре региональной безопасности должен оставаться ядерный компонент. В Обзоре отражен ряд решений в поддержку этого обязательства, в том числе решение о модернизации средств передового базирования ядерного оружия США на тактических истребителях-бомбардировщиках, а также тяжелых бомбардировщиках и об осуществлении полномасштабной программы продления срока службы связанных с ними бомб В-61. Это не предопределяет решений, которые может принять НАТО в будущем и которые принимаются на основе консенсуса в рамках НАТО.

После тесных консультаций с союзниками мы снимем с вооружения крылатые ракеты морского базирования с ядерными боезарядами (TLAM-N). Мы сохраняем способность увеличить охват «ядерного зонтика» с помощью передового развертывания истребителей-бомбардировщиков и бомбардировщиков, а также американских МБР и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ). Мы продолжим тесные консультации с нашими союзниками и партнерами для обеспечения надежности и эффективности осуществляемого США сдерживания в будущем.

Пятой задачей является поддержание безопасного, надежного и эффективного ядерного арсенала. Как заявил президент, мы будем сохранять физически защищенный, безопасный и эффективный ядерный арсенал до тех пор, пока существует ядерное оружие. Решения Соединенных Штатов в отношении управления запасами такого оружия в будущем будут приниматься на основе нескольких основных принципов.

США не будут проводить ядерные испытания и будут добиваться ратификации и вступления в силу Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

США не будут разрабатывать новых ядерных боеголовок. Программы продления срока службы (ПСС) будут использовать только ядерные компоненты, уже ранее прошедшие испытания, и не будут поддерживать выполнение новых военных задач или обеспечивать создание нового военного потенциала.

США изучат варианты обеспечения безопасности, сохранности и надежности ядерных боеголовок по каждому отдельному случаю в соответствии с одобренной Конгрессом Программой управления ядерным арсеналом. Будет рассмотрен полный спектр предусмотренных Программой ПСС подходов: восстановление существующих боеголовок, повторное использование ядерных компонентов из других боеголовок и замена ядерных компонентов.

В программах продления срока службы боеголовок США будут, в первую очередь, отдавать предпочтение вариантам, предполагающим восстановление или повторное использование этих боеголовок. Замена ядерных компонентов будет осуществляться, только если основные задачи, поставленные в Программе управления ядерным арсеналом, не смогут быть достигнуты другим путем и при условии наличия специальной санкции президента и утверждения Конгрессом.

США будут модернизировать ядерную оружейную инфраструктуру и поддерживать соответствующую научно-техническую и инженерную базу, увеличив в 2010 фин. г. соответствующее финансирование на 13%. Такие инвестиции имеют принципиальное значение для решения проблем старения нашей ядерной инфраструктуры, сохранения потенциала сдерживания и наращивания наших усилий по борьбе с ядерным распространением и ядерным терроризмом. Кроме того, они помогут Соединенным Штатам уничтожить большое количество неразвернутых боезарядов, в настоящее время хранящихся в качестве технического запаса.

Наконец, в Обзоре отмечена важность привлечения и сохранения «человеческого капитала», необходимого министерствам обороны и энергетики для выполнения стоящих перед ними ядерных задач, и предлагается наращивать нынешние усилия в этой области.

2. ЯДЕРНАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ

Официальное изложение фрагментов российской ядерной политики содержится в новой «Военной доктрине Российской Федерации», утвержденной президентом Д.Медведевым 5 февраля 2010 г., и в «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.», утвержденной президентом России 12 мая 2009 г.

В Военной доктрине ядерные угрозы, роль, цели и задачи ядерной политики упоминаются в большинстве ее разделов. Отмечено, в частности, что, несмотря на снижение вероятности развязывания против России крупномасштабной войны с применением обычных средств поражения и ядерного оружия, на ряде направлений военные опасности РФ усиливаются. Угрозу представляют создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия, распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий, увеличение количества государств, обладающих ядерным оружием. К угрозам относятся также попытки воспрепятствовать работе систем государственного и военного управления, нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической промышленности и других потенциально опасных объектов.

Отмечено, что в случае возникновения военного конфликта с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны), ставящего под угрозу само существование государства, обладание ядерным оружием может привести к перерастанию такого военного конфликта в ядерный военный конфликт. Поэтому ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения, а недопущение ядерного конфликта, как и любого другого военного конфликта, является важнейшей задачей-Российской Федерации.

В связи с этим к основным задачам России по сдерживанию и предотвращению военных конфликтов относится «поддержание стратегической стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне». Условие использования ядерного оружия заключается в том, что, как изложено в Военной доктрине, «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозой поставлено само существование государства»³⁷.

Для этого ставится задача по поддержанию состава, состояния боевой и мобилизационной готовности и подготовки стратегических ядерных сил, сил и средств, обеспечивающих их функционирование и применение, а также систем управления на уровне, гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях обстановки. Провозглашаются также такие задачи как поддержание потенциала ядерного сдерживания в установленной степени готовности, комплексное оснащение современными образцами вооружения, военной и специальной техники стратегических ядерных сил.

---

³⁷ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461).

В Стратегии национальной безопасности в части угроз отмечены: «политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на достижение преобладающего превосходства в военной сфере, прежде всего в стратегических ядерных силах, путем развития высокоточных, информационных и других высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, стратегических вооружений в неядерном оснащении, формирования в одностороннем порядке глобальной системы противоракетной обороны и милитаризации околоземного космического пространства»³⁸. Это способно привести к новому витку гонки вооружений, а также распространению ядерных, химических, биологических технологий, производству оружия массового уничтожения либо его компонентов и средств доставки.

Указывается, что негативное воздействие на состояние военной безопасности Российской Федерации и ее союзников усугубляется отходом от международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений, а также действиями, направленными на нарушение устойчивости систем государственного и военного управления, предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, функционирования стратегических ядерных сил, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально опасных объектов.

В связи с этим отмечается, что «главной задачей укрепления национальной обороны в среднесрочной перспективе является переход к качественно новому облику Вооруженных сил Российской Федерации с сохранением потенциала стратегических ядерных сил ...»³⁹.

Сравнивая Военную доктрину и Стратегию национальной безопасности в части военных, в том числе ядерных угроз, можно отметить оперативную «гибкость» реагирования их трактовки на внешние условия. Например, в Стратегии в качестве угроз отмечаются превосходство «ведущих зарубежных государств» в стратегических ядерных силах и отход от «международных договоренностей в области ограничения и сокращения вооружений», отсутствующие в Военной доктрине. Это можно объяснить тем, что в мае 2009 г. перспектива заключения нового Договора по СНВ между Россией и США была менее определенной, чем в феврале 2010 г. в период интенсивных переговоров, когда появилась уверенность в том, что в конце концов новый Договор по СНВ, уравнивающий стратегические ядерные потенциалы России и США, будет подписан и вступит в силу.

Эволюция ядерной доктрины РФ. Представляет интерес эволюция ядерной доктрины России, начиная с 1993 г., когда были утверждены «Основные положения военной доктрины Российской Федерации». В них продекларировано, что «Российская Федерация не применит свое ядерное оружие против любого государства – участника Договора о нераспространении ядерного оружия, кроме как в случаях:

а) вооруженного нападения такого государства, связанного союзным соглашением с государством, обладающим ядерным оружием, на РФ, ее территорию, ВС и другие войска или ее союзников;

б) совместных действий такого государства с государством, обладающим ядерным оружием, в осуществлении или поддержке вторжения или вооруженного нападения на РФ, ее территорию, ВС и другие войска или на ее союзников»⁴⁰.

История ее появления относится к концу 60-х годов минувшего века и связана с усилиями по укреплению режима Договора о нераспространении ядерного оружия путем предоставления гарантий безопасности неядерным странам, подписавшим или намеревавшимся подписать этот Договор.

³⁸ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. 13 мая 2009 г. (http://www.president.kremlin.ru/ref_notes/424).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Основные положения военной доктрины Российской Федерации (изложение) // Красная Звезда. 19.11.1993.

С тех пор эта формулировка, называемая для краткости «негативными гарантиями» безъядерным странам, с незначительными вариациями повторялась представителями официальных членов ядерного клуба. Однако общей формулы негативных гарантий ни на Женевской конференции по разоружению, ни в ООН согласовать не удалось. Поэтому «негативные гарантии» существуют до настоящего времени с формулировками, аналогичными содержащейся в Основных положениях военной доктрины РФ 1993 г., в односторонних заявлениях МИД РФ, США, Великобритании и Франции. Но ни в одной доктринальной установке этих стран, кроме России, подобных формулировок не было и нет.

В «Военной доктрине Российской Федерации» в 2000 г. появились новые условия применения ядерного оружия: «Российская Федерация оставляет за собой право на применение ядерного оружия в ответ на использование против нее ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в ответ на широкомасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических ситуациях для национальной безопасности РФ»⁴¹.

Эта формулировка по существу воспроизвела принципы ядерной стратегии, много лет исповедуемые США, Великобританией и Францией. Эти государства никогда не отрицали намерения применить первыми ядерное оружие в условиях значительного превосходства стран Варшавского договора во главе с СССР в силах общего назначения. После 1991 г. НАТО стала обладать явным превосходством в силах общего назначения и, кроме того, намеревалась расширить зону ответственности альянса. Вместе с тем, по настоянию тогдашнего руководства МИД РФ, «негативные гарантии» были сохранены как дань преемственности ядерной политики России.

В новой Военной доктрине от 2010 г. основное условие применения Россией ядерного оружия подверглось, казалось бы, незначительной по форме, но важной по смыслу корректировке. В конечной ее части вместо слов «в ответ на широкомасштабную агрессию с применением обычного оружия в критических ситуациях для национальной безопасности РФ», сказано: «в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»⁴². Последняя формулировка, во всяком случае на декларативном уровне, повышает порог применения ядерного оружия.

Проблема закрытости информации. Следует констатировать, что в целом представление о ядерной политике России во всех трех, начиная с 1993 г., военных доктринах носит фрагментарный характер и не дает возможности оценить ее в достаточно полном и законченном виде. Реальная ядерная политика заключается не столько в декларативных формулировках, связанных с угрозами и условиями применения ядерного оружия, сколько в принятых программах поддержания и развития стратегической ядерной триады, нестратегического ядерного оружия и ПРО, с конкретным финансированием всех составляющих, с уровнем их боевых возможностей (оперативных и технических характеристик), с этапами вывода и ввода в боевой состав вооружений.

Все эти данные должны содержаться в принимаемых государственных программах вооружения на 10 лет, однако в России они традиционно имеют высокий гриф секретности и не представляются даже на закрытых заседаниях комитетов Государственной думы и Совета Федерации при обсуждении государственных оборонных заказов на очередной год. При этом показательно, что нынешние депутаты, видимо, сами не проявляют интереса к получению и оценке такой информации.

---

⁴¹ Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000 г. (<http://www.mil.ru/articles/article3923.shtml>).

⁴² Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461).

В этом отношении то, что называется ядерной политикой России, в большой степени отличается, например, от ядерной политики США, отражаемой в четырехлетних ядерных обзорах, в которых всегда представлены все детали состояния и планов развития ядерных вооружений и обеспечивающих систем, финансирование которых обсуждается и принимается Конгрессом. Этот хронический российский недостаток лишь частично и в минимальной степени компенсируется данными, которые можно почерпнуть из отдельных и часто противоречивых заявлений официальных представителей Министерства обороны и ОПК.

Так, например, появляется информация о вводе в боевой состав в ближайшие 10 лет четырех подводных ракетоносцев проекта 955 с БРПЛ «Булава» и еще четырех в дальнейшем. При этом данные о требуемых для этого ассигнованиях и подтверждение реальности таких планов не представляются. Противоречивы сроки вывода из боевого состава ракетных войск стратегического назначения (РВСН) остающихся на дежурстве «тяжелых» ракет РС-20 и баллистических ракет, отнесенных к «легкому» типу РС-18 (от 2016 до 2020 г.). Еще больше размыты перспективы разработки нового авиационного стратегического комплекса для замены тяжелых бомбардировщиков (ТБ) Ту-95МС. В то же время заявлено о разработке новой «тяжелой» баллистической ракеты, что представляется явным стратегическим просчетом.

О текущем составе российской ядерной триады можно было узнать главным образом по результатам обмена данными между РФ и США в соответствии с Договором СНВ-1.

Представление о реальной ядерной политике России в том понимании, каком она существует и открыто объявлена в развитых ядерных демократических государствах, получить достаточно сложно. Причина этого заключается в ее излишней закрытости не только для общественности и независимых экспертов, но и основного законодательного органа государства. Принципы ядерного сдерживания, которых придерживается Россия, и основной инструмент этих принципов – стратегические и нестратегические ядерные силы, их состояние и перспективы развития, требует более высокой степени прозрачности. Это особенно важно в условиях договорных отношений с США по сокращению СНВ, по возможным консультациям об ограничении нестратегических ядерных вооружений, по сотрудничеству в сфере ПРО, что непосредственно отражается на возможностях дальнейших сокращений ядерного оружия.

Самое важное, что отход от тоталитарной закрытости принятия решений и развитие демократии в России неотделимо от гораздо большей открытости военной политики и военного строительства, включая их ядерную составляющую. Парламент и общество имеют право знать и понимать, как и на что тратятся крупные финансовые средства, материальные и интеллектуальные ресурсы государства, насколько они укрепляют обороноспособность страны и снижают вероятность самой страшной для нее катастрофы – ядерной войны. При этом «больше» отнюдь не всегда означает «лучше». Например, парламенту не мешало бы поинтересоваться, во сколько обойдется (с учетом вероятного превышения сметы, как в случае с ПЛАРБ проекта 955 и БРПЛ «Булава-30») намеченная разработка, испытания, производство и развертывание новой системы тяжелой МБР, против кого она предназначена и какова будет ее уязвимость в стационарных шахтных пусковых установках (ШПУ) для ядерного или обычного высокоточного оружия возможного противника. Также не вредно было бы оценить, сколько на эти средства можно было бы вместо тяжелой МБР развернуть полностью отработанных мобильных и стационарных МБР с РГЧ типа «Ярс» и (или) насколько можно было бы повысить эффективность систем СПРН (включая космические) и боевого управления СЯС.

Все это требует достаточно широкой и открытой дискуссии и независимых экспертных оценок для того, чтобы избежать стратегических просчетов. Такие просчеты в условиях полной закрытости процесса формирования политики имели место, например, в 2000–2001 гг. при решении о резком свертывании сил наземных МБР и программ их

обновления. И эти ошибки могут повториться в случаях с новой тяжелой МБР или с возможным выходом из Договора по РСМД от 1987 г.

Это необходимо и для того, чтобы приступить, наконец, к трансформации такого наследия холодной войны как взаимное ядерное сдерживание, которое препятствует консолидации усилий двух ядерных сверхдержав в противодействии новым реальным угрозам. О том, что взаимное ядерное сдерживание не отвечает интересам России и США, сказано в упоминавшейся выше статье четырех авторитетных российских деятелей⁴³. Это отмечено и в резолюции по ратификации Пражского Договора по СНВ Комитета по международным делам Сената США.

3. ЭВОЛЮЦИЯ ЯДЕРНОЙ КОНЦЕПЦИИ НАТО

Эволюция политической ситуации в Европе и за ее пределами влечет за собой и изменение взглядов североатлантического альянса в области ядерного оружия, основные элементы которых традиционно излагаются в документах под названием Стратегическая концепция НАТО. Следует, однако, отметить, что трансформация этих взглядов заметно отстает от позитивных изменений в отношениях России и Запада.

Серьезному учету этих изменений мешает несколько факторов.

Во-первых, нельзя не признать, что отношения России со странами Запада и, особенно, с НАТО носили и в 90-е, и в начале 2000-х годов исключительно нестабильный характер. Это препятствовало созданию устойчивой позитивной тенденции в отношениях, которая бы воплотилась в ряде изданий Стратегической концепции (СК) последних десятилетий – 1991, 1999 и 2010 гг.

Во-вторых, на протяжении всего этого времени в отношениях Запада и России в значительной степени проявлялись «остаточные» элементы (подходы) времен холодной войны. Это находило свое отражение не только в реальных политических действиях, но и в постулатах документов в сфере национальной безопасности.

В-третьих, политические элиты новых членов НАТО не смогли расстаться со своими фобиями в отношении России, которые укоренились в прошлой системе отношений с Москвой постсоветского периода.

Все это создавало условия для появления в стратегических концепциях НАТО противоречивой лексики как в отношении России, так и во взглядах на ядерное оружие.

В общем плане на выработку положений новой СК НАТО на всем протяжении ее формирования фундаментальное воздействие оказывали две группы геополитических реалий. К первой из них следует отнести восприятие уровня традиционных угроз – в приоритетном порядке, характера и динамики отношений с бывшим потенциальным противником – Россией. Ко второй – уровень оценки так называемых новых вызовов и угроз. В приоритетном порядке это относится к восприятию уровня конфликтности в регионах, прилегающих к Европе, опасностей, связанных с распространением ОМУ и терроризмом.

Следует признать, что западным экспертным сообществом не была снята озабоченность в отношении политической стабильности как внутри России, так и последовательности курса на развитие сотрудничества с НАТО в российской внешней политике.

Об этом, в частности, свидетельствуют положения столь важного документа, специально предназначенного для проработки основных направлений готовящейся СК, каким является доклад «группы мудрецов» под руководством М. Олбрайт – «НАТО 2020». В нем подчеркивается, что «поскольку будущую политику России в отношении

---

⁴³ См.: Примаков Е., Иванов И., Велихов Е., Моисеев М. Указ. соч.

НАТО по-прежнему трудно предугадать, то союзники, имея своей целью установление отношений сотрудничества, должны одновременно обезопасить себя от возможности того, что Россия может решить начать проводить более враждебную политику»⁴⁴. Наиболее же надежной гарантией безопасности, в понимании многих политиков, в современном мире по-прежнему остается ядерное оружие. Похоже, именно подобные доводы лежали в основе соображений в пользу сохранения роли и места ядерного оружия в новой Стратегической концепции НАТО.

Абсолютно точно позиция Брюсселя, выраженная в докладе группы М.Олбрайт, была охарактеризована в интервью заместителя министра иностранных дел РФ А.Грушко. Он подчеркнул, что «в ходе многочисленных консультаций и с альянсом, и с отдельными странами НАТО, и с «мудрецами», мы очень четко рассказывали о нашем видении основных элементов стратегической концепции НАТО. Первое и, пожалуй, главное заключается в том, что НАТО должна уйти от двусмысленности в выработке своего отношения к России. До сих пор для натовской позиции была характерна двойственность: с одной стороны, утверждалось, что Россия – партнер. С другой стороны, в более-менее скрытой форме признавалось, что Россия может представлять собой проблему в области безопасности и даже прямую угрозу»⁴⁵.

Через короткое время претензии России получили очередное подтверждение на практике. Благодаря масштабным утечкам информации, появившимся на сайте «Викиликс», достоянием широкой общественности в декабре 2010 г. стали секретные планы НАТО по защите Прибалтики от потенциальной угрозы со стороны РФ. Глава МИД РФ С.Лавров заявил, что подобные обстоятельства позволяют ставить вопрос о том, когда представители НАТО были искренними: когда договаривались о партнерстве или когда обсуждали планы защиты от России⁴⁶.

Подобное отношение к России было характерно для Запада практически на всем протяжении двусторонних отношений. В этом смысле показательно, что примерно в таком же ключе в 90-е годы XX в. высказывались некоторые высокопоставленные представители Госдепартамента США, поясняя, что расширение НАТО нужно на тот случай, если развитие событий в Москве пойдет по негативному сценарию⁴⁷.

Все 90-е и 2000-е годы отношения России и НАТО характеризовались постоянными взлетами и падениями. Но главной тенденцией для российского политико-экспертного сообщества оставалось отрицательное восприятие и озабоченность в связи с расширением НАТО⁴⁸.

Несмотря на оптимистичные заявления официальных представителей НАТО о мерах по налаживанию партнерства с Россией, своеобразный негативный итог построению двустороннего диалога подведен в Военной доктрине РФ 2010 г. Из нее следует, что Москва, по прошествии более 15 лет со времени начала процесса расширения, по-прежнему рассматривает в качестве основной внешней военной опасности «стремление наделить силовой потенциал НАТО глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран – членов НАТО

---

⁴⁴ NATO 2020: Assured Security. Dynamic Engagement Analysis and Recommendations of the Group of Experts on a New Strategic Concept for NATO. 17 May. 2010

(http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_63654.htm).

⁴⁵ Интервью заместителя министра иностранных дел России А.В.Грушко // Интерфакс. 02.10.2010

(<http://www.mid.ru/ns-dos.nsf/8aa6d005cdff4b79432569e70041fdc5/432569d800223f34c32577b200497c2c?OpenDocument>).

⁴⁶ Генсек НАТО: Отношения между альянсом и Россией продолжают улучшаться, несмотря на публикации WikiLeaks // РосБизнесКонсалтинг. 10 декабря 2010 г. (<http://www.rbc.ru/fnews.open/20101210034805.shtml>)

⁴⁷ См.: Ознобищев С. Россия – НАТО: реалистичное партнерство или виртуальное противостояние? // МЭ и МО. 2006. № 1. С.18

⁴⁸ Подробнее см.: Арбатов А., Дворкин В., Ознобищев С. Отношения России и НАТО (перспективы новой российской архитектуры безопасности, сокращение ядерных потенциалов, ДОВСЕ). М., ИМЭМО РАН. 2010.

к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока»⁴⁹. В перечне военных опасностей, указанных в доктрине – эта занимает первое место. По мнению большинства российских экспертов именно бездумная политика расширения НАТО была основным негативным фактором, нанесшим большой вред отношениям России и НАТО.

Определенный прогресс, достигнутый в отношениях России и Запада в современном политическом цикле «Обама–Медведев» очевиден. Однако, представляется, что достигнутых в последнее время позитивных сдвигов недостаточно для того, чтобы заложить основу для кардинального и необратимого изменения отношений между Россией и НАТО, Россией и Западом в целом.

Обращают на себя внимание оценки такого влиятельного российского лидера как председатель правительства В. Путин. В одном из своих интервью в конце лета 2010 г. он выразил уверенность, что сказанное им в своей знаменитой речи в Мюнхене в 2007 г, резко критиковавшей позицию Запада по отношению к России, актуально и по сей день⁵⁰.

Что касается второй группы угроз, то растущая озабоченность в НАТО по этому поводу абсолютно очевидна. Увеличивающаяся опасность распространения ОМУ и терроризма подчеркивается представителями альянса практически постоянно.

В отношении новой Стратегической концепции НАТО у политического и экспертного сообщества были определенные оптимистические ожидания. Но правы оказались те, кто предсказывал, что Брюссель сейчас не решится на сколь-нибудь заметную модернизацию своей ядерной стратегии и, скорее всего, лишь добавит к ней некоторые косметические изменения, отвечающие велению времени (например, о поддержке идеи безъядерного мира).

Полученный результат еще более контрастирует с имевшимися возможностями, если учесть, что подготовка представленного в Лиссабоне документа носила беспрецедентный характер, когда в разных форматах были проведены многочисленные консультации между представителями западных и российских политических и экспертных сообществ относительно основных постулатов будущего документа. К сожалению, найти в новом документе позитивные следы этого интенсивного и уникального диалога достаточно сложно.

Появившийся в итоге документ оказался ниже тех ожиданий, которые были. Более того, он оказался в значительной части составленным из слегка модифицированных положений однажды уже заявленных в предшествовавших изданиях Стратегической концепции 1999 и 1991 гг.

Более того, новая СК 2010 оказалась гораздо более консервативной, чем последний Обзор ядерной политики США, где сказано много нового в отношении стремления Вашингтона к снижению роли ядерного сдерживания в обеспечении безопасности, готовности к более активным шагам на пути укрепления режима нераспространения, продолжению процесса сокращения и ограничения ядерных вооружений.

Для объективного анализа основных положений новой СК в отношении ядерного оружия весьма иллюстративно сравнить их с аналогичным документом 1999 г. по следующему перечню вопросов.

- Каковы угрозы, для преодоления которых НАТО считает необходимым иметь в своем распоряжении ядерное оружие?
- Пути обеспечения безопасности с помощью ядерного оружия.
- На какие ядерные средства рассчитывает североатлантический альянс в своей стратегии?
- Готовность к переговорам по сокращению и ограничению ЯО.

⁴⁹ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461)

⁵⁰ См.: Владимир Путин: даю вам честное партийное слово // Коммерсантъ. 20.08. 2010 (<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=1495411>).

- Отношения с Россией.

Последний пункт имеет самое непосредственное отношение к ядерному оружию, поскольку НАТО традиционно имела ядерное оружие именно в контексте военных отношений с СССР, а затем – Россией.

Угрозы безопасности. Если исходить из приоритетности порядка упоминания в перечне, представленном в СК, то наиболее важным фактором оказывается то, что можно было бы назвать «ядерной традицией». Буквально в первых строках Стратегии отмечается, что «до тех пор, пока в мире существует ядерное оружие, НАТО останется ядерным альянсом»⁵¹. В СК 1999 г. такое положение отсутствовало, хотя нигде не ставилась под сомнение необходимость обладания ядерным оружием. Следует в то же время признать, что альянс решил не отставать от последних «модных» новаций в этой сфере, о чем будет сказано ниже.

Обосновывая необходимость поддержания высокоэффективного военного потенциала, в том числе ядерного, авторы СК указывают на тот факт, что современная ситуация в сфере безопасности содержит в себе «широкий и эволюционирующий набор вызовов безопасности НАТО». При этом отмечается, что «угроза нападения с применением обычных средств против НАТО низка», хотя «полностью игнорировать ее нельзя». Те же положения чуть в иной редакции можно видеть и в СК 1999 г. Примерно то же с 90-х годов утверждается в российских документах в сфере национальной безопасности.

Утверждения такого рода представляют собой некий осторожный оптимизм, на грани которого можно оставаться сколь угодно долго, так как само продвижение НАТО к границам России создало гипотетическую возможность вооруженного конфликта с ней напрямую, или на постсоветском пространстве.

Однако трагическим знаменем можно считать то, что акт «катастрофического терроризма» 11 сентября 2001 г. был совершен против самой мощной ядерной державы – Соединенных Штатов Америки. Наряду с прочими последствиями, это событие самым очевидным образом поставило под сомнение адекватность ядерного сдерживания в эпоху после холодной войны – ведь против терроризма бессмысленно бороться с помощью ядерного оружия и сдерживание здесь абсолютно не срабатывает.

Но понимание новизны возникшей ситуации не привело к коренному пересмотру взглядов на ядерное сдерживание в официальных документах «ядерной пятерки». Ядерное оружие сохраняется под разными декларируемыми предложениями, в том числе, имея в виду и наличие террористической угрозы, но в действительности для реализации той же самой базисной схемы сдерживания, которая имела место и во времена холодной войны в которой «ядерный Запад» сдерживал Россию, и наоборот. Многочисленные доказательства сохранения именно такого алгоритма сдерживания присутствуют как в официальных документах, так и в разработках ведущих экспертов США и России.

Если в соответствующих российских документах последнего времени (Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 г., Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. от 13 мая 2009 г.) в качестве элемента обоснования рациональности обладания и модернизации собственного ядерного потенциала США подразумеваются, но не упоминаются, то в американских документах наблюдается иная картина. В последнем Обзоре ядерной политики США открыто говорится, что «российские ядерные силы будут оставаться важным фактором в

---

⁵¹ См.: Active Engagement, Modern Defence. Strategic Concept for the Defence and Security of the Members of the North Atlantic Treaty Organisation (<http://www.nato.int/lisbon2010/strategic-concept-2010-eng.pdf>).

определении того, насколько и как быстро мы (США – авт.) готовы сокращать американские силы»⁵².

По оценкам авторитетных американских экспертов в политико-академическом сообществе также широко распространено мнение, что «российское ядерное оружие остается самой большой военной угрозой для Соединенных Штатов»⁵³. Именно такое понимание, свойственное основной ядерной державе Североатлантического союза подпитывает и «проектирование» ядерной политики НАТО. Авторитетный высокопоставленный военный эксперт бригадный генерал К. Виттманн обратил внимание на прямую связь концептуального обоснования в НАТО т.н. «расширенного сдерживания, включающего передовое базирование некоторых систем ядерного оружия США» с наличием «соответствующих систем вооружений у России»⁵⁴.

Все это подтверждает то обстоятельство, что несмотря на происшедшие геополитические и иные изменения Россия продолжает рассматриваться альянсом в качестве основного «объекта» ядерного сдерживания.

Новая СК уделила значительное внимание и новым угрозам – распространению ядерного и других видов оружия массового уничтожения, а также терроризму, «представляющему прямую угрозу гражданам стран НАТО»⁵⁵. В этом контексте все чаще упоминается возможность «кибер атак» по критически важным сетям связи, а также констатация роста зависимости от зарубежных энергетических поставок, хотя роль НАТО в предотвращении именно этих опасностей весьма спорна.

В целом, как и в российских документах в сфере национальной безопасности, утверждается, что «альянс не считает какую-либо страну своим противником» – заявление практически буквально повторяющее аналогичный постулат документа 1999 г. Однако, как отмечается, «никто не должен ставить под сомнение решимость НАТО действовать в случае если безопасность любого из ее членов окажется под угрозой»⁵⁶.

Пути обеспечения безопасности с помощью ЯО и ядерные средства НАТО. С учетом произошедших за последние 20 лет геополитических и геостратегических перемен в Европе, вполне можно было бы ожидать от НАТО заявления, что на европейском континенте присутствие ядерного оружия альянса преследует исключительно цель сдерживания его применения другими державами. Но вместо этого новая СК изобилует двусмысленностями. В отношении возможности применения в каких-либо сценариях ЯО, отмечается, что обстоятельства, при которых альянсом «может серьезно рассматриваться применение ядерного оружия в высшей степени маловероятны»⁵⁷. Это весьма важное положение представляет собой, тем не менее, абсолютный повтор формулировки СК 1999 г.

При этом акцентируется, что «безопасность альянса в первоочередном порядке обеспечивается за счет стратегических ядерных сил альянса, в особенности находящихся в распоряжении Соединенных Штатов, а также независимых стратегических ядерных сил Объединенного Королевства и Франции, которые, играя собственную сдерживающую роль, осуществляют свой вклад в сдерживание и поддержание безопасности альянса»⁵⁸ (приведенное заявление является калькой аналогичного положения СК 1999 г.). Для

⁵² Nuclear Posture Review Report. April 2010 (www.defense.gov/NPR/docs/2010).

⁵³ Toward True Security. A US Nuclear Posture for the Next Decade. Federation of American Scientists, Center for Defense Information, Natural Resources Defense Council, Union of Concerned Scientists. June 2001, P. 14 (http://www.fas.org/ssp/docs/010600-posture.pdf).

⁵⁴ Wittmann K. NATO's new Strategic Concept // An Illustrative Draft. September 2010. P.4 (http://www.ndc.nato.int/news/current_news.php?icode=8).

⁵⁵ См.: Active Engagement, Modern Defence...

⁵⁶ Ibid.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Ibid.

обеспечения полного набора возможностей, необходимых для сдерживания и защиты от угрозы любого рода предусматривается ряд мер. Среди них на первом месте находится уже использованная в документе 1999 г. формула – «поддержание необходимого сочетания ядерных и обычных сил»⁵⁹.

Для того, чтобы сдерживание выглядело максимально реалистичным, указывается на необходимость самого широкого участия союзников в «коллективном оборонительном ядерном планировании», что предполагает «в условиях мирного времени размещение ядерного оружия», а также участие в согласовании функций управления и связи и совместных консультациях⁶⁰. Это положение (п. 19, СК 2010 г.) является абсолютно точной копией формулировки, использованной в СК 1999 г. (п. 63)⁶¹.

Единственным принципиально новым элементом является акцент на противоракетную оборону. Это обусловлено характером восприятия угроз в области распространения ядерного оружия (в первую очередь – фактором иранской ракетно-ядерной программы), новыми техническими и организационными возможностями, выраженным Вашингтоном стремлением развернуть элементы ПРО в Европе. В определенном смысле архитекторы натовской военной политики повторили идеи известной речи Р. Рейгана марта 1983 г. (положившей начало так называемой Стратегической оборонной инициативе – СОИ) заявив, что альянс будет развивать возможности по защите населения и территории против удара с применением баллистических ракет в качестве «основополагающего элемента коллективной обороны»⁶².

В этом контексте особое значение приобретает перспектива взаимодействия с Россией, активно продвигающей идею совместной ПРО, начиная со второй половины 90-х годов. Новым элементом стало сделанное заявление, что НАТО будет активно стремиться к сотрудничеству в сфере ПРО с Россией.

Готовность к переговорам. Отношения с Россией. В новой Стратегической концепции подчеркивается, что «НАТО стремится к обеспечению безопасности на возможно максимально низком уровне вооруженных сил» (п. 26). Это тезис с разницей в пару слов был позаимствован из СК образца 1999 г. (п. 40). Такая постановка вопроса наводит на мысль, что за 11 лет в политике НАТО ничего не изменилось. Правда, альянс берет обязательство «создавать условия для дальнейших переговоров в будущем».

В качестве безусловной заслуги альянса отмечается, что со времени окончания холодной войны НАТО «самым решительным образом сократила численность ядерного оружия, размещенного в Европе», равно как и «опору на ядерное оружие в натовской стратегии». Первая часть этого заявления разделяется экспертами, которые предполагают, что кроме ядерных потенциалов Англии и Франции, в Европе сохраняется около 200 бомб свободного падения, дислоцированных в пяти европейских странах.

Однако никаких официальных данных по этому поводу не сообщается. Не касаясь этого вопроса, как и критериев или методики оценок, новая СК неожиданно обращается к тезису о превосходстве в численности тактического ядерного оружия у России и необходимости учитывать это превосходство. Перед НАТО ставится задача «в любых последующих сокращениях добиваться согласия от России на увеличение транспарентности ее ядерного оружия в Европе и на передислокацию этих вооружений» как можно дальше от территории стран – членов НАТО (куда, к территории КНР, Японии? – *авт.*). Такая постановка вопроса выглядит неубедительно и несет чрезмерный политико-пропагандистский налет, что не способствует налаживанию диалога по данной теме.

---

⁵⁹ Ibid.

⁶⁰ Ibid.

⁶¹ The Alliance's Strategic Concept. 24 April 1999 (http://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_27433.htm).

⁶² Ibid.

На этапе обсуждения возможного содержания будущей СК НАТО в политико-экспертном сообществе высказывались сомнения относительно того, решится ли альянс на декларацию цели продвижения к безъядерному миру. Но, по-видимому, после повсеместного признания руководителями большинства стран ядерной пятерки (и, в особенности, России) необходимости совместного движения к такой цели обойти вниманием эту тему было просто неудобно. Тем более что такая декларация не требует от лидеров стран каких-либо срочных действий.

Несмотря на отмеченные выше весьма чувствительные для их восприятия Москвой специфические детали трактовки «российской темы», в новом натовском документе делается попытка вывести отношения с Россией на новый уровень. В практическом плане тема создания совместно с Москвой европейской ПРО не просто заявлена, в документе говорится о решимости альянса интенсифицировать политические консультации и практическое сотрудничество

В этой области отмечается, что сотрудничество НАТО и России имеет стратегически важное значение. Подчеркивается, что альянс не представляет угрозы для РФ. «Наоборот, – говорится в документе, – мы хотим видеть истинное стратегическое партнерство между НАТО и Россией, и мы будем действовать соответствующим образом, с ожиданием ответных действий со стороны России». Здесь же признается, что целям общей безопасности в наилучшей степени отвечает «прочное и конструктивное партнерство, основанное на взаимном доверии, транспарентности и предсказуемости».

Несомненно, что стремление к повышению уровня взаимодействия с Россией можно только приветствовать. Однако президентами России несколько раз заявлялось о возможности ее вступления в НАТО, что представляет собой гораздо более высокий уровень отношений, чем «стратегическое» или какое-либо иное партнерство.

Президенты РФ, каждый в свое время, в публичных выступлениях в присутствии высокопоставленных представителей Запада абсолютно прозрачно намекали на возможность вступления России в НАТО. В июне 2001 г. после первого российско-американского саммита в ходе совместной пресс-конференции В. Путин напомнил Дж. Бушу, что еще за год до саммита на одной из встреч ему (Путину) был задан вопрос: «Возможно ли, чтобы Россия как-то присоединилась к НАТО?», – на который он ответил: «А почему бы и нет». Вспомнил он и то, что бывший госсекретарь США г-жа Олбрайт, «находясь где-то в командировке в Европе», на это сказала: «Ну, это сейчас не обсуждается»⁶³.

Президент Д. Медведев, выступая в Совете по международным отношениям в ноябре 2008 г. (с той же самой М. Олбрайт в качестве ведущей), заметил, что хотя ситуация пока не вполне располагает к присоединению России к НАТО, «но есть известное выражение «never say never»»⁶⁴. Лидеры Запада и руководство НАТО предпочли пройти мимо этих абсолютно однозначных сигналов, поступивших с самого верхнего уровня российской власти. Сейчас, в новом программном документе НАТО можно было бы ожидать хотя бы предложения приступить к серьезным консультациям по данной теме (как и по вопросу признания ОДКБ и сотрудничества с ней по Афганистану).

В программных документах НАТО нередко и раньше говорилось о партнерстве с Россией и из этого мало что следовало. Призыв к построению «прочного, стабильного и постоянного партнерства» содержался еще в Основополагающем акте Россия–НАТО,

---

⁶³ Совместная пресс-конференция с Президентом Соединенных Штатов Америки Джорджем Бушем. 16 июня 2001 г., Любляна (<http://president.kremlin.ru/text/appears/2001/06/28562.shtml>).

⁶⁴ Встреча с представителями Совета по международным отношениям. 16 ноября 2008 г. Вашингтон (http://www.president.kremlin.ru/appears/2008/11/16/0526_type63376type63377_type82634_209249.shtml).

принятом в 1997 г.⁶⁵. На деле же отношения нередко значительную часть времени пребывали в состоянии либо напряженности, либо кризиса и от реального партнерства были весьма далеки.

Одним из главных препятствий на пути к нормальному сотрудничеству (не говоря уже о партнерстве) на протяжении более чем 15 лет являлась политика расширения НАТО на восток. За все это время озабоченности России ни разу (!?) не были восприняты на официальном уровне как заслуживающие внимания, а тем более обсуждения. И новый документ не добавил никаких изменений в позицию Брюсселя по этому вопросу. В СК с одобрением говорится, что «расширение НАТО внесло заметный вклад в обеспечение безопасности союзников; перспективы дальнейшего расширения и приверженность идее совместного обеспечения безопасности сделали вклад в дальнейшее расширение стабильности в Европе». Такой тезис, с точки зрения Москвы, просто ошибочен, если смотреть на ситуацию в Европе объективно, – тем более, если рассматривать отношения с Россией как неотъемлемую часть обеспечения стабильности на континенте.

Конечно, продвижение на пути к реальному партнерству будет серьезно способствовать не только позитивным изменениям во взаимоотношениях НАТО и России, но и конструктивному диалогу Брюсселя и Москвы в сфере сокращения и ограничения ядерных вооружений, трансформации ядерных стратегий сторон. Процесс этот, однако, далеко не «линейный» и не однозначный – достаточно вспомнить сколько раз двусторонние отношения «замораживались» в связи с различного рода кризисными ситуациями. Собственно, очередная «разморозка» отношений (после «грузинского конфликта» августа 2008 г.), как раз произошла на саммите в Лиссабоне в ноябре 2010 г., когда и была принята последняя Стратегическая концепция альянса.

Таким образом, новая СК НАТО по-прежнему декларирует приверженность альянса традиционному ядерному сдерживанию в качестве основы безопасности с полным сохранением «трансатлантической связки» – ядерных гарантий со стороны США. Более того, в «ядерной части» СК практически нет ничего нового – почти все положения, связанные с ядерным оружием, повторяют СК 1999 г. Создается впечатление, что в связи с ростом числа членов альянса, внутри НАТО не удалось выработать консенсуса в отношении ряда новых формулировок (прежде всего, это касается вопросов ядерного оружия), что и предопределило их сохранение в прежнем виде.

В России не воспринимают новый документ как новую страницу в отношениях, поскольку его лексика мало отличается от предшествовавших документов и заявлений.

Для кардинального изменения наших отношений необходима реализация практических начинаний, заявленных на саммите Россия-НАТО в Лиссабоне. В итоге встречи Д.Медведева и А.Расмуссена были даны конкретные поручения, в частности, по разработке всеобъемлющего совместного анализа будущих рамочных условий сотрудничества в области противоракетной обороны и по конкретизации мероприятий взаимодействия в отношении общих вызовов безопасности XXI века⁶⁶. Выполнение этих поручений может способствовать эволюции как ядерной стратегии НАТО, так и соответствующих российских документов, их отходу от постулатов холодной войны. Что касается принятой в Лиссабоне новой Стратегической концепции НАТО, то уже сейчас ясно, что она вряд ли может способствовать позитивной трансформации ядерной стратегии НАТО.

---

⁶⁵ См.: Основополагающий Акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора. Париж, 27 мая 1997 г. (<http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=17915&PrintVersion=1>).

⁶⁶ См.: Заседание Совета Россия–НАТО. 20 ноября 2010 г., Лиссабон (<http://www.president.kremlin.ru/news/9568>).

4. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯДЕРНЫХ ДОКТРИН СОВРЕМЕННЫХ ГОСУДАРСТВ

Военные доктрины государств, включая их ядерный аспект, как правило, имеют двоякую природу. С одной стороны, они являются руководством к действию для своих вооруженных сил и оборонного комплекса, определяя характер и степень вероятности возможных войн и конфликтов, цели и задачи собственных военных действий, необходимые для них принципы боевой подготовки и программы технического оснащения армии и флота. С другой стороны, доктрины являются «посланием» другим странам (вероятным противникам и союзникам) и содержат предупреждение первым и гарантии вторым, объясняя при каких условиях и каким образом государство готово пойти на применение военной силы. Накопление ядерного оружия в годы холодной войны повлекло осознание неприемлемости его широкомасштабного применения. Это поставило на приоритетное место содержания доктрин определение путей сдерживания противников от использования ядерного оружия, то есть предотвращения ядерной войны как в результате преднамеренного нападения, так и в итоге эскалации военных действий с применением других вооружений и сил.

Соотношение названных двух аспектов военных доктрин у различных государств неодинаковое. И даже у одной и той же страны оно может со временем изменяться. Так у СССР официальная военная доктрина носила преимущественно пропагандистский характер и имела мало общего с реальной военной стратегией и оперативными планами. У нынешней России эта взаимосвязь гораздо более осязаема, хотя (а, возможно, именно поэтому) не избавляет военную доктрину от ряда внутренних противоречий.

Доктрины ядерных государств поддаются систематизации, несмотря на все многообразие официальных стратегических концепций, большие различия в степени их политико-пропагандистской направленности, а также в том, в какой мере они отражают реальное планирование применения ЯО.

Ядерная стратегия ведущих государств. С точки зрения условий, при которых считается оправданным применение ядерного оружия, дело обстоит следующим образом. Новые доктринальные документы РФ и США, принятые в 2010 г. определяют это весьма схожим образом.

США. Как гласит новая американская доктрина, «фундаментальная роль ядерного оружия США, пока существует ядерное оружие, состоит в сдерживании ядерного нападения на США, их союзников и партнеров». Соединенные Штаты «будут рассматривать возможность применения ядерного оружия только в крайних обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов США, их союзников и партнеров». Будет снижаться роль ЯО в сдерживании нападения с применением обычного, химического или биологического оружия. Соединенные Штаты «готовы объявить, что не будут использовать и угрожать использованием ядерного оружия против неядерных государств, которые являются участниками ДНЯО и выполняют свои обязательства по нераспространению»⁶⁷. Правда, это обязательство не относится к ядерным державам и странам, нарушающим ДНЯО.

Видимо, подразумевая союзнические гарантии безопасности Японии и Южной Кореи, США сохраняют вариант ядерного ответа на нападение с использованием обычного оружия или других видов ОМУ (как сказано, «для узкого набора сценариев»). Иными словами, допускается применение ЯО не только в глобальном масштабе (как основа сдерживания ядерного нападения на США), но и для сдерживания на региональном уровне: как ответ на нападение на союзников с применением ядерного оружия, а в отдельных случаях и в качестве реакции на нападение с использованием других видов ОМУ или обычных вооружений и сил.

⁶⁷ Nuclear Posture Review Report. April 2010. Wash., DC., 2010. P. VIII.

Поэтому США «не готовы в настоящее время приять безоговорочную политику сдерживания ядерного нападения как единственного предназначения ядерного оружия, но будут действовать в направлении создания условий, при которых такая политика могла бы быть безопасно принята»⁶⁸.

Россия. Современная российская военная доктрина указывает: «Российская Федерация обеспечивает постоянную готовность Вооруженных Сил и других войск к сдерживанию и предотвращению военных конфликтов, к вооруженной защите Российской Федерации и ее союзников в соответствии с нормами международного права и международными договорами Российской Федерации... Недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта, – важнейшая задача Российской Федерации»⁶⁹.

Порядок применения ЯО определен следующим образом: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»⁷⁰.

Иными словами, во-первых, ядерные силы России предназначены для ответного ядерного удара в качестве возмездия за ядерный удар противника по России и (или) ее союзникам. Во-вторых, – для первого ядерного удара в ответ на нападение на РФ и ее союзников с использованием химического, бактериологического или радиологического оружия. В-третьих, – для первого ядерного удара перед лицом неминуемой национальной катастрофы в результате нападения на Россию (но не на ее союзников) с использованием обычных вооруженных сил и вооружений. Последнее, очевидно, адресовано угрозам, проистекающим от превосходства расширившейся НАТО по силам общего назначения и по высокоточным обычным вооружениям, и, возможно, вероятным опасностям меняющейся не в пользу РФ стратегической ситуации на востоке.

По сравнению с предыдущей официальной российской Военной доктриной от 2000 г., обращает на себя внимание более сдержанная, консервативная трактовка возможности первого применения ЯО в ответ на агрессию с использованием обычного оружия. Характерно, что в новой доктрине нет ряда «новаций» начала десятилетия, в частности, постановки задачи «деэскалации агрессии... угрозой нанесения или непосредственно осуществлением ударов различного масштаба с использованием обычных и/или ядерных средств поражения». Нет и концепций «дозированного боевого применения отдельных компонентов Стратегических сил сдерживания», демонстрации решимости путем «повышения уровня их боевой готовности, проведения учений и изменения дислокации отдельных компонентов»⁷¹.

Внимание комментаторов, особенно зарубежных, вызвал следующий пассаж новой доктрины: «В случае возникновения военного конфликта с применением обычных средств поражения (крупномасштабной войны, региональной войны), ставящего под угрозу само существование государства, обладание ядерным оружием может привести к перерастанию такого военного конфликта в ядерный военный конфликт»⁷².

Смысл этого положение не вполне ясен. Если имеется в виду возможность применения ядерного оружия в региональной войне ядерными государствами в Южной Азии, на Ближнем или Дальнем Востоке, то эта констатация не вызывает сомнения.

---

⁶⁸ Ibid.

⁶⁹ Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461).

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Актуальные задачи развития Вооруженных Сил Российской Федерации. Министерство обороны. М., 2003. С. 42.

⁷² Военная доктрина Российской Федерации. 5 февраля 2010 г. (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461).

Однако, поскольку она содержится в Военной доктрине России, постольку явно не хватает определения того, какую опасность это создает для РФ и какова будет ее военная реакция на подобные события.

Если же подразумевается возможность применения ЯО Россией в региональном конфликте (как это истолковали многие эксперты), то не совсем понятно, как региональный конфликт, пусть даже на постсоветском пространстве, поставит «под угрозу само существование государства», то есть России. Тем более это не может относиться к вооруженному столкновению РФ с другими державами в отдаленных регионах (скажем, в Латинской Америке, зоне Персидского залива или в Юго-Восточной Азии). Далее, если речь идет о конфликте России с НАТО или США и их союзниками на Дальнем Востоке, то такой катаклизм по определению не был бы региональным, а сразу приобрел бы глобальный характер. Нельзя представить себе войну с США и их союзниками в Евро-Атлантическом регионе при сохранении мира на Тихом океане. Наконец, конфликт с другими странами на постсоветском пространстве или в прилегающих регионах не может поставить «под угрозу само существование» России.

Правда, есть одно исключение: гипотетическая война с Китаем. Она имела бы региональный характер, была бы чревата поражением РФ в обычных боевых действиях и могла бы поставить «под угрозу само существование государства» в случае потери территорий Дальнего Востока и Сибири. Для предотвращения этого вполне можно представить себе применение Россией ядерного оружия.

Впрочем, отнюдь не очевидно, что авторы новой доктрины вкладывали некий подспудный смысл в ее положения, в частности, не упоминая возможность применения ЯО в случае агрессии с применением обычных вооружений и сил против союзников РФ или допуская возможность ядерного удара в региональной войне с Китаем. Вполне вероятно, что процесс коллективного творчества военных теоретиков и заинтересованных ведомств, перегруженность документа схоластическими и не относящимися к его жанру тезисами привели к появлению в окончательном тексте двусмысленностей, противоречий и дали повод для логических интерпретаций, которые оказались бы неожиданными для самих авторов Доктрины.

Китай – единственная из великих держав, которая на официальном уровне имеет обязательство о неприменении ЯО первым, причем без всяких оговорок. Обычно считается, что ядерная держава, принявшая обязательство о неприменении ЯО первой, опирается на концепцию и средства ответного (второго) удара. Однако, по общепринятым оценкам, в настоящее время китайские СЯС, равно как и системы предупреждения о ракетном нападении, инфраструктура пунктов боевого управления и связи слишком уязвимы, чтобы обеспечить возможность ответного удара после гипотетического разоружающего ядерного удара США или России.

Поэтому официальную доктрину КНР трактуют как преимущественно политико-пропагандистский инструмент (вроде советского обязательства о неприменении ЯО первым от 1982 г.), не отражающий реального оперативного планирования СЯС, которые в действительности нацелены на упреждающий удар. Впрочем, в обозримом будущем программы модернизации ядерных сил Китая будут объективно увеличивать его высокоживучий потенциал ответного удара при условии повышения неуязвимости носителей ЯО на стартовых позициях, систем СПРН, боевого управления и развития надежных систем предотвращения несанкционированного применения (которые позволят отказаться от раздельного хранения носителей и боеголовок).

Систематизация ядерных доктрин. Что касается использования ЯО в ответном (втором) ударе после ядерного нападения противника, то следует сказать, что все ядерные государства готовы применить ЯО в ответ на нападение на них с применением ядерного оружия. США и Россия намерены прибегнуть к ЯО в случае нападения и на их союзников с применением ЯО.

Относительно применения ядерного оружия первыми картина выглядит следующим образом:

- Россия, Франция, Индия (и, видимо, Израиль) допускают применение ЯО в ответ на нападение на них с использованием других видов ОМУ (химическое, бактериологическое и радиологическое оружие);
- Россия предполагает применение ядерного оружия в случае нападения на ее союзников с использованием других видов ОМУ. В новой американской ядерной доктрине, опубликованной в апреле 2010 г., не предусматривается применения ЯО в ответ на использование других видов ОМУ против США и их союзников (кроме, видимо, защиты Японии и Южной Кореи, которых беспокоит угроза такой агрессии со стороны КНДР);
- Россия, Пакистан (и, наверняка, Израиль) готовы использовать ядерное оружие при угрозе своего катастрофического поражения в войне с применением противником только обычных вооруженных сил и вооружений;
- Великобритания и Франция и до 2010 г. США (в рамках стратегии НАТО) допускали использование ЯО для предотвращения поражения своих сил общего назначения. Новая ядерная доктрина США не предусматривает применения ядерного оружия в таком сценарии;
- все державы, кроме КНР и Индии, «по умолчанию» допускают применение ЯО в упреждающем ударе для уничтожения ракет и иных носителей ОМУ пороговых стран, особенно нарушающих ДНЯО;
- США раньше допускали избирательное применение ЯО против объектов террористов и в других ситуациях по своему усмотрению, но в новой доктрине об этом не упоминается;
- Россия может, видимо, применить ЯО в ответ на удары с использованием обычного оружия против ее стратегических сил, систем СПРН, пунктов государственного управления, ядерных и других критически опасных и важных объектов, жизненно важных объектов промышленности и инфраструктуры.

Во всех случаях цели возможных ядерных ударов будут на территории противника, союзных ему стран, особенно тех, в которых размещено ядерное оружие противника, а также его объекты, базы и войска за рубежом.

Первый ядерный удар. Готовность держав к первому применению ядерного оружия определяет придание ему роли не только инструмента сдерживания, но и орудия реального ведения войны и достижения в ней успеха, что бы под ним ни подразумевалось. Первое применение ЯО – это гораздо больше, чем ядерное сдерживание, или, во всяком случае, весьма широкая трактовка концепции сдерживания (включая превентивный удар).

В отличие от потенциала сдерживания, который подразумевает ответный ядерный удар, концепция первого удара обычно ассоциируется со стратегией разоружающего (контрсилового) удара. Кроме того, первый ядерный удар может рассматриваться как необходимость для противодействия превосходящим силам общего назначения противника или как вынужденная мера для ухода от разоружающего удара оппонента (упреждающий удар).

Следует оговориться, что величина акцента на первое применение ядерного оружия не обязательно прямолинейно свидетельствует об агрессивности общей военной и, в целом, внешней политики тех или иных государств. Ядерная стратегия, при всей ее важности, – лишь элемент общей сложнейшей и динамичной картины глобальной и региональной экономики, политики и военного соотношения сил.

Тем не менее, если попытаться ранжировать современные ядерные державы по степени их готовности к первому применению ЯО, как исходя из их официальных

доктрин, так и в свете их объективной геостратегической ситуации и вероятного оперативного планирования, то открывается следующая панорама.

Наиболее наступательный характер (исключительно опора на первый удар) в силу как стратегической необходимости, так и технических характеристик, состава и структуры имеют потенциалы Израиля и Пакистана.

Второе место по этому критерию, видимо, занимает Россия. Ее относительная ядерная мощь в проекции на гипотетических противников (НАТО, Китай, американо-японский союз) будет в перспективе снижаться, но ее отставание по силам общего назначения (СОН), новейшим неядерным вооружениям и региональная уязвимость создают стимул для концепций и планирования первого ядерного удара.

На третьем месте условно стоят США. В силу их объективного положения и военного потенциала, они не имеют серьезных стимулов к первому применению ЯО. Однако их доктринальные установки, обязательства союзникам и огромное превосходство по контрсилловому ядерному потенциалу определяют сохранение концепции первого удара и в новой Военной доктрине от 2010 г.

Далее следует Индия с ее обязательством о неприменении ЯО первой. На деле, судя по всему, она будет и впредь стремиться поддерживать способность нанести разоружающий удар по Пакистану, но будет уязвима для контрсиллового удара со стороны КНР. Обязательство о неприменении, видимо, преследует цель не провоцировать ни КНР, ни Пакистан на упреждающий удар, тем более что с Пакистаном Индия может справиться с применением только обычных вооружений и сил.

Пятое место можно отдать Китаю. Он декларативно и безоговорочно принял обязательство о неприменении ЯО первым, однако перед лицом превосходящих сил США и России китайский потенциал ответного удара (соответствующий его декларации) выглядит пока сомнительным. Со временем, однако, Китай, несомненно, обретет такой потенциал в отношении США и РФ, а также повысит наступательные (контрсилловые) возможности своих СЯС в отношении Индии, а впоследствии, возможно, и России.

На шестом месте стоит Франция, доктрина которой весьма агрессивно делает упор на «расширенное ядерное сдерживание», включая при разных обстоятельствах и первый удар, но реальные ядерные силы которой, как и ее геостратегическое положение (в центре зоны НАТО) не подразумевают ни способности, ни необходимости такой «ядерной позы».

На последнем, седьмом, месте находится Великобритания, в которой несколько лет назад серьезно обсуждалась возможность полного отказа не просто от первого удара, но вообще от ядерного оружия. Имея сходные с Францией положение и потенциал, Лондон, в противоположность Парижу, весьма туманно трактует концепцию первого удара, не видя в ней необходимости, но и не желая создавать дополнительные политические осложнения для НАТО и США.

Наконец, Северная Корея пока не вписывается в представленный стратегический диапазон, поскольку, видимо, не создала еще компактных ядерных боезарядов для ракетных или авиационных носителей. Ее потенциал в большей степени можно характеризовать как «провокационный» или «диверсионный» (то есть доставляемый нетрадиционными носителями вроде гражданских судов или самолетов).

Несомненно, все ядерные государства считают ЯО законной и незаменимой опорой и защитой своей безопасности и безопасности союзников, а также атрибутом особого статуса и политического влияния в мире. Каждое из них выдвигает для этого «неотразимые», во всяком случае, со своей точки зрения, аргументы. В то же время, любые заявки на право обладания ядерным оружием, которые могут исходить от других стран, они считают необоснованными, неприемлемыми и опасными.

Таким образом, окончание холодной войны не уменьшило, а, скорее, увеличило и узаконило неравенство ядерных и неядерных государств. В военной стратегии большинства ядерных государств был не повышен, а наоборот, понижен «ядерный порог»

(то есть критический уровень условий, при которых может быть применено ЯО), не говоря уже об отказе от концепции первого ядерного удара и, тем более, от ядерного сдерживания как такового.

Диапазон ядерных задач. В военно-политическом плане те или иные страны связывают с ядерным оружием пять основных политических задач в различных комбинациях:

1. престиж и статус в мировой политике (все восемь ядерных государств, кроме Израиля);
2. предотвращение ядерного нападения (ныне все восемь стран, возможно, за исключением Израиля);
3. сдерживание и парирование нападения с использованием других видов вооружений и вооруженных сил (шесть государств, кроме КНР и, с оговорками, США и Индии);
4. гарантии безопасности и влияние на союзников (Россия, США, Великобритания и Франция);
5. «козырь» для размена на уступки других стран на переговорах по иным темам (Россия, КНДР, в будущем, возможно, Израиль).

Понятно, что приведенные соображения и материальные интересы образуют связанные с ЯО политические и лоббистские внутренние группы давления, которые, как правило, превращаются в дополнительный проядерный фактор внутреннего порядка.

В приведенной ниже таблице (см. Приложение 1) эти цели схематично представлены и распределены по ядерным государствам с несколько более подробной детализацией. При этом термин «предотвращение» нападения, очевидно, может подразумевать планирование как ответного, так и упреждающего удара, а термин «отражение» нападения может трактоваться или как успешная защита от агрессии с применением ЯО – или в смысле эскалации военных действий на более высокий (ядерный) уровень противоборства. Оговорки США о сохранении ядерного сдерживания против нападения на союзников с использованием противником других видов ОМУ относятся к сценарию агрессии Северной Кореи против Японии и Южной Кореи. Знаки вопроса означают неясность или двусмысленность официальной доктрины государства или вероятность ее изменения в будущем.

Как видно из таблицы, те или иные страны ставят разные комбинации задач перед своим ядерным оружием. Только Россия в настоящее время имеет полный набор этих задач в своей ядерной стратегии. Эти российские обстоятельства и доктринальные положения необходимо учитывать в планировании долгосрочной и реалистической политики движения к безъядерному миру. Не сняв указанные препятствия путем соглашений или иных мер, нельзя далеко продвинуться на этом пути.

Но и Москве нужно осознать, что без такого движения будет неизбежно продолжаться распространение ЯО, равно как и научно-технический прогресс в других военных сферах. Оба эти процесса, в конечном итоге, выхолостят способность ядерного оружия выполнять ныне возлагаемые на него Россией задачи.

III. НЕЯДЕРНЫЕ ФАКТОРЫ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

1. ПЕРСПЕКТИВЫ СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И США В СОЗДАНИИ ПРО

Опыт сотрудничества. Дискуссии и предложения по практическим формам сотрудничества России, США и НАТО в сфере ПРО продолжаются около 15 лет. В середине 90-х годов на экспертном уровне российские и американские специалисты рассматривали и предлагали совместное использование систем предупреждения о ракетном нападении России и США. Попытки реализовать элементы этого сотрудничества по инициативе российского руководства, предлагавшего использовать радары СПРН около Габалы и в районе Армавира с реанимацией Центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей (ЦОД) и созданием аналогичного Центра в Брюсселе не могли увенчаться успехом, поскольку Россия рассматривала это предложение в качестве альтернативы размещению района стратегической ПРО США в Польше и Чехии.

Тем не менее продвижение в сфере сотрудничества происходило в организации совместных учений по нестратегической ПРО. В формате Россия–США в период 1996–2006 гг. проведены пять компьютерных тренировок по ПРО ТВД поочередно в России и США. В 2003–2008 гг. проведены четыре тренировки в формате Россия–США–НАТО – в США (шт. Колорадо), Голландии, Москве, Мюнхене. В дальнейшем планировалось проработать возможность проведения практических учений на российской полигонной базе с реальным применением зенитно-ракетных комплексов С-300 и «Пэтриот». Однако эта деятельность после вооруженного конфликта России с Грузией была «заморожена».

С приходом к власти в США демократической администрации намерения сотрудничать были обозначены достаточно определенно. Так, например, во время визита Б. Обамы в Москву он заявил следующее: «Я хочу работать совместно с Россией над новой архитектурой ПРО, которая даст нам большую безопасность. Но если исчезнет угроза, связанная с иранской ракетно-ядерной программой, то не станет и причины для развертывания системы ПРО в Европе. Это отвечает нашим взаимным интересам». Заместитель госсекретаря США Уильям Бернс добавил к этому, что «наши страны посвятили больше исследований и ресурсов, чем кто-либо другой, противоракетной защите». Полностью поддержал этот замысел генеральный секретарь НАТО А. Ф. Расмуссен, указав, что НАТО и Россия должны сотрудничать в разработке и строительстве обороны против баллистических ракет. Позитивно оценивает такое сотрудничество и руководство России. На встрече президентов России и США 24 июня 2010 г. Б. Обама сообщил, что российской стороне переданы различные варианты сотрудничества в этой сфере.

Российский потенциал сотрудничества. США являются безусловным лидером в разработках нестратегических и стратегических систем ПРО. В отличие от предыдущих планов администрации президента Д. Буша по развертыванию недостаточно отработанной стратегической ПРО, объявленная четырехэтапная программа нынешней администрации представляется вполне реалистичной. Непрерывное совершенствование уже отработанной морской системы «Иджис» с перехватчиками SM-3 предусматривает дальнейшее повышение эффективности и дальности поражения баллистических ракет средней дальности за счет увеличения массы твердого топлива антиракет (диаметр второй и третьей ступеней увеличивается примерно в полтора раза: с 34,3 см до 53,3 см), а также модернизации систем боевого управления и наведения. Ожидается, что за счет повышения скоростных характеристик противоракеты будет обеспечена способность (при

размещении кораблей системы «Иджис» в Средиземном море) поражать иранские ракеты на активном участке траектории. Не ожидается каких-либо технологических проблем при адаптации перехватчиков для развертывания их в наземном варианте.

Однако к настоящему времени нет окончательной определенности с размещением в Европе не только наземного варианта противоракет SM-3 (Румыния, Болгария), но и радаров X-диапазона (сантиметрового). Нельзя исключить, что эти радары могут быть размещены в Турции, Грузии и в странах Восточной Европы. Но в любом случае они будут единой составной частью общей системы ПРО территории США и Европы, включающей радары системы раннего предупреждения о ракетном нападении.

В то же время дальнейшее наращивание стратегических трехступенчатых противоракет типа GBI на Аляске (Форт Грили, 26 противоракет) и в Калифорнии (база Ванденберг, четыре противоракеты) приостанавливается. В качестве резерва в Калифорнии достраиваются 14 шахт для GBI, в которые противоракеты будут загружены в случае необходимости. Считается, что таким образом обеспечивается защита территории США от одиночных пусков МБР, однако испытательные пуски противоракет GBI будут продолжены. Известно, что начаты летные испытания двухступенчатого варианта противоракет GBI, которые ранее планировалось развернуть в Польше.

Несмотря на лидирующее положение США в этой сфере, российский потенциал сотрудничества может, прежде всего, относиться к информационным и поражающим средствам в составе совместной системы ПРО. Вклад космических эшелонов российской СПРН на данном этапе из-за нынешнего состояния этих эшелонов вряд ли может оказаться весомым. К тому же американская космическая система раннего предупреждения обладает повышенными возможностями по прогнозированию траекторий полета баллистических ракет, запуски которых обнаружены.

Однако вероятность обнаружения запусков ракет космическими эшелонами зависит от состояния облачного покрова в районах старта, поэтому не является 100%-ной. Наиболее надежным средством раннего обнаружения стартовавших ракет и расчета траекторий их полета являются радары СПРН России и системы раннего предупреждения о ракетно-ядерном ударе США. Американским специалистам хорошо известны уникальные возможности радаров российской СПРН в Мингечауре и под Армавиром по обнаружению пусков ракет со стороны Ирана.

При испытательных запусках иранских ракет с северного полигона по трассе в юго-восточном направлении радар в Мингечауре обнаруживает их на 110–120 секунде полета, а при боевых пусках в северо-западном направлении еще раньше, что недоступно никаким радарам американской системы раннего предупреждения о ракетно-ядерном ударе. По оценкам американских независимых экспертов, интеграция систем предупреждения о ракетном нападении России и США повышает эффективность обнаружения пусков ракет и ракет – носителей на 20–70%.

Кроме того, вполне могут быть востребованы российские разработки в области радаров СПРН с высокой степенью заводской готовности, которые можно относительно быстро развертывать на ракетноопасных направлениях.

Известно также, что эффективность и дальность перехвата боеголовок баллистических ракет резко повышается при развертывании низкоорбитальной космической информационной системы типа STSS. Космические аппараты этой системы массой около 650 кг каждый с датчиками в инфракрасном и видимом диапазоне должны выводиться на круговые орбиты высотой 1350–1400 км с наклоном 60–70 град. В качестве ракет-носителей для размещения их на орбитах могут быть использованы российские ракеты-носители, в том числе конверсионные «тяжелые» ракеты, разработанные по российско-украинскому проекту «Днепр».

Энергетические характеристики «тяжелой» ракеты в период гонки стратегических вооружений были доведены по удельным показателям до самых высоких в мире в своем

классе. Несколько таких носителей, переоборудованных из снимаемых с вооружения по мере истечения сроков эксплуатации МБР РС-20, уже были успешно использованы в коммерческих проектах для запуска иностранных спутников, продемонстрировав высочайшую надежность. Такой носитель с разгонной ступенью и двигателями многократного включения может выводить на круговые орбиты высотой до 1400 км с требуемым наклоном одновременно два космических аппарата системы STSS. Это позволяет развернуть низкоорбитальную группировку для информационного обеспечения глобальной ПРО с существенно меньшими затратами.

В области систем и средств, обеспечивающих перехват ракет, вполне может быть использован передовой российский опыт разработки уникального программного обеспечения для обнаружения атакующих ракет, селекции боеголовок на фоне ложных целей и помех и другие разработки. Россия также располагает развитой полигонно-испытательной инфраструктурой, содержащей сеть пунктов радиолокационных, оптико-электронных и телеметрических станций. Наконец, в качестве важного элемента полноценного сотрудничества представляется целесообразным обсудить на официальном уровне возможность включения в архитектуру ПРО в Европе российских противоракетных систем. Например, зенитно-ракетные комплексы С-400 «Триумф» значительно превосходят по дальности поражения воздушных целей и баллистических ракет американские комплексы типа «Пэтриот». В дальнейшем может идти речь и о перспективной системе С-500.

Первоочередные шаги. Вместе с тем вряд ли все перечисленные совместные проекты могут быть реализованы в ближайшей перспективе из-за сохраняющегося взаимного недоверия и консервативности официальных структур, опасения утраты чувствительных технологий. Преодолевать эти препятствия целесообразно в первую очередь восстановлением тех элементов сотрудничества, которые утрачены в последние годы. Прежде всего, необходимо безотлагательно реанимировать проект Центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей, решение о создании которого принято 12 лет тому назад тогдашними президентами России и США. Намерение сделать это подтвердили новые президенты двух держав на встрече в Москве в 2009 г.

В последнее время возникла идея о возможности формирования так называемого виртуального ЦОДа с тем, чтобы избежать, во-первых, затрат на подготовку нового здания взамен демонтированного, во-вторых, прежних налоговых и таможенных сложностей, а также решения вопросов ответственности за возможный ущерб.

Изначально Центр планировалось образовать для организации непрерывного обмена информацией о пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей, получаемой от систем раннего предупреждения России и США, минимизации последствий ложного предупреждения о ракетном нападении и предотвращения возможности пуска ракет по причине такого ложного предупреждения, а также для возможной реализации многостороннего режима обмена уведомлениями о пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей.

Основными задачами ЦОДа являлись:

- обеспечение обмена информацией о заявленных и незаявленных пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей (КРН), обнаруженных системой раннего предупреждения о ракетно-ядерном ударе США и СПРН РФ;
- оперативное разрешение возможных неясных ситуаций в Совместной комиссии, связанных с информацией от систем предупреждения;
- создание условий для подготовки и обслуживания единой базы данных по многостороннему режиму обмена уведомлениями о пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей.

Обмен информацией должен был осуществляться по баллистическим ракетам и ракетам-носителям, обнаруженным системами предупреждения, а также по пускам ракет

третьих государств, которые могли бы представлять прямую угрозу России и США или могли бы создать неясную ситуацию и привести к неправильному толкованию. Источниками получения информации для обмена данными являются средства космического и наземного эшелонов систем предупреждения России и США.

При обмене предварительно обработанной информацией о пусках она должна представляться в масштабе времени, близком к реальному, если это возможно.

Информация подлежит обмену в соответствии со следующими форматами:

- при обнаружении старта баллистической ракеты – время старта, родовой тип ракеты, географический район старта, географический район падения полезной нагрузки, предполагаемое время падения полезной нагрузки, азимут пуска;
- при обнаружении старта космической ракеты-носителя — время старта, родовой тип ракеты, географический район старта, азимут пуска.

Развитие процесса обмена информацией планировали осуществлять по этапам.

I. На начальном этапе функционирования ЦОДа должна была представляться информация по обнаруженным пускам МБР и БРПЛ, принадлежащих обоим государствам и за редким исключением по обнаруженным пускам КРН, принадлежащих им же, включая такие пуски МБР, БРПЛ и КРН, которые осуществляются с территории третьих государств, и такие пуски МБР, БРПЛ и КРН третьих государств, которые имеют место на территории России и США.

II. На втором этапе предполагалось, что Россия и США будут предоставлять информацию об обнаруженных пусках, указанных в п. I, а также об обнаруженных пусках других типов баллистических ракет, принадлежащих этим государствам, с дальностью более 1500 км или с максимальной высотой свыше 500 км.

III. В итоге должен был реализоваться обмен информацией об обнаруженных пусках ракет, указанных в других этапах, а также об обнаруженных пусках баллистических ракет третьих государств с дальностью более 500 км или с максимальной высотой свыше 500 км, если часть траектории полета баллистической ракеты, рассчитанная по азимуту пуска, пролегает над территорией России или США, или предполагаемый район падения ее полезной нагрузки находится в пределах территории этих государств. Россия и США также должны были предоставлять информацию об обнаруженных пусках КРН третьих государств, если проекция азимута их начального пуска пролегает на территории России или США в первой полуорбите пуска. По усмотрению может предоставляться информация о других обнаруженных пусках КРН третьих государств, независимо от азимута пуска.

Россия и США должны были предоставлять информацию о пусках третьих государств, которые, по их мнению, могли бы создать неясную ситуацию для системы предупреждения и привести к возможному неправильному толкованию действий друг друга. На более позднем этапе Совместной комиссией должен был решаться вопрос о возможности и необходимости обмена информацией по ракетам, которые осуществляют перехват объектов, не расположенных на поверхности Земли. В дальнейшем Россия и США планировали рассмотреть в Совместной комиссии вопрос о расширении обмена данными об обнаруженных пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей на глобальном уровне с учетом изменений в стратегической ситуации в мире и развития многостороннего режима обмена уведомлениями о пусках баллистических ракет и космических ракет-носителей.

Россия и США предполагали назначить своих руководителей (по одному человеку от России и США) и их заместителей (Россия – два человека, США – один человек), которые обладают равными правами в обеспечении руководства деятельностью ЦОД. Руководители ЦОД должны осуществлять совместное повседневное руководство деятельностью Центра и нести совместную ответственность за выполнение задач. Эксплуатация ЦОД должна осуществляться совместно оперативным персоналом России и

США, прошедшим специальную подготовку (от России и США по 12 человек: шесть расчетов по два человека).

Обслуживание предполагалось осуществлять персоналом России (четыре человека) и США (два человека), обслуживающим техническое оборудование (Россия – четыре человека, США – два человека). Охрана и обслуживающий персонал должен был обеспечиваться Россией (62 человека).

При формировании виртуального Центра на территории России на КП СПРН или Национального центра по уменьшению ядерной угрозы на территории США в выбранном месте должны быть образованы национальные дежурные смены, которые будут обмениваться информацией. Российская дежурная смена передает американской дежурной смене санкционированную информацию об обнаруженных пусках с задержкой, измеряемой единицами минут. Поступающая в дежурные смены информация необязательно должна очищаться от всех ложных тревог, поскольку для систем ПРО лучше принять ошибочную информацию, чем допустить пропуск реальных ракетных пусков.

К преимуществам виртуального Центра можно отнести уменьшение требуемых каналов связи за счет исключения связей между аналитическим отделом и единым Центром, а также повышение оперативности передачи данных за счет уменьшения звеньев передачи данных.

К недостаткам виртуального Центра относятся, во-первых, необходимость передачи данных через открытые каналы интернета, при этом придется решать задачу защиты передаваемых данных. Во-вторых, необходимость программно-аппаратного сопряжения российской и американской частей виртуального Центра. Перед началом функционирования последнего следует выполнить цикл дополнительных совместных исследований для решения программных и аппаратных задач.

Вместе с тем по совокупности плюсов и минусов виртуального Центра, с точки зрения надежности получаемой информации и исключения недоразумений, лучшим вариантом представляется все-таки реанимация согласованного ранее проекта.

При возобновлении совместных учений по ПРО в формате Россия–США–НАТО необходимо восстановить опыт последних учений, на которых был достигнут определенный успех в отработке понятийного аппарата и информационной совместимости информационных систем и средств перехвата. Перерывы в таких учениях приводят к утрате накопленного опыта вследствие ухода специалистов. Вместе с тем в любом случае необходимо проведение совместных исследовательских работ для перехода от компьютерных учений к полноценным командно-штабным тренировкам и в дальнейшем к применению реальных противоракетных систем России и США на полигонной базе, как это планировалось на последних учениях в формате Россия–США–НАТО.

Таким образом, организационные и технологические возможности сотрудничества России, США и европейских стран НАТО существуют по взаимно дополняющим направлениям. Реализовать их можно при принятии на высшем государственном уровне политических решений по стратегическому партнерству России и США.

При этом в совместных тренировках по ПРО ТВД следует выйти за пределы ограниченного театра военных действий, поскольку в складывающейся обстановке нет оснований убеждать европейцев в том, что им могут угрожать только оперативно-тактические баллистические ракеты. Поэтому намерение сотрудничать с Европой только в сфере нестратегической ПРО представляет собой по меньшей мере анахронизм.

Реальные позиции сторон в отношении сотрудничества в сфере ПРО различны. В США мотивом противников такого сотрудничества может быть нежелание связывать себе руки дополнительными обязательствами, попадать в определенную зависимость от РФ, а также опасения утечки технологических секретов.

В России иранские и северокорейские ракетные потенциалы не рассматриваются в качестве угрозы, а более приоритетными считаются военно-политические и военно-технические угрозы, исходящие от США и НАТО. В последние годы, благодаря новым начинаниям Москвы и Вашингтона, острота этого восприятия стала снижаться, но до качественного перелома к лучшему еще далеко.

Впрочем, даже если вовсе не рассматривать сейчас ракеты Ирана и КНДР в качестве угрозы для России, сотрудничество с США и НАТО представляется более чем целесообразным для Москвы по целому ряду причин.

Во-первых, такое сотрудничество способно сыграть решающую роль в продвижении реального стратегического партнерства двух ядерных сверхдержав и ведущих европейских стран НАТО. Оно будет распространяться на другие сферы безопасности и служить наполнению реальными программами предлагаемой президентом России новой архитектуры евро-атлантической безопасности.

Во-вторых, отсутствие такого сотрудничества при реализации в одностороннем формате нового плана администрации Обамы по строительству ПРО в Европе, неизбежно вызовет очередной противоракетный кризис между Россией и Западом по мере приобретения системами, включенными в эту ПРО, стратегического потенциала. Причем новый кризис будет значительно более острым и разрушительным.

В-третьих, несмотря на предпринятые официальными членами «ядерного клуба» жесткие и отработанные меры по предотвращению несанкционированных или случайных одиночных стартов ракет, стопроцентной гарантии их исключения нет. Тем более это относится к другим уже существующим и потенциальным ракетно-ядерным странам. Поэтому защита от подобных инцидентов вполне оправданна.

В-четвертых, как показывает исторический опыт, отношения между государствами могут быстро измениться к худшему (особенно, когда речь идет о нестабильных, радикальных режимах), и невраждебный ракетно-ядерный потенциал может превратиться в главную угрозу национальной безопасности. Так, например, произошло с отношениями СССР и КНР в 60–70-е годы, США и Ирана в 80-е годы прошлого века.

Наконец, в-пятых, даже если Иран и КНДР не станут противниками России, в перспективе ракетно-ядерный Иран и развитие потенциала КНДР могут дестабилизировать региональную и глобальную обстановку, вызвать цепную реакцию распространения (Саудовская Аравия, Сирия, Турция, Египет, Ливия, Япония, Южная Корея, Тайвань), которая создаст опасность и для России.

Противоракетная оборона в течение более четырех прошедших десятилетий была важнейшей сферой стратегического соперничества во взаимоотношениях СССР/России и США. В новых условиях при достаточном благоразумии и политической воле она могла бы стать не менее важным позитивным фактором консолидации их усилий в совместном противодействии глобальным вызовам безопасности.

2. СТРАТЕГИЧЕСКИЕ НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ СИСТЕМЫ В ОБЫЧНОМ ОСНАЩЕНИИ

Новая российская Военная доктрина, опубликованная в феврале 2010 г., определяет в качестве одной из главнейших задач Вооруженных Сил «...обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения»⁷³. Поскольку орбитальных систем оружия пока нет, и в ближайшее время не предвидится, под средствами воздушно-космического нападения, очевидно, подразумеваются, в том числе, крылатые и

⁷³ Военная доктрина Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. (http://news.kremlin.ru/ref_notes/461).

баллистические ракеты в неядерном снаряжении, высокую точность наведения которых обеспечивают космические информационные системы.

В экспертном сообществе России, в частности в докладах институтов министерства обороны (МО), монографиях, тематических журналах и газетах делаются оценки растущего количества и эффективности таких вооружений в качестве средств нападения на Россию, включая разоружающий (контрсилевой) удар по ее СЯС, СПРН и центрам боевого управления⁷⁴. При этом существование названной угрозы, необходимость мобилизации ресурсов для противодействия ей и критическая недостаточность имеющегося потенциала декларируется высшими российскими военачальниками как неоспоримая истина.

Например, главнокомандующий ВВС России генерал-полковник А.Зелин указывал: «Развитие противовоздушной обороны, воздушно-космической обороны и противоракетной обороны является приоритетом в строительстве российских Вооруженных Сил». А из его уточнений следовало, что имеется в виду не парирование одиночных ударов со стороны безответственных режимов или террористов: «Речь не идет о пяти зенитных ракетных полках, на вооружении которых будут стоять системы С-400, а о значительно большем количестве, в том числе и о системах С-500», предназначенных для уничтожения баллистических ракет и их боевых блоков, пилотируемых и непилотируемых летательных аппаратов во всем диапазоне высот – от ближнего космоса до предельно малых⁷⁵.

Бывший главком ВВС генерал армии А. Корнуков заявляет: «Воздушное нападение из космоса (? – *авт.*) сейчас решает все, и решает в очень короткие сроки... Эвентуальные противники России активно развивают средства воздушно-космического нападения и обороны. Они готовятся, а мы стоим на месте... Система воздушно-космической обороны создается как система предупреждения, защиты. ВКО – это предупреждение потенциальному агрессору, что ему будет дан должный отпор»⁷⁶. Бывший начальник вооружений Вооруженных Сил генерал-полковник А.Ситнов утверждает: «Нам все время говорили, что нельзя заниматься милитаризацией космоса. Мы прекратили, а Америка начала... Весь опыт, что мы когда-то получили, а затем утратили, сегодня успешно реализуется... другими. А мы снова отстаем»⁷⁷.

В ряде периодических военных изданий эта тема широко и детально обсуждается из номера в номер, исходя из безоговорочно принятой предпосылки, что главная опасность «воздушно-космического нападения» исходит от США и их союзников. Так, рупор этого течения журнал «Военно-космическая оборона» прямо указывает: «С военно-политической точки зрения воздушно-космическая оборона является одним из важнейших факторов обеспечения стратегической стабильности, сдерживания вероятных противников от развязывания вооруженных конфликтов, предотвращения их эскалации и перерастания в войну с применением как обычного, так и ядерного оружия». А среди требований к ВКО выделяется «сохранение боеспособности основных группировок войск (сил) Вооруженных Сил при отражении *массированных ударов* (курсив – *авт.*) СКВН (средств космического и воздушного нападения – *авт.*) без существенного снижения эффективности в течение необходимого времени»⁷⁸.

Подборка такого рода цитат может быть очень длинной. Это свидетельствует о том, что в высших эшелонах военного ведомства, оборонно-промышленного комплекса России и среди большей части ее экспертного сообщества сложилось устойчивое представление о

⁷⁴ См.: Храмчихин А. Диагноз: отечественная ПВО в развале // НВО. 19–25.02.2010. № 6.

⁷⁵ Цит. по: Военно-промышленный курьер. 21–27.07.2010. № 28(344). С. 1.

⁷⁶ Цит. по: Владыкин О. Прорехи космической защиты // НВО. 21–27.05.2010. № 18. С. 3.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ Борзов А. ВКО: Пора прекратить терминологические дискуссии // Военно-космическая оборона. 2010. № 4 (53). С. 16.

новой растущей военной угрозе со стороны США и их союзников. Это представление не вызывает никакой реакции со стороны Вашингтона и никак не увязывается с текущей внешней политикой Москвы на сотрудничество с Западом. Между тем оно пускает все более глубокие корни в военной политике России и будет влиять на стратегические отношения РФ и США в долгосрочном плане.

Высокоточные обычные вооружения. О повышении роли высокоточного оружия в вооруженных конфликтах свидетельствуют статистические данные. Если в войне во Вьетнаме количество управляемых авиабомб и ракет составило в 1972 г. лишь 2% общего числа сброшенных американской авиацией боеприпасов, то в войне с Ираком (1991 г.) оно достигло 8%, в ходе операций «Союзная сила» в Югославии (1999 г.) – около 30%, в операции «Устойчивая свобода» в Афганистане (2001–2002 гг.) – свыше 50% и, наконец, в войне «Иракская свобода» (2003 г.) в Ираке – свыше 60%⁷⁹.

Как отмечалось, «высокоточное оружие, состоящее на вооружении в США, уже в настоящее время может применяться для поражения широкого класса целей, включая стационарные хорошо укрепленные объекты (подземные бункеры, укрепленные сооружения, мосты) и бронированные мобильные цели (танки, бронированные машины, артиллерия). При обеспечении достаточно точных целеуказаний существующие типы кассетных боеприпасов могут эффективно поражать мобильные наземные МБР. По отношению к ВТО уязвимыми могут оказаться и существующие шахтные пусковые установки (ШПУ)»⁸⁰.

По мнению авторов этой работы, использование ВТО в качестве средства для контрсилового удара, по-видимому, возможно лишь в ситуации, когда у нападающей стороны высока уверенность в том, что такой массированный внезапный удар окажется достаточно эффективным. Решения, которые принимаются в США в отношении стратегических программ, усиливают подобные опасения в России. В программных документах Министерства обороны США развитию высокоточного оружия, соответствующих обеспечивающих информационных технологий и инфраструктуры отводится ключевая роль. Появляются новые доктринальные установки, которые объективно направлены, с одной стороны, на расширение спектра задач с применением ядерного оружия. С другой стороны, задачи, которые ранее возлагались на ядерное оружие, постепенно переключаются на неядерное высокоточное⁸¹.

Иллюстрацией указанной тенденции является появление оперативно-стратегической концепции «Быстрый глобальный удар», которая предусматривает поддержание способности в кратчайшие сроки наносить высокоточные удары по объектам в любой точке земного шара⁸². В рамках новой концепции производится также переориентация части стратегических систем доставки США на решение неядерных задач.

Как известно, еще в 90-х годах XX в. были осуществлены программы переоснащения части стратегических бомбардировщиков США под неядерные задачи. В настоящее время ВМС США завершают переоборудование четырех атомных подводных лодок с баллистическими ракетами (ПЛАРБ) типа «Огайо» в носители неядерных крылатых ракет морского базирования (КРМБ) большой дальности. Известно также, что ВВС и ВМС США ведут научно-исследовательские разработки по созданию эффективных

⁷⁹ См.: Watts B.D., Six Decades of Guided Munitions and Battle Networks: Progress and Prospects. Center for Strategic and Budgetary Assessments. March 2007. P. 20.

⁸⁰ Мясников Е. Контрсилового потенциал высокоточного оружия / Ядерное распространение: новые технологии, вооружения и договоры. Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М., РОССПЭН. 2009. С. 107.

⁸¹ См.: Обзор состояния и перспектив развития ядерных сил США // Зарубежное военное обозрение. 2002. № 4. С. 2–20.

⁸² См.: Cartwright J.E. U.S. Strategic Command. Statement Before the Senate Armed Services Committee Strategic Forces Subcommittee on Strategic Forces and Nuclear Weapons Issues in Review of the Defense Authorization Request for Fiscal Year 2006. April 4. 2005.

боеголовок обычного типа для оснащения стратегических баллистических ракет. Началу широкомасштабного развертывания такого оружия пока препятствуют лишь ограничения, наложенные конгрессом США⁸³.

К началу 2007 г. в составе ВВС США насчитывалось 94 самолета В-52Н, 67 – В-1В и 20 – В-2⁸⁴. Руководство ВВС США планирует в среднесрочной перспективе сохранить парк В-2 и В-1В, но уменьшить количество В-52Н до 56, из которых 44 поддерживать в высокой боевой готовности⁸⁵. Существующие планы не предполагают закупку новых стратегических бомбардировщиков. Ведутся НИР по созданию следующего поколения самолетов этого класса, принятие на вооружение которого планируется не позднее 2035 г.⁸⁶ Все стратегические бомбардировщики американских ВВС базируются на территории США. Однако в период военных конфликтов могут быть задействованы и аэродромы союзников США. В частности, самолеты В-52Н и В-1В, принимавшие участие в военной операции НАТО против Югославии весной 1999 г., базировались на территории Великобритании.

В общей сложности, в обозримый период максимальное число высокоточных крылатых ракет большой дальности США на стратегических носителях и многоцелевых атомных подводных лодках (АПЛ) может достичь 2900 ед.⁸⁷ При этом предполагается, что для нанесения обезоруживающего удара по России могут использоваться лишь малозаметные носители – самолеты типа «Стелс», КРМБ на подводных лодках и крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ). Возможности применения авиабомб и тактических управляемых ракет типа «воздух-земля» по стратегическим целям ограничиваются их дальностью, которая не превышает 300 км. Поскольку носителям такого оружия при атаке стратегических объектов придется действовать в зоне, хорошо защищенной средствами ПВО, среди существующих средств доставки такую задачу способны выполнить лишь стратегические «бомбардировщики-невидимки» В-2.

Если будут реализованы предлагаемые ВВС и ВМС США программы развертывания баллистических ракет с боеголовками обычного типа, то количество боеприпасов, способных угрожать объектам СЯС России, может возрасти еще на 100–200 ед.⁸⁸

Внимательно отслеживая и анализируя вероятные последствия развития ВТО, нельзя впадать в другую крайность и преувеличивать их эффективность как средства контрсилового удара по России и тем самым как фактора подрыва ее потенциала ядерного сдерживания. В данном сценарии нужно оценивать как политические, так и оперативно-стратегические аспекты проблемы.

Угроза воздушно-космического нападения – политика. После прекращения глобального противостояния прошло 20 лет, и российская военная мысль сделала весьма неожиданный вывод: раз холодной войны больше нет – ядерная война стала маловероятной. Но зато будет возможна война США и их союзников против России с применением обычного ВТО в «воздушно-космическом нападении». А для его отражения России нужны эффективные системы ПРО и ПВО для прикрытия своих стратегических

---

⁸³ См.: Дьяков А., Мясников Е. «Быстрый глобальный удар» в планах развития стратегических сил США. Центр по изучению проблем разоружения, энергетики и экологии при МФТИ. 14 сентября 2007 г. С. 9.

⁸⁴ См.: Young Susan H.H. Gallery of USAF Weapons // Air Force Magazine. May 2007.

⁸⁵ См.: Statement of Maj. Gen Roger Burg before the Senate Arms Services Committee, Subcommittee on Strategic Forces. March 28. 2007.

⁸⁶ См.: Ibid.

⁸⁷ См.: Мясников Е. Указ. соч. С. 105–128.

⁸⁸ Существующие планы ВМС США предполагают развертывание до четырех боеголовок обычного типа на каждой из 28 БРПЛ «Трайдент» (по две БРПЛ на каждой из 14 подводных лодок). ВВС США рассматривают вариант развертывание нескольких десятков МБР «Минитмен-2» или «МХ» в обычном оснащении (см.: Дьяков А., Мясников Е. Указ. соч. С. 9).

сил, сил общего назначения (СОН) и всей территории, на которой размещены административно-промышленные центры.

Причем, если для защиты от ракетно-ядерного оружия любая оборона была бы по большому счету бессмысленна из-за огромной абсолютной разрушительной мощи даже небольшого числа прорвавшихся сквозь оборону ядерных боезарядов, то с ВТО положение иное. Чем выше доля перехваченных средств такого класса, тем больше относительный выигрыш России в военной кампании, включая мощь ответного удара ее ядерных сил.

Сценарий, по всей видимости, вытекает из механической экстраполяции на Россию операций НАТО в Югославии в 1999 г. и Ираке в 2003 г. Однако новая Военная доктрина РФ не предоставляет конкретных сценариев подобного конфликта, поэтому о них приходится только гадать. Также остается тайной, почему эскалация такого конфликта на ядерный уровень, считавшаяся почти неизбежной во время холодной войны, теперь считается менее вероятной.

Так или иначе, российская военная мысль делает свои выводы, исходя из презумпции сохранения США и их союзников в качестве вероятного противника России, наличия имманентно агрессивных намерений у этого вероятного противника, а также учитывая изменения материальной технической базы современной войны и недавнего опыта самых масштабных военных операций ведущих держав мира.

При этом российское политическое руководство, провозглашая новые принципы и направления внешней политики (глобализация и взаимозависимость, новая архитектура евро-атлантической безопасности, партнерство ради модернизации, путь к безъядерному миру и пр.), очевидно, не вникает в прямо противоположные негласные политические предпосылки военной политики, включая утвержденную Президентом РФ в 2006 г. «Концепцию воздушно-космической обороны», новую Военную доктрину от 2010 г. и Государственную программу вооружений (ГПВ) до 2020 г.

В частности, Кремль и Правительство, очевидно, не смущает, что военная политика России строится на предпосылке о возможности глобальной войны между Россией и Западом с массированным применением обычных вооруженных сил и вооружений, а вслед за этим и ядерного оружия. Правда, в Военной доктрине тут и там разбросаны положения о мирном урегулировании конфликтов, сдерживании войны и разоружении, но они весьма искусственно увязаны с ее основополагающей направленностью.

Военный курс не должен пролегать в некоей автономной плоскости, не пересекаясь с внешней политикой и экономической стратегией руководства. Военная, внешняя политика и экономика России в долгосрочном плане неразделимы, и если не одно, то другое будет определяющим вектором национальной безопасности.

Угроза воздушно-космического нападения – технологии и стратегия. Помимо вопроса о состоятельности сценариев воздушно-космического нападения в политическом отношении, более детального анализа требует военная сторона дела.

Действительно, некоторые объекты, которые ранее возможно было поразить только ядерным оружием, теперь можно атаковать с применением ВТО. Но не подлежит никакому сомнению, что высокоточное обычное оружие, вопреки расхожему новомодному тезису, никогда и близко не сравнится с ядерным оружием при ударе по ключевым высокозащищенным или мобильным военным целям, не говоря уже об административно-промышленных центрах.

Например, при нынешнем сочетании точности и мощности ядерных блоков США (300–500 кт у боеголовок W-87/88 и ракет «Минитмен-3» и «Трайидент-2») на шахтную пусковую установку противника нарядается максимум по две боеголовки, причем так, чтобы взрыв первой не разрушил и не отклонил вторую. И если ракета не отказала в полете, можно иметь полную уверенность в поражении шахты, поскольку она в любом случае окажется в пределах кратера.

Что касается грунтово-мобильных МБР, то для них главная угроза – это мощные боеголовки на части ракет «Грайдент-2» (типа W-88 и числом в 400 ед.), которые накрывают большую площадь района оперативного развертывания систем «Тополь», «Тополь-М» и «Ярс». Об аэродромах тяжелых бомбардировщиков и базах стратегических подводных лодок говорить вообще не приходится. Понятно, что никакие зенитные ракеты или истребители не могут помешать удару ядерных баллистических ракет. Поддержание надежного сдерживания предполагает усиление акцента на мобильные ракеты, улучшение СПРН и систем управления, в кризисной ситуации – уход подводных лодок и авиации с уязвимых баз.

Совсем другое дело с крылатыми или баллистическими ракетами в неядерном оснащении. Тут результативность поражения цели обязательно должна быть подтверждена для нанесения при необходимости повторных ударов. Спутники электронно-оптической разведки проходят над данной точкой в лучшем случае с интервалом в несколько часов. Их информацию нужно оценить и скоординировать повторные залпы. Максимальная дальность крылатых ракет в обычном снаряжении (1800 км) жестко лимитирует рубежи их пуска. Да еще подлетное время дозвуковых крылатых ракет «Томагавк» исчисляется полутора часами (а не 15–30 мин, как для БРПЛ и МБР). Беспилотные летательные аппараты (БПЛА) большой дальности потребовались бы для разведки и целеуказания в огромном количестве и сами были бы уязвимы в воздухе на протяжении их длительного барражирования.

Далее, с крылатыми ракетами и БПЛА можно бороться путем радиоэлектронной борьбы (РЭБ) и помехами другого рода, созданием ложных целей и т.д. Наконец, их можно сбивать – и не только с помощью зенитной управляемой ракеты (ЗУР) С-300 и С-400/500 или истребителей Су-27/35 и МиГ-29/31. Достаточно скорострельных артиллерийско-ракетных систем типа «Панцирь», которые могут сопровождать мобильные ракеты и защищать ШПУ.

Что касается массированных ударов ВТО по промышленности, то этот сценарий выглядит не менее абсурдно. Ведь массированные и продолжительные удары по нефтеперерабатывающим заводам, химическим предприятиям и хранилищам, ГЭС и транспортно-энергетическим узлам, а тем более по АЭС и заводам атомного топливного цикла, складам ядерных боеприпасов и радиоактивных материалов – были бы равнозначны применению оружия массового поражения. Окажись США в положении объекта такого нападения, они, несомненно, пошли бы на использование в ответ ядерного оружия, и нет никаких оснований применять к России другие стандарты.

В гипотетическом пределе, при полной загрузке средствами ВТО всех своих тяжелых бомбардировщиков, всех многофункциональных вертикальных пусковых установок (ВПУ) надводных кораблей⁸⁹ и многоцелевых подлодок, четырех стратегических ракетносцев «Огайо», а также части МБР и БРПЛ, США по максимуму могли бы развернуть до 12 тыс. крылатых ракет большой дальности и обычных боеголовок на баллистических ракетах. Много это или мало?

Вспомним, что в войне против Югославии в 1999 г. НАТО применила 15 тыс. авиационных средств поражения, из которых 30% были высокоточным оружием. В 2003 г. США обрушили на Ирак еще больше бомб и ракет, из которых уже 60% относились к разряду ВТО. В случае удара по Ирану или КНДР потребуются гораздо более крупные арсеналы. Но все эти конфликты совершенно несопоставимы с гипотетической ширококомасштабной войной против России.

В отличие от контрсилового ядерного удара, массированное применение ВТО потребует достаточно длительного времени подготовки (даже приготовления к операциям

---

⁸⁹ На деле в обычном боевом снаряжении надводных кораблей только примерно 30% боекомплекта ВПУ составляют КРМБ большой дальности, а остальные 70% приходятся на противолодочные и зенитные ракеты.

против неизмеримо более слабых противников, как Ирак, Югославия и Афганистан, потребовали нескольких месяцев). Эту подготовку будет невозможно скрыть, и другая сторона будет иметь время для перевода своих ядерных сил и средств, СПРН, системы боевого управления и сил общего назначения в повышенную боеготовность.

Не в пример контрсилловому ядерному удару, сама операция по применению ВТО против стратегических сил была бы гораздо более протяженной по времени (как минимум, несколько дней, а не несколько часов), что оставит другой стороне возможность уже в ходе воздействия применить выжившие средства СЯС в соответствии с ее заявленной Военной доктриной. При этом агрессор никогда не сможет быть уверен, что нападение с помощью ВТО не повлечет ядерный ответ, тем более, что российские системы СПРН с началом операции не смогут отличить неядерные ракетные атаки от ядерных.

Получается, что, решившись на массированный контрсилловой удар, агрессор заведомо свяжет себе руки применением только обычного оружия и сознательно пойдет на риск получения намного более мощного ядерного возмездия, чем было бы в случае его разоружающего удара с применением ЯО. И предполагается, что на этот риск США пошли бы из призрачной надежды, что в ответ на массированную агрессию с применением ВТО Россия не решится на ядерный ответ.

Нет, однако, никаких свидетельств подобной авантюристичности американских политиков и генералов. Отметим, насколько осторожно подходят они к вопросу применения силы против КНДР с ее несколькими примитивными ядерными устройствами без средств доставки, несмотря на все провокации со стороны Пхеньяна.

Дополнительную неопределенность для вероятного агрессора создают оперативно-тактические ядерные средства России, которые гораздо труднее быстро обнаружить и уничтожить и которые могут наносить удары по передовым базам США и их выдвинутым вперед группировкам ВВС и ВМС, осуществляющих «воздушно-космическую операцию». (По экспертным оценкам, у РФ имеется до 1400 ядерных бомб, ракет и торпед флота, морской и фронтовой авиации.)

Наконец, самое главное – колоссальный риск эскалации в результате нападения с применением ВТО на ядерную державу совершенно несопоставим с реально вообразимыми плодами такой операции, особенно после окончания холодной войны и в силу растущей взаимозависимости крупных государств в экономическом, социальном и экологическом отношениях, какие бы конкретные международные противоречия их ни разделяли.

Разоружение и проблема ВТО. Однако, несомненно, что американский потенциал ВТО представляет определенную военно-стратегическую проблему для России. Пока у нее есть внушительные средства ядерного сдерживания, прямую военную угрозу массированного применения ВТО против РФ не следует преувеличивать (как и возможность планируемых американских систем ПРО перехватить ответный ядерный удар). Именно на поддержание оптимального потенциала сдерживания нужно направлять ограниченные оборонные ассигнования РФ, а не на развитие эшелонированной системы ПВО для отражения мифических угроз.

Разветвленная система ПРО и ПВО нужна России для отражения гораздо более реальной угрозы случайных или провокационных групповых и одиночных ракетных ударов со стороны новых стран – обладательниц ядерного и ракетного оружия, а также воздушного нападения террористов (в том числе, с применением крылатых ракет с общедоступной космической навигацией и самолетов для доставки ОМУ). Такого рода оборонительные системы РФ могут сопрягаться с ПРО и ПВО США и НАТО, включать совместные звенья и программы, причем обе стороны существенно выиграли бы от этого сотрудничества.

Однако развертывание высокоточного неядерного оружия большой дальности будет создавать трудности и для ядерного разоружения и для сотрудничества держав.

Во-первых, «перекачка» стратегических средств США (прежде всего крылатых ракет) из состава СЯС в сферу стратегического ВТО и вывод их из-под ограничений СНВ неизбежно вызовет серьезные возражения России уже на следующем этапе переговоров по сокращению стратегических вооружений. Трудно представить себе согласие Москвы на снижение потолка СЯС, скажем, до 1000 ед. по боезарядам, если одновременно Америка будет иметь до 3000 обычных боеголовок на стратегических (переоборудованные ПЛАРБ и ТБ) и до 2000 на тактических платформах (кораблях и АПЛ).

Скорее всего, Москва будет поддерживать свои СЯС на уровне нового Договора СНВ (1550 боеголовок) и в этих пределах переоснащать их на системы следующего поколения. Наряду с перспективой одностороннего развития системы ПРО США и НАТО, развертывание дальнобойных средств ВТО станет препятствием для ядерного разоружения на стратегическом уровне.

Во-вторых, помимо превосходства НАТО над Россией по силам общего назначения в Европе, развертывание ВТО будет препятствием для переговоров о нестратегическом (оперативно-тактическом) ядерном оружии РФ и США (ТЯО). Такое оружие будет рассматриваться Москвой как противовес американским системам ВТО (в качестве средства ударов по передовым базам ВВС и группировкам флота США) и как инструмент асимметричного сдерживания «угрозы воздушно-космического нападения». Есть мнение, что использование ТЯО уже на ранней стадии в ответ на агрессию с применением ВТО более вероятно, чем нанесение ответного удара стратегическими ядерными силами (которое повлечет стратегический ядерный удар другой стороны).

В-третьих, развертывание американских высокоточных систем будет дополнительным препятствием для сотрудничества России и США в области ПРО. Сейчас в российских военных кругах, как упоминалось выше, развитие систем ПРО, ПВО и ракетно-космической обороны (РКО) выдвигается в первую очередь не как средство защиты от ракет «стран-изгоев» или террористов, а для «отражения воздушно-космического нападения». Последнее, очевидно, подразумевает агрессию именно со стороны США и их союзников.

При таком настрое военного ведомства и оборонно-промышленного комплекса РФ трудно представить себе в политическом плане его содержательное сотрудничество с «вероятным воздушно-космическим агрессором», даже если такова будет воля политического руководства России. Оборонный истеблишмент найдет массу способов и предлогов для саботажа подобных начинаний, руководствуясь своим пониманием интересов безопасности страны. (Кстати, такое же отношение можно в этих условиях ожидать и со стороны американского военно-промышленного комплекса для обеспечения США максимальной свободы рук в развитии ПРО и в целях охраны технологических секретов.)

А в оперативно-техническом плане было бы чистым абсурдом, если бы Россия создавала две параллельные системы ПРО: одну вместе с НАТО для защиты от третьих стран и террористов, а другую – против НАТО для отражения ее вероятного воздушно-космического нападения.

Договорно-правовые решения. Что касается высокоточного оружия США, то новый Договор по СНВ уже несколько облегчил эту проблему. Согласованы правила засчета баллистических ракет в обычном снаряжении наравне с ядерными ракетами (ст. III), что препятствует широкому развертыванию БРПЛ и МБР с высокоточными головными частями. Но проблема крылатых ракет большой дальности с ВТО – это тема отдельных будущих переговоров о мерах ограничения вооружений, доверия и транспарентности. Ведь американские СЯС будут сокращаться не только путем «разгрузки» части

боеголовок с многозарядных ракет, но и через переоборудование некоторых подводных лодок и бомбардировщиков под неядерные средства.

При наличии политической воли сторон проблемы, порождаемые системами ВТО, могут быть сняты или уменьшены различными договорно-правовыми путями. В частности, речь идет о запрете базирования ударной авиации (в дополнение к неразмещению ядерного оружия) на территории государств – новых членов НАТО. Аналогичные обязательства могут быть приняты Россией в отношении ее союзников по ОДКБ и СНГ.

Гипотетическая угроза ПЛАРБ «Огайо» с КРМБ может быть существенно ослаблена при их базировании только на западном побережье США (из Тихого и Индийского океанов они не перекрывают по своей дальности основную часть баз российских МБР, а выход в Арктику сопряжен с оперативными трудностями).

Вообще говоря, массовое развитие ВТО практически невозможно остановить, ввиду его эффективности в «дистанционных» войнах современности с локальными противниками. Россия наверняка тоже пойдет по этому пути и официально ставит задачу широкого внедрения ВТО и систем его информационного обеспечения (включая космические) в качестве важнейшего приоритета модернизации Вооруженных Сил. Вместе с тем для локальных операций вовсе не обязательно иметь ВТО все большей дальности и переоборудовать под него стратегические платформы, которые можно скрытно развернуть для массированного удара. Ведь локальные противники едва ли будут иметь высокоэффективные системы разведки, обнаружения и предупреждения, какими обладают ведущие державы.

Поэтому в рамках последующих переговоров по СНВ Россия может твердо поставить вопрос введения ограничений на переоборудование ПЛАРБ и ТБ под крылатые ракеты в неядерном оснащении, оставив для этого многоцелевые подводные лодки, надводные корабли и тактическую ударную авиацию.

Полезны были бы также меры доверия в виде обменов информацией о практике размещения ВТО на кораблях, подводных лодках и авиации, оперативных принципах их развертывания и применения в локальных конфликтах, обмена визитами и наблюдателями в ходе учений, а в перспективе – совместные учения ВВС и флотов в отработке операций контр-распространения, принуждения к миру, борьбы с терроризмом и пиратством. Поскольку США утверждают, что массовое внедрение их систем ВТО предназначено против третьих стран и террористов, Россия может настаивать на широких мерах доверия и сотрудничества, если сама готова к взаимности.

Более далеко идущая мера – ограничение районов патрулирования подводных лодок-носителей крылатых ракет с тем, чтобы предотвратить возможность развертывания значительной части подводных лодок США вблизи территории РФ и наоборот. При этом попутно решались бы и другие проблемы, которые ранее неоднократно поднимались Россией на переговорах по СНВ: запрещение скрытной противолодочной деятельности в районах развертывания и патрулирования ПЛАРБ, предотвращение столкновений атомных подводных лодок.

Поскольку этот запрет распространялся бы и на подводные лодки с баллистическими ракетами в ядерном и обычном оснащении (из-за трудности различения разных типов лодок, находящихся в подводном положении) – стабилизирующий эффект такого соглашения был бы еще больше. А именно, он ограничивал бы потенциалы контрсилового удара с коротким полетным временем и снижал бы стимул к поддержанию СЯС в повышенной боеготовности для нанесения ответно-встречного удара по информации СПРН.

Конечно, есть большие трудности проверки соблюдения такого соглашения, поскольку главный смысл подводной деятельности флотов состоит как раз в ее скрытности. Но и этому вопросу при желании можно найти решение, например,

согласовав возможность передачи команды на всплытие обозначенной подводной лодки по запросу другой стороны, скажем, по некоторой ежегодной квоте. С помощью разведывательных спутников стороны будут примерно знать, какие подводные лодки друг друга находятся вне базы в каждый данный момент времени, и потому риск обнаружения нарушителя будет достаточно велик, если по запросу России в адрес национального командования США по приказу последнего лодка всплывет в запрещенной зоне или не всплывет вовсе.

Такого рода договоренность может понадобиться в любом случае, в связи с развитием подводных флотов третьих держав и опасностью провокационного удара БРПЛ или КРМБ из-под воды или с надводных кораблей (судов).

В любом случае, очевидно, что США, которые создали эту проблему, должны проявить инициативу и предложить меры ограничения вооружений, мер доверия и сотрудничества по ВТО, чтобы обеспечить поддержку Россией курса на ядерное разоружение и нераспространение.

В некотором смысле, средства ВТО по диалектике их военно-политических последствий могут быть сравнимы с противоракетными и космическими системами, при всех их технических различиях. А именно, будучи изначально созданы для более эффективного военного противодействия противникам на региональном и локальном уровнях, для борьбы с распространением ОМУ и международным терроризмом, эти средства стали оказывать дестабилизирующее воздействие на военно-политические отношения США и России, других великих держав.

Тем самым, они начали подрывать режим ядерного нераспространения и перспективы сотрудничества государств в борьбе с другими общими угрозами их безопасности. Это было неизбежно в условиях сохранения между великими державами отношений взаимного ядерного сдерживания и при развитии новых систем вооружения (а также их локального применения) на односторонней или союзнической основе. В еще большей мере, развитие ВТО будет, наряду с перспективными системами ПРО и космическими вооружениями, создавать преграды на пути к полному ядерному разоружению.

Тем не менее, при наличии политической воли сторон проблемы, порождаемые системами ВТО, могут быть сняты или уменьшены различными договорно-правовыми путями. Такие решения могут быть согласованы в контексте следующего этапа переговоров по сокращению СНВ или параллельно с ним.

3. КОСМИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

Космос как арена вооруженной борьбы. Безопасность орбитальных систем военного, двойного и гражданского назначения стала важнейшей составляющей общей безопасности практически для всех развитых стран. Кроме обеспечивающих космических систем военного назначения, большую роль играют космические аппараты телекоммуникаций, мониторинга поверхности Земли в целях прогнозирования и предупреждения стихийных бедствий и чрезвычайных происшествий. Орбитальные системы имеют исключительно важное значение в обеспечении финансово-экономической деятельности в условиях глобализации, поскольку большинство операций уже сейчас совершаются с использованием космических систем связи и ретрансляции.

Космические системы стали неотъемлемой частью боевого потенциала вооруженных сил ведущих стран. Без применения космических средств ведение развитыми странами боевых действий в современных условиях становится малоэффективным. При этом наибольший вклад в эффективность ведения боевых действий вносят космические системы разведки, навигации, связи и боевого управления. В целом действующие КА

военного назначения составляют около 40% от общего числа орбитальных аппаратов. Подавляющее большинство военных спутников принадлежат США, ассигнования на военные космические программы США значительно больше, чем у других космических государств вместе взятых (а по отношению к России, по коммерческому обменному курсу, больше примерно в 20 раз⁹⁰).

В настоящее время в космической деятельности участвуют более 125 стран. Лидерами являются США и Россия, растущую роль играют Франция, Китай, Япония, Германия, Великобритания, Канада, Нидерланды, Бельгия, Испания. Все более активны Индия, Пакистан, Аргентина, Египет. В околоземном космическом пространстве функционируют около 780 космических аппаратов (КА), из них 425 принадлежат США, 102 – России, 22 – КНР⁹¹. К 2015 г. количественный состав орбитальных группировок возрастет более чем на 400 КА.

В условиях сохранения высокой конфликтности современных международных отношений, политических и военных противоречий ведущих держав и союзов государств, а также быстрого научно-технического прогресса – космос, ввиду его растущего военного и мирного значения, может уже в перспективе стать новой ареной гонки вооружений и возможного применения силы. Однако такой путь сопряжен с растущими угрозами для международной безопасности и огромными материальными издержками, что особенно пагубно в условиях финансово-экономического кризиса и объективной глобализации мировой экономики, политики, коммуникаций и информационного пространства.

Программы космического оружия – история и современное состояние. В качестве «транзитной» зоны и испытаний оружия космическое пространство стало такой средой уже в 50–60-е годы прошлого века – сначала для ядерных испытаний, для пролета баллистических ракет, а потом для их перехвата системами противоракетной обороны. Однако, если не считать нескольких серий экспериментов и созданных, а затем выведенных из боевого состава систем противоспутникового оружия СССР и США, масштабная милитаризация космоса не началась, во всяком случае в смысле развертывания вооружений для применения в космосе и из космоса.

Начало активных работ по космическому оружию в СССР и США относится к первой половине 60-х годов прошлого столетия. По своему содержанию разработки были во многом похожи.

В Советском Союзе создание противоспутниковой системы (ПСС) «ИС» (истребитель спутников) осуществлялось по аналогии с американским проектом SAINT («Satellite Inspection Technique»), которая предназначалась для кинетического поражения особо важных защищенных космических аппаратов в ближней операционной зоне. Все основные элементы этого комплекса были созданы к 1967 г., его испытания начались в октябре того же года и продолжались в следующем десятилетии. В феврале 1973 г. комплекс «ИС» был принят в опытную эксплуатацию. Он мог обеспечить поражение космических аппаратов на высотах от 250 до 1000 км. Впоследствии комплекс был модернизирован, высота перехвата увеличена, и в 1978 г. под индексом «ИС-М» комплекс был принят на вооружение. В апреле 1980 г. СССР возобновил испытания этой противоспутниковой системы (под индексом «ИС-МУ»). Всего проведено более 20 натурных экспериментов, в том числе 25% по реальным мишеням. Последнее испытание системы состоялось 18 июня 1982 г.⁹².

В августе 1983 г. СССР взял на себя обязательство не выводить первым в космическое пространство каких-либо видов такого оружия на все то «время, пока другие

⁹⁰ См.: Военно-промышленный комплекс. Энциклопедия. Т. 1. М., 2005.

⁹¹ Там же.

⁹² См.: Молчанов Б. Милитаризация космоса и космические вооружения / Ядерное распространение. Новые технологии, вооружения и договоры. Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. М., РОССПЭН. 2009; Тарасенко М.В. Военные аспекты советской космонавтики. М., «Николь». 1992.

государства будут воздерживаться от вывода в космос противоспутникового оружия любых видов»⁹³. Комплекс «ИС-МУ» оставался в эксплуатации до 1993 г., когда президент России Б. Ельцин издал указ о снятии его с вооружения⁹⁴.

Вплоть до начала 90-х годов разрабатывалась авиационно-ракетная система «Контакт», предназначенная для поражения космических аппаратов на высотах до 600 км. В качестве носителей предполагалось использовать истребители-перехватчики типа МИГ-31. Однако в связи с прекращением финансирования испытания этих средств не завершены.

Наиболее крупными проектами, решения о которых были приняты еще во второй половине 70-х годов, стало создание орбитальных противоспутниковых станций «Каскад» и «Скиф» с ракетным и лазерным оружием. Однако специалисты смогли убедить советское руководство в том, что вывод на орбиты и испытания подобных боевых космических систем вызовут непропорциональный ответ США в области боевого космоса, который резко ухудшит положение СССР.

В Советском Союзе работы по космическим вооружениям активизировались в начале 80-х годов прошлого века в связи с американской программой Стратегической оборонной инициативы (СОИ), объявленной президентом Р. Рейганом 23 марта 1983 г. Правда, в ближайшей перспективе она не угрожала снижением советского потенциала ядерного сдерживания. Вместе с тем объявление о программе СОИ стало мощным стимулом для влиятельного военно-промышленного комплекса СССР, в лоббирование интересов которого сразу же включилось высшее военное руководство. В 1985 г. все советские разработки были структурированы по симметричным и асимметричным мерам и оформлены в виде программ СК-1000, Д-20 и СП-2000⁹⁵. Программа СК-1000, получившая название «Многоцелевой боевой космической системы», включала в себя более 20 опытно-конструкторских работ (ОКР) по ударным космическим системам и примерно такое же количество ОКР по информационному обеспечению действия боевых космических и наземных систем. Одна ОКР «Наряд-В», рассчитанная на поражения отдельных космических аппаратов выводимым баллистической ракетой типа УР-100Н УТТХ перехватчиком, закончилась промежуточным этапом летных испытаний. Одним из убедительных аргументов необходимости создания самого мощного носителя «Энергия-Буран» была задача вывода на орбиты отдельных частей боевых космических станций с последующей их сборкой на орбитах.

По информационным космическим системам определенная часть ОКР по системам связи, разведки, ретрансляции, навигации, системам предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства была успешно завершена.

Для нынешней России в обозримой перспективе проведение подобных крупномасштабных симметричных и асимметричных проектов невозможно по многим причинам, в том числе из-за распада коопераций разработчиков и ограниченности финансовых ресурсов. Однако в случае начала развертывания в США противоспутникового оружия определенная часть этих проектов, особенно по асимметричным мерам, может быть реанимирована, несмотря на рост нагрузки на бюджет государства.

---

⁹³ Черкас С.В. Современные политико-правовые проблемы военно-космической деятельности и основы методологии их исследования. М., МО РФ. 1995.

⁹⁴ См.: Космические средства вооружения. Энциклопедия XXI век. Оружие и технологии России. М., Издательский дом «Оружие и технологии». 2002.

⁹⁵ Podvig P. The Window of Vulnerability That Wasn't: Soviet Military Buildup in the 1970s: A Research Note // International Security. Summer 2008, V. 33. № 1. 118–138.

В США работы в области противоспутниковых систем были начаты в 1957 г. В настоящее время в стадии проведения ОКР, наземных и летных испытаний в наибольшей степени готовности состоят следующие противоспутниковые системы:

- модифицированная противоракетная (противоспутниковая) система морского базирования «Иджис» Mk7 с ракетами SM-3;
- армейские системы наземного мобильного базирования, разрабатываемые по программе KEASat;
- лазерная противоспутниковая и противоракетная система воздушного базирования ABL;
- наземный противоспутниковый лазерный комплекс «Миракл» для функционального поражения важнейших информационных КА.

В стадии поисковых НИР и НИЭР находятся работы:

- по созданию средств класса «космос-земля»;
- по созданию многоцветного космического маневрирующего аппарата – SMV (Space Maneuvering Vehicle) для решения широкого круга задач, в том числе противоспутниковых и задач поражения из космоса наземных объектов;
- по созданию средств радиоэлектронного противодействия (РЭП) космического базирования;
- по созданию технологии космической инспекции на базе автономных микро-КА, предназначенных для охраны и диагностики неисправностей космических аппаратов США, а также поражения аппаратов потенциальных противников.

Работы ведутся в рамках программы ANGELS (Autonomous Nanosatellite Guardian Evaluation Local Space). Эта программа имеет двойное назначение, и ее результаты могут использоваться в радиоэлектронной борьбе и противокосмической обороне.

Концепции средств поражения из космоса объектов на Земле разрабатывались в США одновременно с первыми спутниками (проект размещения в космосе атомных бомб «FOBS»). Однако реальные проекты такого оружия появились в 1987 г. Известен проект планирующего аппарата космического базирования SBGV (Space-Based Gliding Vehicle), предназначенного для сверхоперативного и высокоточного поражения в глубине обороны территории противника стратегически важных целей, прежде всего мобильных ракетных пусковых установок и надводных кораблей.

Несмотря на различные публикации о работах по созданию космических аппаратов для поражения целей в глубине территории противника, оперативно-стратегическая необходимость таких систем в современных условиях вызывает большое сомнение. Главное – отсутствуют оперативно-стратегические задачи, которые решались бы системой космического базирования или частично-орбитального типа более эффективно, чем с помощью средств наземного, воздушного и морского базирования.

Важную роль в США отводят средствам информационного противодействия в космосе и из космоса при решении задачи радиоэлектронной борьбы в космическом пространстве. Косвенным подтверждением этому являются предпринимаемые меры по обеспечению защиты космических средств США от радиоэлектронного противодействия. В составе ВВС США создана 76-я эскадрилья контроля космического пространства, которая может уничтожать или выводить из строя иностранные спутники при помощи наземных станций активных помех.

Кроме США и России в работы по противоспутниковому оружию включился Китай. В 2007 г. стало известно о первом удачном (после трех предыдущих неудач) испытании в Китае противоспутникового оружия. По сообщениям средств массовой информации, в период 11–12 января 2007 г. был установлен факт разрушения и обнаружения фрагментов китайского КА «Феньюнь-1-3». Разрушение КА произошло над центральной частью

Китай на высоте 864 км. Была также выявлена корреляция по времени между разрушением КА и запуском БР среднего радиуса действия с ракетного полигона Сичан.

Стратегические концепции и интересы держав. Таким образом, США, Россия, и Китай способны в обозримой перспективе реализовать потенциал милитаризации космического пространства. Безусловным лидером в этом являются США, которые располагают разнообразным арсеналом новейших космических технологий и научно-техническим заделом для создания в период после 2010 г. отдельных образцов противоспутниковых систем наземного (стационарного, подвижного) и морского базирования.

Развертывание такого оружия имело до настоящего времени доктринальное оформление и обоснование в концептуальных положениях американской космической политики. Так, например, в «Стратегическом плане космического командования США до 2020 г.» главными направлениями деятельности определены⁹⁶:

- развитие средств и методов всеобъемлющего контроля над космосом;
- поиск новых форм и способов ведения глобальных боевых действий (включая потенциальную способность применить силу из космоса в любом районе Земли) и достижение полного функционального объединения в боевых операциях космических сил и средств с сухопутными, воздушными и морскими силами;
- широкое внедрение информационных технологий в перспективные средства вооруженной борьбы на всех уровнях ее ведения.

В январе 2001 г. уполномоченная Конгрессом США комиссия по вопросам космоса настоятельно рекомендовала, чтобы Соединенные Штаты сохраняли возможность размещения оружия в космосе, определив при этом три потенциальные задачи, которые должно выполнять космическое оружие:

- защита существующих космических систем США;
- препятствование использованию космоса и космических средств противником;
- нанесение ударов из космоса по любым целям на земле, на море или в воздухе⁹⁷.

31 августа 2006 г. президент США утвердил новую национальную политику в области космической деятельности. Этот документ заменил собой президентское директивное решение NSC-49/NSTC-8 (Национальная политика США в области космической деятельности) от 14 сентября 1996 г. и определял основные принципы и цели политики США в космической деятельности⁹⁸.

Ввиду финансовых ограничений и организационно-технических проблем ОПК, нынешние российские военно-космические программы, безусловно, значительно уступают американским по масштабам и степени развития. Однако настоятельные рекомендации по необходимости создания в России средств вооруженной борьбы в космосе все чаще появляются в профессиональной печати и на различных форумах. Это обосновывается задачами прямого противодействия космическим системам информационного обеспечения нынешних высокоточных обычных вооружений США, а в будущем – целями борьбы с орбитальными аппаратами их возможной космической ПРО.

Не подлежит сомнению, что США разместили в космосе самые крупные военные, коммерческие и научные «активы». В частности, от функционирования космических аппаратов разного назначения в большой и постоянно растущей мере зависят как их стратегические силы, так и силы общего назначения. В гораздо меньшей степени это относится к России, КНР и другим военным державам мира. Следовательно, Соединенные

⁹⁶ См.: Стратегический план КК США до 2020 года. (Перевод с англ.). М., 1998.

⁹⁷ См.: Доклад специальной комиссии конгресса США по оценке национальной безопасности, управлению и организации космической деятельности США. (Перевод с англ.). М., 2001.

⁹⁸ См.: Национальная политика США в области космоса. (Перевод с англ.). М., 2006.; Красная Звезда. 5–11.03. 2008.

Штаты должны быть, во-первых, больше других заинтересованы в безопасности своих орбитальных систем и, во-вторых, гораздо более заинтересованы в обеспечении безопасности собственных КА, нежели в создании угрозы спутникам других стран.

Очевидно, именно этим объясняется то обстоятельство, что, намного опережая другие державы по уровню развития и разнообразию программ космических вооружений, США до сих пор ограничивались отдельными экспериментами и испытаниями в 80-е годы прошлого века и в текущем десятилетии, включая перехват спутника в 2008 г. Но Вашингтон снял с вооружения прежние средства противокосмической обороны и так и не приступил к развертыванию новых космических систем оружия в боевом составе, полагаясь на «побочный» противоспутниковый потенциал систем ПРО стратегического и оперативно-тактического класса (GBI, «Иджис», SM-3, лазер авиационного базирования и пр.).

В связи с имманентной уязвимостью КА (предсказуемость орбит, трудность маскировки и пассивной защиты) и из-за гораздо большей зависимости от космических систем обеспечения стратегических ядерных сил и сил общего назначения, Соединенные Штаты могут оказаться в проигрыше, если другие страны развернут собственные системы ПСС, пусть даже меньшей эффективности. Причем дело может не ограничиться Россией и Китаем, как это случилось с распространением ядерного оружия и ракетных технологий. Изначально имея огромное преимущество в этих сферах, США теперь считают их распространение в мире самой большой угрозой своей безопасности.

Россия пока что в меньшей степени опирается на орбитальные группировки в операциях сил общего назначения, хотя планирует активно наращивать свои космические ресурсы. Китай объективно имеет схожие с Россией интересы в этой области, хотя его приоритеты могут отличаться. Так, КНР, вероятно, менее озабочена новыми средствами общего назначения США, но больше, чем Россия, обеспокоена проектами космической ПРО США, ввиду относительной ограниченности своего потенциала ядерного сдерживания.

В этой обстановке весьма позитивным фактором стала утвержденная президентом Б. Обамой в июне 2010 г. новая Национальная космическая политика США, оправдавшая ожидания авторитетных американских специалистов, которые, по-видимому, учитывая большие внешнеполитические трудности и беспрецедентный финансово-экономический кризис, подчеркивали, что: «Соединенные Штаты сделали самые большие инвестиции в космические активы и в значительной мере зависят от них в проведении глобальных военных операций. Потенциальная уязвимость этих активов для достаточно простых средств поражения представляет собой более существенную угрозу, чем любая другая опасность в космосе... Запрет на космические вооружения более всего выгоден Соединенным Штатам, которые поэтому имеют все основания установить и поддерживать самые высокие стандарты верификации»⁹⁹.

Утвержденный президентом США весьма объемный документ должны изучать и учитывать в России и в других странах специалисты в области развития конкурентоспособной космической науки, технологии и безопасности, в том числе в плане ограничений в международном сотрудничестве, которые определены для американских федеральных космических программ. Обращает на себя внимание, что новая американская космическая политика ориентирована как на сохранение американского лидерства в научно-технологическом отношении и в обеспечении безопасности (включая опережающее развитие систем разведки, связи, управления, навигации), так и на тесное международное сотрудничество, свободный доступ в космос для всех стран, открытость и прозрачность действий в космической сфере. В этом состоит

---

⁹⁹ Gallagher N., Steinbruner J. Reconsidering the Rules for Space Security. Washington: American Academy of Arts & Sciences, 2008. P. 80.

существенное отличие от космической доктрины прежней администрации. Одновременно предусматривается противодействие и защита от любых преднамеренных действий, имеющих целью нарушить работоспособность или напасть на объекты в космосе или на наземную инфраструктуру, обеспечивающую космическую деятельность.

Новый документ не позволяет составить представления о том, какие программы разработок в области противоспутникового оружия могут быть закрыты, «заморожены» или получить дальнейшее развитие, особенно с учетом провозглашенной необходимости защищать космические объекты и соответствующую наземную инфраструктуру. О состоянии этих программ станет известно позднее по мере реализации основных положений новой космической политики. Вместе с тем заявлено, что США готовы рассмотреть предложения и концепции по контролю вооружений, если они являются равноправными, эффективными, проверяемыми и повышающими безопасность США.

3. НЕВООРУЖЕНИЕ КОСМОСА

Проекты договоров, предмет переговоров и особенности контроля. В настоящее время космическое право не запрещает размещения в космосе любого оружия, не являющегося ОМУ. Также нет запрета на создание, испытание и развертывание в космосе противоспутникового оружия. После выхода США из Договора по ПРО в 2002 г. создание, испытание и развертывание в космосе систем ПРО космического базирования или их компонентов никак не ограничено. Не запрещены системы и средства анти-ПРО, а также средства активной и пассивной защиты спутников, развертывание в космосе средств оптико-электронного и радиоэлектронного подавления, военно-прикладные космические эксперименты любого рода, за исключением средств враждебного воздействия на природную среду.

Российская Федерация и Китайская Народная Республика 12 февраля 2008 г. совместно внесли на рассмотрение Конференции по разоружению в Женеве проект Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов (ДПРОК). До этого проблема обсуждалась здесь на протяжении более пяти лет.

Для целей договора термин «оружие в космическом пространстве» определяется, как «любое устройство, размещенное в космическом пространстве, основанное на любом физическом принципе, специально созданное или переоборудованное для уничтожения, повреждения или нарушения нормального функционирования объектов в космическом пространстве, на Земле или в ее воздушном пространстве, а также для уничтожения населения, компонентов биосферы, важных для существования человека, или для нанесения им ущерба». При этом оговаривается, что оружие будет считаться «размещенным» в космическом пространстве, если оно совершит как минимум один оборот по орбите вокруг Земли или следует по части такой орбиты с дальнейшим уходом с нее, или находится на постоянной основе где-либо в космическом пространстве. Таким образом, исключаются баллистические ракеты разного класса, траектории которых пересекают космическое пространство для решения боевой задачи (включая перехват космического аппарата), но которые не переходят на околоземную орбиту.

Согласно ст. II проекта ДПРОК, государства-участники обязуются не выводить на орбиту вокруг Земли любые объекты с любыми видами оружия, не устанавливать такое оружие на небесных телах и не размещать такое оружие в космическом пространстве каким-либо иным образом; не прибегать к применению силы или угрозе силой в отношении космических объектов; не оказывать содействия и не побуждать другие государства, группы государств или международные организации к участию в деятельности, запрещаемой ДПРОК.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что к предмету договора отнесены только вооружения, размещаемые в космосе, но не охвачены системы класса «земля-космос», наиболее быстро развивающиеся и могущие вступить в боевой состав уже в обозримый период. Вместо этого затрагиваются только космические системы ПРО, ПСС и средства класса «космос-земля», которые относятся к более отдаленному будущему, если вообще когда-либо будут созданы. Это знаменательный отход от советской позиции 80-х годов, которая была нереалистической, но зато всеобъемлющей.

В целом, можно констатировать, что новая инициатива РФ– КНР принесла некоторые положительные результаты, но только в политико-пропагандистском ключе, а не в плане практического решения проблемы.

Многолетний опыт инициатив и переговоров по данной проблеме, прежде всего, свидетельствует, что и у дипломатов, и у экспертов есть много неясностей и разночтений относительно самого предмета договорно-правового регулирования. Иными словами, главная и основополагающая задача – определение предмета переговоров – еще не решена.

Среди специалистов достаточно распространено понимание, что космическое оружие или космические вооружения – это средства поражения, созданные и испытанные для ударов по любым целям и применяемые с космических объектов (объектов, совершивших хотя бы один полный оборот на околоземной орбите – о других небесных телах и орбитах вокруг них речь пока не идет), а также это средства поражения, созданные и испытанные для ударов по космическим объектам (объектам, совершившим хотя бы один оборот по околоземной орбите).

Фактически существующее ныне определение КВ формулируется путем отсылки к среде их базирования (космос) и (или) к среде нахождения целей поражения (космос), а не на конкретные технические характеристики. По аналогии можно представить себе, насколько трудноразрешимой была бы задача мер разоружения, если бы предметом договоренностей было бы обозначено, скажем, «любое оружие морского базирования или оружие для поражения морских целей». Опыт успешных переговоров по разоружению в прошлом всегда строился вокруг вполне конкретных зафиксированных (или обоюдно подразумеваемых) технических характеристик систем оружия и согласованных обозначений их видов и типов. Таких характеристик применительно к космическому оружию в настоящее время нет.

Особую сложность представляет собой запрещение систем поражения на основе направленной передачи энергии, в первую очередь, лазеров. Они могут использоваться как для поражения самолетов, спутников, баллистических ракет и их элементов на траектории полета, так и для обнаружения, зондирования и идентификации объектов на земле, под водой и в космосе, нацеливания других систем оружия, а в перспективе – для быстрой передачи огромного объема информации, то есть для связи.

Создание, испытание и применение средств поражения или создания помех функционированию наземных информационно-управляющих объектов космических систем запретить практически невозможно, поскольку такими средствами могут быть практически все наступательные системы обычного и ядерного оружия, средства РЭБ и системы на новых физических принципах.

Самую сложную «чересполосицу» создают стратегические системы ПРО любого вида базирования, которые обладают имманентным («врожденным») противоспутниковым потенциалом на высотах орбит примерно до 1000 км. Кроме перехвата ракет на ранней стадии разгонного участка траектории и конечного участка входа в атмосферу, мишени для систем ПРО пролетают через ту же космическую среду, в которой на орбитах вращаются большинство КА с апогеем в пределах 1000 км. Спутники на этих орбитах движутся несколько быстрее конечных ступеней и боеголовок ракет

(около 8 км/сек и 5–7 км/сек соответственно), однако в остальном представляют собой более легкие цели для перехвата.

Проблемы контроля. Для практического разоружения, в отличие от декларативно-пропагандистского, контроль над соблюдением соглашений является важнейшим и непреложным условием. В большинстве прежних и существующих договоров по разоружению центр тяжести контроля приходится на фазу развертывания и пребывания систем оружия в боевом составе (Договор по ПРО, ОСВ-1, СНВ-1, РСД-РМД, ДОВСЕ, КХО, Пражский Договор СНВ). Договор по космосу от 1967 г. тоже относится к этой фазе (в части неразмещения ОМУ), но не предусматривает никаких мер контроля.

В гораздо меньшей степени меры контроля названных договоров по разоружению охватывают стадию испытания систем оружия (применительно к ДОВСЕ вообще не охватывают). Исключением являлся СНВ-1, по которому испытания ракет плотно контролировались (включая запрет на шифрование телеметрической информации), а также Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), который полностью относится к испытаниям. Что касается стадии создания, то есть разработки систем оружия до этапа испытаний, то ее не затрагивает ни один договор, кроме КХО и КБТО, причем последняя так и не была обеспечена системой контроля.

В отличие от исторического опыта, космические вооружения как раз труднее всего запретить или ограничить на стадии развертывания и пребывания в боевом составе, особенно, если речь идет о развертывании в космосе, как в проекте ДПРОК 2008 г. Идентифицировать с помощью национальных технических средств контроля (НТСК) запрещенные спутники с оружием на борту среди примерно 700 КА вращающихся на различных орбитах в настоящее время – было бы исключительно трудно. Еще труднее – доказать их принадлежность к предмету договора без осмотра в космосе или спуска на землю (даже если при этом договор определял бы технические характеристики запрещенных систем, а не просто среду их базирования и местоположение возможных целей для поражения).

Это относится и к перспективным малогабаритным спутникам в качестве средства инспектирования КА на всех орбитах. Такие космические инспекции на местах или спуск КА на землю во многих случаях технически невозможны, опасны и, скорее всего, неприемлемы для государств по соображениям военной или коммерческой секретности.

Что касается космических вооружений наземного, воздушного или морского базирования, которые наиболее вероятны в обозримом будущем (но не затрагиваются проектом РФ-КНР), то и здесь картина неоднозначна. Применительно к системам авиационного базирования типа развернутой в 80-е годы американской системы «F-15 СРЭМ-Альтаир» и советской разработки ПСС на базе истребителя МиГ-31 контроль запрещения на развертывание был бы крайне затруднен ввиду двойного назначения и массового наличия в боевом составе таких самолетов, а также малых габаритов ракеты-перехватчика, позволяющих складирование в любых аэродромных хранилищах ВВС. Конечно, у таких ПСС особые системы наведения и управления, но их запрещение «вторгалось» бы в общую наземную инфраструктуру космического комплекса и потому нереально. Количественное ограничение такого рода систем более достижимо, но потребовало бы широкой транспарентности, согласования функциональных отличий самолетов и ракет, мер содействия контролю и разрешенных отдельных мест базирования ПСС, а также, возможно, принятия права инспекций по подозрению с коротким временем предупреждения на других базах ВВС сторон.

Перспективы соглашений по запрещению космического оружия. Переговоры по запрещению космического оружия могут стать практической задачей в контексте реанимации всего процесса и системы разоружения, особенно, если администрация президента Обамы начнет пересмотр положений военно-космической политики США. В таком случае, с учетом прошлого опыта и выдвигавшихся прежде инициатив, придется

заново подойти к предмету, формату и способам договорно-правового регулирования этой сферы военно-стратегических отношений сегодняшних и потенциальных космических держав.

Уместно напомнить, что практической основой договоров по стратегическим вооружениям были не общие мирные устремления держав, а баланс асимметричных военных интересов сторон. В космической сфере очевидным балансом практических интересов сторон могло бы стать запрещение или жесткое ограничение противоспутниковых систем в обмен на отказ от развития космических систем ПРО, имея в виду ударные системы (перехватчики) космического базирования. Первое выгодно США, а второе – России и КНР. В таком договорном формате техническое взаимопересечение ПРО и ПСС, которое затрудняет запрет одного без запрета другого, может способствовать мерам их ограничения или запрещения в совокупности.

Вместо запрещения на развертывание и как способ косвенного решения этой задачи, первоначальная договоренность могла бы состоять в запрете на испытания противоспутниковых систем и ударных космических средств ПРО. При этом имелись бы в виду испытания с фактическим поражением спутника-мишени или баллистической ракеты и ее элементов на траектории полета, какие проводились в СССР в 60–80-е годы, в США в 80-е годы и в Китае в 2007 г. Контроль над таким соглашением может опираться на НТСК сторон, желательно, в сочетании с мерами содействия и определенной транспарентности. Например, следует подтвердить и расширить существующий формат уведомлений обо всех запусках ракет, включая космические, и включить в него любые действия и эксперименты с разрушительным воздействием на космические объекты.

Ликвидация отслуживших спутников, если они создают угрозу падения, должна проходить под наблюдением другой стороны (сторон) и с предоставлением достаточной информации, чтобы не вызывать подозрений по поводу проведения скрытых испытаний ПСС, как американский перехват КА в 2008 г.

Первоначальный договор мог бы иметь ограниченный срок действия (скажем, 10 лет с возможностью продления), меньший, чем прогнозируется для появления технически осязаемых систем космической ПРО. Как и в любом договоре такого рода в нем содержалась бы статья о праве выхода в случае, если поставлены под угрозу «высшие интересы» какой-либо из сторон.

Формат договоренности мог бы на первом этапе включать США, Россию и, желательно, КНР и предусматривать в дальнейшем возможность присоединение любых других держав. Для контроля и разрешения спорных вопросов следовало бы создать постоянную совместную комиссию

И по военно-политическим причинам, и в силу объективных технических и физических обстоятельств (в частности, космоса как особой среды) предложенный выше договор по необходимости будет иметь частичный, избирательный характер. Так же было, кстати, с Временным соглашением ОСВ-1 от 1972 г. и Договором ОСВ-2 от 1979 г. Однако, не пройдя через те естественные этапы разоружения, стороны никогда не достигли бы беспрецедентных всеобъемлющих сокращений, ограничений и мер транспарентности Договора СНВ-1 20 лет спустя и Пражского Договора СНВ 2010 г.

В использовании космоса человечество находится сейчас на важнейшей исторической развилке: превратится ли космос в арену гонки вооружений и вооруженных конфликтов – или останется сферой мирной и исключительно вспомогательной военной деятельности, международного сотрудничества, обеспечения стратегической стабильности и процесса разоружения. Выбор магистрального пути произойдет, видимо, в ближайшее десятилетие, а может быть – и в ближайшие годы.

Вступив в эпоху глобализации, мир сталкивается со все новыми проблемами безопасности, решение которых невозможно на односторонней и, тем более военно-силовой основе. Для решения этих задач настоятельно требуется взаимодействие ведущих

держав и всех ответственных государств мира, включая сотрудничество в использовании космоса для борьбы с распространением оружия массового уничтожения, пресечения международного терроризма, многосторонних миротворческих операций, контроля над радикальными шагами разоружения, эффективных мер в отношении проблем климата и экологии в целом, энергетической и продовольственной безопасности.

Это предполагает императив безотлагательной разработки международных соглашений, предотвращающих вооружение космического пространства. В качестве первого шага на этом пути может послужить скорейшее принятие кодекса космической деятельности государств, в котором государства на добровольной основе присоединились бы к общим принципам мирного и кооперативного использования космоса.

Возникшие тупики на пути заключения договора или нескольких соглашений по невооружению космоса заставили активизировать поиски новых альтернативных путей и форм достижения договоренностей. Одной из таких возможных форм стали попытки согласования менее формализованного, по сравнению с договором, кодекса или «рамки» поведения в космосе.

Кодексы поведения: первоочередные шаги по немилитаризации космоса В мировой практике выработка т.н. кодексов поведения используется достаточно широко, именно тогда, когда заключение более формализованных соглашений представляется сложным, избыточным или труднодостижимым. Одним из таких примеров является Международный кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет (МКП). Этот документ был принят в ноябре 2002 г в Гааге, и под ним сразу поставили свои подписи представители 93 стран. В настоящее время к нему присоединились более 120 государств.

Уже само по себе это показательно. Так, к режиму контроля за экспортом ракет и ракетных технологий (РКРТ), принятому более 20 лет назад – в 1987 г., присоединилось гораздо меньше стран – 34. Это во многом связано с тем, что ограничения в рамках РКРТ представляются для многих сложно контролируемые. К тому же, в условиях отсутствия надежных систем обеспечения региональной и мировой безопасности, значительное число государств хотят оставить для себя «свободу рук» в развитии ракетных технологий.

Разработка и принятие на добровольной основе Кодекса поведения государств в космической деятельности (КПКД) служило бы повышению ответственности государств и формализации рамок ответственности на этапе подготовки более обязывающих соглашений. Целью его создания стал бы запрет на любые действия, направленные на поражение или снижение устойчивости функционирующих космических систем, а также ограничения на создание, развертывание и использование систем оружия, предназначенных для указанных действий. Еще одной целью КПКД могло бы стать установление некоторых ограничений на «провоцирующее» развертывание в космосе дестабилизирующих космических систем мониторинга и разведки.

Такой запрет должен действовать в мирных условиях и снизить технические и оперативные возможности дестабилизации обстановки (и как следствие – неуправляемой эскалации) в условиях вооруженных конфликтов. Некоторые его положения могли бы соблюдаться и в военное время. Вместе с тем едва ли можно рассчитывать на соблюдение в условиях вооруженных конфликтов запретов, например, на организацию помех системам типа ГЛОНАСС, НАВСТАР или «Галилео» как основных систем обеспечения применения высокоточного оружия, а также на нарушение работоспособности других обеспечивающих систем военного, двойного и коммерческого назначения.

Идея кодекса поведения в космосе, в различных вариантах нашла сейчас достаточно широкую поддержку. В настоящее время экспертной общественностью и даже в официальных кругах обсуждаются несколько подобных проектов.

По мнению российских экспертов, кодексом поведения, прежде всего, должны быть определены объекты космических систем, воздействие на которые приводит к нарушению

их работоспособности. Во-вторых, должны быть определены способы и средства воздействия и, наконец – виды (типы) оружия, которое может быть выведено в космос или применено с поверхности Земли против космических аппаратов.

Необходимо подчеркнуть, что выполнение указанных выше условий невозможно проверить с помощью национальных технических средств верификации. Здесь, однако, следует еще раз заметить, что кодекс, скорее, является документом о намерениях, в основе которого лежит добровольное согласие государств действовать именно таким образом, а не иначе. По этой причине он не должен предполагать строгих определений, точных ограничений, верификационных процедур, а также санкций за нарушение его положений. Это, собственно, роднит его и с другими документами такого рода – например, с упомянутым выше Международным кодексом поведения по предотвращению распространения баллистических ракет.

Возможно несколько путей концептуального развития идеи кодекса. Одним из них, по которому пошли западные коллеги, является провозглашение достаточно общих, приемлемых для большинства и не вызывающих возражений принципов. Другим путем может стать призыв к запрещению определенных систем оружия или этапов его принятия на вооружение (например, испытания).

Проекты кодексов. Появившийся в итоге совместной работы в октябре 2007 г. «модельный» Кодекс поведения¹⁰⁰ стал коллективным продуктом неправительственных организаций Канады, России, Франции, Японии, и США (при координирующей роли Центра им. Г. Стимсона). В МКП дается девять «сфер обязанностей» стран, обладающих космическим потенциалом. Среди них можно отметить следующие: уважение прав других стран, обладающих космическим потенциалом; обязанность следовать «правилам безопасных действий в космосе» (которые, пока еще юридически не проработаны); обязанность стремиться к минимизации количества обломков в космосе; обязанность вступать в консультации с другими странами в связи с действиями в космосе, вызывающими озабоченность. Пожалуй, наиболее приближенным к конкретике является провозглашение обязанности «воздерживаться от создания опасных помех для космических объектов». Хотя такое положение может трактоваться весьма свободно, оно, тем не менее, создает основу для «вступления в консультации» о которых упоминалось выше.

Гораздо дальше идет проект, подготовленный Институтом Эйзенхауэра (Вашингтон, США)¹⁰¹. Предлагаемое Институтом так называемое Рамочное соглашение по безопасности в космосе (РСБК) классифицируется «скорее как добровольное соглашение, чем договор», который призван скоординировать деятельность руководства стран, «мыслящего в одном направлении» и признающего необходимость принятия определенных норм для укрепления безопасности всех участников космической деятельности.

В отличие от МКП, в РСБК приводится целый свод базовых определений для целей документа, что, как указывалось выше, абсолютно оправдано. Предлагаются вполне конкретные обязательства, которые берет на себя каждый участник, в том числе, такое важное, как воздерживаться от испытаний в космосе антиспутникового оружия «поражающего действия» и от развертывания любого антиспутникового оружия космического базирования. Кроме того, предлагается запрет на развертывание и испытание оружейных компонентов ПРО космического базирования, поскольку они будут «неотличимы от оружия космического базирования поражающего действия»¹⁰².

¹⁰⁰ См.: Model Code of Conduct for Responsible Space-Faring Nations. Released by the Stimson Center October 24, 2007 (<http://www.stimson.org/pub.cfm?ID=575>).

¹⁰¹ См.: Framework for Space Security: an Alternative to the Weaponization of Space (<http://www.eisenhowerinstitute.org/themes/international/fos/framework.dot>).

¹⁰² Ibid.

Для целей создания и укрепления мер доверия в данной области предлагается создание совместного Координационного центра взаимного уведомления, имеющего возможности для обнаружения, слежения и опознавания искусственных объектов, обращающихся вокруг Земли. Сделанные в РСБК предложения, таким образом, достаточно реалистичны, конкретны и, будучи принятыми, могут служить заметным препятствием на пути развязывания гонки вооружений в космосе.

Идея кодекса в конце 2008 г. получила заметную поддержку, будучи подхваченной Европейским Союзом. В проекте документа Кодекс поведения для деятельности в открытом космосе, предложенном Советом Европейского союза провозглашаются важные принципы, которые направлены на укрепление «идеологии» предотвращения гонки вооружений в космосе.

Так, в соответствии с «общими принципами» документа государства-участники выражают согласие с тем, что они должны брать на себя ответственность за выполнение определенных принципов использования космического пространства. Одним из таких положений объявляется свобода доступа в космическое пространство «при полном уважении принципов обеспечения безопасности, физической защиты и целостности космических объектов на орбите», другим – согласие «предпринимать все надлежащие меры и вступать в сотрудничество в духе доброй воли в целях предотвращения создания опасных помех в ходе осуществления деятельности в космическом пространстве»¹⁰³.

В разделе, посвященном мерам, предпринимаемым в отношении деятельности в космосе, говорится, что государства будут «воздерживаться от любых преднамеренных действий, которые повлекут за собой или могут повлечь, прямо или косвенно, повреждение или разрушение космических объектов». Для выполнения указанных целей государства, которые подпишут кодекс, «выражают решимость» ежегодно проводить обмен информацией «по национальной космической политике и стратегии, включая информацию относительно основных целей деятельности в сфере обеспечения безопасности и обороны»¹⁰⁴.

Принятие такого кодекса позволит сделать шаг на пути к расширению консенсуса между ведущими странами мира (среди которых будут многие союзники США) относительно важности недопущения такой гонки, создания давления на Вашингтон в пользу принятия подобных ограничений. В случае присоединения к предлагаемому кодексу европейских стран, будут созданы также условия для последующего выхода этой инициативы на мировой уровень с возможным расширением ее положений за счет новых ограничений.

Все это, однако, не снимает необходимости в разработке юридически более строгих договорных ограничений для дальнейшего обеспечения использования космического пространства в мирных целях.

Достижение согласия на экспертно-политическом уровне по Кодексу поведения в любом случае облегчит дальнейшее продвижение к более юридически обязывающей договоренности. Определенные надежды в этой области, наряду с предложенной инициативой со стороны ЕС, связаны с тем, что в ходе выборов нового президента США в 2008 г. наметились тенденции к серьезным изменениям в позиции Вашингтона. Речь шла о том, что новая администрация Белого дома ставит перед собой цель «восстановить лидерство США в космической области» (что неоднократно повторялось и ранее), однако сделать это планируется, с помощью заключения «кодекса поведения со странами, обладающими космическими потенциалами, включая заключение общемирового запрета

---

¹⁰³ Council of the European Union. Brussels, 3 December 2008. Annex II. Draft Code of Conduct for outer Space Activities (<http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/08/st17/st17175.en08.pdf>).

¹⁰⁴ Ibid.

на использование оружия против спутников и запрета на испытания антиспутникового оружия»¹⁰⁵.

---

¹⁰⁵ Barack Obama and Joe Biden on Defense Issues (<http://www.barackobama.com/issues/defense/>).

IV. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РАЗОРУЖЕНИЯ

1. Россия и НАТО после холодной войны

Россия и Запад. Окончание холодной войны создало предпосылки для прекращения противостояния России и Запада. Однако эта возможность была использована далеко не полностью. К концу первого десятилетия XXI в. произошло очередное серьезное обострение отношений России с США и со странами Запада в целом, которое охватило практически весь спектр отношений и в первую очередь сферу безопасности.

Одна из причин создавшегося положения – это взятый Россией курс на изменение «правил игры» в ее отношениях с Западом, которые сложились в 90-е годы прошлого века, и нежелание Запада, прежде всего США, принять это.

Парадигма отношений периода 90-х годов, когда Москва вольно или невольно просто шла в фарватере курса США, когда с ее интересами не считались и ее мнением сплошь и рядом пренебрегали – абсолютно неприемлема теперь ни для одной политической партии и государственных органов России. «Это не должно повториться» – вот лозунг, объединяющий всех в подходе к российской внешней политике.

Стремление России восстановить свои позиции на мировой арене зачастую воспринималось в США и других странах Запада как аномалия, проявление со стороны России «традиционной враждебности к Западу и его ценностям», как рецидив империализма и мышления в духе холодной войны или, в лучшем случае, как ошибка Москвы в оценке мировых процессов и собственных интересов. Только провалы собственной политики, экономический кризис и смена администрации начали менять такое отношение со стороны Вашингтона.

Ныне, возможно, еще в большей мере, чем предполагают объективные экономические, социальные и оборонные достижения России, выросла самоуверенность и национальная гордость новой российской политической элиты. Отсюда, в резком контрасте с периодом 90-х годов, повышенная дипломатическая активность Москвы на всех континентах, нежелание слепо идти в фарватере США в разрешении региональных кризисов (Косово, Палестина, Иран, КНДР), завязывание и восстановление связей со странами, бросающими политический вызов американскому доминированию. Энергично развивается деятельность РФ в независимых от США, НАТО, ЕС межгосударственных объединениях (ОДКБ, ЕврАзЭС, ШОС).

Помимо соперничества в мировой торговле оружием, Россия более не стесняется открыто противодействовать США в отдельных военно-технических сферах (реакция на развертывание ПРО), а также соревноваться в демонтаже договоров по разоружению (Договоры по ОВСЕ и РСМД) и выдвижении претензий к международным организациям (например, к ОБСЕ). В августе 2008 г. впервые за многие годы Москва применила военную силу на Кавказе.

Вторая причина трений кроется в последствиях политики Запада, в первую очередь США, в последние полтора десятилетия. После конца биполярности и холодной войны у Вашингтона был уникальный исторический шанс утвердить в международной политике верховенство правовых норм, ведущую роль легитимных международных институтов (прежде всего, ООН и ОБСЕ), примат дипломатии в разрешении конфликтов, исключительную избирательность и законность применения силы для самообороны или в целях обеспечения мира и безопасности (по ст. 51 и 42 Устава ООН). С начала 90-х годов у США была редкая возможность возглавить процесс созидания нового, многостороннего,

согласованного с другими центрами силы миропорядка – и они этот шанс бездарно упустили.

Неожиданно ощутив себя «единственной мировой сверхдержавой» и пребывая во власти эйфории, Соединенные Штаты все более подменяли международное право правом силы, легитимные решения Совета Безопасности ООН – директивами американского Совета национальной безопасности, а прерогативы ОБСЕ – действиями НАТО. Наиболее яркое и трагическое выражение такая политика получила в военной операции против Югославии в 1999 г. После смены администрации в 2001 г. и чудовищного шока, вызванного террористическими актами 11 сентября, эта линия была возведена в абсолют. США вторглись в Ирак (под надуманным предлогом и без санкции ООН), намереваясь в дальнейшем «переформатировать» весь Большой Ближний Восток под свои военно-политические интересы.

В 90-е годы вместо того, чтобы вмешиваться во внутренние дела России, США и НАТО следовало обеспечить Москве максимально благоприятную внешнюю среду безопасности и перспективы глубокого вовлечения в военно-политические и экономические международные институты Запада. В тот переходный период внешняя политика России характеризовалась не столько ее отношениями с окружающими странами, сколько выбором модели собственного экономического и политического развития.

Но все было сделано «с точностью до наоборот»: наряду с вовлечением во внутренние дела России, в условиях ее глубочайшего внутреннего кризиса Запад спешил в максимальной степени воспользоваться внешнеполитической и военной слабостью РФ, чтобы «застолбить» как можно больше преимуществ, пока она не начнет отстаивать свои собственные национальные интересы. При этом к России относились как к стране, проигравшей холодную войну. Это вызывало возмущение подавляющей части нового российского политического класса, считавшего, что РФ холодную войну выиграла, ибо обрела в результате ее окончания свою государственность и суверенитет.

Стратегия Запада выразилась в расширении НАТО на восток, в односторонней позиции альянса по югославским конфликтам, завершившейся массированными авиационно-ракетными ударами по Сербии и массовым изгнанием сербов из Косово. Все это предпринималось вопреки протестам Москвы, с которыми в западных столицах всерьез не считались.

Смена руководства США в 2000 г. повлекла еще более жесткий практический курс в отношении России, который мало сглаживала возникшая на встрече в Любляне взаимная симпатия двух президентов. После террористических актов 11 сентября Владимир Путин сделал значительный шаг навстречу США. Вопреки настрою большей части политической элиты, Кремль оказал полную и безоговорочную поддержку в создании антитеррористической коалиции, вооружении Северного альянса и проведении военной операции в Афганистане.

В ответ на это Россия получила выход США из Договора по ПРО (заключение Договора о СНП не смогло сгладить ситуацию), войну в Ираке (ликвидацию там крупнейших российских нефтяных концессий), а также новый шаг в расширении НАТО на восток, в том числе на территорию бывшего СССР в страны Балтии. Наряду с этим продолжался мелочный торг республиканской администрации с РФ вокруг ее вступления во Всемирную торговую организацию и абсурдное упрямство Конгресса, цеплявшегося за ископаемую поправку Джэксона-Вэника от 1974 г. (об экономических санкциях за препятствия эмиграции из СССР).

Кроме того, политика Запада в отношении России имела отчетливый элемент отторжения. Москве постоянно давали понять, что полномасштабная интеграция в западные военно-политические и экономические организации для нее закрыта даже в долгосрочном плане.

Неудивительно, что в конце концов Россия оставила надежды на достаточно быстрый и поступательный процесс интеграции с Западом на основе равноправия, взаимной выгоды и уважения интересов друг друга. Она обратилась к поиску более заинтересованных и менее привередливых партнеров на юге и востоке.

Последней каплей, переполнившей чашу, стало активное вмешательство Запада в «цветные» революции в Грузии и Украине с целью поддержки наиболее антироссийских политиков (что заставило подозревать ту же модель в Киргизии) в 2004–2006 гг. К этому добавились обнародованные планы ускоренного втягивания Украины и Грузии в НАТО, обвинения России в политике «энергетического шантажа» и проект строительства объектов американской стратегической ПРО в Польше и Чехии – вопреки духу Совместной декларации о новых стратегических отношениях между Россией и США от 24 мая 2002 г., в которой, в том числе, говорилось о возможных направлениях сотрудничества в области противоракетной обороны, и вразрез с переговорами в Совете Россия–НАТО о развитии общей тактической ПРО ТВД.

Речь Путина в Мюнхене в 2007 г. стала сигналом Западу о том, что Россия больше не намерена играть по старым правилам и «напрашиваться» на более продвинутое сотрудничество, если он не проявляет в этом искренней заинтересованности. Однако потребовался вооруженный конфликт в Грузии в августе 2008 г., чтобы на Западе поняли, что теперь Россия говорит всерьез и готова подтвердить свои слова делами. Отношения с РФ оказались на грани военного противостояния и небывалой со времен холодной войны политической напряженности.

Динамика развития отношений России и НАТО. В итоге коренных геополитических перемен в мире и в Европе произошла стремительная реорганизация всей конструкции европейской безопасности. Распалась Организация Варшавского договора (ОВД), а ее бывшие члены присоединились к Североатлантическому альянсу.

Сам факт сохранения военно-политического блока НАТО сразу же превратился в одну из важнейших претензий, которую российские политики и эксперты постоянно адресовали Западу. Кроме того, осуществляемая с начала 90-х годов политика расширения НАТО на восток служила постоянным раздражителем двусторонних отношений, серьезно подрывая любые возможности содержательного сотрудничества.

В России эту политику однозначно воспринимали как нарушение обещаний, данных ранее на самом высоком уровне. Как вспоминал бывший заместитель заведующего международным отделом ЦК КПСС Андрей Грачев – через два месяца после встречи с М. Горбачевым на Мальте (2–3 декабря 1989 г.) госсекретарь США Дж. Бейкер заявил, что «если будущая Германия вступит в НАТО, то НАТО ни на дюйм не продвинется на Восток». Именно в связи с началом реализации политики расширения альянса в конце 1994 г. первый президент России Б. Ельцин предупредил Запад о возможности наступления «холодного мира».

В последующие годы политики и эксперты не раз были вынуждены вспоминать это предупреждение в связи с периодическими серьезными осложнениями отношений России и НАТО. В ситуации практически безостановочного расширения блока, Москва постоянно пыталась установить некие «правила», которые позволили бы заручиться гарантиями соблюдения интересов собственной безопасности, обретения равного с НАТО статуса в процессе принятия решений панъевропейского уровня.

Определенным этапом на этом пути следует считать подписанный в 1997 г. основополагающий акт Россия–НАТО. В нем, в частности, была согласована формулировка в отношении ядерного оружия, которая гласила, что «государства – члены НАТО подтверждают, что не имеют намерений, планов или причин для развертывания ядерного оружия на территории новых членов и не имеют необходимости изменять любой из аспектов построения ядерных сил НАТО или ядерную политику НАТО, а также не предвидят необходимости делать это в будущем». Указывалось также, что НАТО «не

имеет намерений, планов или причин создавать места хранения ядерного оружия на территориях этих стран ни путем строительства новых объектов хранения ядерного оружия, ни путем приспособления старых объектов хранения ядерного оружия»¹⁰⁶.

Однако это заявление, привязанное к временным категориям и определенным обстоятельствам, не исключает, в принципе, возможности расширения географии «ядерной инфраструктуры», в случае серьезного ухудшения отношений с Россией. Именно так его и восприняло российское политико-экспертное сообщество.

Примерно в таких же выражениях в 1997 г, были обусловлены ограничения по обычным вооруженным силам. Руководство НАТО подтверждало, что «в нынешних и обозримых условиях безопасности альянс будет осуществлять свою коллективную оборону и другие задачи через обеспечение необходимых совместимости, интеграции и потенциала усиления, а не путем дополнительного постоянного размещения существенных боевых сил»¹⁰⁷.

Негативное воздействие этих тем на двусторонние отношения в настоящее время не только не снижено, но и периодически заметно усиливается. Вопрос о гипотетической возможности размещения ядерного оружия на новых территориях или о еще более реальной возможности – «создании» баз НАТО с размещением обычных вооружений на территориях новых членов альянса постоянно поднимается в ходе обсуждений в российских политико-экспертных кругах и негативно воздействует на двусторонние отношения.

Одним из самых чувствительных для российского общества негативных моментов в отношениях России и НАТО стала военная акция альянса против Югославии, которая началась вне рамок международного права. Российские политики и эксперты были практически едины во мнении, что позиция США сыграла здесь центральную роль. Эти события 1999 г., как отмечалось на состоявшемся в ИМЭМО РАН 20 апреля 2010 г. обсуждении, стали, фактически, водоразделом в двусторонних отношениях Россия–НАТО. Отношение российского политического класса к НАТО изменилось кардинальным образом и после бомбардировок Югославии стало «тотально негативным».

Очередная попытка качественного улучшения и реформатирования двусторонних отношений была предпринята в 2002 г. на Римской встрече глав государств и правительств Российской Федерации и государств – членов НАТО. В Декларации «Отношения России и НАТО: новое качество», принятой по итогам встречи, провозглашалось, что в новом Совете Россия–НАТО, создаваемом вместо не оправдавшего надежд Совместного постоянного совета, «Россия и государства – члены НАТО будут работать как равные партнеры в областях, представляющих общий интерес». Однако, несмотря на имеющиеся некоторые достижения на ряде направлений, перевести благие пожелания в реалии двусторонних отношений, а тем более создать ощутимый противовес негативным настроениям и тенденциям так и не удалось – свидетельство тому та легкость, с которой в 2008 г. двустороннее сотрудничество было заморожено в очередной раз.

В устойчивый негативный контекст двусторонних отношений вплелась и тема американской ПРО, которая, по мнению многих российских военных, политиков и экспертов, была способна ослабить потенциал российского ядерного сдерживания. Предложенная администрацией Обамы новая архитектура ПРО на сегодня снимает остроту кризиса. Однако, как отмечали участники встречи в ИМЭМО РАН, если не предпринять целенаправленных мер по созданию совместной ПРО, то очередной «противоракетный кризис» России с США и НАТО может оказаться всего лишь «отложенным».

---

¹⁰⁶ Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора. Париж, 27 мая 1997 г. С.7 (<http://www.nato.int/docu/basicxt/fndrus.htm>).

¹⁰⁷ Там же.

Еще одной темой, ставшей серьезным препятствием на пути налаживания отношений реального, а не декларативного сотрудничества, была кампания по подготовке принятия в альянс Украины и Грузии. Она нанесла заметный урон двусторонним отношениям Москвы и Брюсселя и, как считают многие эксперты, способствовала приближению трагической развязки в виде «грузинского конфликта».

Имевшиеся на тот момент у части российской военно-политической элиты настроения выразил занимавший тогда пост начальника Генерального штаба генерал армии Ю. Балухевский. 12 апреля 2008 г. он заявил, что в случае вступления Украины и Грузии в НАТО «Россия предпримет действия, направленные на обеспечение своих интересов вблизи государственных границ», что включало в себя как «военные меры», так и «меры иного характера»¹⁰⁸.

В настоящее время со стороны Брюсселя получены сигналы, что на ближайшее время тема вступления в альянс Украины (где сейчас внутривосточная ситуация сложилась явно не в пользу такого решения) и Грузии снята с повестки дня. Однако многим конструктивно настроенным российским политикам и экспертам хотелось бы заручиться более весомыми гарантиями на этот счет, что могло бы внести заметный элемент стабильности в отношения РФ–НАТО.

Трагический конфликт августа 2008 г. не только приостановил, но отбросил отношения России и НАТО далеко назад. В Москве и Брюсселе до сих пор сохраняются диаметрально противоположные взгляды на фактологическую и юридическую стороны конфликта.

По мнению главнокомандующего войсками НАТО в Европе генерала Дж. Крэддока, военная операция в Южной Осетии «перечеркнула базовое допущение НАТО, согласно которому после распада советской системы ни одна страна Европы и Евразии не находится под угрозой вторжения». Он высказал уверенность в том, что своими действиями, кроме всего прочего, «Россия добивается ослабления евро-атлантических институтов безопасности»¹⁰⁹, то есть реализует антинатовский вектор своей политики. Крайняя опасность «грузинского конфликта» состояла и в том, что в ходе его нельзя было исключить прямого вооруженного столкновения сил России и НАТО (например, во время демонстративных проходов натовских кораблей по Черному морю в грузинские порты).

Итогом конфликта стало возникновение двух новых суверенных государств – Южной Осетии и Абхазии, которые на сегодня признаны лишь очень небольшим числом стран. Относительно правомерности их самоопределения нет и не предвидится согласия России с западными странами и институтами безопасности, в том числе с НАТО.

Однако для российского политического класса не было сомнений, что процесс обретения суверенитета этими двумя государствами стал прямым следствием подталкиваемого и «спонсируемого» (не только в прямом смысле этого слова) США и Большой Европой в любых ее конфигурациях (НАТО, ЕС, ОБСЕ) предоставления суверенитета Косово. В этом смысле, как и во многих других, здесь крылось «добросовестное заблуждение» авторов «косовского проекта», настаивавших на юридической исключительности этого прецедента. Правда оказалась на стороне подавляющего большинства российских политиков и специалистов, предупреждавших о негативных последствиях такого шага, предопределенного действиями лидеров западных стран и их институтов.

Абсолютно точно предрек развитие ситуации, назвав даже регион еще до развязывания там кровопролитного конфликта, один из российских экспертов, заметивший, что «те, кто хочет увидеть в Косово прецедент, увидят его. И будут

¹⁰⁸ Соловьев В. Штабы перерабатывают планы применения войск (ОДКБ поддержал Москву против вступления Киева и Тбилиси в Североатлантический союз) // Независимое военное обозрение. 18.02.2008.

¹⁰⁹ Главком НАТО: Россия подрывает влияние США (http://www.infox.ru/authority/foreign/2009/03/25/Glavkom_NATO_Rossiy.phtml).

интерпретировать косовское самоопределение соответствующим образом... Тех, кто использует этот казус для решения политических задач, не убедят выводы аналитиков... Надо было думать о том, как слово наше отзовется. Отзовется на тех же Балканах или на Южном Кавказе»¹¹⁰.

Ясно, что между Россией и НАТО сохраняются противоположные взгляды на природу и на ход самого конфликта. В Москве сложилось устойчивое мнение, что президент Грузии Саакашвили никогда не позволил бы себе развязать военные действия без молчаливого согласия США и НАТО. Не случайно грузинский кризис завершился замораживанием и так весьма натянутых отношений между Россией и НАТО.

Несмотря на неоднократно декларированное партнерство России с НАТО, реальная острота противоречий за все время двусторонних отношений не уменьшалась соразмерно политической риторике. Просто за годы так называемого партнерства выработались некие «правила хорошего тона», предполагающие, что на высоком политическом уровне и на официальных встречах представителей Брюсселя и Москвы, последние стараются избегать открытой и резкой критики НАТО. Зато на встречах и обсуждениях «для внутреннего пользования», политика и действия альянса оцениваются в Москве не просто критически, но и как представляющие прямую угрозу национальной безопасности России.

Прямое доказательство этому – упоминание в последнем издании Военной доктрины РФ (2010 г.) на первом месте (!) среди основных внешних военных опасностей, грозящих России, о стремлении «наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора... глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока». Такое утверждение, содержащееся в центральном российском документе в сфере обороны должно вызвать крайнюю озабоченность у архитекторов российской политики в штаб-квартире НАТО. Данное положение можно рассматривать как весьма плачевный итог многолетних усилий по налаживанию, если не партнерства, то хотя бы отношений доверия между альянсом и Москвой.

Президенты РФ, каждый в свое время, в публичных выступлениях в присутствии высокопоставленных представителей Запада абсолютно прозрачно намекали на возможность вступления России в НАТО. В июне 2001 г. после первого российско-американского саммита в ходе совместной пресс-конференции В.Путин напомнил Дж. Бушу, что еще за год до саммита на одной из встреч ему (Путину) был задан вопрос: «Возможно ли, чтобы Россия как-то присоединилась к НАТО?», – на который он ответил: «А почему бы и нет». Вспомнил он и то, что бывший госсекретарь США г-жа Олбрайт, «находясь где-то в командировке в Европе», на это сказала: «Ну, это сейчас не обсуждается»¹¹¹.

Президент Д. Медведев, выступая в Совете по международным отношениям в ноябре 2008 г. (с той же самой М. Олбрайт в качестве ведущей), заметил, что хотя ситуация пока не вполне располагает к присоединению России к НАТО, «но есть известное выражение «never say never»»¹¹².

Однако в своем подавляющем большинстве лидеры Запада спокойно прошли мимо таких вполне однозначных сигналов. К сожалению, эти, как и многие другие ситуации подобного рода, вполне могут оказаться упущенным историческим шансом для

---

¹¹⁰ Маркедонов С., Романенко С. Косово: прецедент или исключение?// Индекс безопасности. 2008. №1 (84) (<http://www.pircenter.org/index.php?id=2297>).

¹¹¹ Совместная пресс-конференция с Президентом Соединенных Штатов Америки Джорджем Бушем. 16 июня 2001 г., Любляна (<http://president.kremlin.ru/text/appears/2001/06/28562.shtml>).

¹¹² Встреча с представителями Совета по международным отношениям. 16 ноября 2008 г. Вашингтон (http://www.president.kremlin.ru/appears/2008/11/16/0526_type63376type63377_type82634_209249.shtml).

решительного изменения самой природы отношений Москвы и Североатлантического альянса.

От уровня взаимодействия между Россией и НАТО сегодня во многом зависят и уровень сотрудничества Москвы с Западом в целом и, в первую очередь, перспективы успешного решения немалого числа проблем в сфере безопасности.

2.В ПОИСКАХ НОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Несмотря на наличие институтов и множества деклараций в пользу укрепления европейской безопасности, задача ее консолидации остается, несомненно, актуальной. Налицо определенная хрупкость и недостаточная эффективность ряда элементов существующего европейского порядка.

Предложение президента РФ Д. Медведева. В июне 2008 г. президент Медведев заявил о необходимости создания новой структуры европейской безопасности. Суть этой инициативы — предложение разработать и подписать договор о европейской безопасности (ДЕБ). В ноябре 2009 г. Россия вынесла на обсуждение проект этого документа. Пока что широкие политические и экспертные круги встретили проект без энтузиазма, но, возможно, со временем он привлечет к себе большее внимание.

Одно из самых спорных его положений состоит в том, что предлагаемый в нем механизм позволяет какому-либо государству —участнику договора блокировать такие действия многосторонних учреждений, которые оно может рассматривать как угрозу своей безопасности. Предполагается, что в этом достаточно откровенно выражено стремление обеспечить России право вето в отношении действий НАТО (в особенности его расширения), и поэтому в данном пункте проект наталкивается на неприятие Запада.

Некоторые составляющие российского предложения, такие, как идея о создании нового формата консультаций для предотвращения кризисных или конфликтных ситуаций, могут в принципе оказаться более приемлемыми. Другие положения проекта (неделимость безопасности, отказ от подготовки к нападению на другие страны со своей территории или территории других государств, содействие в обеспечении безопасности любого государства ОБСЕ со стороны того или иного ее участника) носят или слишком общий и ни к чему не обязывающий характер, или могут даже использоваться против интересов и действий России, скажем, на постсоветском пространстве.

Приходится признать, что ценность предлагаемых инструментов неочевидна. Тем не менее само по себе начало переговоров явится не только признанием добрых намерений России, но и, что более важно, будет отвечать идее привлечения ее к предметной работе по решению проблем региональной безопасности.

В то же время было бы недальновидно свести создание новой структуры европейской безопасности лишь к подписанию нового (пусть и всеобъемлющего) договора. Задачи в этой сфере настолько масштабны, что охватить их одним документом нереально. Реформирование структуры европейской безопасности повлечет за собой намного более широкие последствия, нежели просто разработка и подписание договора.

Предпосылки обязательного участия России в строительстве европейской безопасности. С окончанием холодной войны с повестки дня европейской безопасности была снята лишь часть вопросов — та из них, которая была связана с традиционной конфронтацией между Востоком и Западом. Остальные составляющие этой повестки сохранились или возникли вновь либо последовательно, либо параллельно в связи с различными событиями: упразднение Варшавского договора, объединение Германии, отступление Москвы от центра континента в военном и политическом отношении, драматический распад бывшей Югославии и дестабилизация ситуации на Балканах в целом.

Некоторые аспекты сложившейся ситуации в Европе, стали результатом противоречивых, подчас трагических событий. У части участников европейского процесса они вызывают беспокойство или подозрения и рассматриваются как несправедливые, навязанные извне, дискриминирующие, способствующие конфликтам, а также создающие угрозы для безопасности или ведущие к появлению новых разделительных линий.

Так, в НАТО и ЕС появились новые члены, сложились новые отношения между этими двумя структурами и теми, кто не является их членами, сформировался новый политический ландшафт на территории бывшей Югославии, возникли новые транснациональные схемы поставок энергоресурсов, изменился (и продолжает меняться) порядок на постсоветском геополитическом пространстве. Кроме того, существуют новые отделившиеся территориальные образования (Косово, Южная Осетия, Абхазия), международное будущее которых остается неясным в связи с их выборочным признанием другими государствами. Фактически сложился новый международный режим по сравнению с тем, который существовал в самом начале эпохи после окончания холодной войны.

Некоторые из этих новых реалий, имеющие неоднозначное политическое происхождение, могут с легкостью стать причиной новых противоречий в связи с требованиями восстановить status quo ante. Сама возможность таких требований может стать серьезным вызовом для безопасности. В качестве превентивной меры необходима политическая легитимизация сложившейся ситуации, то есть ее фактическое признание всеми заинтересованными международными субъектами.

Принцип легитимизация лежит в основе европейской безопасности. Легитимизация может иметь несколько источников, в том числе в виде какого-либо авторитетного многостороннего форума, который мог бы выступить в качестве важного инструмента по обеспечению международной стабильности. Он мог бы оказать общее положительное влияние, придав прочность существующей международной схеме за счет привнесения логики сотрудничества. Он нейтрализовал бы вызывающие беспокойство элементы нового международного порядка в Европе, «абсорбировал» их или хотя бы снизив их значимость.

Такой подход, предполагающий легитимизацию новых реалий в рамках более широкого пакета соглашений, был апробирован еще в 70-х годах минувшего века. В то время в ходе хельсинкского процесса были закреплены европейские границы, возникшие после Второй мировой войны, и новая политическая конфигурация континента, а также были решены экономические и гуманитарные проблемы. Этим опытом вполне можно было бы воспользоваться и в нынешней ситуации.

Три основные задачи. Если говорить более конкретно, начало строительства «новой архитектуры европейской безопасности» было бы полезно для решения, по крайней мере, трех задач.

Первая задача – это создание более благоприятной политической атмосферы в Европе в целом для двустороннего и многостороннего сотрудничества в областях, связанных с традиционной безопасностью, в которых по ряду причин не удалось достигнуть удовлетворительных результатов.

Вторая – содействие сотрудничеству в новых областях, значение которых в качестве факторов национальной и международной безопасности в Европе растет.

И, наконец, третья задача состоит в необходимости разрешения ряда спорных вопросов (например, о праве народов на самоопределение). В связи с ними возможны различные мнения и подходы. Они, как показали недавние события, могут легко и стремительно из теоретических разногласий перерасти в политическую напряженность, а затем и в драматическую конфронтацию. Европе необходимы эффективные механизмы, которые снизят вероятность развития событий по такому сценарию.

Укрепление традиционной безопасности. В рамках традиционной повестки дня можно содействовать созданию более стабильной системы безопасности вне зависимости

от наличия какого-либо «генплана» создания новой политической структуры. Свидетельством этого стало решение Соединенных Штатов Америки об отказе от развертывания компонентов стратегической противоракетной обороны в Польше и Чешской Республике. Однако данный пример, еще раз продемонстрировал, насколько хрупка существующая ситуация и насколько быстро могут возрождаться прежние проблемы и поведенческие инстинкты в области безопасности. Для снятия подобных озабоченностей необходим подход, предполагающий максимально глубокое сотрудничество, нацеленное на создание совместной системы ПРО, обеспечивающей защиту от ракет всей Европы при трехстороннем сотрудничестве между США, Россией и НАТО (и/или ЕС).

Из «традиционной» повестки дня особого внимания заслуживает вопрос контроля над вооружениями в Европе, в котором вот уже на протяжении целого десятилетия наблюдается застой. Более того положение дел в этой области, которая некогда была важным импульсом укрепления стабильности на континенте, в настоящее время весьма плачевно. Обновление структуры европейской безопасности без серьезных шагов, нацеленных на изменение существующей ситуации, не представляется возможным.

Прежде всего, отказ западных стран ратифицировать адаптированный ДОВСЕ и приостановление его действия Россией привели к возникновению правового вакуума в Европе, разрушив ключевой элемент системы мер, призванных предотвратить предпосылки к военной конфронтации. Вывести данный процесс из тупика будет непросто, хотя это по-прежнему представляется возможным. Ключевыми элементами должно стать восстановление предусмотренного ДОВСЕ режима транспарентности и мер контроля, обсуждение возможности распространения этого режима (даже без установления согласованных квот на военную технику) на страны за пределами региона ДОВСЕ (в том числе на страны Балтии), содействие началу переговоров о новом договоре, который будет включать более широкий круг участников и предусматривать более глубокое сокращение вооруженных сил и военной техники, а также еще большую транспарентность.

В числе других традиционных областей, в которых возможен прогресс, есть одна, заслуживающая особого внимания. В Европе уже существует уникальный комплекс перспективных мер военной сдержанности, укрепления доверия и безопасности, которые согласовывались или же принимались и осуществлялись на протяжении более 30 лет. Среди них ежегодный обмен военной информацией, меры по уменьшению опасности, контакты между военными, предварительные уведомления и наблюдение за определенными видами военной деятельности, ограничительные положения, проведение инспекций на местах и другие меры. Было бы крайне полезно укрепить и обновить этот сегмент структуры европейской безопасности путем дальнейшего укрепления доверия государств в области военной безопасности.

Предотвращение конфликтов, их ограничение и урегулирование – это еще одна широкая область, где необходимы совместные усилия европейских стран, причем как в самой Европе, так и в других регионах. Такие совместные усилия могут стать источником противоречий между странами, но их эффект с точки зрения укрепления общей безопасности значительно выше возможных рисков.

Противодействие новым вызовам. Перечень «новых» угроз безопасности велик и со временем лишь удлиняется. Как правило, в их числе упоминают незаконный оборот наркотиков, терроризм, экологические проблемы, изменение климата, биобезопасность, чрезвычайные ситуации, гуманитарные кризисы, иногда к этому добавляют трансграничную преступность, кибертерроризм/диверсии, коррупцию, незаконную миграцию, морское пиратство и другие угрозы.

Во многих случаях национальный и международный опыт в противодействии этим вызовам более ограничен, по сравнению с традиционными военными угрозами безопасности. Тем не менее широко признан тот факт, что для противодействия им

требуется полная мобилизация ресурсов международного сотрудничества: иногда путем привлечения существующих многосторонних учреждений, в других случаях путем перенастройки некоторых из существующих механизмов или же посредством создания специальных учреждений с учетом специфики вызывающей беспокойство сферы.

Несомненно, на формате сотрудничества в связи с новыми угрозами могут отразиться разногласия по вопросам традиционной политики, военной безопасности, экономической и энергетической взаимозависимости и т.д. Однако противодействовать нетрадиционным угрозам безопасности нужно безотлагательно. В связи с этим требуются совместные усилия, на которых не должно отражаться состояние политических отношений. Так, хорошим примером тому стало участие пожарных самолетов-амфибий российского Министерства по чрезвычайным ситуациям в совместных усилиях по борьбе с лесными пожарами в Европе; это сотрудничество вышло за изначально запланированные рамки и позволило создать постоянный потенциал и инфраструктуру для немедленного оказания гуманитарной помощи в общеевропейском масштабе.

Разрешение спорных вопросов. Многие противоречия в сфере безопасности как в Европе, так и за ее пределами, возникают не от недостатка доброй воли у заинтересованных сторон, а вследствие объективной сложности проблем. Стремиться разрешить такие проблемы «раз и навсегда» – слишком масштабная и нереалистичная задача. Поэтому, несомненно, была бы важна шлифовка формулировок различных политических формул, но еще более важно уделять особое концептуальное внимание тем проблемам, которые создают (или могут создать в будущем) наибольшую напряженность.

Например, можно упомянуть противоречие между правом наций на самоопределение и территориальной целостностью государств. Пока эти два одинаково почитаемых принципа остаются концептуально несовместимыми, а на практике они могут легко подменяться этническими чистками и войнами, чему за последние два десятилетия Европа не раз была свидетелем.

Еще одним источником противоречий является вопрос о средствах и пределах внешнего влияния на внутреннее развитие государств, а также об их праве сопротивляться такому влиянию. Об этой проблеме заговорили в связи с «оранжевой революцией» на Украине, хотя примеры аналогичных ситуаций можно без труда найти как на постсоветском геополитическом пространстве, так и за его пределами.

Различие в толковании взаимной ответственности государств в связи с использованием природными ресурсами и их передачей через границы, угрозы международной политической дестабилизации на почве этнических и конфессиональных различий, создаваемые сепаратизмом и ирредентизмом конфликты, связанные с демографическими и миграционными процессами – таковы некоторые другие потенциальные источники возможного возникновения серьезных дестабилизирующих очагов в Европе. По всем этим вопросам требуется серьезная аналитическая и концептуальная работа, а не просто политические переговоры. Здесь можно провести определенную параллель с работой по «Хельсинкскому диалогу» на Общеввропейском совещании (1973–1975 гг.), но сегодня упомянутые выше проблемы заслуживают намного более тщательного, структурированного и диверсифицированного анализа.

Концептуальные проблемы могут быть тесно связаны с практическими вызовами. Проблема пределов суверенитета и легитимного внешнего вмешательства стала предметом ожесточенных споров в Европе в 1999 г. в связи с не получившей поддержки ООН военной операцией НАТО против Югославии. Споры вспыхнули с новой силой после конфликта на Кавказе в 2008 г. В этой связи при реорганизации евро-атлантического пространства безопасности потребуется решить, по меньшей мере, три проблемы. Прежде всего, потребуется определить критерии и правила внешнего вмешательства, предполагающего использование военной силы. Кроме того, необходимо будет практически выработать эффективные с военной точки зрения и сбалансированные в политическом отношении

схемы таких действий. И, наконец, нужно будет рассмотреть вопрос об их применении за пределами региона в качестве совместных трехсторонних операций (США–Россия–Европа).

Широкий институциональный ландшафт. Большинство институтов, действующих на евроатлантическом пространстве, могли бы способствовать укреплению безопасности в различных сферах и формах. Несомненно, некоторые из них могли бы делать это более эффективно. Общеизвестно, что основной площадкой для обсуждения инициативы президента Медведева может послужить ОБСЕ. Более того, некоторые аналитики рассматривают ее и как идеальный механизм для реализации данной инициативы. Если следовать этой логике, основным итогом реформы могла бы стать более мощная ОБСЕ, роль и функции которой были бы пересмотрены и адаптированы с учетом новых реалий. Помимо этого есть и предложения «оживить» ОБСЕ, расширив ее полномочия по предотвращению и урегулированию конфликтов, в том числе по проведению миротворческих операций.

Впрочем, по сложившейся практике, ОБСЕ за последние 20 лет сосредоточилась на гуманитарных проблемах, развитии демократии, правах человека и национальных меньшинств. Эту практику едва ли удастся в корне переломить и вернуть ОБСЕ евроатлантической безопасности.

В связи с этим на основную роль мог бы претендовать и ЕС функции которого в организации евро-атлантического пространства безопасности с большой вероятностью могут быть расширены. Его роль принципиально важна и для налаживания трехстороннего взаимодействия между США, Европой и Россией.

Крайняя озабоченность России центральной ролью НАТО в евро-атлантической институциональной структуре часто обуславливала ее выбор в пользу укрепления роли других учреждений. Тем не менее возможна и другая логика – строительство «особых отношений» между Россией и НАТО, в конечном итоге ориентированных на их стратегическое партнерство (и даже на вхождение России в НАТО, о необходимости чего говорят некоторые радикальные сторонники сближения).

Реструктуризацию пространства безопасности в Евро-Атлантическом регионе не следует рассматривать как план создания радикально новой конструкции, которая заменит существующие многосторонние организации. Дискуссии о том, как сделать их более эффективными, вполне закономерны, но большинство международных субъектов, как представляется, не стремятся ни ликвидировать их, ни создавать им всеобъемлющую замену. Напротив, Европа может похвастаться наивысшей плотностью многосторонних механизмов в мире; создается впечатление, что этот континент перенасыщен ими, и доводы в пользу включения их в нечто более масштабное или создания новых организаций вряд ли получают поддержку.

Распространенный среди большинства подход в пользу сохранения status quo вряд ли позволит провести какую-либо радикальную институциональную реформу на евроатлантическом пространстве безопасности. Однако некоторые новшества будут полезны и перспективны. Так, общий курс на повышение эффективности предотвращения и урегулирования конфликтов может потребовать реформирования существующих или создания новых механизмов в рамках ОБСЕ, ЕС, в формате НАТО–ЕС–Россия или в каком-либо ином формате.

Превращение политики в преобладающий фактор формирования структуры европейской безопасности. В укреплении европейской безопасности институты играют важную роль, но роль политики отдельных государств более значительна и, одновременно, более двусмысленна. Так, возвращение России на мировую политическую арену после многих лет «минимального присутствия» на ней может помочь восстановить баланс в международной системе, который чрезмерно сместился в пользу США после исчезновения противовесов «последней оставшейся сверхдержаве» с ее комплексами превосходства, и

односторонними подходами. Однако в свою очередь у многих вызывают беспокойство собственные амбиции и самоуверенность России вкупе с ее склонностью к аналогичной односторонней модели поведения.

РФ видит абсолютно противоположную картину: реальные проблемы возникают в результате проведения политики, призванной помешать России стать более независимой и защищать свои интересы, добиться того места на международной арене, которого она заслуживает. Такие действия, как открыто реализуемые на практике, так и проводимые скрыто, не могут не влиять на российскую политику по многим вопросам, стоящим на повестке дня безопасности в Европе. Важным фокусом подобных усилий является постсоветское геополитическое пространство, что открывает Западу пути как для отдаления, так и для сближения с Россией.

В целом, наиболее серьезным вызовом из тех, с которыми сталкивается Европа в деле организации своего пространства безопасности, является снятие озабоченности в России и в отношении России. Программа-минимум здесь будет состоять в смягчении российско-европейских взаимных претензий и непонимания в области безопасности. Более же масштабные задачи включают активное участие Европы в разрешении проблем постсоветского пространства и России – и наоборот.

3. НЕСТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Новый российско-американский Договор СНВ действительно ознаменовал собой возрождение процесса договорно-правового взаимодействия держав в сокращении ядерных вооружений и открыл путь к дальнейшим мерам ядерного разоружения согласно их обязательствам по ст. VI ДНЯО. При последующих сокращениях и ограничениях ЯО важным вопросом станет распространение этого процесса на нестратегическое (или до-стратегическое) ядерное оружие.

Уже в ходе переговоров по новому договору СНВ американский сенат настаивал на включение ТЯО в рамки сокращений, но этого не произошло. В новой ядерной доктрине США особо отмечена обеспокоенность по поводу российских нестратегических ядерных вооружений и указано на необходимость включить их в повестку дня будущих переговоров¹¹³. Поэтому есть все основания ожидать в будущем усиления давления США и НАТО на данном направлении. В частности, в пользу этого приводится несколько конкретных доводов:

- принято считать, что по данному классу ядерного оружия (ЯО) у России сохраняется большое преимущество над США и НАТО, и при снижении уровней стратегических ядерных сил (СЯС) оно станет более рельефным;
- это предполагаемое российское превосходство начинает беспокоить союзников США по НАТО;
- в военное время ТЯО развертывается в составе сил общего назначения и может быть сразу вовлечено в конфликт с высоким риском ядерной эскалации;
- предположительно ТЯО не оснащено столь же надежными системами предотвращения несанкционированного применения, как СЯС, и в связи с этим опасность несанкционированного ядерного удара соответственно выше;
- общепринято, что средства ТЯО (особенно старых типов) на передовых базах менее сохранны от угрозы хищения, имеют меньшие весогабаритные характеристики, менее эффективные блокирующие устройства – и потому представляют собой заманчивый объект для террористов.

¹¹³ См.: Nuclear Posture Review Report. NPR. April 2010. Department of Defense. USA. Wash., DC., 2010. P. X–XI.

Российская позиция по названному вопросу остается крайне замкнутой и довольно туманной и сводится к выдвиганию требования о выводе американских средств ТЯО из Европы на национальную территорию в качестве условия начала любого диалога по этой теме. Для обсуждения в российских экспертных кругах и прессе это также остается почти закрытой темой, по которой есть всего несколько публикаций.

Тем не менее, с учетом предсказуемого роста внимания к данному вопросу в контексте ядерного разоружения, роли ТЯО в дискуссиях по европейской безопасности и отношениям России с государствами НАТО и другими странами, видимо, настало время вести по этой проблематике более углубленные и систематические исследования.

Предмет обсуждения. Уже само определение предмета возможных будущих переговоров сопряжено с рядом сложностей. Не затрагивая пока военно-стратегическую сторону проблемы, в договорно-правовом плане логично было бы отнести к нестратегическим системам те ядерные вооружения, которые не охвачены существующими договорами по СНВ и РСМД.

Тогда в качестве носителей ЯО сюда следует отнести баллистические и крылатые ракеты наземного базирования (КРНБ) дальностью менее 500 км, боевые самолеты дальностью менее 8000 км и не оснащенные для крылатых ракет воздушного базирования (КРВБ) большой дальности (то есть с дальностью до 600 км) и баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ) дальностью менее 600 км.

Кроме того, исходя из параллельных обязательств США и СССР/ России начала 90-х годов прошлого века о сокращении и ликвидации средств ТЯО, к ним относятся артиллерийские системы и ядерные мины (фугасы) сухопутных войск, зенитные ракеты ПВО, ракеты и бомбы (в том числе глубинные бомбы) ударной нестратегической авиации ВВС и ВМС/ВМФ, а также разнообразные тактические зенитные, противокорабельные и противолодочные ракеты, торпеды боевых кораблей и многоцелевых подводных лодок.

Впрочем, даже столь широкая трактовка ставит ряд вопросов. Например, куда отнести ядерные крылатые ракеты морского базирования (КРМБ) большой дальности (более 600 км), которые могут размещаться на кораблях и многоцелевых подводных лодках? По техническим характеристикам носителя эта система близка или даже идентична системе КРНБ, запрещенной и ликвидированной по Договору РСМД, и системе КРВБ, охваченной договорами СНВ, а также КРМБ и КРВБ в обычном оснащении, широко развертываемым в ВВС и ВМС США. В Договоре СНВ-1 такие ядерные КРМБ были отдельно ограничены потолком 880 ед. для каждой из сторон, но для них не предусматривалось мер контроля, а в новом Договоре СНВ они вообще не упомянуты.

Далее, некоторые ядерные бомбы свободного падения (как американские В-61) являются как вооружением тяжелых бомбардировщиков, так и тактической ударной авиации.

Наконец, помимо США и РФ системы средней дальности и тактического назначения имеются на вооружении других ядерных государств (Франция, КНР, Индия, Пакистан, Израиль, КНДР), а для некоторых из них представляют весь их ядерный потенциал или его преобладающую часть. Но эти государства не считают такие вооружения до-стратегическими. В частности, поскольку речь идет о НАТО, ударные силы Франции включают 60 самолетов «Мираж 2000Н» и 24 палубных истребителя-бомбардировщика «Супер Этандар», способных доставить к целям в сумме примерно 60 ракет «воздух-земля» типа Air-Sol Moyenne Portee (ASMP). Эти средства можно отнести к ТЯО, но Франция считает их частью своих стратегических сил.

Но самая главная проблема состоит в том, что ТЯО используют носители двойного назначения (средние бомбардировщики, истребители-бомбардировщики, наступательные ракеты малой дальности и зенитные ракеты, боевые средства кораблей и подводных лодок, крупнокалиберную ствольную артиллерию). Эти носители размещаются на пусковых установках двойного назначения и многоцелевых кораблях и подводных лодках. Поэтому

ограничение, сокращение или ликвидацию ТЯО, в отличие от СЯС, невозможно осуществлять и контролировать через ликвидацию пусковых установок (ПУ), носителей или платформ (типа атомных подводных лодок с баллистическими ракетами, ПЛАРБ), поскольку почти все они относятся к вооружениям сил общего назначения, предназначены главным образом для применения в обычных боевых операциях и частично охвачены другими договорами (как ДОВСЕ применительно к боевым самолетам и артиллерии). Поэтому сколько-нибудь существенное сокращение ТЯО по методике СНВ повлекло бы радикальное урезание систем и вооружений ВВС, ВМС, сухопутных войск и ПВО ядерных держав.

Нестратегические ядерные вооружения США и России. Ни та, ни другая держава не сообщает официальной информации по своим нестратегическим ядерным вооружениям.

Соединенные Штаты Америки. По разным экспертным оценкам, к началу 90-х годов XX в. США имели более 11 500 таких средств (свыше 7000 ед. в Европе, 1000 ед. в Азии, плюс 2500 в ВМС и 200–300 на американской территории в составе ПВО). Еще 4000 ядерных средств поддерживалось в стратегическом и тактическом резерве. Согласно односторонней президентской инициативе от 1991 г. США вывели с зарубежных баз на свою территорию и ликвидировали все тактические ядерные боезаряды сухопутных войск; сняли все ТЯО с кораблей и многоцелевых подводных лодок, кроме КРМБ большой дальности, и уничтожили 50% их количества¹¹⁴.

Ныне, по неофициальным оценкам, США располагают примерно 500 ед. ТЯО. Сюда входят 100 КРМБ типа «Томахок» (ТЛАМ/Н) для многоцелевых атомных подводных лодок на базах ВМС Кингс-Бэй и Бангор на территории США. Еще 190 боеголовок для КРМБ (W80-0) хранится на складах. Также есть 400 авиабомб свободного падения (B-61-3 и B-61-4), из которых около 200 размещены на шести складах ВВС США в пяти странах НАТО (Бельгия, Италия, Нидерланды, Турция, ФРГ). Эти бомбы предназначены для доставки истребителями-бомбардировщиками ВВС США типа F-16, а также бельгийскими и британскими авиационными носителями того же типа и германо-итальянскими ударными тактическими самолетами типа «Торнадо»¹¹⁵.

Согласно новой ядерной доктрине США, все ядерные КРМБ «Томахок» будут ликвидированы, но авиабомбы B-61 пройдут программу продления срока службы и улучшения сохранности и предотвращения несанкционированного применения. Новый тактический истребитель F-35 будет сертифицирован для доставки этих бомб. Они рассматриваются в контексте ядерных гарантий союзникам, и их будущее размещение в Европе будет предметом межсоюзнических консультаций¹¹⁶.

Нет достаточно достоверной информации относительно ядерных боезарядов на централизованном хранении на территории США. Известно, что эти боезаряды хранятся на нескольких складах на базах ВВС и ВМС, в отдельных централизованных хранилищах и на предзаводских складах предприятия по сборке боезарядов «Пантекс» (г. Амарильо, Техас). Они подразделяются на различные категории резерва, причем часть может быть немедленно возвращена в боевой состав, другая предназначена для использования в качестве источника запасных частей. Третья часть состоит из боезарядов, стоящих в очереди на разборку и извлечение ядерных материалов для долговременного хранения или для утилизации в мирных или военных целях (сборка новых боезарядов).

По недавно опубликованным официальным данным США имеют в боевом составе СЯС, сил ТЯО и в резерве первой очереди на складском хранении 5113 ядерных

¹¹⁴ См.: Пикаев А. Нестратегические ядерные вооружения/Ядерное распространение. Новые технологии, вооружения и договоры. Под ред. А. Арбатова, В. Дворкина. Московский Центр Карнеги. РОССПЭН. М., 2009. С. 129–159.

¹¹⁵ См.: SIPRI Yearbook 2008. Armaments, Disarmament and International Security. Oxford University Press, 2008. P. 367–369.

¹¹⁶ См.: Nuclear Posture Review Report. P. XII–XIV.

боезарядов (БЗ), а по оценкам независимых специалистов еще примерно 4200 предназначены для утилизации¹¹⁷. Это количество может увеличиться в связи с сокращением СЯС по новому договору по СНВ, согласно которому большая доля сокращений будет осуществляться путем снятия части боеголовок с многзарядных ракет и перемещения их на складское хранение и выгрузки части БРПЛ из пусковых установок подводных лодок с размещением БЗ тоже на складах.

Российская Федерация. В отличие от СЯС, российские нестратегические ядерные средства скрыты завесой тайны в большей степени, чем американские. По некоторым данным, в конце 80-х годов они насчитывали до 22 000 ед.¹¹⁸ Согласно односторонним президентским инициативам СССР и России от 1991–1992 гг., принятым в ответ на шаг США и в связи с распадом ОВД и СССР, был намечен ряд радикальных мер. Предполагалось переместить все ТЯО сухопутных войск на предзаводские базы предприятий по сборке ядерных боеприпасов и на склады централизованного хранения и впоследствии полностью их ликвидировать; ликвидировать 30% ТЯО флота, а также 50% боеголовок зенитных ракет ПВО и 50% средств ВВС. Было предложено переместить совместно с США все ТЯО ВВС на склады централизованного хранения, но это не встретило поддержки Вашингтона (поскольку затронуло бы зарубежные базы ТЯО ВВС, являвшиеся символом ядерных гарантий союзникам).

По имеющимся данным, к 2000 г. все ТЯО флота и авиации ВМФ были перемещены на централизованные хранилища, а 30% этих средств было ликвидировано. Было ликвидировано 50% ТЯО ВВС и 50% боеголовок зенитных ракет ПВО, а также частично были уничтожены ядерные боеголовки артиллерии, тактических ракет и мин Сухопутных войск¹¹⁹.

В настоящее время большинство экспертных оценок сводится к наличию у России примерно 2000 ед. ЯО оперативно- тактического назначения¹²⁰. Из них имеется около 500 тактических ядерных авиационных ракет и бомб для 120 бомбардировщиков средней дальности типа Ту-22М и для 400 фронтовых бомбардировщиков типа Су-24. Кроме того, есть примерно 300 авиационных ракет, бомб свободного падения и глубинных бомб для морской авиации в составе 180 самолетов Ту-22М, Су-24, Бе-12 и Ил-38. Свыше 500 ед. ТЯО – это противокорабельные, противолодочные, противовоздушные ракеты, а также торпеды кораблей и подводных лодок, включая до 400 ядерных КРМБ большой дальности многоцелевых подводных лодок. Около 100 ядерных боеголовок приписывается ракетам-перехватчикам Московской системы ПРО А-135 и еще 630 зенитным ракетам С-300 и другим системам ПВО территории¹²¹. Принято считать, что в мирное время все эти ядерные средства содержатся на специальных складах российских баз ВВС, ВМФ и ПВО.

Как отмечалось выше, в течение 90-х годов минувшего века все средства ТЯО Сухопутных войск и ПВО, а также преобладающая часть тактического ядерного оружия ВВС и ВМФ были передислоцированы на объекты централизованного хранения 12 Главного управления Министерства обороны (ГУМО), где они хранятся как резерв или стоят в очереди на демонтаж и утилизацию. По заявлениям представителей военно-политического руководства, все нестратегические ядерные средства находятся на объектах централизованного хранения¹²².

¹¹⁷ См.: Eliminating Nuclear Threat. A Practical Agenda for Global Policymakers. Report of the International Commission on Nuclear Non-Proliferation and Disarmament. G.Evans, Y.Kawaguchi co-chairs. Canberra, 2009. P. 20.

¹¹⁸ См.: Пикаев А. Указ. соч. С. 129–159.

¹¹⁹ См.: Там же.

¹²⁰ См.: SIPRI Yearbook 2008... P. 373–375.

¹²¹ См.: Ibid.

¹²² См.: Литовкин В. Безопасность бывает только равной // Независимое военное обозрение. 19.12.2008. С.3; Иванов С. Ядерное разоружение: возможен ли «глобальный ноль»? // Военно-промышленный курьер. 17–23.02.2010. № 6. С. 3.

Есть неясность в том, относится ли это к складам баз ВВС и ВМФ, переданным в управление 12 ГУМО, или имеются в виду только построенные ранее специальные централизованные хранилища 12 ГУМО. На последних хранятся также боеголовки и другое оружие СЯС. Их общее количество держится в секрете, но зарубежные специалисты сходятся на цифре порядка 8000 ед.¹²³ Вызывает вопросы и методика подсчетов независимых экспертов, в частности, включение ими в общее количество ТЯО 630 боеголовок ракет ПВО, которые, по официальным заявлениям Москвы, все перемещены на централизованные хранилища.

Оперативно-тактические системы обновляются путем развертывания тактических ракет типа «Искандер», которые, видимо, могут оснащаться как ядерной, так и обычной головной частью. Возможно, что новый фронтовой бомбардировщик Су-34 также будет иметь двойное назначение.

Другие ядерные державы держат информацию о своих нестратегических ядерных средствах в полном секрете. По оценкам экспертов, КНР имеет около 100–200 таких средств, Израиль – 60–200, Пакистан – 60, Индия – 50, КНДР – 6–10¹²⁴. Это баллистические и крылатые ракеты средней и малой дальности, а также авиабомбы ударной авиации. Для некоторых из перечисленных стран такие средства представляют весь их ядерный потенциал или его преобладающую часть и расцениваются ими как стратегические средства ядерного сдерживания.

Стратегические приоритеты сторон. После окончания холодной войны, объединения Германии, роспуска Организации варшавского договора и распада СССР, вывода ударных советских армий из Центральной и Восточной Европы – для стран НАТО исчезла угроза нападения с применением сил общего назначения. Она считалась главной опасностью для НАТО на протяжении сорока лет после 1945 г. и против нее было направлено ядерное сдерживание и ядерные гарантии США, включая размещение в Европе ТЯО и концепцию его первого применения в ответ на нападение обычных вооруженных сил и вооружений.

Тем не менее в настоящее время только США имеют ядерное оружие за рубежом численностью порядка 200 тактических авиабомб на территории пяти стран НАТО (Бельгия, Нидерланды, Италия, ФРГ, Турция). В последние годы американское ТЯО было выведено из Греции и Великобритании. После снятия тактических ядерных средств с американских кораблей и подводных лодок, также и Япония, в портах которой базировался Седьмой флот США, выбыла из этого списка. В оставшихся странах НАТО и между союзниками по альянсу идет весьма серьезная дискуссия по поводу вывода ТЯО с их территории.

Возможно, что это оружие рассматривается как политическая «узда» для союзников по НАТО, хотя в новой ядерной доктрине роль этих средств существенно снижена и заявлено, что с согласия союзников США были бы готовы вывести их на свою территорию.

С расширением НАТО на восток бывшее превосходство СССР и ОВД по СОН сменилось почти таким же превосходством НАТО над Россией и странами ОДКБ.

В этой связи понятно, что Россия видит в ТЯО, во-первых, инструмент нейтрализации превосходства НАТО по силам общего назначения, особенно в свете расширения альянса на восток. Поэтому Москва пока не изъявляет энтузиазма по поводу переговоров на эту тему. В прошлом США также избегали этого, стремясь сохранить свои ядерные силы передового базирования в Европе.

---

¹²³См.: Eliminating Nuclear Threat. P. 20.

¹²⁴См.: Пикаев А. Указ. соч. С. 129–159.

Во-вторых, РФ, вероятно, рассматривает свое преимущество по нестратегическому ЯО как компенсацию за некоторое отставание от США по стратегическим вооружениям, которое новый Договор СНВ несколько сгладит, но не устранит.

В-третьих, для России ТЯО – это противовес ядерным силам «третьих» держав, практически все из которых находятся в пределах досягаемости своих ядерных средств до российской территории. Сокращение СЯС по договорам с США относительно увеличивает роль нестратегических средств РФ в сдерживании ядерных стран Евразии.

В-четвертых, остается проблема применения ТЯО в ответ на нападение с использованием только сил общего назначения и обычных вооружений – прежде всего американского высокоточного оружия (ВТО) большой дальности с опорой на новейшие космические системы информационного обеспечения (разведки, целеуказания, навигации и связи). Правда, это не обсуждалось пока в открытой печати, но некоторая стратегическая логика в такой функции есть. Если использование СЯС в ответном ударе на неядерную агрессию («воздушно-космическое нападение») сразу означало бы эскалацию конфликта до уровня тотальной ядерной войны, то применение ТЯО по базам ВМС и ВВС, кораблям и подводным лодкам – носителям неядерных КРМБ может выглядеть как более адекватный ответ и средство сдерживания «воздушно-космического нападения».

Вместе с тем не может не учитываться рост военной мощи Китая, имеющего более 5 тыс. км общей границы с РФ, хотя эта тема замалчивается в российских официальных документах.

Предпосылки переговоров по ТЯО. Как представляется, приоритетный характер угрозы расширения НАТО и базовой инфраструктуры альянса к российским границам, обозначенный в новой военной доктрине РФ от 2010 г., весьма преувеличен, во всяком случае, в смысле угрозы вооруженного нападения на Россию и ее союзников.

Имеет место сокращение коллективных сил блока (с начала 90-х годов на 35% сухопутных войск, на 30% военно-морских и на 40% военно-воздушных). Американские войска за тот же период уменьшились втрое (с 300 до 112 тыс. солдат). В общей сложности, силы НАТО «отстают» от потолков изначального ДОВСЕ от 1990 г. по личному составу на 42%, по бронетехнике и артиллерии на 25%, по боевым вертолетам и самолетам на 45%.

Таким образом, рост числа государств – членов НАТО не ведет автоматически к наращиванию суммарной численности войск и сил альянса из-за опережающего сокращения армий отдельных стран, особенно войск США на континенте, а также Германии, Франции, Италии, Испании, Польши. Сейчас у 28 стран – членов НАТО суммарно значительно меньше войск и вооружений, чем было у нее в составе 16 государств на начало 90-х годов. Это едва ли было бы возможно, если бы этот альянс готовил широкомасштабную агрессию против России.

Развитие американских средств ВТО большой дальности с использованием космических информационных систем действительно осложняет военное планирование России. Но и их угроза в известной степени надуманна, поскольку риск нападения с применением новейших обычных вооружений на ядерную Россию несоизмерим по своим последствиям с любыми воображаемыми плодами такой агрессии.

Не менее важно, что после окончания холодной войны и растущей экономической, социальной и политической взаимозависимости мира в процессе происходящей глобализации, трудно представить себе какие-либо мотивы нападения США и их союзников на Россию, которые оправдали бы огромные издержки и опасности подобного вооруженного конфликта для всех его участников.

Так или иначе, Россия не может пренебрегать неблагоприятными для нее тенденциями в глобальном и региональном балансах обычных и ядерных сил (даже если они во многом обусловлены провалами ее собственной военной реформы за прошедшие 15–17 лет). Новая Военная доктрина совершенно ясно делает акцент на этих проблемах

обороны и безопасности, и это надо принимать как военно-стратегическую реальность. Для снятия обеспокоенности России, нужно не убеждать ее, что официальное российское восприятие проблем ошибочно, а необходимо всемерно способствовать устранению этих препятствий путем соглашений и корректировки военной политики НАТО.

Прежде всего, речь идет о том, что с учетом внутренних изменений в Украине и территориальных проблем Грузии, вопрос их членства в НАТО следует отложить на неопределенное будущее. Развитие отношений по линии НАТО–Россия и НАТО–ОДКБ, в первую очередь, в контексте стабилизации Афганистана, должен сделать невозможным любое будущее расширение НАТО на восток без согласия России.

Наряду с обеспечением территориальной целостности и суверенитета постсоветских республик – такие гарантии лучше всего закрепить в новой системе европейской безопасности, предложенной Россией.

Ее военной составляющей может стать возрождение системы и процесса сокращения и ограничения обычных войск и вооружений в Европе, в рамках которых будут решаться и вопросы нерасширения военной инфраструктуры НАТО на восток. Исключительную важность имело бы формирование крупного совместного корпуса быстрого реагирования ОДКБ–НАТО для миротворческих и других операций вне Европы (в том числе в Афганистане) и аналогичного контингента России–ЕС (ЕПБО) для действий на европейском континенте.

Совместная оценка ракетных угроз и сотрудничество в разработке и развертывании систем ПРО США–ЕС–Россия для их отражения должны заменить односторонние действия США и их союзников в этой сфере.

Ограничение ВТО большой дальности частично решается в рамках нового Договора об СНВ и будет обсуждаться на последующих переговорах, а в остальном – в контексте особой новой сферы соглашений об ограничении вооружений, мерах доверия и сотрудничества России и США.

В увязке с таким «пакетом» решений и договоренностей Россия могла бы пойти на предметное обсуждение проблемы нестратегических ядерных вооружений с США и НАТО.

Что касается латентной угрозы Китая на восточных рубежах России, то там точкой опоры может быть многосторонний договор об ограничении обычных вооруженных сил и вооружений в 100-километровой зоне по обе стороны российско-китайской границы. На фоне продвижения в укреплении взаимной безопасности в Европе и в сотрудничестве НАТО–ОДКБ–ШОС по Афганистану, следует предпринять дополнительные шаги по сокращению вооруженных сил России и КНР вдоль общей границы и значительному расширению этой зоны (до 200–300 км) вглубь территорий обеих дружественных держав. И в этом случае, переговоры по ТЯО были бы увязаны с комплексом соглашений по безопасности ее восточных рубежей.

Возможные решения. Нынешний ренессанс идеи ядерного разоружения и продвижение в сокращении СЯС неизбежно поднимет вопрос о ТЯО. К тому же увязка Россией этого вопроса с прекращением расширения НАТО на восток и продвижением по ДОВСЕ вполне обоснованна и может стать дополнительным средством достижения этих целей.

Как ни парадоксально, новый Договор СНВ косвенно отразился и на проблеме нестратегических ядерных средств, хотя совсем не так, как этого хотели бы в американском сенате и как это видится сейчас многим западным политикам и экспертам.

На переговорах по СНВ, исходя из собственных интересов, США настояли на принципе засчета ядерных вооружений на основе «оперативно развернутых» средств и тем самым почти сняли проблему ТЯО., так как «оперативно развернутые» боеголовки – это те, что реально размещены на БРПЛ и МБР. Вооружения ТБ (КРВБ и бомбы) в новом

Договоре не засчитываются как отдельные боезаряды, поскольку в мирное время они находятся не на самолетах, а на складах.

По тому же принципу и на основе прецедента все средства ТЯО тоже не являются «оперативно развернутыми», поскольку не размещены на носителях в мирное время, а находятся на складах на базах ВВС и флота или в централизованных хранилищах на территории России и США.

Далее, объединять сокращение и ликвидацию ТЯО с сокращением СЯС невозможно, поскольку ТЯО используют носители двойного назначения (самолеты, ракеты малой дальности, боевые средства кораблей и подводных лодок, артиллерию). По существу, ограничение, сокращение и ликвидация ТЯО – это демонтаж ядерных боезарядов, которые монтируются на ракеты, снаряды, торпеды двойного назначения или служат для оснащения многоцелевых самолетов, кораблей и подводных лодок. Поэтому, как отмечено выше, сокращение ТЯО, в отличие от СЯС, невозможно осуществлять и контролировать через ликвидацию носителей.

По той же причине исключительно трудно договориться о сокращении ТЯО до каких-то уровней и проконтролировать такие меры, поскольку пришлось бы инспектировать не развернутые (и неразвернутые) ПУ и носители, а контейнеры с бомбами и боеголовками на складском хранении. Это было бы гораздо более сложной задачей, учитывая то, что боеприпасы ТЯО зачастую хранятся вместе со стратегическими боеголовками и бомбами, снятыми с ракет и бомбардировщиков в контексте договоров СНВ и вместе с боеприпасами, предназначенными для утилизации. При этом число складов – десятки, а боеприпасов – многие тысячи.

При сохранении большого числа носителей (двойного назначения) ликвидация боезарядов ТЯО была бы преимущественно символической (и при этом сложной и дорогостоящей мерой), если нельзя точно контролировать число оставшихся и гарантировать, что новые ядерные боеприпасы такого типа не производятся и не складываются взамен ликвидируемых, чтобы при необходимости быстро вернуться в войска. По той же причине ликвидация корпусов ядерных боезарядов (как по Договору РСМД) была бы малоэффективной мерой. Головные части ракет средней и меньшей дальности было некуда возвращать ввиду полной ликвидации этих классов носителей, а с ТЯО – ситуация совершенно иная.

Контроль наличия таких средств в централизованных хранилищах и на предзаводских складах предприятий-изготовителей ядерных боеприпасов (и, особенно, в сборочных цехах) предполагает беспрецедентную степень открытости самых деликатных сторон военно-технической деятельности держав.

Это же относится к обмену информацией о числе и типах ТЯО на складах, если ее нельзя надежно проверять. Соответственно, взаимная ликвидация какой-то части ТЯО (скажем, 50 или 80%) или некоторого фиксированного его количества едва ли приемлема для той стороны, у которой намного меньше таких средств. Тем более, что будет трудно проверить, сколько их осталось у обеих сторон.

В техническом отношении и в плане контроля выполнения договоров демонтаж и ликвидация (или утилизация ТЯО) ничем не отличались бы от ликвидации стратегических бомб и боеголовок, о чем речь пока не идет. В будущем, если ядерное разоружение охватит ликвидацию непосредственно ядерных боезарядов, то оно одинаково затронет стратегические и нестратегические боеголовки.

Поэтому применительно к ТЯО можно было бы договориться в качестве первого шага о перемещении всех тактических ядерных средств с передовых баз вглубь национальных территорий на объекты централизованного хранения (то есть фактически в резерв). Для этого вначале нужно было бы обменяться информацией об имеющихся средствах такого класса на базах ВВС и флота. Как вариант, можно было бы сначала

согласовать такую меру применительно к ТЯО военно-воздушных сил России и США, а затем решать вопрос с флотом.

В этом контексте США изначально выведут свои 200 авиабомб с шести складов из пяти стран Европы, а Россия перенесет примерно 500 бомб и авиа ракет с баз ВВС на своей территории на централизованные склады. При этом равноправие потребует не просто перемещения американских средств ТЯО на территорию США, а запрета на их дислокацию на базах ВВС (и впоследствии ВМС) или где-либо еще, кроме централизованных хранилищ с возможностью проверки.

Полный вывод ТЯО с передовых баз контролировать легче – склады, дислокация и признаки которых известны, были бы просто пусты. Потребуется также договоренность об инспекциях по запросу с коротким временем предупреждения (аналогичных тем, что согласованы по СНВ для баз МБР, БРПЛ и ТБ) на базах ВВС и флота как на территории России, так и на территории США (и, быть может, их зарубежных союзников). Поэтому практически потенциальная договоренность может оказаться гораздо более трудной и щекотливой проблемой для США, чем для России, и потребовать от них более масштабных мероприятий.

Переброска на централизованные хранилища уберет ТЯО с передовых позиций и к тому же обеспечит наибольшую сохранность от угрозы захвата террористами, несанкционированного перемещения или применения. Вместе с тем такая договоренность означала бы для РФ сохранение возможности вернуть ТЯО в войска в случае возникновения угрозы безопасности на западных или восточных рубежах. А для НАТО, соответственно, теоретически сохранялась бы возможность аналогичных ответных мер. Более того, если полагаться на заявления высших российских военачальников и Пентагона, большая часть средств ТЯО уже перемещена в централизованные хранилища России и на склады в США.

4.Россия, НАТО и программы ПРО

Вполне вероятно, что позиция администрации президента Обамы по дальнейшим сокращениям СНВ предполагает, наряду с переговорами о новых сокращениях стратегических вооружений, объединение усилий в сфере ПРО в формате США–Россия–НАТО, параллельно вести консультации по ТЯО и обычным вооружениям в Европе, по проблемам Ирана и Северной Кореи. Однако на первом месте стоит ПРО.

Данное определение приоритетов вполне оправданно, так как кризис в отношениях между Россией и США в связи с размещением американской ПРО в Европе, отступивший после решения администрации президента Обамы по новой архитектуре ПРО, вполне может вернуться в еще более острой форме после приобретения морской системой с противоракетами типа «Стандарт-3» и их наземными аналогами стратегического потенциала к 2020 г.

Планы и перспективы создания ПРО США в Европе. В соответствии с объявленными американской администрацией и Пентагоном планами развертывания ПРО, дальнейшее наращивание стратегических противоракет GBI на Аляске (Форт Грили, 26 противоракет) и в Калифорнии (база Ванденберг, 4 противоракеты) приостанавливается. В качестве резерва в Калифорнии достраиваются 14 шахт для GBI, в которые противоракеты будут загружены в случае необходимости. Считается, что таким образом обеспечивается защита территории США от одиночных пусков МБР, испытательные пуски противоракет GBI будут продолжены. Как известно, планами развертывания ПРО на территории Европы и в других регионах для защиты от баллистических ракет Ирана предусматриваются четыре этапа.

После первого этапа, который должен завершиться в течение 2011 г. и на котором для защиты Европы и вооруженных сил союзников от баллистических ракет ближнего и среднего диапазона дальностей предусматривается развернуть в Средиземном море корабли с уже имеющимися перехватчиками SM-3 (Блок IA), планируется непрерывное совершенствование этой системы ПРО. К 2015 г. будет использоваться усовершенствованный перехватчик SM-3 (Блок IB) и дополнительные радары, которые обеспечат повышение эффективности не только ПРО в Европе, но и стратегических перехватчиков на Аляске и в Калифорнии. На этом втором этапе планируется также развернуть на Юге Европы наземный вариант морской противоракеты SM-3S.

На третьем этапе (2018 г.) предполагается развернуть обновленный перехватчик SM-3 (Блок IIA) в Северной Европе и его наземный вариант, которые будут обладать еще более высокой эффективностью поражения баллистических ракет средней дальности. С этой целью ведется разработка противоракет типа SM-3 повышенной дальности за счет увеличения массы твердого топлива (диаметр второй и третьей ступеней увеличивается примерно в 1,5 раза – с 34,3 см до 53,3 см). Наконец, на четвертом этапе до 2020 г. планируется дальнейшая модернизация перехватчика SM-3 (Блок IIB), который будет способен поражать МБР.

При этом на всех четырех этапах будет осуществлена модернизация систем боевого управления и наведения. Ожидается, что за счет повышения скоростных характеристик противоракеты будет обеспечена способность (при размещении кораблей системы «Иджес» в Средиземном море) поражать иранские ракеты средней и межконтинентальной дальности на активном участке траектории.

Эффективность ПРО ТВД и угроза потенциалу ядерного сдерживания России. К настоящему времени нет окончательной определенности с размещением в Европе не только наземного варианта противоракет SM-3 (Румыния, Болгария), но и радаров X-диапазона (сантиметрового). Нельзя исключать, что эти радары могут быть размещены в Турции, Грузии и в странах Восточной Европы. Но в любом случае эти радары будут единой составной частью общей системы ПРО территории США и Европы, включающей радары системы раннего предупреждения о ракетном нападении. В этом качестве всю систему будут рассматривать с точки зрения угрозы российскому потенциалу ядерного сдерживания.

Насколько эти угрозы могут быть реальными, можно представить на основании оценок способности американской системы ПРО в Европе по перехвату иранских ракет, представленных в мае 2009 г. в совместных материалах российских и американских экспертов, опубликованных Институтом Восток–Запад. Показано, в частности, что радары X-диапазона, благодаря относительно высокой разрешающей способности (до 15 см), могут обнаруживать на безатмосферном участке траектории не только боезаряды, но и часть ложных целей, однако не гарантируют возможности отличить одни от других. При этом даже относительно несложные меры противодействия, которые могут быть доступны для иранских ракетчиков, способны снизить эффективную площадь отражения боезарядов с $0,03 \text{ см}^2$ до $0,01 \text{ см}^2$, что значительно снизит дальность обнаружения боезарядов. В лучшем случае при увеличении модулей радара X-диапазона до 80 тыс. ед., дальность обнаружения составит примерно 1300 км при необходимой минимальной дальности около 2000 км. Всего для перехвата одного боезаряда иранской ракеты потребуется в среднем пять противоракет.

Нет никаких сомнений в том, что российские межконтинентальные баллистические ракеты (МБР) и БРПЛ оснащены значительно более эффективными комплексами преодоления ПРО, которые разрабатывались в течение нескольких десятков лет и продолжают находиться в стадиях модификации и адаптации к перспективным системам ПРО. Именно поэтому планируемая к развертыванию новая архитектура ПРО США не окажет практического влияния на потенциал ядерного сдерживания России.

Опасность для РФ может возникнуть только в случае массированного наращивания наземных, морских, воздушных и космических рубежей перехвата ракет и боезарядов на всех участках траектории их полета, что связано с возвратом к ядерному противостоянию и новой гонке вооружений. Однако вероятность такого радикального обострения отношения между Россией и США весьма мала.

Вместе с тем при одностороннем развертывании ПРО США в Европе, даже в соответствии с новой архитектурой, объявленной администрацией президента Обамы, вполне *возможен новый противоракетный кризис в отношениях двух государств*, аналогичный тому, что имел место до пересмотра предыдущих планов развертывания третьего района ПРО в Польше и Чехии. Это тем более так после принятия деклараций о стратегическом сотрудничестве, включающей такое сотрудничество и в сфере ПРО, а также увязке стратегических наступательных и оборонительных вооружений в новом Договоре по СНВ. Не допустить разрастания подобного кризиса можно только встречными шагами, направленными на тесное сотрудничество в сфере европейской и глобальной ПРО.

Преимущества и возможности создания совместной ПРО ТВД США и Россией.

Президент Обама и руководство Пентагона уже неоднократно заявляли о готовности к сотрудничеству с Россией в сфере ПРО. Так, например, во время визита президента Обамы в Москву он заявил следующее: «Я хочу работать совместно с Россией над новой архитектурой ПРО, которая даст нам большую безопасность. Но если исчезнет угроза, связанная с иранской ракетно-ядерной программой, то не станет и причины для развертывания системы ПРО в Европе. Это отвечает нашим взаимным интересам»¹²⁵. Более осторожно об этом говорят в российском руководстве.

Провозглашенные намерения России и США о сотрудничестве в сфере ПРО пока что выполняются только при оценке и согласовании вероятных ракетных угроз. Вполне можно предполагать, что процесс подобного согласования будет продолжаться достаточно долго. Российские специалисты будут отодвигать во времени возможности создания Ираном и Северной Кореей ракет повышенной дальности, поскольку эти страны используют старые советские технологии. Американские оценки будут базироваться на данных об использовании в этих странах более современных технологий, полученных из других государств.

При этом вряд ли будет учитываться то, что совсем недавно такие оценки уже выполнены вполне компетентными российскими и американскими специалистами в рамках проекта Международного института стратегических исследований, в котором представлены детальное состояние и перспективные разработки северокорейских и иранских баллистических ракет и ракет-носителей космических аппаратов.

Между тем возможности России по полноценному сотрудничеству со временем как минимум не увеличиваются. Если раньше можно было утверждать об опережающих российских разработках в создании скоростных ракет-перехватчиков за счет более совершенных рецептур твердого топлива, то вряд ли это актуально в настоящее время ввиду интенсивных американских работ, направленных на создании перехватчиков ракет на активном участке траектории.

Однако значительные возможности сохраняются в сфере информационных средств ПРО. По оценкам американских независимых экспертов интеграция систем предупреждения России и США о ракетном нападении повышает эффективность обнаружения пусков ракет на 30–70%. Еще более глубокое сотрудничество может быть реализовано при развертывании низкоорбитальной космической информационной системы глобальной ПРО, космические аппараты которой могут быть выведены на орбиты с

---

¹²⁵ Цит по: Либо будет совместная ПРО, либо... // Информационный портал PRO-PVO.Ru. 9 февраля 2011 г. (<http://www.pro-pvo.ru/2011/02/09/eitherwillbeajointmissiledefense.aspx>)

требуемой высотой и наклоном конверсионными «тяжелыми» ракетами по российско-украинскому проекту «Днепр».

Для защиты объектов на территории России и части Европы в объединенной системе ПРО могут быть использованы комплексы типа С-400 и перспективные системы С-500.

Преодолевать имеющиеся препятствия целесообразно, в первую очередь, восстановлением тех элементов сотрудничества, которые утрачены в последние годы. Прежде всего, необходимо безотлагательно реанимировать проект Центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей, решение о создании которого принято 12 лет назад бывшими в то время президентами России и США. Намерение сделать это повторили нынешние президенты на встрече в Москве в 2009 г. Параллельно с этим – возобновить прерванную серию совместных компьютерных учений с США и НАТО по ПРО ТВД с последующим расширением этих учений за пределы театра военных действий и на полигоны. Как показал опыт проведения совместных учений, разграничение зон ответственности не должно представлять сколько-нибудь значительной проблемы.

Другим важнейшим параллельным направлением военно-политического сотрудничества, выходящим далеко за рамки традиционного ограничения вооружений, могло бы стать совмещение систем обнаружения, сопровождения и перехвата противовоздушной обороны НАТО и ОДКБ (прежде всего, объединенной системы России–Белоруссии). Острую, хотя пока еще не осознанную политиками и военными двух сторон, необходимость такой совмещенной системы создает угроза воздушного терроризма.

Трагедия 11 сентября 2001 г. продемонстрировала, какой ущерб может нанести такой тип терроризма даже без использования ОМУ. Еще более угрожающим является воздушный терроризм с применением атомного взрывного устройства (или других видов ОМУ), при том, что самолет гораздо доступнее и удобнее в качестве средства доставки такого боеприпаса, чем баллистическая ракета, против которой предназначены системы ПРО.

Совместная система ПВО может также защитить Россию и остальные страны Европы от обретенных террористами крылатых ракет большой дальности или беспилотных аппаратов-носителей ОМУ, наводимых с помощью общедоступных средств космической навигации. Наконец, хорошо отработанные совместные действия средств ПВО могут понадобиться в борьбе против угонщиков гражданских самолетов, которые по пути следования могут пересекать многие европейские государственные границы, что предполагает трансграничную координацию систем сопровождения и перехвата ПВО.

Одновременно интеграция систем ПВО, в конце концов, полностью исключит из военных доктрин и приготовлений сторон угрозу авиаударов НАТО и России друг по другу, как и опасность их военного столкновения в целом. С учетом решающей роли авиации в современных войнах, страны с общей системой ПВО будут просто технически не способны воевать друг с другом (без предварительного выхода из общих структур ПВО). Сотрудничество в данной сфере предотвратит в будущем любую напряженность по поводу таких шагов, как создание совместной системы ПВО РФ–Белоруссии или развертывания американских комплексов «Пэтриот» в Польше.

К лету 2010 г. начались испытания элемента совместной Системы по координации управления воздушным движением (СКУВД)¹²⁶. Но это только первый шаг, относящийся лишь к оперативному обмену информацией о возможных захватах самолетов. Систему необходимо последовательно расширять в направлении глубокой интеграции информационных и боевых средств территориальной ПВО.

Перечисленные шаги способны не только исключить вполне вероятный новый противоракетный кризис в отношениях России и США, но и оказать решающее влияние на

¹²⁶ См.: Независимое военное обозрение. 14–20.05.2010. № 17. С. 2.

позитивную трансформацию отношений взаимного ядерного сдерживания двух ядерных сверхдержав с постепенным переходом на более конструктивное стратегическое взаимодействие.

5. НАТО и ПЕРСПЕКТИВЫ ДОВСЕ

Сокращение стратегических наступательных вооружений, наряду с ограничением и сокращением вооружений в других сферах, при благоприятных политических условиях может стать перманентным фактором двусторонних и многосторонних отношений. С одной стороны, это само по себе создаст новую политическую реальность и более благоприятные условия для перехода к отношениям тесного сотрудничества и партнерства России с США. С другой – активизация процесса сокращения ядерных вооружений, вовлечение в него новых видов оружия создаст условия для продвижения в других областях контроля над вооружениями.

По мере снижения количества ядерных вооружений – этого «универсального уравнителя» военных потенциалов для обеспечения национальной безопасности, повысится значимость обычных видов вооружений. На роль этого фактора указывают российские ученые, подчеркивая, что «при более низких потолках ядерных вооружений возрастает роль дисбаланса на уровне сил общего назначения и обычных вооружений, которые в современных условиях весьма значительны – и не в нашу пользу». Более того, в возникающих реалиях обычные вооружения становятся элементом отношений, свойственных ранее взаимодействию в стратегической сфере. В итоге, «без учета этих дисбалансов в современных условиях нельзя отрабатывать адекватные формулы стратегической стабильности в ее интегральном выражении – как в сфере стратегических ядерных вооружений, так и в сфере сил общего назначения и обычных вооружений»¹²⁷.

Проблемы сокращения обычных вооруженных сил в Европе. В контексте Договора об обычных вооруженных силах в Европе в настоящее время сложился заметный дисбаланс между численностью вооружений НАТО и Россией, который будет оказывать растущее влияние на стратегическую стабильность и подрывать политическое взаимодействие сторон. Быстрая трансформация геополитических реалий привела к тому, что к блоку НАТО в массовом порядке присоединились страны Центральной и Восточной Европы, изначально принадлежавшие к другой группе стран (бывших участников военной Организации Варшавского договора), которые, вместе с Россией, учитывались в арифметически точном балансе сил *vis-à-vis* НАТО.

Затянувшийся застой в этой области, длительный отказ западных партнеров ратифицировать подписанные договоренности по дальнейшему сокращению обычных вооруженных сил в Европе (адаптированное соглашение по ДОВСЕ-2 от 1999 г.) нагнетали напряженность на данном направлении, что, на фоне общего ухудшения отношений с Западом, подвело Москву к решению объявить в 2007 г. мораторий на соблюдение ДОВСЕ. К этому времени российские официальные представители особенно подчеркивали факт сложившегося превосходства сил НАТО над Россией, которое, как полагали некоторые из них, на южных и северных границах в целом оценивалось как 11:1¹²⁸.

Имеющийся дисбаланс активно используется российской политической оппозицией и активными критиками взаимодействия с Западом как подтверждение собственных тезисов

¹²⁷ Кокошин А. Обеспечение стратегической стабильности в прошлом и настоящем (теоретические и прикладные вопросы). М., 2009. С. 161.

¹²⁸ См.: Интервью Посла России в Хорватии М.А.Конаровского // ЮТАРНИ ЛИСТ. 21.12. 2007 (<http://www.zagreb.mid.ru/interview/int2007-12-21.html>).

о стремлении последнего к получению военного превосходства над Россией. Поэтому интересам западных лидеров, если они искренне хотят поддержать нормализацию отношений с Москвой и процесс демократических преобразований внутри России (что в заметной мере связано с уровнем отношений с Западом), в высшей степени отвечает решительное восстановление процесса сокращения и ограничения обычных вооружений в Европе.

Соглашение об адаптации Договора об обычных вооруженных силах в Европе, подписанное в Стамбуле в 1999 г. (или, как его часто называют – ДОВСЕ-2, который пришел на смену первому Договору – ДОВСЕ-1, подписанному в 1990 г.), представляет собой соглашение «нового типа», основанное на «внеблоковых принципах» подсчета. В соответствии с этим документом, должны быть установлены предельные уровни для наличия обычных вооружений в Европе, территория которой, для целей выполнения ограничений Договора, условно поделена на зоны. «Переливы» вооружений из зоны в зону (в виде временного развертывания или чрезвычайного развертывания) допускаются лишь в небольших количествах и с уведомлением сторон. Предусмотрены достаточно сложные процедуры для обоснования подобных действий (да и то на непродолжительный период времени) и получение согласия на них со стороны других стран-участниц.

Таким образом, поделенная на «клеточки» Европа, удовлетворяла бы самым высоким требованиям безопасности. И как бы ни опасались военного потенциала НАТО некоторые российские политики и эксперты, эта организация просто физически была бы не в состоянии, не нарушая договора, создать «потенциал внезапного нападения и широкомасштабного наступления», на ликвидацию самой возможности которого был нацелен весь процесс ДОВСЕ в соответствии с Мандатом о переговорах 1989 г.

Таким образом, Соглашение об адаптации или ДОВСЕ-2 – это качественно новый уровень доверия и обеспечения безопасности в Европе, в первую очередь, для России, о чем, кстати, говорилось, при одобрении Договора в парламенте РФ. Однако столь важный документ остается не ратифицированным подавляющим числом участников до настоящего времени. Соглашение ратифицировали только законодатели четырех из 30 государств (Белоруссии, Украины, Казахстана и РФ).

Предлогом для «нератификации» со стороны стран Запада стали два случайно возникших в ходе Стамбульского саммита 1999 г. документа – российско-грузинский и российско-молдавский, которые впоследствии упоминались в заключительном документе саммита.

В российско-грузинском документе оговаривались сроки вывода ограничиваемых договором вооружений и техники (ОДВТ) с территории Грузии и российских военных баз, а также завершения переговоров о сроках и порядке функционирования самих этих баз. Свои обязательства по ДОВСЕ применительно к Грузии Россия выполнили до начала конфликта 2008 г.

В рамках российско-молдавских договоренностей Россия обещала рассмотреть вопрос о складированном вооружении, оставленном с советских времен в Молдавии, и находящемся на территории самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики. Вывоз этого вооружения, насчитывавшего порядка 42 тыс. т, представлял собой серьезную техническую и финансовую проблему, которую в значительной степени удалось в итоге решить. Все процедуры, относящиеся непосредственно к ограничениям ДОВСЕ, в отношении Молдавии Россией были осуществлены.

Конечно, оба двусторонних документа имеют определенный юридический вес и политическую значимость. Однако, по сравнению с поистине грандиозной целью – реальным упрочением европейской безопасности, к которому вплотную подошли все без исключения европейские государства, подготовив ДОВСЕ-2, два коротких документа, содержащие до конца не конкретизированные обязательства и принятые, как говорят дипломаты, на «полях саммита», не следовало рассматривать в качестве серьезного

препятствия, которое нельзя было бы преодолеть при наличии политической воли. Между тем западные партнеры, заняв формально-юридическую позицию, под этим предлогом год за годом не допускали ратификации ДОВСЕ-2.

По мере затягивания процесса ратификации странами Запада, росли и претензии российской стороны. В основе их лежал упомянутый выше факт, что изначально Договор об обычных вооруженных силах в Европе (ДОВСЕ-1) был заключен между двумя группами государств, но кардинальная трансформация ситуации в мире привела к тому, что одна из этих групп (прямо не упоминаемая в тексте Договора – Организация Варшавского договора), самороспустилась, а входившие в нее страны примкнули к противоположной группе государств, входивших в НАТО.

Для России ситуация усугублялась остро негативным отношением к политике расширения НАТО и критическим – к самой этой организации, которая, как считают в России, является пережитком холодной войны, сохранившим антироссийский потенциал. Ситуацию мало изменили взаимные заверения в намерениях «развивать на основе общих интересов, взаимности и транспарентности прочное, стабильное и долговременное партнерство» (Основополагающий акт Россия–НАТО 1997 г.) или обязательство «работать как равные партнеры» (Римская декларация 2002 г.).

Во всех соответствующих российских документах на протяжении длительного периода времени политика расширения альянса рассматривается как содержащая в себе прямую угрозу национальной безопасности России. Более того, если в разделе «основные внешние угрозы» Военной доктрины 2000 г. «расширение военных блоков и союзов в ущерб военной безопасности Российской Федерации» позиционировалось на четвертом месте, то в последней российской Военной доктрине (2010 г.) стремление «приблизить военную инфраструктуру стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока» уже рассматривалось как абсолютно первостепенная внешняя военная опасность. Все это является неоспоримым свидетельством того, что, несмотря на «партнерские» декларации, отношениям Россия–НАТО еще далеко до такого уровня, когда стороны были бы готовы безоговорочно доверять заверениям в мирных намерениях, если эти заверения не подкреплены практическими мерами контролируемого ограничения вооруженных сил и вооружений сторон.

Это послужило дополнительным поводом к тому, что, применительно к процессу ДОВСЕ, российскую сторону стало все больше заботить наращивание военного потенциала НАТО за счет присоединения новых стран. До объявления Владимиром Путиным 24 апреля 2007 г. курса на «мораторий» в отношении российских обязательств по ДОВСЕ, позиция России выглядела как «накопление претензий», которые в том или ином виде регулярно излагались на обзорных конференциях по Договору.

После объявления президентом РФ моратория представители России стали более резко критиковать партнеров по ДОВСЕ, а количество претензий увеличилось. Не желая идти на полный разрыв своих обязательств, российская сторона пыталась смягчить ситуацию. Указывалось, что объявленный мораторий – не окончательная и «бесповоротная мера», а что он будет действовать «до тех пор, пока все государства-участники не ратифицируют Соглашение об адаптации и не начнут его строго исполнять»¹²⁹.

---

¹²⁹ Выступление руководителя Делегации Российской Федерации, директора Департамента по вопросам безопасности и разоружения МИД РФ А.И. Антонова на Чрезвычайной Конференции государств – участников Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Вена, 12 июня 2007 г. (<http://www.mid.ru/ns-dvbr.nsf/6786f16f9aa1fc72432569ea0036120e/8192ad478355579ec32572f90028c9ef?OpenDocument>).

В связи с возникшими исключительными обстоятельствами, относящимися к Договору¹³⁰, Россия настояла на созыве Чрезвычайной конференции по ДОВСЕ, которая и прошла 12–15 июня 2007 г. На конференции российские претензии были объединены уже не в четыре, как раньше, а в шесть блоков, которые фактически представляли собой развитие ранее выдвигавшихся.

Во-первых, к числу «стран-нарушителей» – Болгарии и Румынии, упоминавшихся ранее, были добавлены Венгрия, Польша, Словакия и Чехия, которые «уклонились от оформления изменений» в составе групп государств-участников в связи с их присоединением к НАТО.

Во-вторых, в вину партнерам по переговорам ставилось превышение (в результате расширения альянса) государствами-участниками, подписавшими или присоединившимися к НАТО, «групповых» ограничений ДОВСЕ. Обращалось внимание на наличие соответствующего положения, подразумевающего, что члены НАТО при расширении альянса должны придерживаться «групповых» уровней первоначального ДОВСЕ.

Как напоминали представители РФ, это положение было в 1997 г. по настоянию российской стороны включено в «Основополагающий акт Россия-НАТО»¹³¹. (Следует отметить, что в данном документе такие положения лишь подразумеваются. В нем говорится, что «участники будут учитывать все уровни ограничиваемых Договором вооружений и техники, установленные для района от Атлантики до Урала первоначальным Договором об ОВСЕ»¹³², а слово «расширение» применительно к НАТО не упоминается вообще.)

В-третьих, в очередной раз подчеркивалось «негативное воздействие» планируемого размещения обычных вооружений США в Болгарии и Румынии на соблюдение «групповых» ограничений ДОВСЕ.

В-четвертых (и это был новый, в определенной степени «обобщающий» пункт), российскими представителями обращалось внимание на невыполнение «рядом государств-участников» принятого в Стамбуле политического обязательства об ускоренной ратификации Соглашения об адаптации.

В-пятых, отмечалось невыполнение Чехией, Венгрией, Польшей и Словакией принятых в Стамбуле обязательств о корректировке территориальных предельных уровней (ТПУ) в сторону понижения.

В-шестых, приводилось упоминавшееся уже ранее «отрицательное воздействие неучастия» Латвии, Литвы и Эстонии в ДОВСЕ, что могло бы привести к развертыванию крупных сил НАТО в странах Балтии, не нарушая Договора.

Приводились и результаты подсчетов возникших превышений численных потолков. Если, как предлагает Россия, в отсутствии нового ратифицированного документа, исходить из обязательств по ДОВСЕ-1, то так называемой западной группой оказались превышенными не только «формальные» потолки для наличия вооружений, но и реальные уровни вооружений. По подсчетам, представленным российской стороной, в зоне, определенной в ст. V ДОВСЕ, то есть во «фланговом районе», страны НАТО по состоянию на 1 января 2007 г., имели следующие реальные наличия ОДВТ: 5954 боевых танка, 8591

---

¹³⁰ К исключительным обстоятельствам Россия относилась, в частности, серьезные проблемы, возникшие с выполнением Договора странами НАТО в результате расширения альянса, а также затягивание ими начала ратификации подписанного в 1999 г. Соглашения об адаптации ДОВСЕ.

¹³¹ См.: Выступление... А.И. Антонова....

¹³² Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией Североатлантического договора. Париж, 27 мая 1997 г. (<http://www.kadis.ru/texts/index.phtml?id=17915&PrintVersion=1>).

боевая бронированная машина (ББМ), 7590 артиллерийских ед. Это на 1254 танка, 2691 ББМ и 1590 артиллерийских ед. больше уровней, установленных в ст. V. п. 1 ДОВСЕ¹³³.

Упоминалось и о столь болезненной для России теме как наличие фланговых ограничений. В связи с тем, что РФ является единственной страной, соблюдающей такие ограничения (не считая мелких квот Украины, Казахстана и Турции), российская сторона призвала к принятию политического решения об их отмене.

Конечно, ситуация могла бы представиться не столь драматичной, если ее анализировать в партнерском контексте. Например, можно было бы принять во внимание официальные заявления от стран Балтии, что они готовы присоединиться к ДОВСЕ, как только тот будет ратифицирован. Невелики и не представляют угрозы военные потенциалы Болгарии, Румынии и иных небольших европейских стран, присоединившихся к НАТО, хотя превышение указанных блоковых фланговых лимитов действительно имело место.

По мере обострения ситуации переговорные претензии перешли в политическую плоскость, когда высокопоставленные российские военные стали публично подозревать НАТО в наличие некоего тайного умысла, заявляя, что отказ западных стран ратифицировать адаптированный ДОВСЕ обусловлен их стремлением передислоцировать свои воинские части на Европейском континенте.

Возникший «перекос» численности вооружений в пользу НАТО особенно остро воспринимается Москвой в связи с постоянным и периодически растущим негативным восприятием НАТО. Это, в первую очередь, связано с непрекращающейся политикой расширения блока на восток, которая (как отмечалось выше) рассматривается как прямая внешняя угроза (опасность) безопасности РФ.

Объявление Россией моратория на выполнение ДОВСЕ символизировало тщетность усилий по нахождению компромисса в урегулировании не таких уж крупных переговорных проблем. Действия Москвы, направленные на разрешение кризиса, не были расценены на Западе как удовлетворительные. Представители НАТО не проявили должную политическую мудрость. Имевшееся на протяжении долгого времени «окно возможностей» не было использовано, а последовавший затем грузинский конфликт завершил дело, образовав глубокий политический тупик.

НАТО и поиски компромисса по ДОВСЕ. В рамках проработки возможного выхода из создавшейся ситуации в последние годы существенно возросла роль НАТО, а в самое последнее время – и США. Активное участие Соединенных Штатов в разрешении проблем ДОВСЕ, которое уже приносило свои плоды в прошлом, можно только приветствовать.

Однако конструктивное обсуждение этого пакета в последние годы было фактически бессмысленным в связи со стабильно ухудшающимися российско-американскими отношениями. Сейчас, особенно после заключения нового СНВ, складывается более благоприятная ситуация.

На пути реализации договоренностей по ДОВСЕ, помимо сохраняющихся разногласий сторон, во-первых, как отмечалось выше, стоит процесс расширения НАТО (и прошедшая его часть, и, возможно, предстоящая) со всеми его политическими неопределенностями и негативными последствиями для взаимоотношений России и НАТО, а также для Договора.

Во-вторых, получение суверенитета Абхазией и Южной Осетией не признается Западом, а появляющиеся там вновь российские военные базы расцениваются как базы на территории Грузии.

---

¹³³ См.: Анализ исключительных обстоятельств, относящихся к Договору об обычных вооруженных силах в Европе. (Прил. I). 25 июня 2007 г. (<http://www.mid.ru/ns-dvbr.nsf/6786f16f9aa1fc72432569ea0036120e/e3c9929f66b06259c325730500216aad?OpenDocument>).

Ситуация теперь гораздо более сложна, чем раньше. Западные участники ДОВСЕ вполне могут полагать, что российские военные базы так и не были выведены с грузинской территории, а Россия в свою очередь имеет юридические основания полагать, что в Грузии у нее баз нет.

Удовлетворяющего стороны политического решения этого кардинального вопроса в ближайшее время не просматривается. Но применительно к ДОВСЕ нельзя полностью исключать технического решения, когда вопрос о российских базах на территории двух республик будет «выведен за скобки» договоренностей, и по нему будет принят отдельный документ, регламентирующий статус этих баз. «Технический компромисс» по этому вопросу может быть найден в контексте более широкого «пакетного решения», например, в увязке с соглашениями по ТЯО.

Несмотря на отмеченные выше негативные моменты, именно Североатлантический альянс в последние годы стал форумом для активного выдвижения предложений по решению этой проблемы. Предложения НАТО по восстановлению режима ДОВСЕ заслуживают внимания и могут стать основой для дальнейших практических решений.

В августе 2007 г. США от имени стран НАТО предложили так называемый план параллельных действий. В соответствии с ним страны НАТО должны были бы приступить к ратификации Соглашения об адаптации, а Россия, тем временем, – возобновить действие ДОВСЕ-1, закончить вывоз боеприпасов из Приднестровья, дать согласие на интернационализацию миротворческой операции в Молдавии и разрешить вопрос с бывшей российской военной базой в Гудауте (Грузия). Предполагалось, что, в случае завершения российских шагов осенью 2007 г., страны НАТО могли бы ратифицировать Соглашение об адаптации к весне 2008 г.

Конечно, план НАТО по введению в действие Соглашения об адаптации к лету 2008 г. был осложнен мораторием на участие России в ДОВСЕ, о котором президентом В. Путиным было заявлено в апреле 2007 г. в ежегодном Послании Федеральному Собранию. Возвращение к этому плану было предложено НАТО 28 марта 2008 г., но дальнейшему продвижению по этому пути помешал серьезный кризис в отношениях, возникший после грузинских событий.

В целом, однако, этот план остается в повестке дня. Он предполагает двухэтапный процесс – во-первых, введение в действие Соглашения, и, только, во-вторых – дальнейшие шаги по учету озабоченностей государств-участников. Это не устраивало Россию. По ее мнению, восстановление жизнеспособности ДОВСЕ должно было предполагать внесение изменений в адаптированный ДОВСЕ именно до его ратификации, а не наоборот.

Но Запад едва ли примет такой подход, поскольку, по его мнению, в свете расширения НАТО и военного превосходства альянса Россия должна быть больше заинтересована в реанимации Договора после того, как ее демарш с мораторием не произвел ожидавшегося впечатления на Вашингтон и Брюссель. Запад полагает, что первая задача теперь – возврат к Договору в варианте 1999 г., а не перегрузка его дополнительными российскими требованиями, что, впрочем, не исключает их обсуждения в контексте последующих соглашений, к которым НАТО, вероятно, тоже выдвинет свои предложения.

Интересен и план временного применения адаптированного Договора в качестве шага на пути его ратификации всеми странами-участницами. Россией предлагается двухступенчатая схема введения такого применения, когда на первом этапе (порядка шести месяцев) государства-участники следовали бы политическим обязательствам действовать в соответствии с объектом и целями адаптированного ДОВСЕ, соблюдая его численные потолки. Затем, если Соглашение об адаптации так и не вступит в силу, было бы начато его временное применение.

На протяжении долгого времени на различных уровнях Россия ставит вопрос о фланговой проблеме. Здесь возможны различные переговорные решения. Наряду с полным

упразднением фланговых подуровней, перспективным может быть повышение этих подуровней с одновременным увеличением транспарентности с российской стороны.

Необходимо напомнить, что в 1996 г. при активном содействии Вашингтона вопрос о повышении фланговых лимитов для России был решен положительно. Представляется, что и сейчас США могут сыграть решающую роль в разрешении фланговой проблемы. После подписания российско-американского договора по СНВ для этого создаются благоприятные условия.

За более чем десятилетний период, прошедший после 1999 г., произошло заметное изменение ситуации вокруг двух проблем, которые западная сторона рассматривала как препятствия на пути ратификации Соглашения об адаптации. Так, в отношении Молдавии все процедуры, относящиеся непосредственно к ограничениям самого Договора, выполнены достаточно давно. Сохраняющееся там крайне ограниченное военное присутствие российской стороны связывает с необходимостью общего урегулирования ситуации в регионе. И здесь Москва в последнее время находит понимание у лидеров Молдавии и Приднестровья.

В Совместном заявлении, принятом по итогам встречи президента России Д. Медведева с президентом Молдавии В. Ворониным и главой Приднестровья И. Смирновым, была отмечена стабилизирующая роль «нынешней миротворческой операции в регионе», и было заявлено о «целесообразности ее трансформации в мирогарантийную операцию под эгидой ОБСЕ по итогам приднестровского урегулирования»¹³⁴. Представляется, что на этом пути при наличии определенных формальных обязательств и гарантий заинтересованных сторон, а также ОБСЕ, ситуация могла бы быть расценена странами – участницами ДОВСЕ как формально не препятствующая ратификации Соглашения об адаптации.

По Грузии решению вопросов могут способствовать юридически опробованные формы договоренностей в виде согласованных заявлений, а по некоторым аспектам – и односторонних пониманий. В таком формате страны Запада, в контексте продвижения по пути восстановления действия ДОВСЕ могли бы, например, в формате одностороннего заявления, заявить о своем неприятии выделения Абхазии и Южной Осетии в суверенные государства. Россия же зафиксировала бы свою позицию по статусу этих двух республик.

Для активизации диалога и перезапуска процесса ограничения обычных вооружений в Европе, помимо нахождения развязок внутри соглашения, могут быть предприняты дополнительные меры, ускоряющие процесс выхода из тупика.

В первую очередь, речь идет о восстановлении отдельных элементов ДОВСЕ, например, возобновлении оговоренного набора проверочных мероприятий и обмена данными (транспарентности) в контексте Договора. Конкретизация соответствующих процедур и договоренностей могли бы быть поручены работающей в Вене Совместной консультативной группе, созданной в соответствии с положениями ДОВСЕ.

При этом зону Южного Кавказа можно было бы выделить в «специальный район», по которому переговоры будут вестись в рамках решения региональных проблем и, возможно, в контексте решений общих вопросов новой архитектуры европейской безопасности. Ставить возрождение ДОВСЕ в зависимость от решения проблем Южного Кавказа означало бы углубление тупика в обеих сферах. И наоборот, продвижение по ДОВСЕ вне названного региона могло бы стимулировать урегулирование конфликтов по Абхазии, Южной Осетии и Карабаху.

Ратификация адаптированного ДОВСЕ даже с региональными «изъятиями» (к которым наряду с Южным Кавказом относится и Балтия) сама по себе была бы большим

---

¹³⁴ См.: Переговоры с президентом Молдавии Владимиром Ворониным и главой Приднестровья Игорем Смирновым. 18 марта 2009 г. (<http://www.president.kremlin.ru/news/3481>).

достижением в укреплении европейской безопасности и снятии озабоченностей России в связи с превосходством НАТО по обычным вооружениям, перспективой будущего расширения альянса и продвижения его инфраструктуры к российским границам. Перегружать этот процесс дополнительными условиями едва ли целесообразно, если преследовать цель выхода из тупика, а не оправдания его углубления. Это тем более так, поскольку именно Россия, по ее официальным заявлениям, более других заинтересована в решении проблем, порождаемых расширением НАТО.

Все дополнительные вопросы лучше решать в контексте переговоров по ДОВСЕ-2. В частности, это относится к значительному снижению национальных и территориальных квот (скажем, на 50%), что приведет их в большее соответствие с реальными и планируемыми уровнями вооруженных сил сторон и с принципиально новыми подходами к европейской безопасности, выдвигаемыми в последнее время Москвой. При таком глубоком снижении сил и вооружений логично было бы снять фланговые ограничения и учесть другие требования России.

Делу немало способствовали бы предоставление гарантий о приостановке расширения НАТО (на определенное время и при соблюдении оговоренных условий) и предметный диалог по российским предложениям о создании новой архитектуры безопасности в Европе. В ответ на подвижки в понижении коллективных потолков стран НАТО по ОДВТ, Россия могла бы начать переговоры по ограничению ТЯО.

Вряд ли было бы целесообразным, как того хотят некоторые эксперты, «рассыпать» текст Договора и начинать переговоры заново. Основная идеология ДОВСЕ-2, основанная на индивидуальных, но совместно согласованных и принятых партнерами представлениях государств-участников о собственной безопасности, остается новаторской по сей день и, как оказалась, способна вплотную подвести к достижению согласия. Необходимо нахождение политического и трансформированного в переговорную практику компромисса между позициями сторон, что может быть сделано при активной позиции США и НАТО, серьезного укрепления и улучшения отношений Запада с Россией.

6.«ТРЕТЬИ» ЯДЕРНЫЕ ГОСУДАРСТВА

В настоящее время в мире имеется девять государств, которые, обладают ядерным оружием. К их числу относятся пять ядерных держав, статус которых признан в соответствии с ДНЯО (Россия, США, Великобритания, Франция и Китай). Кроме того, четыре государства, не входящие в ДНЯО также располагают ядерными арсеналами. (Индия, Пакистан, Израиль и КНДР). В соответствии с критериями российско-американского процесса ядерного разоружения, ядерные силы всех четырех государств, не являющихся членами ДНЯО, относятся к нестратегическим. Однако эти страны вовлечены в противостояние на региональном уровне и, за исключением Индии, не имеют глобальных амбиций. В действительности, в региональном контексте средства доставки малой и средней дальности выполняют стратегические функции.

Диалектика восприятия стратегических ядерных потенциалов и их развитие. Среди «официальных» ядерных держав под критерии стратегического подпадает все ядерное оружие Великобритании, подавляющая часть французского и небольшая – китайского. Вместе с тем сам Китай считает стратегическим весь свой ядерный арсенал. При этом Великобритания отводит части БРПЛ «Трайдент-2» (закупаемых у США, где они однозначно относятся к стратегическим системам) выполнение нестратегических задач.

Положение России и США относительно «третьих» ядерных государств асимметрично. Территория России находится в пределах досягаемости средств доставки всех семи стран. Напротив, Соединенные Штаты, будучи отделены океанами, пока остаются вне зоны досягаемости ядерных сил четырех государств, не входящих в ДНЯО.

Великобритания и Франция связаны с Вашингтоном союзническими обязательствами. Хотя технически они могут поразить цели на американской территории, разумеется, подобные цели не включены в соответствующие полетные задания британских и французских ядерных сил. Помимо России, единственной страной, способной уничтожить цели на территории США, является Китай. Однако этот потенциал весьма невелик и ограничивается двумя – четырьмя десятками МБР. Это составляет немногим больше, чем одна десятая всего китайского ядерного арсенала.

Среди «третьих» ядерных государств лишь КНДР активно испытывает ракетные средства большой дальности, способные поразить американскую территорию. Напротив, Израиль, судя по всему, добровольно отказался от создания систем межконтинентальной дальности. Вероятнее всего, эти системы не требуются для обеспечения его национальной безопасности, ограничиваемой рамками региона Ближнего и Среднего Востока. Кроме того, США и Израиль поддерживают союзнические отношения, поэтому отсутствуют сценарии нанесения ими ядерных ударов друг против друга.

Что касается Индии и Пакистана, в перспективе не исключено, что эти страны приобретут потенциал по поражению целей на межконтинентальных дальностях.

Предметом общей озабоченности России и США может стать наращивание ядерных сил Китая. После окончания холодной войны Пекин не наращивал свои ядерные арсеналы, ограничившись их качественной модернизацией. Китай утверждает, что размеры его ядерного арсенала являются наименьшими среди пяти ядерных держав – членов ДНЯО. Однако в текущем десятилетии КНР, очевидно, планирует увеличение количества мобильных МБР ДФ-31 и принятие на вооружение новых подводных лодок класса «Ци». Каждая из них будет вооружена 12 БРПЛ, возможно, оснащенных разделяющимися головными частями. Скорее всего, Китай рассчитывает построить не менее четыре–пять подлодок нового класса.

Это может стать качественным прорывом для китайских ядерных сил. Ранее Китай располагал единственной стратегической атомной подводной лодкой, которая из-за постоянных технических неисправностей основное время проводила в базе. В текущем десятилетии Пекин сможет создать полноценный морской оппонент ядерной триады. Одновременно такая модернизация может привести к существенному, не менее чем вдвое, количественному наращиванию китайских ядерных сил.

Подобное наращивание значительно увеличит число боезарядов, способных поразить цели на территории США. Одновременно это может привести к качественному изменению российско-китайского ядерного баланса.

Специфика стратегического планирования в США и в России. Следует отметить, что, по сравнению с Россией, Соединенные Штаты располагают более широким спектром мер по противодействию угрозам, исходящим со стороны нынешних и будущих третьих ядерных держав. Удаленность от Евразийского континента в большей степени позволяет Вашингтону опираться на средства противоракетной обороны с целью перехвата ограниченного ядерного удара со стороны «третьего» ядерного государства. Для России, с ее протяженными сухопутными границами, чтобы надежно прикрыть основные экономические центры, потребовалось бы создание гораздо более масштабной системы ПРО. Для США задача облегчается еще и тем, что им придется перехватывать лишь небольшое количество средств доставки межконтинентальной дальности. Российская территория уязвима со стороны гораздо большего числа и видов носителей ядерного оружия.

Соединенные Штаты располагают глобальной сетью военных баз и объектов, обеспечивающих их вооруженным силам надежный доступ к большинству ядерных и ракетноопасных регионов мира. Наряду с огромным превосходством по обычным вооружениям и вооруженным силам над любым потенциальным противником, это дает им возможность широко использовать военную силу для предотвращения создания тем или

иным режимом ядерного арсенала, угрожающего США. Напротив, возможности России по осуществлению подобных действий в области контрраспространения крайне ограничены.

Это означает, что для противодействия угрозам, исходящим от «третьих» ядерных государств, России приходится в большей степени полагаться на ядерное сдерживание, чем Соединенным Штатам. При этом сама российская территория, как уже говорилось выше, гораздо уязвимее, чем американская. Данное обстоятельство служит серьезным аргументом в пользу сохранения тактического ядерного оружия и против рассмотрения его сокращений исключительно в двустороннем российско-американском контексте.

Перспективы расширения круга участников процесса сокращения и ограничения стратегических вооружений. Подключение «третьих» ядерных государств к возможным дальнейшим российско-американским переговорам по сокращению ядерных сил представляется проблематичным.

Во-первых, для Индии, Пакистана и Израиля ядерные арсеналы являются средством обеспечения безопасности в региональном контексте. Масштабы ядерных арсеналов России и США и характер баланса между ними не имеют большого значения для их ядерной политики. Поэтому ее изменение зависит не от российско-американских отношений в ядерной области, а от перемен ситуации в регионе.

Во-вторых, ядерные арсеналы Великобритании, Франции и Китая, хотя и соотносятся с российско-американским ядерным балансом, относительно невелики. Их существенное сокращение может создать риск их живучести. Кроме того, британские силы базируются целиком на подводных лодках, а французские – почти целиком. Сокращение количества подводных лодок до трех–двух возможно, но более вероятно разгрузка БРПЛ.

Проблему ядерных потенциалов «третьих» государств не стоит преувеличивать. Ядерные силы Великобритании и Франции, по существу, представляют собой средства минимального сдерживания. Это означает, что их применение возможно лишь в исключительных случаях. Поэтому, хотя у этих государств союзнические отношения с США, представляется крайне маловероятным, чтобы британские и французские ядерные силы участвовали в нанесении скоординированных противосиловых ударов по России. Это позволяет, по крайней мере, формально вычленив их из российско-американского ядерного баланса.

Несмотря на то, что ядерные средства доставки Индии, Израиля и КНДР способны поражать цели на российской территории, характер политических отношений этих стран с Россией позволяет практически исключить вероятность ядерной войны между ними. В 90-х годах XX в. в российской литературе высказывались опасения относительно возможного военного столкновения между Россией и Пакистаном. Однако в настоящее время гораздо большие опасения вызывает несанкционированное использование пакистанского ядерного оружия – в результате радикального переворота, распада страны, попадания на черный рынок или в руки террористов. Кроме того, острота противостояния с Индией и отсутствие у Исламабада глобальных амбиций (а у Москвы – жизненно важных интересов в Южной Азии) делает вероятность столкновения между Пакистаном и Россией крайне низкой.

В краткосрочной перспективе одностороннее разоружение какой-либо из «третьих» ядерных стран маловероятно. Однако в более долгосрочном плане этого полностью исключать нельзя. В истории был прецедент подобного добровольного одностороннего разоружения: в начале 90-х годов от ядерного потенциала отказалась ЮАР. В середине того же десятилетия Украина, Белоруссия и Казахстан вернули в Россию ядерные боезаряды и средства доставки, которые остались у них после распада Советского Союза.

Израиль и КНДР, в принципе, не отказываются от одностороннего разоружения при определенных условиях. Израиль, в случае построения в регионе надежной системы безопасности, декларирует готовность к такому шагу и не исключает своего присоединения к зоне, свободной от оружия массового уничтожения на Ближнем Востоке. Что касается КНДР, то она приняла обязательство поддержать денуклеаризацию

Корейского п-ова в рамках шестисторонних переговоров с участием США, Китая, России, Японии и Южной Кореи. Несмотря на возникшее в настоящее обострение ситуации на Корейском п-ове, Пхеньян не исключает возможности возврата к переговорам. Денуклеаризация видится вполне достижимой и в контексте эвентуального объединения двух Корей.

Наконец, потенциалы «третьих» ядерных стран невелики. По оценкам, суммарно они лишь несколько превышают 1000 боезарядов – то есть их уровни по-прежнему более чем на порядок отстают от совокупного размера арсеналов России и США. Это позволяет пойти на еще один раунд российско-американских сокращений, оставив за скобками потенциалы других ядерных держав.

Российские интересы безопасности требуют учесть проблему «третьих» ядерных государств. Однако это вовсе не исключает принятие международно-правовых ограничений в отношении тактического ядерного оружия. Подобные ограничения могли бы носить такой характер, который дал бы возможность учесть арсеналы этих стран.

Разумеется, «третьи» ядерные государства внесли бы значительный вклад в ядерное разоружение, если бы в соответствии с их декларациями, приняли бы добровольные меры по сокращению или ограничению своих ядерных сил. После окончания холодной войны Великобритания и Франция в одностороннем порядке существенно сократили ядерные арсеналы. Так, Англия полностью отказался от ядерных боезарядов на тактических носителях. Она также существенно ограничила количество боезарядов, развернутых на БПРЛ «Трайидент-2». В то время как эти ракеты могут нести свыше 500 боезарядов, Великобритания утверждает, что их реальная нагрузка составляет около 160 ед. Франция отказалась от баллистических ракет наземного базирования малой и средней дальности.

Великобритания дала понять, что не исключает дальнейших добровольных сокращений. Вероятно, речь идет о сокращении количества новых подводных лодок, которые должны заменить действующие подводные ракетноносцы типа «Вэнгард». Лондон мог бы ограничиться тремя новыми лодками. Но не исключено, что сокращения могут быть выполнены путем дальнейшей разгрузки боезарядов на ракетах «Трайидент-2».

В конце 2000-х годов Франция приступила к перевооружению своих боевых самолетов новыми ракетами «воздух-поверхность», способными нести ядерное оружие. Это затрудняет принятие политического решения об отказе от авиационного компонента в качестве меры по дальнейшим добровольным сокращениям. Пока Париж ограничился обещанием не наращивать свои ядерные силы до уровня свыше 300 боезарядов.

Что касается Китая, то он мог бы добровольно пойти на меры по увеличению прозрачности своих ядерных сил. Он также мог бы принять для себя заявленный Францией потолок в 300 боезарядов.

Такие шаги ограничения и прозрачности были бы обусловлены продолжением шагов ядерного разоружения РФ и США. Широкий набор вариантов мер прозрачности, уведомлений и мер на основе сотрудничества содержится в Договоре СНВ-1 и новом Договоре по СНВ, откуда «третьи» ядерные державы могли бы выбрать свои «пакеты».

7. СРЕДНИЙ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК, ЮЖНАЯ АЗИЯ

Индия, Пакистан, Северная Корея и Иран являются примерами того, что после окончания холодной войны остаются сильны факторы, стимулирующие горизонтальное и вертикальное распространение.

Индия. После приобретения Индией независимости ее лидеры заявляли, что они не намерены создавать ядерное оружие. Они призывали к нераспространению ядерного оружия, запрещению его использования, прекращению ядерных испытаний. Вместе с тем,

развитие ядерных технологий создало основу для начала военной программы, причем в основном за счет внутренних ресурсов.

В годы холодной войны разработка Индией ядерной программы определялась следующими факторами. Во-первых, острой конфронтацией с Пакистаном, неоднократно (в 1947–1948, 1965, 1971, 1999 гг.) приводившей к вооруженным конфликтам между ними. Индия и Пакистан расценивали друг друга как главных военных соперников. Во-вторых, ростом напряженности в отношениях с Китаем, проявившейся в обострении индийско-китайских отношений после тибетских событий 1959 г., поражении Индии в вооруженном конфликте с Китаем в 1962 г., вступлении Китая в 1964 г. в «ядерный клуб». В-третьих, высоким уровнем международной напряженности в период противостояния двух сверхдержав и гонкой вооружений между ними.

Под действием этих факторов Индия в начале 1960-х годов приступила к производству ядерных материалов для военных целей на построенном с помощью Канады ядерном реакторе CIRUS мощностью 40 МВт. В 1965 г. правительство Индии одобрило идею проведения подземного ядерного испытания (Индия присоединилась к Договору о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой). В 1974 г. Индия провела подземный ядерный взрыв мощностью в 12–15 Кт., как официально утверждалось, в мирных целях.

После победы Индии в войне с Пакистаном в 1971 г. значительно увеличился ее отрыв от Пакистана в сфере обычных вооружений. Американо-пакистанское военное сотрудничество было временно заморожено. Китай также не проявлял особой готовности открыто оказывать военную поддержку своему союзнику. Это снизило угрозу со стороны Пакистана как основного военного противника Индии, хотя конфронтационность в индийско-пакистанских отношениях сохранялась. Эти страны ни раз оказывались на грани военного конфликта. Камнем преткновения в отношениях между Индией и Пакистаном по-прежнему оставалась проблема Кашмира.

С конца 1980-х годов конфронтационность китайско-индийских отношений стала уступать место их нормализации, расширению сотрудничества. В 1996 г. стороны достигли соглашения о плановом сокращении войск и вооружений на границе, подтвердили взаимный отказ от каких-либо действий по достижению одностороннего преимущества в приграничных районах¹³⁵. Тем не менее, сохранявшееся пакистано-китайское военно-техническое сотрудничество рассматривалось в Индии как серьезная угроза ее безопасности.

После окончания холодной войны, ослабления Пакистана и относительной нормализации отношений между Дели и Пекином, угроза безопасности Индии снизилась на региональном глобальном уровнях. Несмотря на это, Индия ускорила развитие военной ядерной программы под давлением комплекса факторов, во-первых, политических интересов Индии, которые определялись ее стремлением к статусу мировой державы. Как полагали в Дели, достичь этого статуса можно было либо переходом «ядерного порога», либо лишением ядерных держав их исключительности в результате ядерного разоружения. Другим фактором было акцентирование внимания различными политическими силами на угрозах, исходивших от Китая и Пакистана¹³⁶. Ухудшение отношений с Пакистаном в конце 1990-х годов стало третьим фактором. Был прерван индийско-пакистанский политический диалог, стороны обвиняли друг друга в ядерных амбициях, в развертывании баллистических ракет вдоль общей границы. Продолжались вооруженные столкновения в пограничных районах, усиливалась напряженность и активизировались террористические

---

¹³⁵ Singh S. Sino-Indian CBMs: Problems and Prospects // Strategic Analysis. New Delhi, 1997. July.

¹³⁶ Pradeep Kanthan. India's Nuclear Tests Reflect National Consensus // Nuclear Developments in South Asia and the Future of Global Arms Control / Ed. By R. Azizian. New Zealand, 2001. P. 81-90.

действия в Кашмире. Появление у Пакистана ракет средней дальности, способной нести ядерный заряд, еще больше обострило обстановку.

И, наконец, в-четвертых, непосредственно перед проведением ядерных испытаний Дели определил «китайскую угрозу» в качестве главной причины, вынудившей Индию перейти «ядерный порог». Ядерное оружие расценивалось индийскими аналитиками в качестве действенного противовеса военному превосходству Китая как в области ядерных, так и обычных видов вооружений.

Ядерные испытания прошли в два этапа на полигоне Покхаран в штате Раджастан, где был осуществлен ядерный взрыв в 1974 г. 11 мая 1998 г. были взорваны три ядерных устройства: одно (оно считается термоядерным) мощностью в 45 Кт, другое — мощностью в 15 Кт и третье — менее 1 Кт. 13 мая были испытаны два заряда мощностью менее 1 Кт. За этим последовали ядерные испытания Пакистана.

По оценкам экспертов, Индия имеет 30-35 ядерных зарядов в боеготовом состоянии, а также определенное количество готовых компонентов, что позволит в течение нескольких дней собрать дополнительное количество ядерных боезарядов (всего около 100). Запасы оружейного плутония оцениваются в размере до 504 кг. Кроме того, в Индии имеется некоторое количество оружейного урана¹³⁷.

Пакистан. В развитии своей военной ядерной программы Пакистан следовал по стопам Индии. К развитию этой программы он приступил в середине 1970-х гг., т.е. только после того, как удостоверился в выборе Индии в пользу создания ядерного оружия (толчком стали поражение в индийско-пакистанской войне 1971 г., приведшее к образованию Бангладеш, и «мирные» ядерные испытания 1974 г. в Индии).

К этому времени Пакистану удалось достичь определенных успехов в развитии атомной энергетики, интерес к которой был обусловлен дефицитом энергоресурсов. К развитию атомной энергетики Пакистан приступил в середине 1950-х гг. В 1965 г. в Пакистане начал работу исследовательский реактор мощностью в 10 МВт, работавший на топливе из США. В 1972 г. в Карачи, столице провинции Синда, была запущена первая АЭС Каннуп с одним реактором мощностью в 125 МВт (построена при помощи Канады). С помощью Китая была построена АЭС Чашма мощностью в 300 МВт близ пакистанской столицы Исламабада. Она начала работу в 2000 г. На все эти АЭС распространяются гарантии МАГАТЭ.

Также велась добыча урановой руды, которая перерабатывается сейчас в Дера Гhazi Хан и Исса Кхеле (провинция Панджаб; с 1978 и 1990 гг. соответственно). Обогащение урана производится в Кахуте (Панджаб; с 1984 г.), переработка – в Исламабаде (с 1986 г.), производство уранового топлива – в Чашме (Панджаб; с 1986 г.). В 1970-е гг. был создан объект для наработки плутония в Чашме (Панджаб). Франция, при помощи которой он строился, в 1978 г. прекратила сотрудничество с Пакистаном, поскольку к этому времени стал очевиден выбор Пакистана в пользу создания ядерного оружия. На все эти объекты гарантии МАГАТЭ не распространяются.

В ходе развития гражданской ядерной программы были созданы научно-техническая база и прочие необходимые условия для перехода к военной программе. Этот переход был сделан под влиянием не только индийского фактора. Пакистан стремился укрепить свои позиции среди мусульманских стран, став первым среди них обладателем ядерного оружия. Тезис об «исламской» бомбе, который позже будет отвергнут лидерами Пакистана, использовался лидером страны Зулфикаром Али Бхутто для получения помощи от богатых арабских стран. Деньги на «мусульманскую» бомбу дали Саудовская Аравия, Ливия, Объединенные Арабские Эмираты.

---

¹³⁷ Cirincione J., Wolfsthal J.B., Rajkumar M. Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction. Washington, 2002. P. 191.

В развитии атомной энергетики и ракетных средств доставки помощь Пакистану оказали Китай и Северная Корея. Что касается последней, то сотрудничество с ней, возможно, способствовало развитию, с одной стороны, ракетных средств Пакистана и, с другой, – военной ядерной программы Северной Кореи. Эта взаимозависимость развития ракетных средств Пакистана с развитием военной ядерной программы Северной Кореи сейчас полностью отвергается официальным Исламабадом. Передача ядерных технологий Северной Кореи связывается с незаконной деятельностью Абдул Кадир Хана.

Проработавший в 1972-1975 гг. в европейском урановом консорциуме «УРЕНКО», а затем вернувшийся в Пакистан Абдул Кадир Хан сыграл важную роль в развитии военной ядерной программы. Он возглавил «Проект 706» в Кахуте (вблизи Исламабада) по промышленному обогащению урана (в 1984 г. этот проект был назван Исследовательской лабораторией им. Хана). К 1987 г. было получено достаточное количество высокообогащенного урана для ядерного заряда. В конце 1980-х гг. все было готово для проведения ядерных испытаний (в 1983-1984 г. Китай, возможно, передал Пакистану чертежи конструкции ядерного взрывного устройства).

Успехи Пакистана в развитии ядерных технологий вызвали озабоченность у его главного стратегического партнера – США, законодатели которых приняли поправки Гленна (1976 г.), Саймингтона (1977) и Пресслера (1985 г.) к Закону о помощи иностранным государствам (в 1994 г. эти поправки были применены и к Закону о контроле над экспортом вооружений). В отличие от Индии, Пакистан не имел широкой производственной базы для развития ядерной программы, поэтому он сильно пострадал от этих поправок. Выходом из сложившейся ситуации стала контрабанда необходимых компонентов и ядерных материалов в Пакистан. Позже сеть, созданная А.К. Ханом, стала работать на импорт этих компонентов и материалов в Ливию, Иран и КНДР. Плотная завеса секретности, отсутствие транспарентности, какого-либо контроля со стороны общественности – все это позволило А.К. Хану долго заниматься контрабандой, которая приносила большие доходы. Грубейшее нарушение гражданами Пакистана режима нераспространения сильно дискредитировало сам Пакистан и помогло Индии наладить сотрудничество с США в ядерной области, поскольку в отличие от Пакистана Индия не запятнала себя подобными нарушениями.

В мае 1998 г. Индия и Пакистан последовательно провели ядерные испытания. Ответ Пакистана на индийские испытания был полностью симметричным: за два дня Пакистан взорвал шесть зарядов (Индия в 1998 г. взорвала пять зарядов, но если учитывать «мирные» испытания 1974 г., во время которых был взорван еще один заряд, получается, что всего она взорвала шесть зарядов).

Испытания ядерного оружия сделали положение Пакистана еще более сложным. Основываясь на резолюции СБ ООН №1172, принятой 6 июня 1998 г., США наложили санкции на Пакистан, ограничившие многие программы двустороннего сотрудничества: было завершено финансирование военно-технического сотрудничества, запрещена продажа Пакистану продукции двойного назначения, прекращены программы, стимулирующие развитие торгово-экономических отношений. Целью санкций было подписание Пакистаном Договора о всеобщем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), объявление моратория на производство расщепляющихся материалов, ограничение программ по созданию средств доставки ядерного оружия, введение запрета на экспорт ядерных материалов и технологий военного назначения в другие страны.

Однако Пакистан продолжил, увеличивать количество ядерных материалов для боезарядов и повышать качество ракетных средств, создавать системы управления и контроля ядерного оружия. Главное в ядерных планах Пакистана – это продолжение работ по количественному и качественному развитию ядерного оружия с целью создания арсенала, достаточного для того, чтобы «любое ядерное нападение на Пакистан и его

вооруженные силы привело к адекватному ядерному возмездию, способному нанести агрессору невосполнимый урон».

В силу закрытости информации о ядерном вооружении Пакистана данные о количестве боеголовок крайне разрознены и существенно отличаются друг от друга. Они основываются на предполагаемых запасах оружейного урана и плутония. Так, некоторые американские специалисты считают, что Пакистан имеет и может собрать в течение нескольких часов или дней 30-50 урановых и 3-5 плутониевых боезарядов. По другим источникам, ядерный арсенал Пакистана составляет от 50 до 110 и более боезарядов. Принята рассчитанная на 15 лет программа оснащения ядерным оружием трех основных видов вооруженных сил. Исламабад, провозгласив право применять ядерное оружие первым, заявил о невозможности присоединения к ДНЯО в качестве неядерного государства и занял уклончивую позицию по ДВЗЯИ. В то же время он объявил односторонний мораторий на ядерные испытания, выразил готовность прекратить производство расщепляющихся материалов в военных целях и заявил о желании участвовать в подготовке договора о запрещении производства таких материалов для военных целей. Кроме того, видимо, в пропагандистских целях, было заявлено об открытии двух ядерных объектов для инспекций МАГАТЭ.

Северная Корея¹³⁸. Ретроспективный взгляд на историю ядерной программы КНДР и её взаимоотношений с международным сообществом в данном контексте приводит, по меньшей мере, к двум выводам: Во-первых, Пхеньян ведет борьбу за выживание, не стесняясь в средствах. Такая логика делает более понятными его действия по созданию ядерного потенциала как средства противодействия оказываемому на него давлению. Во-вторых, без кардинального пересмотра самой парадигмы отношений с КНДР со стороны США и ее союзников прогресса не будет.

Еще с начала 1990-х Вашингтон, вопреки мнению специалистов (в том числе российских), ожидал скорого краха КНДР, который естественным образом привел бы к сворачиванию приобретенных промышленные масштабы с середины 80-х годов военной ядерной программы КНДР. Именно поэтому он не торопился выполнять достигнутые с Пхеньяном в 1994 г. договоренности в контексте «Рамочного соглашения», которые «заморозили» ядерные разработки в Северной Корее, что стало для КНДР «плохим уроком». На этот факт указывают и авторитетные американские специалисты, в том числе З. Хекер, который отмечал: «Конгресс отказался профинансировать ключевые положения пакта, что с самого начала не позволило США выполнять значительную часть своих обязательств»¹³⁹.

Провал поиска компромиссов спровоцировал новый кризис в 2002 году, когда администрация Буша использовала противоречивые сигналы об урановой программе КНДР для перехода к жесткой политике. Опять-таки вопреки советам многих специалистов США попытались использовать нажим, изоляцию и санкции, чтобы добиться уступок, «заставить КНДР правильно себя вести». В осуществимость этого, впрочем, похоже, даже сами идеологи этого подхода не верили – на самом деле эта политика имела целью «мягкую» смену режима. В результате она лишь подстегнула КНДР в ее гонке за ядерной бомбой.

В ходе очередного (2003-2008) раунда «торга» по поводу ядерной программы КНДР ее оппоненты, несмотря на переход к примирительным шагам по отношению к Пхеньяну в период «позднего» Буша, на практике затаили выполнение своих обязательств в духе согласованной в результате первого этапа шестисторонних переговоров принципиальной договоренности «денуклеаризация в обмен на мир и помощь». Она в компромиссной

¹³⁸ Часть о развитии ядерной программы Северной Кореи основана на следующей публикации: Воронцов А.В., Толорая Г.Д. Прецедент Северной Кореи / Ядерная Перегрузка: сокращение и нераспространение. Под ред. А. Арбагова, В. Дворкина. М., РОССПЭН. 2011. С. 104-116.

¹³⁹ Hecker S.S. Lessons Learned From the North Korean Nuclear Crises // Daedalus, Winter 2010. P. 49.

форме была закреплена на четвертом раунде шестисторонних переговоров в Совместном заявлении от 19 сентября 2005 г. Сразу после достижения упомянутых договоренностей последовало введение США финансовых санкций против счетов КНДР в «Банке дельта Азия» в Макао, фактически имевшее следствием изоляцию КНДР от мировой финансовой системы.

Ответом стало ядерное испытание КНДР 9 октября 2006 г. После возобновления вслед за этим (и вследствие этого) переговорного процесса уже в феврале 2007 года удалось договориться об основных первоначальных шагах по денуклеаризации - КНДР взяла на себя обязательство вывести из эксплуатации ядерный реактор в Ненбене. Однако задержка США выполнения обещания разморозить счета в Макао вновь затормозили выполнение этих обязательств. Лишь после решения (с помощью России, взявшей на себя обеспечение перевода КНДР средств) этой проблемы, удалось (3 октября 2007 г.) принять на заседании «шестерки» программу действий «второй фазы» денуклеаризации.

Однако единства в подходах оппонентов КНДР не было. Япония отказалась участвовать в оказании экономической помощи КНДР. Выдвинув, прежде всего, по внутривнутриполитическим соображениям на первый план «вопрос о похищенных», эта страна фактически стала играть неконструктивную роль в многостороннем мирном процессе.

Сеул же после прихода к власти в конце 2007 года консервативного правительства Ли Мён Бака пошел на полный пересмотр договоренностей о сосуществовании и сотрудничестве, достигнутых в период президентства Ким Дэ Чжун и Но Му Хёна. Правительство Ли Мен Бака с самого начала, под прикрытием риторики о «принципе взаимовыгодности» сотрудничества стремилось, как многие подозревают, к «размягчению» северокорейского режима с последующим мирным поглощением Севера. Особое недовольство Пхеньяна вызвало выдвижение Сеулом на первый план ядерной проблемы, которую Северная Корея считала предметом торга между ней и США.

К концу президентского срока Дж. Буша перспективы достижения реального компромисса на двустороннем треке КНДР-США стали более туманными. Под давлением консервативного крыла республиканская администрация стали настаивать на «полной и точной декларации ядерной деятельности» КНДР, компромисс по которой удалось найти лишь к середине 2008 года. США (в том числе из-за противодействия Японии) затянули выполнение обязательства по выведению КНДР из списка государств-спонсоров терроризма: это было сделано лишь в октябре 2008 года. Далее на пути встала практически неразрешимая проблема верификации – американцы предъявили КНДР чрезвычайно жесткие и явно преждевременные требования, включая раскрытие любых объектов для доступа инспекторов, право на отбор проб, доступ к любым документам и т.п. (эти требования никак не были оговорены ранее принятыми документами «шестисторонки»).

Администрация Обамы имела шансы переломить опасные тенденции и найти компромисс с КНДР. Однако для президента Обамы корейский вопрос в начале его правления не представлялся приоритетным. Между тем в Пхеньяне, ориентируясь на предвыборную риторику Обамы о готовности к переговорам и компромиссам, ждали большего.

Обострение ситуации в 2008-2009 годов в отличие от предыдущих кризисов 1993 и 2002 годов (во многом вызванных действиями США) связано в первую очередь с сознательными действиями КНДР, которые в Пхеньяне называют реакцией на враждебную политику его противников. Уже в конце лета 2008 года в КНДР заговорили о потере интереса к обсуждению вопроса денуклеаризации. Переговоры «шестерки» в декабре 2008 г. закончились провалом. Вывод пхеньянских политиков о недопустимости сдачи «ядерного козыря» стал предсказуемым и вполне закономерным.

Главным элементом новой тактической линии Северной Кореи стал отказ от поиска компромиссов с США и курс на конфронтацию с Вашингтоном в целях укрепления своих

позиций в противостоянии с оппонентами и внутреннего сплочения, а внутри страны – реставрация кимирсеновских порядков и борьба с «отклонениями от социализма».

С начала 2009 г. из Пхеньяна начали раздаваться воинственные заявления. 13 января представитель МИД КНДР заявил, что требуемая США в рамках шестистороннего переговорного процесса верификация предполагает также инспекции в Южной Корее и отметил, что без прекращения враждебной политики США в отношении КНДР и устранения ядерной угрозы со стороны США страна не откажется от ядерного оружия. Военные власти заявили о непризнании линии демаркации в Желтом море и пригрозили применением силы против Южной Кореи. Позднее, в начале 2010 г., КНДР повысила градус напряженности в этом районе, начав там артиллерийские стрельбы.

В конце января 2009 года стало известно о подготовке к запуску северокорейской ракеты-носителя. Несмотря на давление, прежде всего со стороны Японии, а также США и Запада в целом, КНДР произвела ее неудачный пуск в начале апреля. На это последовала достаточно резкая международная реакция (в рамках Заявления председателя Совета безопасности ООН), причем неожиданно принципиальную позицию занял Китай. Это дало пхеньянским руководителям повод к ужесточению внешнеполитической линии, которое планировалось, как было показано выше, уже задолго до этого.

Рубежным стало решение КНДР выйти из шестисторонних переговоров. 14 апреля МИД КНДР выступил с жестким заявлением, где это было зафиксировано. Были высланы инспектора МАГАТЭ. Пхеньян заявил о пересмотре решения о прекращении ядерной программы и намерении возобновить ее. 25 апреля представитель МИД сообщил о том, что начата переработка урановых топливных стержней.

25 мая 2009 г. КНДР провела ядерное испытание, которое вряд ли можно было подготовить в столь сжатые сроки, а также осуществила новые ракетные пуски. Обострились отношения с Югом: КНДР вышла из соглашения о перемирии 1953 г. и юридически оказалась в состоянии войны с коалицией войск ООН. В ответ на резолюцию СБ ООН 1874 от 12 июня 2009 г., объявляющей новые санкции против КНДР в связи с ядерным испытанием, КНДР сообщила о решении реализовать программу обогащения урана, наработать плутоний оружейного качества, провести новые ракетные испытания. 4 июля КНДР произвела ракетные пуски, явно демонстрируя свою «непреклонность» США и всему мировому сообществу. Столкнувшись с отказом США от возобновления переговоров на северокорейских условиях (главным из которых является первоочередное обсуждение вопросов политической нормализации, а уж во вторую очередь – денуклеаризации), Пхеньян вновь перешел к тактике провокаций.

По словам А.Н. Бородавкина, заместителя министра иностранных дел России, на данном этапе ситуация на Корейском полуострове остается крайне нестабильной и международными усилиями удастся предотвратить превращения военно-политического противостояния в военный конфликт. В вопросе перезапуска шестисторонних переговоров, как считает, российский дипломат, «мяч» на стороне Пхеньяна, Вашингтона и Сеула¹⁴⁰. Очевидно, смерть Ким Чен Ира в декабре 2011 г. открывает новые возможности для решения корейской проблемы.

Анализируя движущие мотивы этих поворотов политики КНДР, нельзя не задуматься над соотношением внутренних и внешних факторов, приведших к ужесточению стратегии северокорейского руководства. Приходится предположить, что в значительной мере такой «поворот» связан с внутренними факторами, хотя свою роль играют и внешние факторы. После прихода к Ким Чен Ына, младшего сына предшествующего лидера Северной Кореи, внешние факторы могут сыграть более важную роль, поскольку смена власти не вызвала внутри страны очевидных признаков кризиса.

---

¹⁴⁰ АТР превратился в локомотив развития всего мира. 29 ноября 2011 г. (<http://www.kommersant.ru/docsearch/1826725>).

Иран¹⁴¹. Официальный Тегеран отрицает стремление к собственному ядерному оружию. Однако можно предположить, что давление администрации Дж. Буша на Иран, участь режима С. Хусейна в Ираке, а также развитие стратегического потенциала в соседних Индии и Пакистане, – все это могло бы стать стимулом для начала тайной деятельности Ирана по созданию ядерного оружия. Тем более, развитие атомной энергетики уже заложило серьезную научно-техническую базу для начала военной программы. Ведь развитие ядерной энергетики Ирана превращено в важнейшую общенациональную задачу дальнейшего развития страны.

Исследования Ирана в ядерной области были начаты почти 50 лет назад подписанием в 1957 г. соглашения с США о сотрудничестве в мирном использовании атомной энергии в рамках американской программы «Атом для мира». В соответствии с программой США должны были оказывать Ирану помощь в развитии атомной энергетики в виде поставок ядерных установок и оборудования, а также обеспечивать подготовку специалистов в этой области в обмен на право мониторинга и инспектирования соответствующих объектов для проверки их использования исключительно в мирных целях. В 1958 г. Иран ратифицировал устав МАГАТЭ, а затем в 1959 г. при Тегеранском университете был основан Центр ядерных исследований, на базе которого в 1967 г. началось строительство первого атомного реактора. На том этапе США поддерживали шахский Иран, и американские специалисты активно содействовали строительству реактора. Так, в 1967 г. в рамках вышеуказанного соглашения при финансовом и техническом содействии МАГАТЭ США поставили в Тегеранский ядерный научно-исследовательский центр исследовательский реактор мощностью 5 МВт, имевший в качестве топлива более 5,5 кг высокообогащенного урана. В 1970-е гг. по инициативе шаха Мохаммеда Реза Пехлеви была разработана программа по созданию замкнутого ядерного цикла и строительству 23 атомных реакторов. Предполагалось, что 6-8 реакторов будут поставлены США и еще 12 – Западной Германией и Францией. В 1974 г. Иран подписал Соглашение о гарантиях с МАГАТЭ и приступил к реализации программы. В 1974 г. Иран за 1 млрд долл. приобрел 10%-ный пакет акций газодиффузионного завода по обогащению урана, строившегося во Франции. Помимо этого Иран вел переговоры с США о покупке 25%-ной доли в одном из обогатительных предприятий Соединенных Штатов.

Показательным фактом, свидетельствующим о позиции европейских государств по вопросу о ядерном развитии Ирана, является то, что многочисленные иранские эксперты получали образование и подготовку в области ядерной физики в США и Западной Европе — Бельгии, Великобритании, Западной Германии, Италии, Швейцарии и Франции. В одном из ведущих американских технических университетов — Массачусетском технологическом институте была создана специальная программа для подготовки иранских специалистов в области атомной энергетики.

Ситуация изменилась после «мирного» ядерного испытания Индии в мае 1974 г. В результате последующих консультаций с участием основных ядерных поставщиков, включая Францию и Западную Германию, были выработаны Руководящие принципы ядерного экспорта. Одним из краеугольных камней документа было условие, предусматривавшее требование поставщика возвращать отработанное ядерное топливо, чтобы исключить выделение плутония в стране-получателе.

В то же время в связи с усилением контроля над ядерным экспортом со стороны держав ядерного клуба передача чувствительных установок и технологий фактически превратилось в эмбарго. Эти изменения в области контроля над ядерным экспортом существенно усложнили для Ирана реализацию национальной программы по развитию

---

¹⁴¹ Подробно см.: Топычканов П.В., Устинова Ю.В. К вопросу о перспективах создания второй «исламской бомбы»: сравнение внешних факторов развития ядерных программ Пакистана и Ирана // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2010. № 3. С. 65–79

атомной энергетики. При этом новые меры рассматривались шахским режимом как дискриминационные, нарушавшие суверенные права страны и выходявшие за рамки положений ДНЯО.

Исламская революция 1979 г. привела и вовсе к сворачиванию всех проектов в атомной области и расторжению всех контрактов по сооружению АЭС с иностранными компаниями. Возведенная и практически полностью (на 80%) укомплектованная оборудованием АЭС в Бушере сильно пострадала во время последующей ирано-иракской войны 1980-1989 гг.

Новое руководство Ирана сначала не выказывало большого интереса к ядерным технологиям. Постепенный пересмотр отношения к необходимости инвестирования в высокотехнологичные предприятия, в том числе атомного комплекса, в Иране стал наблюдаться по мере развития боевых действий на фронтах ирано-иракской войны и был связан в первую очередь с двумя факторами: поддержкой Багдада со стороны обеих сверхдержав (и СССР, и США) включая многочисленные поставки передовых вооружений, что стимулировало руководство Ирана к достижению самодостаточности по ключевым направлениям обеспечения национальной безопасности страны, а также эффективным и «безнаказанным» применением химического оружия иракскими войсками. Следует отметить, что европейские государства и мировое сообщество не осудило применение Ираком химического оружия, что, безусловно, послужило сигналом для Тегерана. В сложившейся ситуации иранский режим не только получил обоснование для развития ядерных технологий, но и смог получить поддержку собственного народа в реализации программы. Таким образом, данная ситуация может служить ярким примером того, как внешние факторы повлияли на «ядерный выбор» Тегерана.

Дальнейшее развитие событий еще более убедительно подтверждают этот тезис. Попытки Ирана возобновить сотрудничество с европейскими партнерами в области строительства АЭС и поставок оборудования завершились безрезультатно, в частности по причине давления со стороны США. Это подтолкнуло Тегеран к поиску контактов с менее развитыми в ядерной области странами, не придерживавшихся жестких правил в области контроля над атомным экспортом и находившихся вне режима нераспространения ядерного оружия. Так началось сотрудничество Ирана с Китаем и Пакистаном, а также Индией. Именно тогда Тегеран вышел на нелегальную сеть, созданную А. К. Ханом. В начале 1990-х гг. Иран начал активно сотрудничать с Россией в области мирного использования атомной энергии, также в 1992 г. между РФ и Ираном было подписано межправительственное соглашение о сооружении АЭС в Бушере. В 1995 г и в 1998 г. были подписаны контракты на достройку атомного реактора в Бушере и завершении «строительства под ключ».

В 2003-2004 гг. МАГАТЭ начало расследование незадекларированной деятельности Ирана, вскрытой в 2002 г., во многом благодаря раскрытию «черного рынка А.К. Хана». Стало ясно, что ядерная программа Ирана более развита, чем это считалось раньше, прежде всего в области ядерного топливного цикла. МАГАТЭ выявило целый ряд нарушений, включая сокрытие Ираном фактов создания новых ядерных объектов. Забегая вперед, необходимо отметить, что сокрытие Ираном этих объектов было не частным случаем, а целенаправленной политикой. В 2009 г. он обнародовал информацию о еще одном объекте – заводе по обогащению урана в Куме.

Усложнению иранской ядерной программы способствовала также политика президентской администрации Джорджа Буша-мл. Записав Иран в «ось зла», апеллируя к военным инструментам давления, отказываясь от элементов политики «вовлечения», декларируя «максималистские цели», администрация Дж. Буша не способствовала стабилизации американо-иранских отношений, хотя вклад Тегерана в разлад с Вашингтоном был не меньше.

Смена власти в Тегеране – приход к власти в Иране в 2005 г. радикала Махмуда Ахмадинежада – создала наибольшую проблему для перспектив сдерживания ядерных амбиций Ирана. Новый президент Ирана взял курс на ужесточение подходов Тегерана ко всем пунктам разногласий с США, в частности, по вопросам о ядерной программе, судьбе государства Израиль, оказании помощи «Хезболле» и «Хамасу» и т.д.

Безусловно, вероятность ядерной угрозы со стороны Ирана вкупе с фактором связи ИРИ с такими радикальными организациями как «Хамас» и «Хезболла», которые занимают, в частности, крайне непримиримую позицию по отношению к Израилю, усиливали опасения США. В то же время у государств-членов Совета Безопасности ООН не сформировалось единого мнения относительно политики по отношению к Ирану, тем более, что у каждой из них существуют собственные торгово-экономические связи с Тегераном, которые могут быть утрачены в случае введения жестких экономических санкций, на чем настаивают США. Однако после очередного отказа ИРИ пойти на компромисс при выработке общего с ЕС и США решения вопроса, Совет ЕС в конце 2006 г. фактически признал провал переговоров и объявил о своей готовности обсуждать в СБ ООН вопрос о введении против ИРИ международных санкций. Неудивительно, что это заявление вызвало весьма негативную реакцию со стороны Ирана, заявившего о нерациональности и недальновидности такого решения.

Официальные власти Ирана не раз заявляли, что они в принципе готовы к подписанию Дополнительного протокола МАГАТЭ при условии снятия экономических санкций, которые не позволяют ему получать новые ядерные технологии из стран – участниц ДНЯО¹⁴². Это позволило бы снять подозрения относительно его ядерных амбиций, что помогло бы предотвратить силовое решение ядерной проблемы Ирана. Несмотря на ряд договоренностей между Ираном и МАГАТЭ в 2003-2004 гг., Протокол так и не был ратифицирован Ираном из-за ухудшения его отношений с мировыми державами и самим Агентством. Яснее понять мотивы политики Ирана в данном вопросе возможно, если принять во внимание тот факт, что развитие атомных технологий как государство воспринимает не только как средство сдерживания, но и как элемент национального престижа и атрибут регионального лидерства на Ближнем Востоке.

Наконец, дополнительным фактором, позволявшим Ирану продолжать ядерные разработки было отсутствие сотрудничества между двумя главными ядерными державами – Россией и США - в вопросе о нераспространении. Сотрудничество было бы вполне достижимо, если бы не одно обстоятельство: для Соединенных Штатов возможность совместной деятельности с Россией в области атомной энергетики была напрямую связана с проблемой ядерного сотрудничества России с Ираном. Вашингтон опасается, что Москва занимает в отношении Ирана мягкую позицию, не желая признать необходимость жестких мер, предложенных Советом Безопасности ООН, чтобы остановить Иран в его стремлении обладать ядерным оружием. Напротив, с точки зрения России, Соединенные Штаты одержимы идеей любой ценой наказать Иран, не вполне представляя себе последствия подобных шагов. Россия, похоже, больше всего обеспокоена тем, что США способны быстро начать военные действия, не заботясь о том, как это может повлиять на стабильность в регионе. Характерно, что даже наметившаяся координация действия между Москвой и Вашингтоном по данному вопросу и согласие РФ поддержать жесткие санкции СБ ООН против Ирана не привели к выработке единой позиции. США прибегли к односторонним санкциям, а Россия объявила о продолжении сотрудничества с Ираном в области энергетики (строительство АЭС в Бушере и поставки топлива и нефтепродуктов).

---

¹⁴² Подписание Дополнительного протокола осуществляется государствами-участниками ДНЯО на добровольной основе. На середину 2003 года из 155 участников Договора 80 государств подписали Дополнительный протокол, но лишь 35 ввели его в действие.

Анализ внешних факторов ядерного выбора – сделанного в случае Индии и Пакистана, Северной Кореи и возможного в случае Ирана, – позволяет выделить несколько общих уроков для режима ядерного нераспространения.

Во-первых, рассмотрение политических отношений с определенным режимом выше интересов нераспространения недальновидно. Соединенные Штаты имели стратегические отношения с Ираном до Исламской революции 1979 г. Именно в этот период была заложена база ядерной программы Ирана. То же самое произошло и в случае с Пакистаном. США начали сворачивать сотрудничество с этим государством в области мирного атома только тогда, когда ему уже были переданы ряд чувствительных технологий, которые позже были использованы Пакистаном в создании ядерного оружия.

Во-вторых, внешняя угроза определенному режиму является одним из главных стимулов для развития военной ядерной программы. Эта угроза заставляет страны мобилизовать все ресурсы, идти на нарушения режима ядерного нераспространения, вовлекая другие государства в контрабандные сети.

В-третьих, упор на военное, политическое и экономическое давление, направленное на предотвращение создания ядерного оружия, оказывается как правило непродуктивным. Такие методы были бы более эффективны как последнее предупреждение, за которым может последовать применение военной силы. Отказ же государства от стремления к ядерному оружию должен поощряться политическими и экономическими стимулами.

В-четвертых, отсутствие единства мировых держав по проблемам ядерного нераспространения затрудняет выработку эффективной политики в отношении пороговых государств. Укрепление такого единства способствовало бы росту авторитета международных организаций, которые призваны отвечать на вызовы режиму ядерного нераспространения (СБ ООН, МАГАТЭ) и отвратило бы пороговые государства от ядерного выбора.

V. ЯДЕРНОЕ РАЗОРУЖЕНИЕ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЕ

1. ДИАЛЕКТИКА РАЗОРУЖЕНИЯ И НЕРАСПРОСТРАНЕНИЯ

В годы правления в США республиканской администрации тема ядерного разоружения была фактически предана анафеме. Обязательства ядерных держав по ст. VI ДНЯО (вести переговоры о ядерном разоружении) расценивались, как пустая формальность, обладание ядерным оружием рассматривалось в качестве «неотъемлемого права» великих держав, а дальнейшее распространение ядерного оружия предполагалось остановить силой (концепция «контрраспространения»).

К сожалению, после ряда робких и невнятных возражений Россия фактически приняла эту линию, тем более, она вполне устраивала военный истеблишмент, консерваторов и великодержавных националистов внутри страны.

Но на деле многолетний тупик в процессе ядерного разоружения привел к провалу попыток упрочения ДНЯО и режимов ядерного нераспространения (что выразилось в фиаско конференции по рассмотрению Договора в 2005 г.). Силовой путь решения вопроса принес тактический успех (удар Израиля по атомному комплексу Сирии в 2008 г.), но повлек стратегическое поражение в ходе военной операции США в Ираке и попыток оказать давление на ядерные программы Ирана и КНДР.

В конечном итоге политика США в данном вопросе стала меняться в результате осознания ее неудач и очевидной бесперспективности. Знаменем этого стала знаменитая статья четырех авторитетных государственных деятелей: Генри Киссинджера, Сэма Нанна, Уильяма Перри и Джорджа Шульца – в пользу «реабилитации» идеи конечной цели ядерного разоружения как ориентира переговоров между ядерными державами и усилий мирового сообщества по предотвращению распространения ядерного оружия¹⁴³. В свете провалов политики администрации Буша эта идея быстро овладела умами в США, а затем и в остальном мире и вызвала настоящий ренессанс тематики ядерного разоружения в международном общественном сознании и экспертных исследованиях.

В России эта тема стала предметом острой борьбы между проядерным большинством и меньшинством сторонников ядерного разоружения в научных кругах и СМИ, хотя официально цель ядерного разоружения была подтверждена уже на первой встрече в верхах президентов Д. Медведева и Б. Обамы¹⁴⁴.

Очевидно, что сегодня трудно представить себе мир без ядерного оружия даже в отдаленной перспективе. Ядерное сдерживание как неотъемлемый элемент военно-политических отношений великих держав и гарантий безопасности союзникам – это привычное состояние, изменению которого препятствует огромная военно-стратегическая, политическая и психологическая инерция, подкрепляемая общепринятым мнением, что страх перед ядерной катастрофой уберег мир от третьей мировой войны в течение пяти десятилетий после 1945 г.

К тому же в России превалирует мнение, что ее безопасность гарантируется только ядерным оружием из-за отставания в силах общего назначения и по новейшим военно-техническим системам, а также ввиду уязвимого геостратегического положения.

¹⁴³ См.: Shultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. A World Free of Nuclear Weapons // The Wall Street Journal. 2007. January 4. P. A15.

¹⁴⁴ См.: Совместное заявление Президента Российской Федерации Д.А. Медведева и Президента Соединенных Штатов Америки Б. Обамы относительно переговоров по дальнейшим сокращениям стратегических наступательных вооружений. 1 апреля 2009 г. Лондон (<http://www.kremlin.ru/text/docs/2009/04/214589.shtml>).

Взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения опровергается тезисом, что новые члены и «абитуриенты в ядерный клуб» действуют из своих собственных интересов, а ядерное разоружение великих держав их не только не интересует, но поощряет к обретению ЯО, поскольку дает шанс легче сравняться с «большой пятеркой».

Однако ряд важных соображений заставляет усомниться в правильности этих расхожих истин.

Новые угрозы безопасности. После окончания холодной войны, в условиях глобализации и растущей взаимозависимости мира (что лишний раз продемонстрировал текущий экономический кризис) ядерное сдерживание, похоже, становится анахронизмом. Оно предотвращает несуществующие более угрозы – преднамеренное массированное нападение великих держав или их союзов друг на друга.

Но оно не сдерживает реальные угрозы нового времени: международный терроризм, распространение ОМУ и его носителей, этнические и религиозные конфликты, противоречия из-за дефицита энергоресурсов и пресной воды, не говоря уже о проблемах климата, экологии, незаконной миграции, эпидемий, трансграничной преступности и пр.

«Реабилитация» ядерного разоружения как конечной, пусть и отдаленной цели политики ведущих держав, придает целенаправленность и последовательность таким рациональным и полезным мерам как новый Договор о СНВ и последующее более глубокое сокращение ядерных вооружений. Открывается путь к реализации ДВЗЯИ и ДЗПРМ, как важнейших соглашений на стыке ядерного разоружения и нераспространения. Становится реальным будущее подключение к процессу третьих ядерных держав и «стран-аутсайдеров» (Индии, Пакистана, Израиля). Получает мощный импульс курс на упрочение ДНЯО и его режимов, на политическое решение ядерных вопросов КНДР и Ирана, на интернационализацию ядерного топливного цикла, обеспечение высоких мировых стандартов сохранности ядерных материалов.

Не менее важно, что только в контексте этой политики, и никак иначе, Россия и другие страны получают возможность достичь приемлемого для себя решения иных военно-политических проблем: остановки расширения НАТО на восток, ограничения стратегических систем ПРО и высокоточных обычных вооружений, предотвращения гонки космических вооружений и т.д.

Продвигаясь этим путем, можно достичь минимальных уровней ядерных потенциалов – в сотни или даже десятки ядерных средств – при существенном укреплении международной безопасности. По мере движения в этом направлении, вполне вероятно, сотрудничество и взаимное доверие государств настолько расширятся, что возникнет возможность сделать финальный шаг – к полной ликвидации ядерного оружия в боевом составе вооруженных сил, затем – в резерве и на складах, а далее и к контролируемой конверсии и утилизации ядерных материалов и технологий исключительно для мирных целей.

Что касается зависимости России от ядерного оружия, то на поверку и эта концепция представляется весьма поверхностной. К тому же она достаточно банальна и просто является перепевом на российский лад тезисов западных консерваторов 20–30-летней «свежести». В современном мире огромный ядерный потенциал России играет политическую роль или при росте военной напряженности с Западом, или в контексте переговоров и соглашений с США, которые предоставляют Москве исключительное положение в мировой политике.

Напряженность, даже если это на руку определенным кругам в России и США, противоречит их истинным интересам и будет подрывать национальную и международную безопасность – особенно на фоне роста новых угроз, требующих партнерства и сотрудничества. Переговоры по ядерному разоружению (с учетом количества и программ модернизации этих средств) даже в ходе последовательных сокращений не затронут минимально достаточный российский потенциал ядерного сдерживания на протяжении

десятилетий. Скорее перед Россией стоит другая задача: в свете старения ее ядерного арсенала и сокращения его количественного уровня (из-за вывода из боевого состава гораздо большего числа вооружений, чем вводится новых) нужно вовремя и регулярно понижать договорные потолки, чтобы поддерживать примерный паритет с другими державами.

Финальный потенциал, при обеспечении его высокой живучести на старте и на траекториях полета, может составлять всего несколько десятков единиц, с учетом неприемлемости для современных передовых стран потери даже нескольких крупных городов.

Ядерное оружие как фактор статуса. Роль ядерного оружия в обеспечении статуса и безопасности РФ весьма преувеличена. Кроме гипотетической и маловероятной угрозы массированного нападения НАТО или Китая, ядерное оружие не защищает Россию от многочисленных менее масштабных, но более реальных опасностей, как не решает и ее огромные экономические и внутривластные проблемы. Не надо забывать, что ОВД и Советский Союз распались, имея в 5–7 раз больше ядерных вооружений, чем нынешняя Россия. Кроме того, сохранение ядерного оружия и дальнейшее его неизбежное распространение будут девальвировать ядерный потенциал РФ и подрывать ее статус, если для его поддержки не будут построены иные – экономические, политические и военные основы.

В конце концов, надо совершенно уж не верить в российский народ, чтобы полагать, что ядерное оружие, оставшееся в наследство от СССР – это единственно возможный и достижимый для России атрибут статуса великой мировой державы.

В то же время вполне естественно, что отказ от ядерного оружия ни в коем случае не может означать «зеленый свет» для больших, региональных или локальных войн с применением обычных вооружений или систем на новых физических принципах (лазерных, пучковых, сейсмических и пр.). Иными словами, мир без ядерного оружия – это отнюдь не нынешний мир минус ядерное оружие, а международное сообщество, организованное на иных принципах, обеспечивающих безопасность всех стран, независимо от их размера, экономической и военной мощи.

Движение к основанному на сотрудничестве мировому устройству становится теперь необходимостью не только ввиду ядерной угрозы. Оно превращается в императив в свете уроков нынешнего разрушительного экономического кризиса, необходимости совместного решения климатических, продовольственных, демографических и других глобальных проблем XXI века.

Проблемы сокращения ядерных вооружений. Сохранение ядерного сдерживания в отношениях великих держав, скорее всего, подстегивает распространение ядерного оружия и повышает вероятность получения доступа к нему со стороны террористов, хотя это вопрос дискуссионный. Но что уж совершенно точно – отношения взаимного ядерного сдерживания препятствуют эффективному сотрудничеству великих держав в борьбе с этой опасностью.

По логике вещей ядерное сдерживание в век многополярности и глобализации неотвратимо влечет дальнейшее ядерное распространение и делает неизбежным, рано или поздно, преднамеренное или случайное применение ядерного оружия (или взрывного устройства) государствами или в виде террористического акта. Любое такое применение будет катастрофой для современной цивилизации и изменит ее коренным и непредсказуемым образом.

Опыт почти 40-летних переговоров сокращения ЯО позволяет непредвзято оценить степень выполнения ядерными государствами своих обязательств по первой части ст. VI ДНЯО. Можно констатировать, что, с одной стороны, переговорные процессы по контролируемому ограничению и сокращению ЯО между главными ядерными контрагентами с периодическими перепадами интенсивности, казалось бы, соответствовали

обязательствам по ст. VI ДНЯО. С другой стороны, мотивы этих переговоров и соглашений были мало связаны с обязательствами сторон по ДНЯО, хотя нередко и приводились ими в качестве доказательства своей приверженности этому Договору. Кроме того, в стороне от этих процессов оставались остальные ядерные государства.

В целом, за два десятилетия после окончания холодной войны с 1991 г. (заключение СНВ-1) великие державы, главным образом Россия и США, сократили число своих оперативно развернутых стратегических и оперативно-тактических ядерных боезарядов более чем на 80% – как по договорам, так и в одностороннем порядке.

Масштабы этих сокращений весьма впечатляют, но и количество остающихся ядерных вооружений все еще абсурдно велико (порядка 10 000 боезарядов в боевом составе всех девяти ядерных держав или около 150 000 «хиросимских» бомб¹⁴⁵). Дальнейшие перспективы переговорного процесса о более глубоких сокращениях ядерных вооружений после нового Договора СНВ на сегодняшний день весьма туманны.

Открытый отказ великих держав от продолжения переговоров по ядерному разоружению в первом десятилетии XX в. стал беспрецедентным нарушением ст. VI ДНЯО. Откровенное усиление опоры на ЯО в обеспечении своей безопасности, отказ от ряда прошлых соглашений – явились вопиющим нарушением духа этого Договора.

Ядерное распространение и его мотивы. В этой связи возникает извечный и принципиальный вопрос: если бы США и СССР/Россия, начиная с 1968 г. и по настоящее время, с привлечением трех других ядерных держав («узаконенных» по ДНЯО), целеустремленно вели переговоры об ограничении и сокращении ЯО, и если бы сокращения за минувшие десятилетия были значительно глубже – то остановило бы это Израиль, ЮАР, Индию, Пакистан, КНДР от разработки и принятия на вооружение ядерного оружия? Устранило бы это ядерные программы Ирака, Ливии, Сирии и предполагаемые военные планы Ирана и других возможных последователей примера КНДР?

Поскольку история не знает сослагательного наклонения, ответ на поставленный вопрос может быть лишь в виде гипотезы. Скептики и противники ядерного разоружения в Вашингтоне, Москве и ряде других столиц безапелляционно отрицают такую взаимосвязь. Более того, утверждают они, сокращение ядерных вооружений США, СССР/России, Великобритании, Франции и Китая до нескольких сотен или десятков ядерных боезарядов только усилило бы стимулы к распространению, поскольку сделало бы относительно менее сложным достижение «пороговыми странами» уровня ядерных вооружений «большой пятерки».

Дополнительным аргументом против ядерного разоружения является то, что для выполнения своих обязательств по второй части ст. VI ДНЯО (о подготовке и последующем заключении договора о всеобщем и полном разоружении под строгим и эффективным международным контролем), члены Договора сделали не очень много¹⁴⁶.

Напротив, сторонники сокращения и ограничения ядерных вооружений доказывают, что это имело бы ощутимый эффект для ядерного нераспространения. В частности, на всех Обзорных конференциях по ДНЯО большинство неядерных стран – членов Договора неизменно выдвигают этот аргумент и обвиняют ядерные державы в невыполнении обязательств по ст. VI ДНЯО.

---

¹⁴⁵ См.: Eliminating Nuclear Weapons...

¹⁴⁶ В порядке оговорки, можно привести ряд конвенций по другим видам ОМУ и Договор о сокращении обычных вооруженных сил и вооружений в Европе от 1990 г., а также региональные соглашения о безъядерных зонах и по ограничению обычных вооружений, равно как принятые меры доверия, соглашения о ликвидации противопехотных мин и пр. Но все эти меры имели ограниченный характер как по предмету соглашений, так и по географическому охвату и никак не увязывались в комплексную программу всеобщего и полного разоружения. Кроме того, дальнейшее наращивание потенциала обычных вооруженных сил и вооружений, обширная мировая торговля оружием, разработка принципиально новых систем оружия едва ли свидетельствуют о намерениях стран мира двигаться к этой цели, которая теперь исчезла даже из лексикона официальных международных документов.

Реальная жизнь, как обычно бывает, намного сложнее, чем линейные логические построения по принципу «да–нет» и, тем более, чем политические позиции государств на международных форумах.

Несомненно, что стимулы к обретению государствами ЯО гораздо многообразнее и противоречивее, нежели просто подражание примеру ядерных держав. Основные мотивы руководства тех или иных стран в пользу создания ЯО связаны с соображениями внешней безопасности, престижа на мировой арене, популярности внутри своих стран или получения внешнеполитических уступок от других держав за отказ от ядерных программ или их ограничение. Ни одному из этих мотивов ДНЯО не адресован прямо и эффективно, т.е. в смысле предоставления, взамен приобретения ЯО, более заманчивых плодов в названных сферах. Также и договоры великих держав по ядерному разоружению вовсе не обязательно прямо воздействуют на все названные стимулы.

Можно с достаточной степенью уверенности полагать, что в период существования ДНЯО, скажем, Израиль и ЮАР сделали свой ядерный выбор вне всякой связи с концепцией, заложенной в ст. VI. В случае с Индией эта взаимосвязь более ощутима, поскольку ее решение о создании ЯО, помимо статусных и внутривнутриполитических стимулов, было обусловлено страхом перед растущей безо всяких ограничений военно-экономической и ракетно-ядерной мощью КНР в то время, как надежда на помощь в обеспечении безопасности со стороны СССР/России была утрачена.

Решение Пакистана последовать этому примеру было преимущественно направлено на противостояние Индии и во вторую очередь прикрывалось идеологическими аргументами («исламская бомба»), т.е. мало ассоциировалось со ст. VI.

Поскольку речь идет об уроках «ядерных историй» Северной Кореи и Ирана, можно предположить, что для Пхеньяна главным стимулом к развитию военной ядерной программы был страх за выживание политического режима. Ему угрожал проигрыш в экономическом и социально-политическом соревновании с Югом, усугублявшийся экономическими санкциями Запада. Кроме того, КНДР всерьез опасалась военного удара США, причем с применением, прежде всего, обычных вооружений. Наконец, сказывалась растущая политическая изоляция и превращение в презираемое «государство-изгой» в глазах мирового сообщества. Утрата формальных и фактических гарантий безопасности со стороны СССР и КНР и сведения о военных ядерных экспериментах Южной Кореи, видимо, стали для КНДР окончательным аргументом в пользу обретения ЯО.

Программа создания ядерного оружия в этих условиях была для Пхеньяна последней гарантией безопасности от внешней угрозы, козырем в торге за экономические и политические уступки Запада, средством поднятия престижа режима в мире и внутри страны. Вероятно, также, что для Ким Чен Ира после смерти его отца бомба стала способом укрепления опоры на военную, партийную и научно-промышленную элиты. Очевидно, что ни на один из приведенных стимулов политики КНДР ядерное разоружение США и СССР/России не оказало бы никакого позитивного воздействия в плане нераспространения.

Что касается Ирана после падения шаха, то мотивом его ядерной программы (в ее звеньях возможного военного назначения), вероятнее всего, явился страх перед Ираком, который разрабатывал ядерное оружие и вел против Ирана войну с применением химического оружия и тактических ракет в 80-е годы XX в. После окончания войны на передний план вышла угроза возможного применения силы со стороны США (особенно с приходом республиканской администрации в 2000 г.) и Израиля (необъявленной ядерной державы), а также соображения регионального и мирового статуса и престижа. Последние были связаны с созданием ЯО в соседних Индии и Пакистане, а также со все более настойчивой заявкой Тегерана на роль лидера всего исламского мира после поражения талибов в Афганистане, Саддама Хусейна в Ираке и ввиду растущей неустойчивости режимов в Пакистане и Саудовской Аравии.

И в этом случае, на первый взгляд, ядерное разоружение США, РФ и других великих держав сообразно ст. VI ДНЯО едва ли повлияло бы на иранскую программу в ее вызывающих подозрение аспектах.

Диалектическая взаимосвязь. Но при более глубоком анализе нужно признать, что позитивная связь разоружения и нераспространения все же имела место и сохраняется, но не прямолинейная, а гораздо более сложная и тонкая.

Во-первых, речь идет об общей атмосфере восприятия международной безопасности, в которой те или иные государства определяют свое отношение к ядерному оружию, какими бы конкретными и индивидуальными факторами это отношение ни диктовалось в каждый данный момент.

Едва ли можно считать случайным совпадением, что в период 1987–1999 гг. интенсивные переговоры по ядерному разоружению и реальные сокращения ЯО (договоры по РСМД, СНВ-1, СНВ-2, рамочный Договор СНВ-3, Соглашения о разграничении систем ПРО, ДВЗЯИ, односторонние сокращения тактических ядерных вооружений США и СССР/РФ) происходили параллельно с укреплением ДНЯО. В Договор в 90-е годы вступили порядка 40 новых стран, в том числе две ядерные державы: Франция и КНР. Договор получил бессрочное продление в 1995 г., был разработан Дополнительный протокол МАГАТЭ в 1997 г. Четыре государства отказались от военных ядерных программ и от ядерного оружия или были лишены их применением силы извне (Бразилия, Аргентина, ЮАР, Ирак). Три государства, имевшие на своей территории ЯО в результате распада СССР, после двухлетних переговоров вступили в ДНЯО в качестве неядерных государств (Украина, Белоруссия, Казахстан).

Скорее всего, если бы великие державы последовательно вели политику на свертывание ядерных арсеналов и снижение роли ядерного оружия в обеспечении национальной и международной безопасности, на упрочение всемирного «табу» на любое применение ЯО прямо или в виде угрозы – то, соответственно, падало бы значение ядерного оружия в мире как символа статуса, могущества, престижа. Параллельно снижалась бы популярность ЯО во внутриполитической жизни многих стран (как, скажем, происходит с PR-привлекательностью биологического и химического оружия).

Точно так же очевидно, что прямо противоположная политика великих держав и неприсоединившейся к ДНЯО тройки создавала с конца 90-х годов максимально питательную среду для роста привлекательности ЯО в глазах правительств и общественного мнения растущего числа стран.

Во-вторых, поддержание весьма высоких уровней ядерных сил, их совершенствование и, в отдельных случаях, наращивание великими державами все еще в значительной степени базируется на стратегии взаимного ядерного сдерживания. Эта стратегия остается руководящим принципом военной политики. В то же время эта закрепленная в стратегических взаимоотношениях ситуация враждебного противостояния (при которой тысячи ядерных боеголовок имеют запланированные цели на территории друг друга, и ракеты поддерживаются в минутной готовности к запуску) ставит жесткие ограничения для более глубокого конструктивного взаимодействия великих держав. Трудности в переговорах по ядерному разоружению усугубляют взаимное недоверие и подозрительность политических элит великих держав, обостряет различия их взглядов на мировые проблемы.

Это уже более непосредственно относится к нераспространению, в частности, таким его аспектам, как санкции против третьих стран, выработка единой позиции на переговорах с ними («пятерка» с КНДР и «шестерка» с Ираном). Тем более это относится к возможности совместных военных операций в рамках ИБОР, а также против стран, нарушающих соглашения о гарантиях МАГАТЭ или намеревающихся необоснованно выйти из ДНЯО. Не меньше затрудняется создание общей системы предупреждения о ракетных запусках и совместной системы противоракетной обороны (о чем РФ и США, в

принципе, договорились в 1998 и 2002 гг. соответственно и что периодически подтверждается в их совместных документах).

Но есть ряд направлений более прямой взаимосвязи ядерного разоружения и нераспространения. В первую очередь, это относится к ДВЗЯИ, подписанному в 1996 г., но так и не вступившему в силу, и ДЗПРМ, переговоры по которому на КР в Женеве зашли в глубокий тупик. Реализация указанных важнейших мер ядерного разоружения и присоединение к ним всех участников ДНЯО и тройки «аутсайдеров» под воздействием великих держав – автоматически поставили бы дополнительные преграды на пути ядерного распространения. Если бы США не вышли из Договора по ПРО в 2002 г. и разблокировали ДВЗЯИ и ДЗПРМ, то на пути к обретению ядерного оружия Северной Кореей (а в перспективе – Ираном) пришлось бы преодолеть не один, а три «барьера» (ДНЯО, ДЗПРМ, ДВЗЯИ). Это было бы намного труднее и встретило бы гораздо более объединенное и жесткое противодействие великих держав, СБ ООН и мирового сообщества в целом.

Невыполнение обязательств по ст. VI стало яблоком раздора между великими державами и многими неядерными, вполне законопослушными государствами – членами ДНЯО. Последние рассматривают это как нарушение взаимопонимания при бессрочном продлении Договора в 1995 г. и при согласовании «13 пунктов» ядерного разоружения на Обзорной конференции ДНЯО 2000 г. Эта глубокая разобщенность проявилась в провале Обзорной конференции 2005 г. Сложившаяся ситуация лишает великие державы сильной политической позиции для продвижения целого комплекса мер укрепления режима нераспространения.

Речь идет об универсализации Дополнительного протокола 1997 г., более строгих процедурах и условиях выхода из ДНЯО по ст. X.1, ужесточении норм и условий экспортного контроля через ГЯП, свертывании национальных программ ЯТЦ и переходе к международным центрам топливного цикла, введении в международно-правовое поле ИБОР и пр. Все эти меры крайне трудно навязать неядерным участникам ДНЯО, которые и так несут на себе главное бремя ограничений и системы контроля по Договору, в ситуации, когда ядерные державы дают себе практически полную свободу рук в военной ядерной деятельности – как в плане ее договорно-правовых ограничений, так и в смысле ее контролируемости и транспарентности.

Еще один убедительный пример диалектики разоружения и нераспространения дали последние годы. Заключение нового Договора о СНВ в 2010 г. позволило успешно провести Вашингтонский саммит по безопасности ядерных материалов и Конференцию по рассмотрению ДНЯО в том же году. Вместе с тем неоднозначный характер нового Договора СНВ вполне соответствовал противоречивому характеру итогового документа Конференции по ДНЯО и растущим сложностям диалога ведущих держав с Ираном и КНДР в 2011 г.

Еще одним очевидным следствием ядерной политики великих держав, стимулирующим распространение, можно с полным основанием считать отсутствие до сих пор согласованных и принятых негативных гарантий безопасности неядерным странам ДНЯО со стороны официальных ядерных держав. Такие гарантии существуют только в виде весьма двусмысленных отдельных заявлений представителей государств – постоянных членов СБ ООН в 1995 г., которые вслед за Россией сделали США, а затем Великобритания, Франция и Китай.

В этих заявлениях продекларировано, что они не применяют свое ядерное оружие против любого государства – участника ДНЯО, кроме как в случае вооруженного нападения такого государства, связанного союзным соглашением с государством, обладающим ядерным оружием, на них, их территорию, вооруженные силы или союзников, а также в случае совместных действий против них такого государства, с государством, обладающим ядерным оружием, в осуществлении или поддержке вторжения или вооруженного нападения.

Совет Безопасности ООН, суммировав эти заявления, принял в 1995 г. соответствующую резолюцию 984, которая всего лишь продублировала аналогичную, менее развернутую резолюцию 255 1968 г., и вообще не содержит прямых гарантий безопасности для неядерных государств даже в таком виде, как они сформулированы в заявлениях постоянных членов СБ ООН. Появившиеся до Женевской конференции по разоружению 1995 г. предложения о заключении Конвенции, юридически закрепляющей полномасштабные гарантии безопасности неядерным государствам – членам ДНЯО, не получили своего развития.

Совершенно очевидно, что безоговорочные обязательства неприменения ЯО первыми против государств – членов ДНЯО предполагали бы существенное снижение политической, а возможно, и военно-стратегической роли ядерного оружия во внешней политике великих держав. Это явно идет вразрез с их нынешним курсом и военными программами.

В таких условиях у неядерных государств, не имеющих полновесных договоров безопасности с ядерными державами и расположенных в нестабильных регионах, возникают вполне объяснимые стимулы для создания ядерного потенциала в качестве опоры на собственные силы в обеспечении национальной безопасности. Это в полной мере относится к Израилю, ЮАР, Индии, Пакистану, КНДР, а в будущем может послужить стимулом для Ирана и других пороговых стран.

Иными словами, взаимосвязь ядерного разоружения и нераспространения, в частности, на примере истории вопросов КНДР и Ирана, можно сформулировать следующим образом.

Во-первых, выполнение обязательств по ядерному разоружению по ст. VI, само по себе не гарантирует от ядерного распространения, ввиду многообразия и сложности мотивов последнего.

Во-вторых, для этого требуются многочисленные дополнительные меры по укреплению и развитию ДНЯО, его норм и механизмов.

В-третьих, невыполнение обязательств ядерных держав по ст. VI практически гарантирует дальнейшее ядерное распространение и крайне затрудняет шаги по укреплению режима и системы нераспространения.

В-четвертых, в итоге остается лишь силовой путь решения проблем, причем зачастую вне международно-правового поля. Как показал опыт войны в Ираке 2003 г., такое «лекарство» может оказаться хуже, чем «болезнь», и приведет к прямо противоположным последствиям, в том числе в плане ядерного нераспространения.

Разоружение как цель и как процесс. Ядерное разоружение как цель и конечное состояние, действительно, весьма трудно представить себе в современном мире. И речь идет не только о военно-стратегических, технических и экономических аспектах этого вопроса. В большей степени, эта грандиозная проблема имеет политическую природу. В самом деле, ликвидация ядерного оружия и упразднение доктрин ядерного сдерживания не должны предоставить государствам свободу рук для разработки и применения обычных вооружений, других видов ОМУ и вооружений на новых физических принципах.

Значит, финальное ядерное разоружение предполагает почти всеобщее и полное разоружение. А это, в свою очередь, подразумевает фундаментальную реорганизацию международных отношений и способов разрешения споров и конфликтов по сравнению с системой, существовавшей на протяжении известной нам истории человечества.

Очевидно, что такая перестройка – дело многих десятилетий. Но помимо всего прочего, мощный стимул к ней создают процессы глобализации и растущей взаимозависимости мира, проблемы климата, энергетики, демографии и многие иные тенденции и угрозы XXI в. Ядерное разоружение – лишь один из аспектов этого сложнейшего исторического процесса и является не столько его целью, сколько предпосылкой.

Тем не менее, будучи весьма отдаленным в качестве конечного состояния, ядерное разоружение уже сейчас вполне возможно как процесс, ведущий к более безопасному миру и постепенно конструктивно меняющий основы существующего миропорядка. Более того, целый комплекс шагов в этой сфере жизненно необходим и неотложен для укрепления текущей безопасности ядерных и неядерных держав, упрочения режима и системы ядерного нераспространения в мире.

2. ПРОБЛЕМЫ УКРЕПЛЕНИЯ ДНЯО

Нарастающие тенденции дестабилизации режима нераспространения ядерного оружия свидетельствуют, что в серьезном укреплении нуждается сам ДНЯО. Неожиданно в серьезную проблему поддержания Договора и всех режимов нераспространения превратилась ст. X.1 этого документа.

После вступления Договора в силу в 1970 г. главной задачей укрепления режима нераспространения было всемерное расширение круга его государств-участников, повышение эффективности гарантий МАГАТЭ и системы экспортного контроля над поставками ядерных материалов и технологий. Но после того, как в 90-е годы минувшего века с массовым вступлением новых стран ДНЯО стал почти универсальным, именно проблема выхода из Договора выдвинулась на передний план. Все четыре страны, стоящие ныне вне Договора (Израиль, Индия, США, КНДР), являются ядерными государствами. Поэтому опасность дальнейшего распространения ЯО среди государств, может возникнуть только через тайную разработку ЯО в нарушение Договора или (и) через решение нынешних неядерных стран-членов выйти из него и открыто обрести ядерное оружие¹⁴⁷.

Правда, КНДР до открытого выхода из Договора, судя по всему, вела секретные работы в нарушение ДНЯО, а Иран подозревается в прошлой деятельности, противоречащей гарантиям МАГАТЭ¹⁴⁸. Но даже безо всякого нарушения ДНЯО другие государства теоретически имеют право открыто и законно выйти из Договора с уведомлением за три месяца в соответствии со ст. X.1, загодя приобретя в его рамках и при его помощи ядерные материалы, технологии и специалистов.

Эту опасность усугубляет развитие неядерными странами компонентов ядерного топливного цикла, в первую очередь мощностей по обогащению природного урана (тем более, если месторождения такового имеются в данной стране) и по переработке облученного ядерного топлива (ОЯТ) для извлечения из него плутония¹⁴⁹. Такие технологии позволяют существенно сократить интервал между выходом из ДНЯО и накоплением достаточного количества оружейных ядерных материалов для создания определенного числа ядерных боеприпасов.

О праве выхода из договоров. Право выхода из ДНЯО, как и из любого другого договора, в частности в сфере разоружения, является неотъемлемым атрибутом государственного суверенитета любой страны – участника данного соглашения. Вместе с тем выход из ДНЯО не может рассматриваться как рутинный, формальный и совершенно произвольный акт. Он обусловлен, согласно формулировке ст. X.1, наличием серьезных мотивов, обоснование которых не может быть юридической формальностью, но

¹⁴⁷ Также опасность может исходить от новых государств, если они решатся на обретение ядерного оружия, но рассмотрение этой категории выходит за рамки данной работы.

¹⁴⁸ См.: Ядерное распространение в Северо-Восточной Азии / Под ред. Арбатова А. и Михеева В. М.: Московский Центр Карнеги, 2005; Угрозы нераспространению ядерного оружия на Ближнем и Среднем Востоке / Под ред. Арбатова А. и Наумкина В. М.: Московский Центр Карнеги, 2005.

¹⁴⁹ См.: Ядерное оружие после «холодной войны» / Под ред. Арбатова А. и Дворкина В. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2006. С. 137–362.

логически предполагает определенные процедуры. В настоящее время большинство мирового экспертного сообщества, исходя из неоспоримой логики духа ДНЯО, сходятся на нескольких важных предпосылках¹⁵⁰.

Во-первых, недопустимо, чтобы благодаря Договору государство могло получить блага международного сотрудничества в «мирном атоме», а затем выйти из ДНЯО и воспользоваться этими благами в военных целях. Такая возможность обратила бы Договор против его собственных целей.

Во-вторых, неприемлем выход из Договора с целью сокрытия прошлых нарушений ДНЯО каким-либо государством в его бытность членом Договора.

В-третьих, мотивация выхода из Договора ни в коем случае не может считаться формальностью, она должна полностью соответствовать его букве и духу и быть критерием оценки истинных причин выхода государства из ДНЯО и его намерений, а также выбора адекватных ответных мер мирового сообщества.

В-четвертых, рассмотрение соответствия мотивов выхода положению ст. X.1 должно осуществляться остальными государствами – членами ДНЯО и Советом Безопасности ООН, а не какой-то одной или несколькими державами по собственному почину.

В-пятых, установление факта нарушения Договора относится исключительно к прерогативе МАГАТЭ, а не той или иной державы. Это относится и к дополнительной проверке возможных прежних нарушений ДНЯО, в случае заявления государства о предполагаемом выходе из Договора.

И, в-шестых, признание обоснованности мотивов выхода из ДНЯО и решение о принятии санкций или военной силы (в связи с необоснованностью выхода или при обнаружении со стороны МАГАТЭ прошлых тайных нарушений Договора) относится исключительно к компетенции Совета Безопасности ООН. Недаром государства – члены СБ ООН постановили в 1992 г., что распространение ОМУ представляет собой «угрозу международному миру и безопасности по смыслу Устава ООН»¹⁵¹, т. е. подпадает под действия его ст. 41 и 42. История кризисов вокруг ядерных программ Северной Кореи и Ирана демонстрируют нарушение практически всех из приведенных принципиальных соображений.

О мотивах выхода и сроках уведомления. Как известно, КНДР присоединилась к ДНЯО в 1985 г. по настоятельной рекомендации СССР с целью открыть путь для сотрудничества двух стран в мирном использовании ядерной энергии, согласно ст. IV ДНЯО. Однако соглашение о гарантиях с МАГАТЭ, которое полагается заключить в течение 18 месяцев, было подписано Пхеньяном только через пять лет, в 1992 г. Уже это явилось грубым нарушением ст. III.4 Договора и должно было стать предметом серьезного разбирательства со стороны МАГАТЭ или СБ ООН.

После заключения Северной Кореей соглашения с МАГАТЭ уже в ходе первых инспекций были выявлены серьезные расхождения между представленной Пхеньяном информацией и обнаруженными Агентством фактами. Инспектора МАГАТЭ получили полномочия на проведение «специальной инспекции» за пределами декларированных Северной Кореей объектов (на хранилищах радиоактивных отходов от реактора в Йонбене) для разрешения возникших противоречий, в чем им было отказано Пхеньяном. После этого, в 1993 г., КНДР заявила о решении выйти из Договора. В обоснование своего решения Пхеньян привел два довода: проведение военных учений «Тим Спирит»

---

¹⁵⁰ Некоторые из этих принципов рассмотрены в статье двух из самых авторитетных специалистов мира в данной области Дж Банна и Р. Тимербаева (см.: Банн Дж., Тимербаев Р., «Право выхода из ДНЯО – мнение двух участников переговоров по выработке Договора» // Ядерный Контроль. ПИР-Центр. 2005. № 3).

¹⁵¹ Там же. С. 41.

Соединенными Штатами и Южной Кореей и «отсутствие беспристрастности» инспекторов Агентства, запросивших право на специальную инспекцию¹⁵².

Представленные мотивы выхода никак не соответствовали положениям ст. X.1, поскольку ни военные учения (проводившиеся регулярно и раньше), ни «пристрастность» инспекторов МАГАТЭ не могли быть расценены как «исключительные обстоятельства», создавшие «угрозу высшим интересам», что только и может быть основанием для выхода из ДНЯО.

Следовательно, денонсация Договора нужна была КНДР для сокрытия прошлых его нарушений уже в бытность членом ДНЯО, что являлось недопустимым и должно было повлечь соответствующие действия СБ ООН. Однако этот высший международный институт бездействовал, несмотря на то, что начало 90-х годов XX в. было отмечено небывалым единством большинства его членов, наступившим после окончания холодной войны. Китай был готов наложить вето на предлагавшееся Соединенными Штатами решение о санкциях. Поэтому Совет Безопасности всего лишь принял обращение к КНДР с призывом разрешить специальную инспекцию, на что Пхеньян ответил отказом.

Вместо СБ ООН обсуждение возможных санкций, включая и военные меры, происходило в демократической администрации в Вашингтоне. Но эти меры не были приняты, поскольку в ходе визита в КНДР бывший президент США Дж. Картер договорился с главой КНДР Ким Ир Сенем об отмене решения о выходе из ДНЯО. В обмен на это был выдвинут пакет предложений США, Японии и Южной Кореи, который впоследствии вылился в «Рамочное соглашение» и проект КЕДО (Korean Peninsula Energy Development Organization) 1994 г. Пхеньян отозвал свое заявление о выходе за один день до истечения трехмесячного срока уведомления, обозначенного статьей X.1. Ядерные объекты КНДР были поставлены под контроль МАГАТЭ, деятельность на них была «заморожена».

В обстановке эйфории от достигнутого соглашения расследование предполагаемых нарушений ДНЯО в 1985–1992 гг. проведено не было. Необоснованность мотивировки выхода из Договора от 1993 г. не имела юридических или политических последствий.

Следующий выход КНДР из ДНЯО произошел уже при республиканской администрации Дж. Буша, которая приняла жесткий курс в отношении Северной Кореи, причислив ее к «оси зла» и осудив политику предшественников за заигрывание с «режимами-изгоями».

Как известно, поводом послужило обвинение Северной Кореи со стороны США в октябре 2002 г. за секретную программу обогащения урана, не поставленную под гарантии МАГАТЭ. По американской версии наличие такой программы было признано (а по корейской – не признано) корейскими властями после чего США прекратили поставки топлива для тепловых станций Северной Кореи, которые являлись составной частью пакета соглашений 1994 г. После безрезультатных переговоров в январе 2003 г. Пхеньян направил в СБ ООН заявление о выходе из ДНЯО в связи с «тяжелой ситуацией, в результате которой под самую серьезную угрозу поставлены высшие интересы нашего государства»¹⁵³. Причем, сославшись на заявление о выходе от 1993 г., отозванное за один день до окончания положенного по ст. X.1 трехмесячного срока уведомления, КНДР заявила, что ее выход вступает в силу через один день, то есть немедленно¹⁵⁴.

Это, безусловно, явилось вопиющим нарушением ДНЯО, поскольку мотивация выхода в 1993 г., неубедительная и тогда, никак не могла быть актуальна 10 лет спустя. Как обоснование выхода, так и срок уведомления противоречили букве ДНЯО, что могло бы стать основанием для решений СБ ООН о санкциях. Однако Россия и КНР не

¹⁵² См.: Cirincione J., Wolfsthal J.B., Rajkumar M. Deadly Arsenals: Tracking Weapons of Mass Destruction. Wash.: Carnegie Endowment for International Peace, 2002. P. 241–254.

¹⁵³ Банн Дж., Тимербаев Р. Указ.соч. С. 35.

¹⁵⁴ Там же.

поддержали их, настаивая на продолжении переговоров. Они действительно вскоре начались в шестистороннем формате, но не дали результата. 9 октября 2006 г. КНДР произвела ядерное испытание и стала девятым ядерным государством.

Силовое давление со стороны США после 2000 г. и нарушение ими соглашения 1993 г., видимо, увеличили стимул Пхеньяна к созданию ЯО и дали ему повод для выхода из ДНЯО. Более того, выход самих США в 2002 г. из Договора по ПРО и их отказ ратифицировать ДВЗЯИ фактически выдали КНДР политическую «индальгенцию» на выход из ДНЯО и последующее проведение ядерного испытания¹⁵⁵. Но помимо этого, исключительно негативную роль сыграли как отсутствие единства в Совете Безопасности ООН, так и пренебрежительное отношение государств – членов ДНЯО и СБ ООН к грубому попранию положений ст. X.1 о правилах выхода из Договора.

В отличие от корейской ядерной эпопеи, ядерная программа Ирана и окружающая ее политика находятся в более ранней стадии развития. Тегеран продолжает настаивать на сугубо мирном характере своей ядерной программы и декларирует приверженность ДНЯО, но симптомы будущих катаклизмов уже налицо. Например, Иран в 2005–2006 гг., следуя корейской парадигме, неоднократно предупреждал, что передача иранского «дела» из МАГАТЭ в СБ ООН повлечет прекращение соблюдения Ираном подписанного (но не ратифицированного) Дополнительного протокола 1997 г., что и произошло. Затем Тегеран угрожал, что на принятие санкций СБ ООН, он ответит прекращением сотрудничества с МАГАТЭ и даже выходом из ДНЯО.

Между тем, рассмотрение вопроса в СБ ООН и даже принятие санкций из-за нарушений ДНЯО или соглашений о гарантиях МАГАТЭ не могут быть признаны уважительным мотивом для выхода из Договора в свете формулировки его ст. X.1 («связанные с содержанием настоящего договора исключительные обстоятельства», которые «поставили под угрозу высшие интересы» страны). Иначе складывается порочный круг: за нарушение нельзя наказывать, ибо в ином случае будет иметь место еще более тяжкое нарушение. Тем не менее на взывающий курс Тегерана великие державы не отреагировали сколько-нибудь решительным образом.

Из-за разобщенности великих держав в СБ ООН соблюдение гарантий МАГАТЭ в рамках ДНЯО и само членство в Договоре превратилось в руках Ирана (как и ранее в руках КНДР) в инструмент шантажа и получения политических уступок от других стран. Вместо ограничивающего воздействия на политику стран в ядерной сфере, ДНЯО и его механизмы становятся каналом обратного давления стран-нарушителей или потенциальных нарушителей на МАГАТЭ и Совет Безопасности ООН, которые стремятся сохранить Договор.

Вопрос о мотивировке выхода из ДНЯО обсуждался на Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. Многие участники, включая Россию и страны Запада, выступали за более строгий подход к оценке соответствия заявленной мотивировки выхода духу и букве ст. X.1. Интересно, что Соединенные Штаты, наоборот, рьяно отстаивали «суверенное право» выхода на любом основании¹⁵⁶. Очевидно, тем самым они стремились отвести от себя критику за денонсацию Договора по ПРО в 2002 г.

Выход из ДНЯО как средство сокрытия нарушений. Шаг Пхеньяна в сторону выхода в 1993 г. приостановленного за день до истечения трехмесячного срока, скорее всего, был прямо связан с попыткой скрыть нарушения гарантий МАГАТЭ. Однако эти действия не получили должной оценки ни государств-членов, ни СБ ООН. Повторный и

---

¹⁵⁵ Следует оговориться, что в юридическом отношении выход США из Договора по ПРО не равнозначен выходу КНДР из ДНЯО, поскольку США не обвиняются в прошлых нарушениях Договора по ПРО, они выдержали шестимесячный срок уведомления и представили легитимную (хотя и спорную в стратегическом плане) мотивировку. Кроме того, ст. XV.2 Договора по ПРО не требует уведомления СБ ООН и не предполагает рассмотрения данного вопроса.

¹⁵⁶ Банн Дж., Тимербаев Р. Указ. соч. С. 42.

окончательный выход Северной Кореи из ДНЯО в 2003 г. едва ли можно столь же безусловно связать с сокрытием нарушений Договора, хотя имеются подозрения о тайной урановой программе.

Прекращение выполнения Тегераном Дополнительного протокола 1997 г. в 2005 г. из-за передачи «иранского досье» в СБ ООН и угроза выйти из ДНЯО в случае принятия санкций вызывает серьезные подозрения в попытках скрыть таким образом прошлые нарушения Договора. При этом невыполнение Дополнительного протокола представляется более опасным шагом, чем возобновление программы обогащения урана, несмотря на то, что протокол так и не был ратифицирован. Угрозы со стороны Ирана, по идее, должны были бы дать основание для ужесточения позиции МАГАТЭ и Совета Безопасности, но их внимание было сосредоточено на прекращении обогащения урана (в принципе, разрешенного по ДНЯО), а не на соблюдении Дополнительного протокола.

В 2004 г. в докладе Группы высокого уровня по угрозам, вызовам и переменам, назначенной Генеральным секретарем ООН в составе 12 авторитетных бывших государственных деятелей мира, предлагалось, чтобы СБ ООН привлекал выходящее из ДНЯО государство к ответственности за нарушения, совершенные в то время, когда оно еще было участником Договора. В 2005 г. по мнению Группы, уведомление страны о выходе из ДНЯО должно незамедлительно вести к проверке выполнения им Договора в прошлом, если необходимо, то с санкции СБ ООН. Годом позже, на Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. те же по сути предложения выдвигались Соединенными Штатами, Евросоюзом, Японией, Австралией и Новой Зеландией¹⁵⁷. Россия высказалась более туманно – за повышение ответственности государств за принятие решения о выходе в соответствии со ст. X и за согласование ряда политических мер и процедур, но против пересмотра положений Договора¹⁵⁸.

Использование «мирного атома» в военных целях. Для предотвращения таких действий предлагаются разные меры. Например, на Обзорной конференции по ДНЯО 2005 г. Европейский союз и ряд других стран предлагали согласовать правило, по которому даже в случае выхода из ДНЯО страна обязана и далее использовать все материалы и технологии, созданные в мирных целях в бытность данной страны членом Договора, исключительно в мирных целях и сохранить для них гарантии МАГАТЭ. Еще более жесткий подход предлагался применительно ко всем материалам и технологиям, полученным извне благодаря участию в Договоре: выходящее из ДНЯО государство обязано под угрозой санкций СБ ООН заморозить их для последующего демонтажа или возврата поставщикам под контролем МАГАТЭ¹⁵⁹. Однако эти предложения не были реализованы, как и другие, из-за провала Конференции 2005 г.

Практическая реализуемость названных мер связана с большими трудностями, даже в части сохранения материалов и технологий под гарантиями МАГАТЭ. Как показал опыт КНДР, инспекторы МАГАТЭ могут быть в любой момент изгнаны вместе с их оборудованием, если государство не боится санкций – даже военных. Это тем более так, если данная страна сумеет создать ядерное оружие, взрывное устройство или хотя бы убедительное впечатление о наличии такового. С этой точки зрения более эффективны меры демонтажа и возврата материалов и технологий, прежде всего, двойного назначения (обогащение урана, сепарация плутония). И эти меры, видимо, должны приниматься незамедлительно после выхода страны из ДНЯО, не дожидаясь пока она создаст ЯО. Расширение гарантий МАГАТЭ в неядерных странах – членах ДНЯО призвано обеспечить как можно более длительный интервал между гипотетическим выходом из

---

¹⁵⁷ См.: там же. С. 44.

¹⁵⁸ Там же

¹⁵⁹ Там же.

Договора и созданием ядерного оружия и надежно исключить тайную разработку ЯО до выхода из ДНЯО¹⁶⁰.

Но наиболее жесткая мера – ликвидация и возврат технологий и материалов – ставит самые большие проблемы юридического, финансового и технического характера: компенсация за приобретенные и оплаченные по контрактам материалы и технологии, изъятие топлива и демонтаж реакторов и других объектов¹⁶¹. Еще важнее, что при несогласии данной страны с такими мерами этот путь по существу реализуем только в режиме военной оккупации. Но военная оккупация (которой, скорее всего, предшествует вооруженная акция), по всей вероятности, предполагает смену политического режима. После этого было бы легко обеспечить возвращение страны в ДНЯО и ликвидацию ее военной ядерной программы, что само собой снимет вопрос о демонтаже и возврате материалов и технологий.

О возможном подходе к проблеме выхода из ДНЯО. Представляется, что решение этой проблемы в рамках международного права и здравого смысла, как и других вопросов сохранения и укрепления режима нераспространения, требует комплексного подхода и скоординированной политики великих держав, всех стран – приверженцев ДНЯО, Совета Безопасности ООН, МАГАТЭ и других институтов и организаций. Анализ исторического опыта корейского и иранского вопросов позволяет сформулировать следующие основные предложения.

Совершенствование гарантий МАГАТЭ и универсализация Дополнительного протокола 1997 г. должны надежно предотвратить тайное нарушение ДНЯО и снять вопрос выхода из Договора для сокрытия прошлых нарушений.

Заявление государства о предстоящем выходе из ДНЯО должно стать поводом для (1) интенсивных проверок со стороны МАГАТЭ на предмет возможных нарушений Договора или соглашения о гарантиях; (2) созыва внеочередной Конференции стран – участников ДНЯО для рассмотрения мотивировки выхода из Договора; (3) в случае признания несоответствия этой мотивировки ст. X.1 и (или) невозможности решить проблему без выхода из Договора – незамедлительной передачи вопроса на рассмотрение СБ ООН в рамках ст. 41 Устава ООН.

Противодействие проверкам МАГАТЭ и несоблюдение сроков уведомления о выходе должно сразу стать предметом решения СБ ООН о санкциях.

Все материалы и технологии, имевшиеся в данной стране на момент выхода из ДНЯО, независимо от их происхождения, должны использоваться только в мирных целях и оставаться под гарантиями МАГАТЭ.

Все технологии и материалы двойного назначения (обогащение урана, сепарация плутония), приобретенные извне или самостоятельно созданные в бытность государства членом Договора, подлежат немедленному замораживанию и последующему демонтажу или возврату поставщикам под контролем МАГАТЭ. Тем более это относится к материалам и технологиям, приобретенным в указанный период извне помимо рамок Договора, т.е. в нарушение ДНЯО и гарантий МАГАТЭ.

Отказ выполнить два последних условия должен повлечь решение СБ ООН о санкциях в контексте ст. 42 Устава ООН, вплоть до применения военной силы.

Понятно, что даже перечисленные радикальные меры не дают полной гарантии от выхода государств из Договора. Однако они могут служить достаточно мощным средством сдерживания от такого шага и уменьшения ущерба от него для международной безопасности. Также очевидно, что все эти условия должны быть узаконены решениями стран – членов ДНЯО и международно-правовыми актами ООН.

¹⁶⁰ Подробнее об этом см. часть V гл. 2 настоящей книги.

¹⁶¹ См.: Всеобщее соблюдение: стратегия ядерной безопасности. Фонд Карнеги за международный мир. Вашингтон, 2004 (<http://wmd.ceip.matrixgroup.net/UniversalCompliance.pdf> от 14.01.2005).

Например, ГЯП включила бы условие о возврате или демонтаже в случае выхода из ДНЯО в качестве обязательного положения любого будущего контракта на поставки соответствующих технологий в рамках ст. IV Договора.

3.3 ЗАПРЕЩЕНИЕ ЯДЕРНЫХ ИСПЫТАНИЙ

Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ) является серьезным препятствием на пути распространения ЯО, а также эффективным тормозом гонки ядерных вооружений. Хотя Договор еще и не вступил в силу, уже сегодня механизмы реализации Договора находятся в высокой степени готовности.

ДВЗЯИ и проблемы ядерных держав. Особой проблемой для ядерных держав является задача поддержания надежности и безопасности своего ядерного оружия в условиях ДВЗЯИ. Характерным примером здесь могут быть изложенные ниже подходы, реализованные США и Российской Федерацией.

Параллельно с работой над Договором в США была разработана так называемая «программа поддержания боезапаса на основе научных исследований». Подобная программа в соответствии с решением Президента РФ была принята и Россией. 19 апреля 1996 г. в Москве было опубликовано Заявление пресс-секретаря Президента Российской Федерации в отношении ДВЗЯИ, в котором излагались условия присоединения России к этому Договору. В нем, в частности, было заявлено, что Россия, также как и другие ядерные державы, несет особую ответственность за обеспечение безопасности своего ядерного арсенала вплоть до всеобщей и полной ликвидации ядерного оружия, которая остается ее конечной целью. В то же время заявлялось, что в условиях действия ДВЗЯИ Россия намерена проводить работы по поддержанию своего ядерного боезапаса, которые не будут противоречить накладываемому будущим Договором запрету.

Проблемы вступления ДВЗЯИ в силу. В числе первых Договор был подписан пятеркой ядерных держав. И хотя Индия на заключительной стадии переговоров на КР выступила против его передачи на рассмотрение Генеральной Ассамблеи ООН, Австралия несмотря на отсутствие консенсуса на КР распространила текст Договора в Нью-Йорке, создав условия для открытия его для подписания. Уже к январю 1997 г. ДВЗЯИ подписало более 140 государств.

Однако в последующем события развивались отнюдь не по оптимистичному сценарию. Прежде всего, ни Индия, ни Пакистан отнюдь не торопились подписывать ДВЗЯИ. Более того, в мае 1998 г. Индия, и сразу же вслед за этим Пакистан провели по серии ядерных испытаний, расширив тем самым «ядерный клуб». Не подписала Договор и КНДР, которая «засветилась» в отношении своих ядерно-оружейных амбиций еще в 1993 г., выступив с заявлением о выходе из ДНЯО. Далее, в 1999 г. потерпела неудачу в сенате США плохо подготовленная попытка администрации Клинтона ратифицировать Договор.

Все это, как и ряд других негативных факторов, естественно, не могло не сказаться отрицательным образом на работе Подготовительной комиссии Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ПК ОДВЗЯИ) по созданию режима контроля, которая растянулась на гораздо больший срок, чем первоначально предполагавшиеся три года. В числе таких негативных факторов следует упомянуть и дальнейшее ухудшение ситуации в отношении КНДР, которая в 2003 г. окончательно вышла из ДНЯО, а в 2006 г. провела свой первый испытательный ядерный взрыв. На этом фоне, несмотря на регулярное проведение Конференций по содействию вступлению ДВЗЯИ в силу, затормозилась, а затем и практически приостановилась ратификация ДВЗЯИ государствами, перечисленными в Приложении 2 к Договору.

ДВЗЯИ и современность. К настоящему времени Договор подписали 182 государства (ратифицировали – 156), в том числе 36 государств из 44, необходимых для

вступления договора в силу — не подписали только «молодые» ядерные державы Индия, Пакистан, КНДР. Помимо этого договор не ратифицировали такие ядерные державы как США и КНР, а также Израиль — «ядерный статус» которого официально не признан. Не ратифицирован Договор и Ираном, подозреваемым в разработке ядерного оружия, и Египтом. Россия, ратифицировала Договор в 2000 г. и не раз заявляла о своей заинтересованности в его скорейшем вступлении в силу.

Важным обстоятельством является ратификация ДВЗЯИ со стороны США. Неудачная попытка ратификации Договора в Сенате, безусловно, повлекла за собой затяжку с принятием решения по этому вопросу в других ключевых для судьбы ДВЗЯИ странах, таких как Китай, Индия, Пакистан, КНДР, Израиль, Иран и Египет.

Что касается Китая, то, завершив всю подготовительную работу по ратификации ДВЗЯИ, в настоящее время он затормозил этот процесс. Его дальнейшее продвижение зависит от целого комплекса факторов. Они включают как ратификацию Договора США, так общую ситуацию в сфере нераспространения и ядерного разоружения, которая, по мнению китайцев, значительно ухудшилась в результате шагов США по созданию глобальной и региональной ПРО и ПРО. Однако можно ожидать, что после ратификации в США этого Договора Китай его ратифицирует.

Серьезной проблемой для ДВЗЯИ является вовлечение в него Индии и Пакистана. Проведя серии ядерных испытаний в мае 1998 года, они объявили мораторий на дальнейшие взрывы и заявили на 53-й сессии Генассамблеи ООН о намерении двигаться в направлении присоединения к ДВЗЯИ¹⁶². Существенным фактором, который будет влиять на решение Дели и Исламабада по этому вопросу, может быть ратификация Договора в США. Однако этот фактор не является единственным. В целом, подписание ДВЗЯИ рассматривается в Индии и Пакистане в увязке с комплексом вопросов ядерного выбора, сделанного этими странами, и, безусловно, относится к сфере высших национальных интересов. Руководство и Индии, и Пакистана вряд ли пойдет на подписание ДВЗЯИ без достаточной уверенности, что этот шаг отражает национальный консенсус.

Позиция Египта, Израиля и Ирана в отношении ратификации Договора взаимосвязана, во многом подвержена влиянию общей ситуации на Ближнем Востоке и до настоящего времени здесь сохраняется большая степень неопределенности.

Египет, безусловно, будет принимать решение о ратификации ДВЗЯИ с учетом позиции большинства арабских стран, которые подчеркивают важность обеспечения универсального характера не только ДВЗЯИ, но и ДНЯО, и в этой связи говорят о недостаточности подписания Израилем только ДВЗЯИ, настаивая на необходимости его присоединения к ДНЯО.

Израиль четко обозначил условия своей ратификации Договора. Во-первых, улучшение общей ситуации на Ближнем Востоке, включая присоединение к ДВЗЯИ всех стран региона (Сирия пока его не подписала). Во-вторых, высокий уровень готовности и эффективности создаваемого в рамках Договора международного механизма проверки за его соблюдением и в-третьих, обеспечение равноправного статуса участия Израиля в функционировании региональной группы в Подготовительной комиссии Организации ДВЗЯИ. Вероятно, что ни одно из этих условий не будет выполнено в ближайшие год-два,

---

¹⁶² Не исключено, что принимая решение о проведении своих испытаний, Индия, и, возможно, Пакистан, учитывали возможность последующего быстрого присоединения к Договору и минимизации нанесения ущерба его духу и букве. Ведь испытания были проведены до истечения упомянутого выше трехлетнего периода, в который ДВЗЯИ, согласно Статье XIV, в любом случае, не мог вступить в силу. Таким образом, в этот момент ни одно из государств не могло быть формально ограничено его обязательствами. В некотором смысле это напоминает ситуацию с последними испытаниями Франции, проведенными уже после начала переговоров по ДВЗЯИ на КР, но до их завершения.

а следовательно, и перспективы ратификации Израилем Договора остаются весьма отдаленными.

В Иране, помимо ситуации на Ближнем Востоке, значительное влияние на ратификацию оказывает внутривосточный фактор. Разрастающийся кризис вокруг иранской ядерной программы не способствует позитивному решению этого вопроса.

Анализ имеющейся информации об отношении к ДВЗЯИ в Индонезии позволяет полагать, что для завершения ратификационного процесса там Индонезии отсутствуют какие-либо принципиальные политические препятствия.

Таким образом, в случае успеха нынешней администрации США в отношении ратификации ДВЗЯИ можно рассчитывать на значительные подвижки в ратификации Договора и другими «отстающими» государствами из списка «44».

Решение проблем верификации в рамках ДВЗЯИ. Значение ДВЗЯИ трудно оценить без предусмотренного Договором международного режима контроля за его соблюдением, то есть верификационного механизма ДВЗЯИ. Впервые в истории многосторонних соглашений в области контроля над вооружениями создается глобальная система контроля, эксплуатация которой доверена международной организации по Договору.

Составными частями верификационного механизма ДВЗЯИ, являются международная система мониторинга (МСМ), объединяющая 321 станцию сейсмического, радионуклидного, инфразвукового и гидроакустического контроля, а также 16 сертифицированных лабораторий для проведения, в случае необходимости, углубленного анализа радионуклидных проб, полученных на радионуклидных станциях, международного центра данных (МЦД), который должен собирать, обрабатывать, архивировать и предоставлять государствам-участникам Договора данные, получаемые с объектов МСМ, политико-дипломатический механизм консультаций и разъяснений в отношении возможных подозрений в нарушении ДВЗЯИ, меры укрепления доверия, предусматривающие предоставление государствами-участниками на добровольной основе данных о проведении крупномасштабных взрывов с применением обычных взрывчатых веществ (в основном, речь идет о промышленных взрывах, в частности, в горнорудной промышленности), инспекции на месте сомнительного события без права отказа.

Договором предусмотрено, что его верификационный механизм должен быть готов к эксплуатации к моменту вступления ДВЗЯИ в силу.

Сейсмическая составляющая МСМ нацелена, прежде всего, на обнаружение и определение места подземных ядерных взрывов. Радионуклидную сеть МСМ составляют 80 станций, оборудованные атмосферными пробоотборниками и аппаратурой для анализа проб. Инфразвуковая составляющая МСМ включает 60 инфразвуковых станций, способных зарегистрировать низкочастотные колебания в атмосфере по всему земному шару.

Наиболее действенным и в то же время интрузивным элементом верификационного механизма являются инспекции на месте в районе, где произошло сомнительное событие, в отношении которого имеются основания предположить, что оно могло быть ядерным взрывом. Единственная цель инспекции на месте, согласно Договору, состоит в прояснении того, действительно ли, в нарушение основных обязательств ДВЗЯИ, был произведен испытательный взрыв ядерного оружия или любой другой ядерный взрыв, и насколько это возможно, в сборе любых фактов, которые могли бы помочь в идентификации любого возможного нарушителя. Запрос на инспекцию на месте может основываться не только на данных МСМ, но и на технической информации, полученной от национальных технических средств контроля.

Верификационный механизм ДВЗЯИ включает факультативный, но, тем не менее, важный элемент - меры укрепления доверия в отношении крупных взрывов с применением обычной взрывчатки. Во избежание неопределенности и возможных

необоснованных запросов на инспекции государствам-участникам предлагается на добровольной основе предоставлять заранее сведения (мощность, место, цель) по крупным, свыше 300 т тротилового эквивалента, химическим взрывам.

Сохраняющаяся неопределенность перспектив вступления в силу ДВЗЯИ делает с каждым годом все более актуальным вопрос определения статуса, функций, а значит и приемлемых для всех государств-членов объемов финансирования верификационного механизма в подготовительный период, до вступления договора в силу. После открытия ДВЗЯИ для подписания, стало очевидным, что вполне вероятно ситуация, когда этот механизм будет готов до того, как Договор вступит в силу. В самом тексте ДВЗЯИ об этом ничего не говорится, документ об учреждении ПК ОДВЗЯИ лишь упоминает, что комиссии поручается временная эксплуатация верификационного механизма.

В условиях этих неопределенностей и ведется работа Подготовительной комиссии и ее Временного технического секретариата (ВТС) по созданию технических составляющих (МСМ, МЦД, ИНМ) международного верификационного механизма ДВЗЯИ.

Работа по созданию МСМ продолжается и по сегодняшний день. Несколько проще с самого начала была работа по созданию МЦД.

Дело в том, что еще до завершения переговоров по ДВЗЯИ в рамках Третьего международного эксперимента был создан прототип МЦД на котором в значительной степени отработаны проектные решения, использованные для МЦД. Поэтому он был достаточно быстро полностью укомплектован компьютерным оборудованием, и оснащен программным обеспечением, что позволяет автоматически обрабатывать и интегрировать данные по всем четырем технологиям мониторинга. С 2000 г. начался выпуск продуктов МЦД (бюллетеней) и их распространение, наряду с необработанными данными, государствам-членам комиссии. Сегодня осуществляется его дальнейшее развитие с тем, чтобы далее улучшить его возможности по оперативной обработке информации от станций МСМ и своевременную выдачу продуктов обработки государствам.

Практически сразу же после начала работ по МСМ и МЦД выяснилась необходимость выделения в отдельную задачу вопроса о системе связи. Учитывая, что МСМ носит глобальный характер, возникла потребность создания надежной глобальной системы связи (ГСС), которая обеспечивала бы оперативную передачу данных с каждого объекта МСМ в МЦД, обратную связь МЦД со станциями для осуществления контроля их функционального состояния, а также передачу продуктов и данных МЦД государствам в их национальные центры данных. В период с 1998 по 2007 годы был создан и эксплуатировался первый вариант системы. В настоящее время работает ее новый вариант, использующий последние технологические достижения и обладающий расширенными возможностями.

Задачи, стоящие перед ПК ОДВЗЯИ в области ИНМ в период до вступления договора в силу, были первоначально, до ее создания, сформулированы в следующем виде:

- разработка оперативного руководства по ИНМ, а также другой документации, охватывающей все юридические, технические и административные процедуры подготовки и проведения инспекций;
- разработка перечня, согласование спецификаций, приобретение и испытание инспекционного оборудования;
- разработка программы подготовки инспекторов.

Однако уже в начале работы ПК ОДВЗЯИ стало ясно, что необходимо решать более широкий круг задач. Сюда, помимо перечисленных выше задач, вошли разработка методологии и развитие технологий ИНМ, которых насчитывается более десятка, практическая их отработка в разнообразных учениях и экспериментах, проведение обучения участников этих работ из состава национальных экспертов, номинированных государствами, создание инспекционной инфраструктуры, включая объекты для хранения

и обслуживания инспекционного оборудования и центр поддержки операций, который должен активироваться после получения запроса на проведение ИНМ и обеспечивать как всю подготовительную работу, так и поддержку деятельности инспекционной группы в ходе самой инспекции.

Оперативное руководство по ИНМ, пожалуй, является одним из основных документов, которые должны быть подготовлены к вступлению Договора в силу, поскольку ИНМ - наиболее сложный и интрузивный элемент верификационного механизма ДВЗЯИ. Насколько важное значение придается государствами-членами этому документу, может проиллюстрировать тот факт, что Израиль, к примеру, поставил в прямую зависимость свою ратификацию ДВЗЯИ от успешной разработки Оперативного руководства по ИНМ.

Большой вклад в развитие понимания процесса ИНМ, разработки конкретных процедур ИНМ, которые должны быть отражены в оперативном руководстве, вносят проводимые ВТС полевые эксперименты по ИНМ и имитационные учения.

В отношении инспекционного оборудования согласованы в предварительном порядке перечни и спецификации инструментария для пассивной сейсмометрии, гамма-радиационных измерений, визуальных наблюдений. Закуплены для испытаний образцы оборудования пассивной сейсмики. В принципе согласованы концептуальные вопросы по инфраструктуре хранения, обслуживания инспекционного оборудования и его транспортировки в район проведения инспекции.

Россия вносит существенный вклад в создание верификационного механизма ДВЗЯИ. Это не только и не столько касается ее взносов в бюджет ПК ОДВЗЯИ (регулярно и в полном объеме выплачиваемых). Российский сегмент МСМ состоит из 31 станции (6 сейсмостанций основной сети, 13 сейсмостанций вспомогательной сети, 8 радионуклидных станций и 4 инфразвуковых), центральной лаборатории радиационного контроля Минобороны, Национального центра данных (НЦД) в г. Дубна, а также российской независимой подсистемы ГСС (оборудование, каналы связи), которая должна воедино связать российские объекты МСМ и НЦД России, обеспечить передачу данных в МЦД и получение данных и продуктов МЦД. Сейчас близится к завершению создание и сертификация этих объектов. Активно участвует Россия и в работе по созданию инспекционной составляющей верификационного механизма, включая разработку оборудования, участие в работе над проектом Оперативного руководства, экспертную поддержку в проведении

Неопределенность со сроками вступления в силу ДВЗЯИ, а, следовательно, отсутствие конкретных сроков, к которым необходимо завершить создание его верификационного механизма, предопределило практически с первых дней работы ПК ОДВЗЯИ дискуссию между ее членами относительно темпов создания такого механизма, и, соответственно, уровня финансирования связанных с этим работ, которые составляют большую часть ежегодного бюджета Подготовительной комиссии.

Западные страны, прежде всего, государства Евросоюза с самого начала настаивали на ускоренных темпах строительства механизма проверки и выражали готовность поддерживать значительный ежегодный рост бюджета на эти цели. Ставя во главу угла принцип «бюджет, должен определяться программой», они заявляли, что функционирующий де-факто верификационный механизм будет весомым аргументом, доказывающим готовность ДВЗЯИ к применению, продемонстрирует эффективность самого режима проверки (естественно, без задействования ИНМ), и явится, таким образом, дополнительным стимулом для тех стран, которые пока воздерживаются от подписания или ратификации Договора.

Иную позицию заняло большинство развивающихся стран. Они выступали в пользу более взвешенного и прагматичного подхода с учетом реальных перспектив вступления ДВЗЯИ в силу и финансовых проблем развивающихся стран. Исходя из этого, они

добивались минимизации темпов роста бюджета, а, начиная с определенного момента времени, жестко потребовали, и, в конечном итоге добились его «замораживания».

Сегодня «нулевой рост» бюджета стал основным фактором, определяющим дальнейшее продвижение в создании верификационного механизма ДВЗЯИ. Только подвижки в ратификации ДВЗЯИ со стороны США и других государств из списка «44» могут повлечь пересмотр этого подхода. Что касается функционирования механизма проверки в период до вступления Договора в силу, то здесь согласованной позицией является его эксплуатация в режиме тестирования, без выполнения каких-либо верификационных функций.

Несмотря на упомянутые выше трудности, на данный момент достигнута достаточно высокая степень готовности Международной системы мониторинга, включая МЦД и глобальную коммуникационную систему, связывающую его со станциями мониторинга и с Национальными центрами данных. Уровень завершенности для различных подсистем находится в диапазоне от 91% (гидроакустика) до 70% (инфразвук). Для подсистемы сейсмического мониторинга готовность составляет не менее 80 % для основной сети и не менее 75 % для вспомогательной сети. Отдельно следует рассматривать развертывание возможностей для мониторинга радиоактивных благородных газов (изотопов ксенона) в составе подсистемы радионуклидного мониторинга.

В функционально-операционном плане соответствие работоспособности системы (еще пока не завершенной) согласованным критериям периодически проверяется как в ходе рутинной эксплуатации так и путем проведения ее частичного и комплексного тестирования. При положительной, в целом, оценке, имеются, однако, проблемы с обеспечением должного доступа к данным от станций.

Что касается реальных возможностей МСМ по обнаружению ядерных взрывов, то они были уверенно продемонстрированы как минимум, дважды. Первый раз это имело место, когда северокорейское ядерное испытание субкилотонного ($Mb \sim 4$) уровня, проведенное 9 октября 2006 г., было зафиксировано 22 станциями сейсмической подсистемы МСМ (в том числе 13 основными станциями), которая тогда была менее полной по сравнению с нынешним состоянием, а результаты первого, автоматического анализа данных, включая время, значение магнитуды, и координаты, были получены государствами от МЦД через 2 часа после регистрации события. Далее, через 2 недели после испытания, радионуклидной станцией МСМ, находящейся в Канаде была зафиксирована повышенная концентрация в атмосфере изотопа ксенон-133, согласующаяся, с учетом данных по моделированию атмосферного переноса с гипотетическим выходом этого изотопа в указанном испытании. Вторая демонстрация возможностей системы также связана с северокорейским испытанием, состоявшимся 25 мая 2009 г. Этот взрыв, с несколько большей сейсмической магнитудой ($Mb \sim 4.5$), был зафиксирован 61 сейсмостанцией (в том числе, 31 станцией основной сети). Данные первоначальной автоматической обработки были выданы через 1 час после регистрации события. При этом, однако, радионуклидными станциями МСМ не было обнаружено выхода в атмосферу изотопов ксенона и других продуктов деления от данного взрыва, что может быть объяснено их почти полным удержанием с очень малой долей выхода в атмосферу¹⁶³. Исходя из этого, логично было бы поставить вопрос о том, можно ли улучшить возможности радионуклидной составляющей системы контроля. Напомним, что ДВЗЯИ предусматривает возможность дальнейшего совершенствования системы контроля после его вступления в силу. В данном случае, в отношении радионуклидной подсистемы можно было бы рассмотреть дополнение, в перспективе, ее стационарной

---

¹⁶³ По оценкам ВТС ПК ОДВЗЯИ, отсутствие обнаружения ксенона-133 средствами МСМ во втором северокорейском испытании означает, что его выход в атмосферу составил менее 0.1% от полного его количества, возникшего при данном взрыве.

сети, авиационными средствами радионуклидного мониторинга. Напомним, что такое решение предлагалось Российской Федерацией еще в процессе переговоров по ДВЗЯИ на КР в Женеве в 1994-1996 годах. С другой стороны, отсутствие обнаружения радионуклидных продуктов второго северокорейского испытания подчеркивает важность инспекционной составляющей верификационного режима ДВЗЯИ. Ведь в подобном случае только от ИНМ можно рассчитывать получить более достоверное подтверждение ядерно-взрывной природы события.

На сегодня работа ПК ОДВЗЯИ по созданию эффективной инспекционной составляющей системы контроля ДВЗЯИ продвигается с большими трудностями. Эта задача является намного более сложной по нескольким причинам. Прежде всего, для режима инспекций на месте (ИНМ), уникального по своей научно-технической насыщенности и сложности (более десятка различных технологий, нацеленных на фокусирование поиска, локализацию места подозрительного события с максимально высокой точностью и определение его истинной природы), нет ни аналогов в системах контроля других Договоров, ни такого опыта практического применения для обнаружения ядерных взрывов, который в течение многих лет нарабатывался технологиями МСМ, в особенности, сейсмическим мониторингом. Поэтому «отставание» ИНМ от МСМ имелось с самого начала, еще на старте работы ПК ОДВЗЯИ. Имеется и другое, еще более принципиальное отличие ИНМ от МСМ, делающее задачу, решаемую ИНМ, намного более сложной. Для МСМ имеется большое сходство в регистрируемых сигналах ядерных взрывов. Например, сейсмические сигналы, от подземных ядерных взрывов, регистрируемые сейсмостанциями, имеют ряд типовых признаков, практически не зависящих от места проведения и других параметров взрыва. Это существенно облегчает задачу их дифференциации от источников невзрывной природы.

Что же касается ИНМ, то для нее имеется бесконечное многообразие возможных сценариев, определяемое топографическими, климатическими, геологическими и иными особенностями конкретного района инспекции, средой и характеристиками сомнительного события, природу которого необходимо прояснить, и взаимодействием с инспектируемым государством, придающим ИНМ «игровой» характер. Поэтому пока не определены критерии «готовности» в отношении ИНМ, которые не могут быть сходными с МСМ. Здесь, скорее всего, придется ограничиться лишь операционной готовностью, в смысле способности проведения всех операций, начиная с прибытия инспекционной группы и ее оборудования в пункт въезда инспектируемого государства и заканчивая выполнением постинспекционных действий, в строгом соответствии с требованиями ко времени их выполнения, предусмотренному Договором.

Тем не менее, и в развитии инспекционной составляющей достигнут значительный прогресс. Это, в частности, продемонстрировали первые крупномасштабные интегрированные учения по ИНМ, состоявшиеся в сентябре 2008 года. С учетом опыта этих учений разработан так называемый «План действий». Этот план включает дальнейшее развитие инспекционных технологий с акцентом на те из них, для которых пока отсутствует существенный опыт их применения для целей ИНМ¹⁶⁴, приобретение и тестирование недостающего оборудования, дальнейшее развитие инфраструктуры, продвижение в разработке проекта Оперативного руководства по ИНМ и иной документации, проведение нового цикла обучения потенциальных инспекторов. Достигнутое продвижение в создании режима ИНМ будет продемонстрировано проведением еще одних крупномасштабных интегрированных учений, намеченных, ориентировочно на 2013 г. Ожидается, что реализация этого плана обеспечит достижение «минимального» уровня операционных возможностей, требуемого для проведения ИНМ.

---

¹⁶⁴ Сюда относятся активная и резонансная сейсмика, многоспектральная съемка, включая инфракрасную часть спектра, и направленное бурение в предполагаемую эпицентральною зону.

Разумеется, развитие возможностей ИНМ не должно быть после этого заморожено, этот процесс следует продолжать и далее, до достижения такого уровня, который обеспечит высокую вероятность достижения цели ИНМ с учетом всего разнообразия возможных сценариев и условий ее проведения. Это можно, однако, осуществлять как до так и после вступления ДВЗЯИ в силу.

Что касается остальных элементов верификационного механизма - консультаций и разъяснений и мер укрепления доверия, то здесь перед ПК ОДВЗЯИ стоят весьма ограниченные задачи. Положения Договора достаточно подробно описывают применение этих элементов и практически не требуют разработки дополнительной документации. В отношении мер укрепления доверия комиссией были подготовлены стандартные формуляры для осуществления добровольных уведомлений о проведении крупных химических взрывов. Завершена работа по согласованию ПК ОДВЗЯИ типовых форм, запросов и ответов для проведения консультаций и разъяснений.

Таким образом, можно ожидать, что в отношении готовности верификационной системы минимально необходимый ее уровень будет достигнут за несколько лет, что позволит выполнить соответствующие требования Договора.

4. ЯДЕРНЫЕ БОЕЗАРЯДЫ И ОРУЖЕЙНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Процесс согласованного ограничения и сокращения ядерных вооружений был бы невозможен без разработки и практического применения мер транспарентности и верификации.

Необходимо отметить, что меры транспарентности и контроля в российско-американских соглашениях по сокращению ядерных вооружений в основном распространяются на средства доставки: межконтинентальные баллистические ракеты, баллистические ракеты подводных лодок и стратегические бомбардировщики. Однако в отношении ядерных боеприпасов (ЯБП) и их ликвидации, а также используемых в них ядерных материалов, эти соглашения мер транспарентности не предусматривают.

Контроль ядерных боеприпасов национальными техническими средствами невозможен, и с достаточной убедительностью может быть реализован только в результате проведения инспекций объектов по их производству (демонтажу), хранилищ, и средств доставки. Однако использованию инспекционного механизма в отношении ЯБП препятствует то обстоятельство, что их конструкция, производство и обслуживание относятся к наиболее охраняемым секретам в любом из ядерных государств. Учитывая недостаточный уровень доверия между сторонами, а также различие в законодательствах и трактовке содержания чувствительной информации, распространение мер контроля на арсеналы ЯБП и ядерных материалов неизбежно потребует проведения глубоких и комплексных исследований.

На пути к развитию мер транспарентности. Впервые ограниченные меры транспарентности в отношении ЯБП были разработаны и применены в Договоре о ракетах средней и малой дальности (РСМД), заключенного в декабре 1987 г. Согласно Договору головные части ракет, включая боеголовки, подлежали ликвидации в заявленных местах¹⁶⁵. Однако процедуры контроля ликвидации боеголовок предусматривали лишь только смятии корпуса боеголовки. К ядерной начинке боеголовки, ядерному зарядному устройству, они не применялись.

В Договоре СНВ-1 меры контроля применялись только в отношении боезарядов развернутых на стратегических средствах доставки. В соответствии с этим договором

---

¹⁶⁵ Харахан Дж.П. Инспекции на местах по Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. Вашингтон, Министерство обороны Соединенных Штатов Америки, 1993.

стороны обменивались информацией о количестве боезарядов, числящихся на развернутых МБР, БРПЛ и бомбардировщиках. Вместе с этим, инспектирующая сторона могла использовать оборудование радиационного контроля, чтобы убедиться в том, что предметы, размещенные на носителе и заявленные как неядерные, действительно являются неядерными.

В январе 1994 г., на встрече в верхах президенты России и США согласились создать совместную рабочую группу для рассмотрения «шагов по обеспечению транспарентности и необратимости процесса сокращения ядерного оружия»¹⁶⁶. В повестку работы этой группы входило обсуждение таких вопросов как достижение соглашения по сотрудничеству, возможность обмена данными о совокупных запасах ядерных боеголовок и ядерных материалов, подтверждение этих данных с помощью выборочных проверок, организация и проведение совместных инспекций.

Соглашение о сотрудничестве, должно было бы обеспечить обмен информацией о ядерных боезарядах между Россией и США, которая является секретной по действующим в странах законодательствам, и гарантировать защиту этой информации. По существу, это соглашение должно было создать основу для успешного продвижения всей инициативы «по обеспечению транспарентности и необратимости процесса сокращения ядерного оружия».

Однако, несмотря на то, что важность достижения прогресса по повышению транспарентности и необратимости процесса сокращения ядерных вооружений была подтверждена в последующих совместных заявлениях Президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов (сентябрь 1994 г., май 1995 г.)¹⁶⁷, дискуссии между сторонами осенью 1995 г. зашли в тупик.

Однако эта тема не была окончательно забыта и вновь возникла в договоренности, достигнутой в ходе Хельсинской встречи президентов России и США 21 марта 1997 г. Стороны согласились, что в число базовых элементов будущих договоренностей по СНВ-3 будут включены « меры, касающиеся транспарентности имеющихся в наличии стратегических ядерных боеголовок и уничтожения стратегических ядерных боеголовок, а также любые другие совместно согласованные технические и организационные меры с тем, чтобы способствовать необратимости глубоких сокращений ..... Президенты согласились также о том, что в контексте переговоров по СНВ-3 их эксперты рассмотрят в качестве отдельных вопросов возможные меры, касающиеся ..... тактических ядерных средств, включая соответствующие меры укрепления доверия и транспарентности»¹⁶⁸. Кроме того стороны согласились изучить вопросы, относящиеся к транспарентности ядерных материалов.

Транспарентность ядерных боеприпасов и походы к ее обеспечению. Важно отметить, что подходы сторон при обсуждении вопросов транспарентности ядерных боеприпасов и ядерных материалов в период 90-х годов существенно различались. Соединенные Штаты считали необходимым получение максимально возможной информации и установление всеохватывающей системы контроля над всем арсеналом ядерных боезарядов и оружейных делящихся материалов.

Россия поддерживала усилия по разработке мер транспарентности имеющихся в наличии запасов стратегических ядерных боеприпасов, уничтожения сокращаемых

---

¹⁶⁶ Совместное заявление Президента Российской Федерации и Президента Соединенных Штатов Америки о нераспространении оружия массового уничтожения и средств его доставки, Москва, 14 января 1994 г

¹⁶⁷ Совместное заявление Президентов Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки по вопросам стратегической стабильности и ядерной безопасности, Вашингтон, 28 сентября 1994 г.

Совместное заявление о транспарентности и необратимости процесса сокращений ядерного оружия, Москва, 10 мая 1995 г.

¹⁶⁸ Совместное заявление о параметрах будущих сокращений ядерных вооружений, Хельсинки. 21 марта 1997 г.

стратегических ядерных боеприпасов и за оружейными ядерными материалами, признаваемыми избыточными для нужд национальной безопасности. Однако ее интерес к прозрачности в отношении ядерных боеприпасов определялся главным образом желанием контролируемого уничтожения возвратного потенциала (неразвернутых боеголовок), который США получали по Договору СНВ-2. Поэтому подход России к этому вопросу исходил из того, что в сферу действия режима прозрачности должны включаться только те стратегические ядерные боеприпасы (развернутые и находящиеся в запасе), которые должны быть ликвидированы в соответствии с соглашениями о сокращении ядерных вооружений после их вступления в силу.

В отношении контроля российский подход исходил из того, что нужны меры, подтверждающие только сам факт демонтажа подлежащих сокращению ядерных боеприпасов и штатного режима обращения с избыточными оружейными материалами. Однако эти меры не должны затрагивать никакой конструкторской, технологической или другой информации, которая не имеет прямого отношения к контролю процесса сокращения ЯБП.

Таким образом, соглашаясь с целью режима прозрачности и необходимостью разработки мер по ее обеспечению, стороны подходили различным образом к определению ее сферы охвата.

Достижение соглашений по режиму прозрачности ЯБП очевидно невозможно без предварительной проработки возможных технических решений ее практической реализации.

Департамент энергетики США провел специальное исследование и подготовил отчет по оценке способности и готовности ядерно-оборонного комплекса к внедрению мер прозрачности и контроля в отношении демонтажа боеголовок ¹⁶⁹. Представляют интерес выводы, к которым пришли участники этого исследования.

По их мнению, даже без заключения соглашения по обмену закрытой информации, комбинацией рассмотренных способов контроля может быть обеспечен приемлемый уровень уверенности демонтажа боеприпасов. Вместе с этим, установление режима контроля над боезарядами, их демонтажем и делящимися материалами окажет значительное воздействие на работу всего ядерно-оружейного комплекса Департамента энергетики. Наиболее трудную задачу представляет определение того, что объект, прибывший на завод по демонтажу, действительно является ЯБП.

Сравнение ключевых операций контролируемого режима демонтажа ЯБП, рассмотренных как американскими, так и российскими специалистами, показывает, что они во многом совпадают. Также как их американские коллеги, российские специалисты приходят к выводу о необходимости иметь уверенность в том, что снятый с носителя или извлеченный из арсенала объект прошедший все этапы демонтажа является реальным ядерным боеприпасом, и именно его делящиеся материалы поступили на хранение. Необходимость этого дополнительно усиливается тем обстоятельством, что в арсеналах России и Соединенных Штатов имеются боеприпасы различных типов, различной конструкции и содержащие различное количество делящихся материалов.

Первое совместное обсуждение вопросов прозрачного демонтажа ЯБП между российскими и американскими специалистами-ядерщиками состоялось в конце 1995 г. в г. Снежинске. Результаты этих дискуссий послужили основанием для заключения контракта между ВНИИТФ и Сандийской национальной лабораторией о проведении совместного технического исследования по данной тематике ¹⁷⁰. Впоследствии, после того как к участию в этой работе подключились ВНИИЭФ в Арзамасе и институт автоматики и

¹⁶⁹ Transparency and Verification Options: An Initial Analysis of Approaches for Monitoring Warhead Dismantlement, prepared by: the Department of Energy Office on Arms Control and Nonproliferation, May 19, 1997.

¹⁷⁰ Bukharin O., Luongo K. U.S.-Russian Warhead Dismantlement Transparency: The Status, Problems, and Proposals. Princeton: Princeton University, April 1999.

импульсной техники в Москве, эта совместная работа российских и американских ядерных центров в Соединенных Штатах стала называться “Lab-to-Lab Program”¹⁷¹.

Главная задача программы Lab-to-Lab декларировалась американской стороной как инициирование и поддержание технического диалога с российскими специалистами и создание путем диалога инициативных групп поддержки транспарентности внутри российского ядерно-оборонного комплекса¹⁷². В число целей программы, состоящей из четырех этапов, входило:

- определение процесса демонтажа ядерных боеприпасов;
- идентификация и демонстрация технических средств, которые могли бы использоваться для подтверждения осуществления демонтажа;
- идентификация мер, обеспечивающих возможность контроля на всем пути от демонтажа боеприпаса до хранилища ядерных материалов;
- идентификация технических мер транспарентного хранения плутония и высокообогащенного урана в хранилищах.

В 1998 г. исследования по программе вышли на завершение предпоследнего третьего этапа. Во время проведения российско-американских семинаров в Снежинске и Сарове в апреле-мае 1998 г. российскими специалистами были продемонстрированы разработанные ими методы радиационного контроля изотопного состава и массы делящихся материалов, методы диагностики и ликвидации взрывчатых веществ боезарядов, а также контролируемое уничтожения корпусов боеголовок. Была в основном согласована схема мониторинга процесса демонтажа ЯБ, а также рассмотрены и предложены возможные технические и организационные меры, повышающие гарантии того, что объект прошедший все этапы демонтажа является реальным ядерным боеприпасом. Эти результаты давали надежду на завершение разработки и испытание прототипа системы транспарентности уже в 1999 г.

Однако до выхода на четвертый завершающий этап программа Lab-to-Lab не дошла. Причиной стало очередное повышение настороженности сторон по отношению друг к другу.

Перспективный сценарий практической реализации транспарентного демонтажа ядерных боеголовок. Как отмечалось выше, гарантирование подлинности снимаемых с вооружения и подлежащих контролируемому демонтажу ЯБП, является ключевой задачей распространения режима транспарентности на ЯБП. Однако ее решение возможно с использованием ряда технических способов идентификации ядерных боеприпасов. Для снимаемых с носителей боеголовок процедура идентификации может выглядеть следующим образом. Снимаемые с носителей боеголовки в присутствии инспекторов помещаются в специальные транспортные контейнеры. Контейнеры маркируются и на каждый устанавливаются средства индикации несанкционированного доступа.

Дополнительные гарантии подлинности ЯБП могла бы дать его радиационная паспортизация, осуществляемая путем регистрации пассивных спектров гамма излучения или характеристик нейтронного потока. Возможность использования этого метода продемонстрирована как российскими, так и американскими специалистами¹⁷³.

В этом методе полученные результаты измерений (радиационный паспорт) записывается в какой либо носитель памяти и хранятся контролирующей стороной. При

---

¹⁷¹ Warhead and Fissile Material Transparency Program: Strategic Plan. Washington: U.S. Department of Energy, Office of Nonproliferation and National Security, May 1999.

¹⁷² Ibidem.

¹⁷³ Olinger Ch.T., Stanbro W.D., Johnston R.G., Nakhleh Ch.W., Dreicer J.S. Technical Challenges for Dismantlement Verification, New Mexico, Los Alamos National Laboratory. Разинов С.Ф., Кондратов С.Е., Моренко А.А., Сысоев В.Н., Белов В.А., Хлыстов С.В. К вопросу о неразрушающих радиационных методах контроля атрибутов плутония, РФЯЦ ВНИИЭФ.

проведении проверки, либо на входе предприятия по демонтажу или в хранилище, проводятся те же измерения с использованием аналогичной аппаратуры и в аналогичных условиях, после чего новые результаты сравниваются с ранее полученными и делается вывод о сохранности и аутентичности объекта. Метод радиационной паспортизации может быть сопряжен с технологией информационных барьеров, для исключения интрузивности измерений¹⁷⁴.

Вероятно, подтверждение подлинности боезарядов особенно важно в ситуации, когда они не были сняты с носителя в присутствии инспекторов, а находились уже в хранилище. У проверяющей стороны могут возникнуть подозрение, что эти объекты являются макетами боеголовок, содержащими меньшее количество делящихся материалов. Методика радиационной паспортизации может быть использована и в этом случае. Для этого инспектирующей стороне должно быть позволено проведение радиационных измерений некоторого числа выбранных произвольным образом боезарядов этого же типа, снятых непосредственно с носителей и помещенных в контейнеры. Сравнение по согласованной методике радиационных паспортов боеприпасов, прибывающих на демонтаж из хранилищ, с радиационными паспортами боезарядов, снятых с носителей, позволяет проверяющей стороне убедиться в отсутствии обмана.

Использование радиационных паспортов и уникальная маркировка контейнеров с боеприпасами дают возможность представить процесс транспарентного демонтажа ЯБП в виде следующих трех этапов.

На первом этапе стороны на взаимной основе декларируют и осуществляют мониторинг своих избыточных ЯБП и места их размещения. Затем в присутствии инспекторов ЯБП, предназначенные для контролируемого демонтажа снимаются с носителей, либо изымаются из хранилищ и помещаются в контейнеры, которые затем маркируются уникальным образом. Контейнеры снабжены устройствами, исключающими их несанкционированное вскрытие. При необходимости по договоренности производится снятие радиационных паспортов. После чего, ЯБП транспортируются на объект временного хранения или непосредственно на предприятие по демонтажу. При временном хранении может осуществляться выборочный контроль опечатанных уникальным образом контейнеров.

Второй этап начинается с прибытия ЯБП на предприятие по демонтажу. На входе в предприятие контролирующая сторона проводит контроль маркировок и средств несанкционированного доступа, а также снятие и сравнение радиационных паспортов ЯБП. На предприятии возможно проведение инспекций помещений до и после проведения операций демонтажа ЯБП с целью подтверждения отсутствия в них скрытых деталей. При промежуточных перемещениях контейнеров с находящимися в них деталями из делящихся материалов в пределах предприятия возможно проведение их радиационных измерений и маркировка.

Во время третьего этапа извлеченные из ЯБП неядерные компоненты (ВВ, электроника и пр.), а также корпус утилизируются и предъявляются контролирующей стороне в виде, исключающем раскрытие чувствительной информации. Контейнеры с деталями из делящихся материалов на выходе из предприятия проходят контрольную проверку и маркируются контролирующей и принимающей сторонами. В число контролируемых параметров может входить подтверждение оружейного качества материалов, размещенных в контейнере и проверяемое неинтрузивным методом. После этого контейнеры поступают на хранение, или в случае принятия решения об их окончательном использовании, на предприятие по переработке, где на входе они подвергаются процедуре приемного контроля.

---

¹⁷⁴ MacArthur D.W., Whiteson R., Wolford J.K. Functional Description of an Information Barrier to Protect Classified Information, Los Alamos National Laboratory and Livermore National Laboratory.

Обеспечение контроля делящихся материалов, объявленных избыточными для нужд обороны. Необратимость процесса сокращения ядерного оружия подразумевает, что наряду с принимаемыми на себя политическими обязательствами, стороны принимают также обязательства по установлению на взаимной основе мер транспарентности к избыточным делящимся материалам, высвобождаемым в процессе сокращения и демонтажа ЯБП.

В феврале 1993 г. между Россией и США было заключено межправительственное Соглашение об использовании ВОУ, извлеченного из сокращаемых и демонтируемых в России ЯБП. В соответствии с Соглашением, срок исполнения которого был рассчитан на 20 лет, ВОУ, в количестве 500 тонн, подвергается разбавлению до уровня 4-5% по изотопу U-235 и доставляется в США для производства топлива для коммерческих реакторов (Соглашение по ВОУ/НОУ). Сторонами был также согласован и подписан Меморандум относительно внедрения мер транспарентности для того чтобы гарантировать:

- что подпадающий под действие Соглашения ВОУ извлекается из ядерного оружия и что именно этот ВОУ поступает на установку по окислению;
- что заявленное количество ВОУ подвергается смешиванию до состояния НОУ;
- что доставленный в США НОУ используется для изготовления топлива для коммерческих ядерных реакторов.

В соответствии с Меморандумом, каждая из сторон имеет право направлять наблюдателей на объекты другой стороны для наблюдения за отбором проб урана для технического анализа и за установкой пломб на контейнеры.

В марте 1994 г. министр энергетики США Х. О'Лири и министр РФ по атомной энергии В. Михайлов подписали протокол о мероприятиях по обеспечению транспарентности Соглашения ВОУ/НОУ в целях осуществления положений Меморандума¹⁷⁵. В нем были указаны объекты, подлежащие контролю.

В период с 1994 по 1996 годы российскими и американскими экспертами было разработано несколько приложений к протоколу, регламентирующих процедуры мониторинга на указанных объектах¹⁷⁶. В рамках мер транспарентности американские инспекторы измеряют с помощью переносной аппаратуры неразрушающего контроля степень обогащения ВОУ на всех этапах его перевода в НОУ: при прибытии оружейных деталей на завод СХК, перевод этих деталей в металлическую стружку, процесс перевода стружки в закись-окись и фторирование¹⁷⁷. Материалы при этом контроле находятся в опечатанных контейнерах. На обогатительных заводах УЭХК, СХК и ЭХК американские инспекторы наблюдают за отбором проб материала из трубопроводов смешивания (еженедельно) и их анализом в заводских лабораториях. Кроме этого, на каждом из трубопроводов смешивания установлена аппаратура неразрушающего контроля, позволяющая осуществлять непрерывный мониторинг обогащения по U-235 и объемов материалов в потоках.

Накопленный опыт реализации мер транспарентности в рамках осуществления Соглашения по ВОУ/НОУ не вызывает проблем во взаимоотношениях сторон, что свидетельствует об их надежности и убедительности.

Обеспечение транспарентности в отношении оружейного плутония, избыточного для ядерного оружия. В сентябре 1993 г. между Минатомом и МО США было достигнуто соглашение относительно помощи США по строительству хранилища делящихся

¹⁷⁵ Percival M., Ingle T.H., Bieniawski A.J. Proposal for Broader United States-Russian Transparency of Nuclear Arms Reduction. Washington, U.S. Department of Energy, 1995.

¹⁷⁶ Warhead and Fissile Material Transparency Program...

¹⁷⁷ U.S. Transparency Monitoring of HEU Oxide Conversion and Blending to LEU Hexafluoride at Three Russian Blending Plants, by D. Leich, D. Thomas, D. Decman, J. Glaser, K. Lewis, J. Benton, A. Demenko, Lawrence Livermore National Laboratory, preprint UCRL-JC-131457, July 27, 1998

материалов, высвобождаемых в результате сокращения ядерного оружия. Ключевым условием предоставления американцами помощи являлось согласие российской стороны обеспечить режим транспарентности этого хранилища для подтверждения того, что:

- помещаемые в хранилище делящиеся материалы извлечены из демонтированных ЯБП;
- хранение этих материалов осуществляется надежным и безопасным образом;
- извлекаемый из хранилища материал не используется в ядерном оружии¹⁷⁸.

В марте 1994 г. по договоренности, содержащейся в совместном Заявлении Х. О'Лири и В. Михайлова, создавалась рабочая группа по разработке перечня контрольных процедур и будущих взаимных инспекций плутония и ВОУ, извлеченных из демонтированных ЯБП подпадающих под имеющиеся и будущие соглашения по сокращению ядерного оружия.

В результате проведенных консультаций эксперты двух стран пришли к выводам, что достаточная достоверность инспекции может быть обеспечена, если методы ее проведения и оборудование позволят определить соотношение изотопов Pu240 /Pu239, форму и массу плутониевой детали¹⁷⁹.

Строительство хранилища делящихся материалов на комбинате «Маяк» было завершено в декабре 2003 г., а в июле 2006 г. начался процесс его загрузки¹⁸⁰. Однако до настоящего времени стороны не пришли к окончательному согласию в отношении перечня контрольных процедур, применяемых к плутонию, помещаемому в это хранилище. Американская сторона настаивает на том, что она должна иметь возможность подтверждения того, что направляемый в хранилище плутоний действительно имеет оружейное происхождение. Российская сторона с этим не согласна, поскольку это предполагает расширение контроля за пределы хранилища.

Более успешным примером применения мер транспарентности к оружейному плутонию является российско-американское межправительственное соглашение 1997 г. о сотрудничестве в отношении реакторов по производству плутония. Соглашение предусматривает прекращение работы трех промышленных реакторов - двух в Северске и одного в Железногорске.

Соглашение содержит ряд приложений относительно мер контроля, включая контроль вновь произведенного плутония этими реакторами с 1 января 1997 г. Указанный плутоний в форме двуокиси помещался в контейнеры и отправлялся в хранилище.

Российская сторона дала разрешение на проведение наблюдения в хранилищах с тем, чтобы обеспечить американской стороне уверенность в том, что:

- количество плутония в контейнерах соответствует заявленному;
- плутоний является вновь произведенным;
- контейнеры с плутонием не покидают хранилище.

Совместной комиссией по реализации и соблюдению Соглашения были определены также контрольные процедуры.

Для подтверждения того, что плутоний получен из топлива с низкой степенью выгорания, то есть в результате переработки топлива промышленных реакторов, измерялось отношение концентраций Pu-240 к Pu-239. По Соглашению оно не должно превышать порогового значения 10%. Для этой контрольной процедуры использовался метод гамма-спектроскопии с высоким разрешением и специальное программное

---

¹⁷⁸ Warhead and Fissile Material Transparency Program...

¹⁷⁹ Safeguards for Nuclear Material Transparency Monitoring, by James K. Wolford, Jr. Lawrence Livermore National Laboratory and Duncan W. MacArthur, Los Alamos National Laboratory, 1999.

¹⁸⁰ Securing the Bomb, by Matthew Bunn and Anthony Wier, Belfer Center for Science and International Affairs, John F. Kennedy School of Government, Harvard University, May 2004

обеспечение с использованием информационных барьеров. Результат измерения отображается индикатором «да-нет»¹⁸¹.

Контроль возраста произведенного плутония, т.е. подтверждение заявленного российской стороной возраста материала на основании месяца и года его выделения, определяется из соотношения концентраций Am-241 к Pu-241. Измерение этого параметра также осуществлялось методом гамма-спектроскопии с высоким разрешением и с использованием информационного барьера.

Для контроля массы плутония в запечатанном контейнере используется комбинация двух измерительных процедур. С помощью интегральных нейтронных детекторов измеряется интенсивность нейтронного излучения, которая пропорциональна произведению массы плутония на содержание изотопа Pu-240. А методом гамма спектроскопии определяется эффективная изотопная концентрация Pu-240 из измерения соотношения изотопов Pu-240 и Pu-239. Данная методика позволяет получить подтверждение того, что количество плутония в контейнерах соответствует объявленному значению и доказала свою эффективность.

Идея безъядерного мира и обеспечение транспарентности. Интерес к идее безъядерного мира активизировал дискуссии о конкретных мерах для его достижения.

Очевидно, процесс перехода к безъядерному миру не может быть одномоментным. Он потребует значительных усилий и времени по сокращению ядерных вооружений, что в свою очередь возможно только при условии поддержания глобальной безопасности и стабильности и уменьшения роли ЯО в обеспечении национальной безопасности. Можно с уверенностью утверждать, что особую значимость в этом процессе будут играть опасения того, что страны могут нарушить свои международные обязательства и скрыть часть своих ядерных арсеналов от полного уничтожения. Эти опасения могут быть минимизированы только в результате применения эффективных мер контроля и транспарентности сокращений ядерного оружия и оружейных делящихся материалов. В этом контексте особое значение приобретает уже накопленный опыт по контролируемому сокращению ядерных вооружений России и Соединенных Штатов.

Представленный выше анализ показывает, что даже для России и США, обладающих значительными арсеналами, контролируемое уничтожение ядерных боеприпасов представляет чрезвычайно трудную задачу. Еще большие трудности следует ожидать с выходом этих стран на более глубокие сокращения, и вовлечение в этот процесс остальных ядерных стран. Обусловлено это, главным образом, необходимостью защиты конструкторской информации, декларирования государствами имеющихся у них запасов ядерного оружия и оружейных делящихся материалов и их проверки. Подобные декларации ценны сами по себе как источники некоторой базовой информации, и при реализации глубоких сокращений необходимость их верификация представляется очевидной.

Подготовка подобных деклараций потребует от ядерных государств проведения полномасштабной сверки всех данных по своим ядерным арсеналам. Для того чтобы избежать обманов, декларации должны содержать максимум возможной информации. В идеале, они должны включать хронологию производства и использования ядерных материалов, их количество, степень обогащения и места хранения, количество всех имеющихся боезарядов и ядерных компонент с разбивкой по типам, включая используемый в них делящийся материал и его количество, а также места нахождения боезарядов. Однако часть информации в подобной декларации, например, места хранения боезарядов, является чрезвычайно чувствительной. По этой причине, трудно ожидать, что ядерные государства будут готовы распространить режим транспарентности сразу на весь свой ядерный арсенал.

---

¹⁸¹ Safeguards for Nuclear Material Transparency Monitoring...

Как уже отмечалось, процесс уничтожения ядерного оружия может быть осуществлен только поэтапно. С учетом этого представляется, что более оптимальным был бы подход, при котором на начальных этапах государства декларировали бы общее количество имеющихся у них оружейных ядерных материалов. А режим транспарентности распространялся бы только на ядерные боеприпасы, подпадающие под действие этапных соглашений о сокращении ядерных вооружений, включая неразвернутые и ожидающие демонтажа ядерные боеприпасы, а также на оружейные делящиеся материалы, которые, по решению правительств стран, признаются избыточными для нужд обороны.

К обязательным элементам режима транспарентности, дающим возможность получения уверенности в том, что все стороны следуют своим обязательствам по реализации соглашений, относятся инспекции, включая инспекции с коротким временем уведомления.

Обеспечение надежного контроля за сокращением ядерного оружия, вплоть до его полного уничтожения, является необходимым условием успешного осуществления этого процесса. Особенно остро проблема контроля встанет на стадии глубоких сокращений, когда даже небольшое количество ядерных боеприпасов, выведенных из-под контроля, способно нарушить стабильность процесса. Решение этой проблемы требует разработки организационных процедур и технических методов, которые могли бы гарантировать транспарентность процесса сокращения ядерных вооружений.

VI. ПЕРСПЕКТИВЫ ТРАНСФОРМАЦИИ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ

1. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ ЧЕРЕЗ СОТРУДНИЧЕСТВО В РАЗВИТИИ ПРО

О трансформации ядерного сдерживания. Ядерное сдерживание, как один из решающих факторов обеспечения безопасности останется, по всей видимости, в концептуальных и доктринальных установках всех ядерных государств. Это относится не только к демократическим государствам. Мир сложился таким образом, что ЯО де-факто появилось уже у ряда авторитарных и тоталитарных государств и может появиться у других. Для таких государств оно тоже будет, главным образом, средством сдерживания, хотя возможны и другие сценарии.

Поэтому когда идет речь о трансформации взаимного ядерного сдерживания, то под этим, прежде всего, подразумевается необходимость покончить с ним как с основой стратегических отношений России и США (НАТО) – одним из наиболее тяжелых последствий холодной войны, которое как огромный каток продолжает свое движение по инерции, накопленной за десятки лет острейшего противостояния двух сверхдержав и социальных систем. Помимо негативной роли ядерного сдерживания в качестве рудимента холодной войны, на современном этапе оно препятствует консолидации усилий России и Запада по противодействию новым общим вызовам и угрозам безопасности XXI века.

О необходимости трансформации сдерживания за последние двадцать лет написаны сотни книг и статей, в которых предлагаются различные направления выхода из этой порочной системы отношений. Несомненно, для этого, главным образом, необходима реализация конкретных долгосрочных совместных проектов в сфере общей безопасности. Из них один из ключевых – сотрудничество в развитии ПРО для защиты от ракетных ударов третьих стран, безответственных режимов.

ПРО и проблемы сотрудничества. Возможности и перспективы сотрудничества в области ПРО анализируются в выполненных в последнее время исследованиях, в частности, в рамках проекта ИМЭМО–NTI, ИМЭМО – Брукингский институт, а также в контексте работы Евро-атлантической инициативы по безопасности (Россия, США, европейские страны НАТО–EASI). В целом у авторов этих проектов сложилось достаточно устойчивое представление о возможной архитектуре совместной европейской ПРО и необходимых первоочередных шагах.

В значительной степени этому способствовало решение администрации президента Б. Обамы по новому Поэтапному адаптивному плану (ПАП) программы ПРО в Европе. Известно, что на четвертом этапе, как предполагается, она может приобрести стратегические возможности и будет способна к перехвату межконтинентальных баллистических ракет (МБР) и баллистических ракет подводных лодок (БРПЛ). Но даже если такая ПРО будет развернута НАТО в одностороннем порядке, без участия и согласования с Россией, то по оценкам многих авторитетных специалистов, она не окажет практически никакого влияния на потенциал ядерного сдерживания России.

Расчеты показывают, что даже для поражения одной иранской ракеты средней дальности с примитивными средствами преодоления ПРО требуется, по крайней мере, пять противоракет типа СМ-3. А для перехвата только одного боезаряда российских МБР с высокоэффективными средствами преодоления ПРО, по оценкам, потребуется более 10 стратегических противоракет. Поэтому даже планировать подобную оборону не имеет смысла. Тем не менее одностороннее развертывание ПРО НАТО, безусловно, вызовет

политическую напряженность и станет благодатным объектом раздувания кампании о военной угрозе реакционерами с обеих сторон.

Американская ПРО могла бы представить угрозу для российского потенциала ядерного сдерживания только в том случае, если бы США реализовали в полном объеме технические проекты СОИ первой половины 80-х годов – с космическими, воздушными, морскими и наземными рубежами ПРО. Но о такой перспективе в обозримом будущем говорить не приходится, даже при условии прихода к руководству США республиканской партии в 2012 или 2016 гг.

Однако для предотвращения политических противоракетных кризисов и для трансформации взаимного ядерного сдерживания необходимо сотрудничество великих держав в этой сфере. На первых этапах оно может осуществляться главным образом в направлении интеграции информационных систем предупреждения о ракетном нападении России и США. Дело в том, что российские противоракеты, предназначенные для борьбы с баллистическими ракетами в диапазоне дальностей 1000–4500 км, пока что существенно уступают американским противоракетам типа ТХААД и СМ-3.

Вместе с тем интеграция информационных систем исключительно важна для эффективного применения любых систем противоракетной обороны. Российские космические эшелоны системы предупреждения о ракетном нападении (СПРН) слабее американских. Но вероятность обнаружения запусков ракет космическими эшелонами зависит от состояния облачного покрова в районах старта, поэтому не является стопроцентной, тем более что и американские космические эшелоны не равнопрочны в глобальном измерении. А вот радары СПРН России, прежде всего в Мингечауре и под Армавиром, обладают уникальными возможностями по обнаружению пусков ракет со стороны Ирана. При испытательных запусках иранских ракет с северного полигона по трассе в юго-восточном направлении радар в Мингечауре обнаруживает их примерно на 100–110-й секундах полета, а при боевых пусках в северо-западном направлении еще раньше, что недоступно никаким радарам американской системы предупреждения.

В принципе могут быть и другие аспекты сотрудничества. Весной и летом 2011 г. на обсуждениях вопросов сотрудничества по ПРО с американскими представителями в ИМЭМО РАН и на заседании Люксембургского форума в Стокгольме ими был предложен проект строительства в Сибири по американской технологии нового радара СПРН с ориентацией по всем азимутам и совместной его эксплуатации или предоставления этого права российской стороне при условии передачи данных США.

Можно обсуждать использование в общей информационной системе не только российских радаров СПРН, но и таких вполне современных и высокоэффективных РЛС Московской системы ПРО А-135, как «Дунай-3У», «Дунай-3М» и «Дон-2Н», которые обеспечивают обнаружение целей на расстоянии нескольких тысяч километров их сопровождение и наведение противоракет.

Это направление сотрудничества целесообразно начинать с безотлагательной реанимации проекта Центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей, решение о создании которого было принято 12 лет назад бывшими президентами России и США и которое было вновь упомянуто президентами Б. Обамой и Д. Медведевым на встрече в Москве в июле 2009 г. Этот Центр практически уже был создан в Москве и мог бы интегрировать информацию от систем предупреждения России и США. В дальнейшем такой Центр можно превратить в Центр глобального мониторинга пусков ракет и предупреждения о ракетном нападении, работающий в реальном масштабе времени. Но с учетом консервативности российских и американских ведомств на начальном этапе можно было бы хотя бы реанимировать прежний проект с созданием аналогичного Центра в Брюсселе.

Параллельно с этим следует возобновить прерванную серию совместных компьютерных учений с США и НАТО по ПРО ТВД с последующим расширением этих

учений за пределы театра военных действий. В формате Россия–США с 1996 по 2006 г. проведены пять компьютерных тренировок по ПРО ТВД поочередно в каждой стране. В 2003–2008 гг. проведены четыре тренировки в формате Россия–США–НАТО (в Колорадо, Голландии, Москве, Мюнхене). В дальнейшем планировалось проработать возможность проведения практических учений на российской полигонной базе с реальным применением зенитно-ракетных комплексов С-300 и «Пэтриот». Однако данное направление сотрудничества после вооруженного конфликта России с Грузией было «заморожено». В будущем такое сотрудничество нужно расширять за пределы ТВД. Перед началом реализации этих двух направлений необходимы совместные предпроектные исследования специалистов России, США и других стран НАТО.

В области систем и средств, обеспечивающих перехват ракет, вполне могут быть использованы передовой российский опыт разработки уникального программного обеспечения для обнаружения атакующих ракет, селекции боеголовок на фоне ложных целей и помех и другие разработки. Россия также располагает развитой полигонно-испытательной инфраструктурой, содержащей сеть пунктов радиолокационных, оптико-электронных и телеметрических станций, которой нет в Европе.

Таким образом, есть определенный положительный опыт сотрудничества, для него сохраняется политический и технологический потенциал, и его необходимо использовать в полной мере. Это может в долгосрочной перспективе иметь решающее значение для трансформации взаимного ядерного сдерживания: совместная ПРО означает переход от партнерства по существу к союзническим отношениям, при котором взаимное ядерное сдерживание естественным путем исключается.

Еще одно важное обстоятельство состоит в том, что цель американского плана ПРО в Европе – защита от иранских ракет. Но нельзя полностью исключать того, что иранская ракетная угроза может различными сценариями, которые здесь не анализируются, устранена. Но это не должно быть основанием для прекращения сотрудничества, которое вполне может быть инвариантным по отношению к ракетным угрозам.

2. ПЕРСПЕКТИВЫ СОВМЕСТНОЙ ПРО И ЯДЕРНОЕ СДЕРЖИВАНИЕ

Главный вопрос, требующий ответа в связи с перспективой создания совместной ПРО, состоит в том, как ПРО может способствовать укреплению транспарентности и развитию сотрудничества между основными участниками, а тем самым и трансформации ядерного сдерживания. Основное внимание здесь уделяется техническому сотрудничеству, под которым понимается совместная работа с участием ученых и специалистов по техническим вопросам; и хотя речь идет в основном о сотрудничестве между США и Россией, в нем могут участвовать и другие страны. Основная идея статьи состоит в том, что работа над решением технических вопросов может помочь заложить основу для политического и военного сотрудничества, которые более всего необходимы для трансформации ядерного сдерживания.

Поскольку основное внимание в настоящей главе уделяется именно работе над техническими аспектами, здесь не рассматривается вопрос о том, что будет целесообразно и, тем более, оптимально с политической точки зрения. Акцент делается на анализе технических возможностей. Объясняется это тем, что, прежде всего, следует определить физически осуществимые варианты, а следовательно, и политические меры и программы, заслуживающие рассмотрения, и только после этого выбирать оптимальный политический курс.

Например, многие технические специалисты скептически воспринимают утверждение о том, что ПРО обеспечит эффективную защиту от баллистических ракет с ядерными боезарядами. Они выражают сомнения не в том, что возможно своевременно

обнаруживать пуски ракет, а в том, что существующие технологии позволяют решать задачи перехвата и уничтожения боезарядов с соответствующей степенью надежности.¹⁸²

Такой скептицизм относительно совершенства имеющихся технологий ПРО означает, что совместная работа стран над решением технических проблем ПРО может быть не менее полезна с военной точки зрения, чем сама противоракетная оборона, но лишь в том случае, если такая совместная работа приведет к укреплению сотрудничества, транспарентности и стабильности в отношениях между государствами.

Здесь необходимо разграничить две функции ПРО: 1) обнаружение пусков ракет и 2) уничтожение угрозы. Для выполнения второй функции – захвата цели и уничтожения боезарядов атакующих ракет – требуются подробно проработанные процедуры и технологии, которые быстро становятся чувствительными, отчасти потому что это наименее технологически проработанный аспект ПРО. К числу наиболее чувствительных аспектов любой системы обороны относятся ее слабые места, в данном случае это возможность избежать обнаружения или другим путем подорвать возможности ПРО. Поэтому маловероятно, что сотрудничество в области ПРО будет легко начать с работы над этой (второй) функцией ПРО.

Скорее, в центре внимания технического сотрудничества, окажутся вопросы обнаружения пусков ракет, по крайней мере, на начальных этапах после установления доверительных отношений между государствами-партнерами, такими как Россия и США. К счастью, одновременно это и наиболее проработанный аспект ПРО, т.е. если страны сделают упор на отслеживание ракетных пусков, их сотрудничество будет наиболее плодотворным.

Так, например, профессор Массачусетского технологического института Тед Постол предложил объединить существующие американские и российские средства для создания усовершенствованной системы раннего предупреждения о потенциально опасных пусках баллистических ракет.¹⁸³ Как хорошо известно, США вот уже много лет разрабатывают наблюдательную инфракрасную (ИК) аппаратуру космического базирования, сначала они вели такие работы в рамках программы обеспечения обороны, а позднее – программы создания космической ИК системы обнаружения пусков баллистических ракет. Можно предположить, исходя из технических посылок, что, с целью повышения эффективности глобальной системы мониторинга ракетных пусков, стороны смогут обмениваться информацией этих систем.

Помимо этого, Россия располагает радиолокационными средствами, которые позволили бы США и их союзникам более эффективно отслеживать потенциально опасные пуски ракет. Если говорить более конкретно, то с помощью РЛС, охватывающих территорию России, США и их союзникам удалось бы выиграть целых 10–20 минут при предупреждении о ракетах, направляющихся из Ирана в сторону Японии или западного побережья США, а также из Северной Кореи в Европу. Такое сотрудничество между США и Россией могло бы осуществляться, например, с помощью такой структуры, как Центр обмена данными о ракетных пусках (ЦОД).

В настоящей статье не планируется подробно освещать предложение профессора Постола, поскольку были и другие аналогичные предложения. Тем не менее оно служит яркой иллюстрацией того, что определенные возможности для совместной работы над техническими аспектами ПРО все же имеются, причем в центре внимания должны быть

---

¹⁸² В поддержку этого мнения приводится довод о том, что даже небольшое число ядерных взрывов наносит катастрофический ущерб и само по себе, и в том случае, если оно провоцирует более масштабный обмен ядерными ударами. Поэтому при отражении ядерного удара ПРО должна показывать более высокую – практически абсолютную – степень надежности, чем при отражении неядерного удара. Существующие технологии и близко не показали такой надежности, если принимать во внимание реалистичные факторы неопределенности.

¹⁸³ Письмо послу Джеймсу Гудби от 18 февраля 2011 г.

вопросы глобального мониторинга ракетных пусков и раннего предупреждения о них. Для технического сотрудничества между нашими государствами есть и другие возможности, например, расширенный обмен такими технологиями, как усовершенствованные ИК датчики, пригодные для использования в космических условиях. Во всех этих случаях перед нами стоит задача повысить эффективность наблюдения за пусками ракет за счет расширения пространственного охвата, уменьшить время реагирования и повысить надежность технологий наблюдения. Такая работа даже сама по себе должна оказать стабилизирующее воздействие и принести выгоду обеим сторонам.

Конечно, эти предложения – продукт размышлений, основанных на исключительно научных посылах без учета политических ограничений. Тем не менее сейчас очень подходящий момент, чтобы технические специалисты пристально рассмотрели эти идеи и сформулировали более полные предложения или планы, с тем чтобы политики могли впоследствии оценить возможную выгоду от прогресса технического сотрудничества и других мер укрепления доверия между США и Россией. Так, например, можно было бы добиться более ощутимых успехов в реализации предложения о совместном Центре обмена данными о ракетных пусках.

Аналогичным образом профессор Стэнфордского университета Сидни Дрелл и профессор Гарвардского университета Кристофер Стаббс недавно предложили расширить работу по наблюдению в соответствии с Договором по открытому небу.¹⁸⁴ В результате более 739 полетов, проведенных с 2002 г., в рамках режима открытого неба был накоплен немалый опыт. Весьма значительно, что в этом Договоре содержатся конкретные положения, касающиеся обмена данными и допускающие применение более совершенных технологий.

Благодаря тому, что наблюдение осуществляется с помощью самолетов, в принципе можно производить намного более сложные измерения, чем при использовании спутников, как по той причине, что наблюдательная платформа находится намного ближе к поверхности земли, так и по той причине, что такая платформа может нести намного более тяжелое оборудование. Например, высокочувствительную спектроскопию с высочайшей пространственной разрешающей способностью намного проще производить с самолета, нежели со спутника.

Такой потенциал можно весьма результативно применить в сфере контроля над вооружениями и контроля за выполнением обязательств по нераспространению, что послужит своего рода ступенью на пути к ПРО. Кроме того, техническое сотрудничество в этой области будет содействовать стабилизации ситуации. Поэтому Дрелл и Стаббс предложили расширить режим открытого неба, распространить его на больший спектр технологий и вовлечь в него как можно больше стран.

В обоих рассмотренных выше примерах упор делается на техническое сотрудничество, благодаря которому удастся повысить эффективность наблюдения за деятельностью или событиями по всему миру. Для достижения этой цели можно подумать и о распространении уже существующих систем наблюдения, таких как Международная система мониторинга (МСМ), развернутая для обеспечения выполнения Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний.

Следует отметить, что применение МСМ вышло далеко за рамки контроля над ядерными вооружениями: она стала широко использоваться и для наблюдения за окружающей средой и регистрации природных и техногенных явлений. В числе последних разрушительные землетрясения и цунами, в результате которых погибли сотни тысяч людей, вулканические извержения, создавшие угрозу для коммерческой авиации и

---

¹⁸⁴ Drell S.D., Stubbs C.W. Realizing the full potential of the Open Skies Treaty // Arms Control Today. July/August. 2011. P. 15–20.

затронувшие миллионы пассажиров, а в последнее время и шлейф радиоактивных выбросов АЭС Фукусима в Японии, которые обошли вокруг земного шара.

Во всех этих случаях, благодаря усовершенствованной глобальной мониторинговой системе, удалось спасти больше жизней, заблаговременно и с высокой степенью надежности предупредив людей и дав им возможность защитить себя. Эта польза, помимо важной и долгосрочной пользы в плане обеспечения контроля над вооружениями и нераспространения, служит доводом в пользу ускорения прогресса в расширении наших возможностей осуществлять наблюдение во всем мире: повсюду, в любую минуту, с помощью высокочувствительного оборудования и с возможностью эффективного реагирования.

В заключение следует отметить, что в настоящей главе подробно рассматривается лишь один аспект сотрудничества в сфере ПРО в качестве практического подхода, призванного обеспечить прогресс в трансформации ядерного сдерживания. Основное внимание в ней уделяется техническому сотрудничеству в целях повышения эффективности систем мониторинга и раннего предупреждения, поскольку именно с помощью такого сотрудничества можно заложить основу для повышения транспарентности и укрепления доверия.

В качестве следующих шагов в этом направлении можно было бы сформировать небольшую группу специалистов по техническим вопросам из обеих стран, с тем чтобы они занялись поиском возможных областей для совместной работы. Конечно, это не призыв пренебречь другими формами сотрудничества, такими как военное или политическое сотрудничество, которые тоже важны и должны активно развиваться. Однако в настоящее время имеется реальная возможность для совместной работы именно в технической сфере.

Иными словами, решение технических вопросов служит лишь отправной точкой для улучшения отношений. Ведь необходимо добиться сотрудничества в политической и военной сфере, а совместная работа над техническими вопросами может обеспечить прочный фундамент для таких более широких форм сотрудничества. Для того чтобы добиться прогресса, сотрудничество между нашими странами должно быть содержательным в техническом отношении. Кроме того, поскольку ученые и технические специалисты сосредоточатся на решении технических вопросов, они смогут поддерживать связь и тогда, когда политические отношения между странами могут быть напряженными.

Наконец, стоит подчеркнуть многочисленные преимущества именно такой формы совместной работы: помимо решения задач укрепления стабильности и безопасности между США и Россией в более долгосрочной перспективе, повышение эффективности глобального мониторинга может принести реальную пользу обществу уже в ближайшем будущем.

3. СОТРУДНИЧЕСТВО ПО ПРО: ВОЗМОЖНОСТЬ, НО НЕ ПАНАЦЕЯ

Усилия по достижению соглашения о сотрудничестве с области ПРО сейчас находятся в центре внимания государственных чиновников самого высокого уровня США и России, а также Генерального секретаря НАТО. Лидеры сторон подчеркивают, что такое соглашение могло бы радикальным образом изменить взаимоотношения сторон и позволить намного более глубокую трансформацию отношений, в которых до сих пор преобладают взаимное недоверие, упор на органы безопасности и антагонистическое мышление.

Тем не менее придавать излишнее значение одному лишь этому возможному направлению сотрудничества, особенно, если рассматривать его как важнейшую предпосылку для более широкого прорыва в отношениях, – небезопасно. Поскольку

противоракетные потенциалы относительно слабо развиты по сравнению с ракетами большой дальности держав, обладающих совершенными технологиями, они еще не достигли того уровня, после которого могут оказать существенное влияние на стратегический ядерный баланс. Скорее всего, они не смогут повлиять на него и в ближайшие десять лет, даже если наступательные ядерные арсеналы будут сокращены существенно ниже значений, согласованных в новом Договоре о СНВ.

Вот уже не один десяток лет, с тех пор как в 1983 г. была объявлена программа «Звездные войны» президента Рейгана, идеи щита от стратегических ракет, способного радикально изменить ситуацию, будоражат (то как мечта, то как кошмар) умы лидеров в Вашингтоне и Москве. Неспособность договориться о будущем американской стратегической программы ПРО стала главным препятствием для соглашения о далеко идущих мерах в области разоружения в 1986 г. на встрече советского президента Горбачева и президента США Рейгана в Рейкьявике. Однако и четверть века спустя возможности американской программы ПРО остаются ограниченными. Единственная американская система для перехвата МБР состоит всего из 30 базирующихся на Аляске и в Калифорнии противоракет для перехвата на среднем участке траектории, что ни коим образом не противоречит численным ограничениям, согласованным в Протоколе 1974 г. к Договору по ПРО (из которого США вышли в 2002 г.). Возможно, со временем эта программа сможет обеспечить США достаточную степень защиты от ограниченного нападения с использованием несложных МБР, например, северокорейских, или от случайно выпущенной ракеты. Тем не менее США по-прежнему мало чем могут похвастаться в плане развернутого потенциала для защиты от угрозы МБР, несмотря на те 150 млрд. долл., которые были потрачены на цели противоракетной обороны за последние 27 лет.¹⁸⁵ Иными словами, мечта о щите от ракет большой дальности остается лишь мечтой.

В то же время США создают намного более мощную систему противоракетной обороны для защиты своих европейских и азиатских союзников и своих сил, развернутых в этих регионах, от баллистических ракет средней и малой дальности. Поэтапный адаптивный план (ПАП) НАТО в Европе призван обеспечить европейским странам – членам этой организации защиту от возможной будущей угрозы иранских ядерных ракет средней и промежуточной дальности в том случае, если такое развитие событий не удастся предотвратить с помощью дипломатических усилий. В рамках этой работы сейчас в Средиземном море на регулярной основе разворачиваются системы морского базирования «Иджис», планируется развернуть сухопутные базы «Иджис» в Румынии (2015 г.) и Польше (2018 г.). Кроме того, в настоящее время обсуждается возможность создания новой наземной РЛС. Помимо этого, корабли, вооруженные системой «Иджис», способной выполнять задачи противоракетной обороны, осуществляют патрулирование в западной части Тихого океана и в Персидском заливе, и их число постоянно растет. Более мощные перехватчики, которые разрабатываются в настоящее время, планируется развернуть в четыре этапа в период до 2020 г. В ходе четвертого этапа ПАП в 2020 г. США рассчитывает развернуть потенциал для защиты от ограниченного удара иранских МБР. Однако, по всей вероятности, эти сроки будут нарушены в связи с техническими трудностями, а также с тем, что иранская угроза, скорее всего, не станет реальной, по крайней мере, в указанный период.

Наличие (или отсутствие) противоракетного потенциала в Европе могло бы иметь решающее значение для будущих стратегических отношений между НАТО и ядерным Ираном, если бы последний обрел свой ядерный арсенал в ближайшие 10–20 лет. Однако для того, чтобы такой потенциал смог всерьез отразиться на стратегическом балансе сил

---

¹⁸⁵ US Anti-Missile Spending to Match Cost of Apollo Space Programme // Global Security Newswire, 5 August 2011.

России и США, потребуется намного больше времени. Если дело дойдет до реализации четвертой стадии ПАП, Россия потребует гарантий того, что система ПРО не будет представлять угрозы для собственного потенциала МБР, предназначенного для ответного удара. Возможно, в принципе, что удастся найти способ дать России надежные гарантии в этой связи. Это можно будет сделать, в том числе, путем предоставления данных о технических возможностях систем ПРО, например, о скорости противоракет на конечном участке траектории. Кроме того, можно дать гарантии того, что системы морского базирования будут разворачиваться только на тех позициях, где это необходимо для обеспечения защиты от ракетной угрозы со стороны Ирана (или другой третьей стороны, которая может появиться в будущем).

Поскольку система ПРО вряд ли серьезно повлияет на стратегический баланс сил России и США в ближайшие 15 лет, сотрудничество в этой области само по себе не послужит фактором, способным кардинально изменить отношения между этими двумя странами. Тем не менее оно может заставить «лед тронуться» и помочь сторонам создать условия для рассмотрения более широкого пакета других мер, направленных на демилитаризацию отношений между Россией и государствами – членами НАТО. К таким мерам могли бы быть отнесены: дальнейшие сокращения стратегических наступательных сил, меры укрепления доверия и транспарентности в отношении ТЯО (например, российских средств в Калининграде) и военных учений, урегулирование территориальных споров, оставшихся неразрешенными после распада СССР, налаживание более тесных экономических отношений и прямых связей между людьми, а также договоренность о более тесном сотрудничестве в решении общих проблем.

От перезагрузки к трансформации? Таким образом, соглашение о сотрудничестве по ПРО важно не потому, что благодаря ему удастся или не удастся снизить вероятность первого удара в случае будущей войны (хотя и это немаловажно). Важнее другое (и это станет проверкой такого сотрудничества), сможет ли оно трансформировать то негативное восприятие угроз, которое до сих пор существует между Россией и США и между Россией и НАТО. Если сотрудничество по ПРО сдвинет с мертвой точки ситуацию в этой области, то оно сможет открыть путь для более широкой взаимной реорганизации военных структур и трансформации отношений по линии Восток–Запад в более долгосрочной перспективе.

Соглашение 2012 г. о сотрудничестве в сфере ПРО, если его рассматривать в более широком контексте, позволит углубить перезагрузку в отношениях между США (и НАТО) и Россией, начатую в 2009 г. В рамках этой перезагрузки был начат широкий круг военных, политических и экономических мер, которые объединило стремление укрепить взаимную поддержку и доверие. США и НАТО смогли (по крайней мере, отчасти) укрепить уверенность России в отношении ПРО, отказавшись от планов размещения третьего позиционного района стратегической системы ПРО в Европе, сосредоточив вместо этого внимание на мерах по противодействию среднесрочным угрозам (и угрозам со стороны ракет средней дальности) с помощью ПАП. Кроме того, утрата прежнего импульса в деле расширения НАТО за счет Грузии и Украины позволила успокоить Россию в отношении одной из проблем, ранее вызывавших ее наиболее серьезную озабоченность. И, напротив, большая готовность России сотрудничать с США, Великобританией и Францией в Совете Безопасности ООН (в особенности, по проблеме Ирана), а также ее растущая роль в предоставлении возможностей по снабжению Международных сил содействия безопасности в Афганистане помогли убедить государства – члены НАТО в том, что и им перезагрузка приносит определенную пользу.

«Златовласка» и контроль над вооружениями. И США, и Россия по-прежнему направляют значительные ресурсы на содержание и модернизацию крупных стратегических наступательных сил, численность и структура которых объяснимы только существованием сопоставимых сил у другой стороны. Связанное с этим финансовое

бремя особенно тягостно для России, которая продолжает стремиться к ядерному паритету с США, несмотря на более чем десятикратную разницу в военных бюджетах.

Такие расходы являются признаком того, что, несмотря на крайне низкую вероятность крупномасштабной войны, возможность такой войны по-прежнему занимает значительное место в национальной политике США и (в гораздо большей степени) России. Отчасти это свидетельствует о сохранении наследия Второй мировой войны и холодной войны, после которых в обеих бывших военных сверхдержавах осталось сильное военно-промышленное лобби.

Расхождение позиций по вопросу об одностороннем военном вмешательстве, особенно в Косово и Грузии, обострили взаимные подозрения. Но даже при этом вероятность крупномасштабной войны с применением ядерного оружия, остается крайне малой. Масштабных войн между крупными державами не было с 1945 г. (Корейская война 1950–1953 гг. подошла бы под это определение, если бы не была ограничена географически). Мир в целом пока еще не пришел к состоянию атлантического сообщества безопасности, в котором война между государствами относится к категории немыслимого в государственных политических расчетах. Однако общая тенденция к тому, чтобы войны между промышленно развитыми странами с высоким уровнем доходов происходили все реже и реже, очевидно, существует.

В результате этого сейчас на наших глазах формируется миропорядок, в котором в отношениях между крупнейшими державами наступает идеальный момент для контроля над вооружениями и взаимной военной сдержанности. Вероятно, военная сдержанность даст наилучший результат тогда, когда отношения между государствами будут не слишком хорошими и не слишком плохими. Если отношения слишком хорошие и мирные (как внутри НАТО и ЕС или между США, Японией и Австралией), конфликт между государствами более не является проблемой национальной политики. Поэтому вопросы военной сдержанности оказываются неактуальными. Если же отношения между государствами слишком плохи, то, напротив, стремление обеспечить себе предельное преимущество в случае кризиса и глубоко укоренившееся взаимное недоверие будут настолько велики, что соглашение о взаимной военной сдержанности будет весьма ограниченным.

Однако эти две крайности достаточно далеко отстоят друг от друга, чтобы у заинтересованных государств была возможность почувствовать, что соглашение о взаимной сдержанности в отношении военных потенциалов и операций может принести им обоюдную выгоду. Это можно назвать «теорией Златовласки» (или – «золотой середины») в области военной сдержанности. Более того, сам процесс укрепления взаимной военной сдержанности между этими странами мог бы содействовать дальнейшему улучшению их взаимоотношений в будущем.

На наличие такой тенденции указал бы поддающийся измерению показатель – сокращение военных бюджетов ключевых государств, по крайней мере, в отношении к ВВП. Этот процесс отмечается в европейских членах НАТО после окончания холодной войны, а сейчас, весьма вероятно, начнется и в США в связи с долговым кризисом. Однако другие крупнейшие державы, особенно Китай, Индия и Россия, по-прежнему увеличивают свои военные бюджеты более высокими темпами по сравнению с ростом их государственного дохода. Это свидетельствует о том, что все три государства по-прежнему придают крайне большое значение обеспечению «страховки» на случай возможного конфликта с другими крупными державами.

Совместная ПРО. В связи с рядом особенностей ПРО служит подходящим символом для более широкого процесса укрепления взаимного доверия и сдержанности между Россией и НАТО. В 2011 г. ожидания, возникшие после Лиссабонского саммита 2010 г., задали существенный политический импульс для прогресса как в США, так и в России. Однако сегодня открывается окно возможностей и в другом плане. Те

возможности, которые имеются сегодня для сотрудничества в сфере ПРО, возникли благодаря достигнутому США и Советским Союзом (в 1987 г.) соглашению об уничтожении их ракет наземного базирования с дальностью от 500 до 5500 км. В соответствии с заключенным после этого Договором РСМД было уничтожено 2700 ракет. Более 20 лет спустя совершенно неожиданно этот Договор сделал возможным российско-американское сотрудничество в сфере ПРО, которое вряд ли можно было бы себе представить без него.

В основе нынешних предложений по сотрудничеству в области ПРО лежит попытка определить возможные пути российско-американского сотрудничества в противодействии баллистическим ракетам малой и промежуточной дальности третьих сторон, таких как Иран. При этом две страны должны укрепить взаимную уверенность в том, что они не намерены угрожать ядерным силам друг друга. Если бы Договора РСМД не было, а, следовательно, США все еще располагали бы ракетами «Першинг», развернутыми в Германии, а Россия – некоторым количеством ракет СС-20, было бы намного труднее создавать совместный щит от баллистических ракет, поскольку он с большой степенью вероятности затронул бы эти системы. Слишком многие, особенно в России, говорили бы, что планы НАТО по созданию ПРО ТВД представляют угрозу для того, что составляет жизненно важную часть российского потенциала ядерного сдерживания.

Если в 2012 г. удастся достигнуть соглашения о сотрудничестве в сфере ПРО, то его можно будет рассматривать как прямое следствие Договора РСМД в том самом смысле, что без последнего оно было бы попросту невозможно.

Однако, как показывает история попыток сотрудничества в сфере ПРО, не стоит забывать и об осторожности. Вопросы ПРО уже не раз оказывались одними из сложнейших в российско-американских стратегических отношениях. И одну из серьезнейших проблем всегда представляла склонность сторон считать, что это направление сотрудничества способно радикальным образом изменить характер международных отношений. Предложение президента Рейгана о полной ликвидации ядерного оружия – или, по крайней мере, о полной ликвидации баллистических ракет – не принесло желаемого результата, поскольку он не проявил готовности отказаться от своей программы «Звездных войн». Советский же Союз расценил позицию Рейгана как попытку обеспечить себе преимущество в наступательных вооружениях за счет более совершенного оборонительного щита. Позднее, в 2002 г., решение президента Буша о выходе из Договора по ПРО было воспринято как сокрушительный удар по российско-американским отношениям и как попытка добиться превосходства в военном отношении.

Сотрудничество, а не интеграция. Возможность трансформации российско-американских отношений благодаря сотрудничеству в области ПРО ограничена не только в связи с техническим несовершенством существующих и планируемых противоракетных потенциалов. Важно признать, что есть предел и тому, что можно сделать под флагом «сотрудничества». Даже в таких странах с давней историей взаимодействия, как Великобритания и США, все вооруженные силы находятся под национальным, а не коллективным контролем. США не собираются давать России право вето на использование своих вооруженных сил, пока они не готовы дать такое право даже другим государствам – членам НАТО. В основе взаимодействия в рамках НАТО лежат консультации, обмен информацией и совместное планирование сценариев. По всей видимости, НАТО готова пойти достаточно далеко навстречу России и вовлечь ее в такие процессы в связи с противоракетной обороной. Однако, как и каждое отдельное государство – член НАТО, Россия сможет осуществлять эффективный контроль за компонентами совместной ПРО только в том случае, если она либо профинансирует эти компоненты, либо разместит их у себя.

Тем не менее ПАП (именно потому, что он поэтапный и адаптивный) дает России и НАТО большие возможности для начала постепенного и взаимного процесса укрепления

доверия, если они того пожелают. На начальных этапах такого процесса в качестве механизма для разрешения проблем, вызывающих обеспокоенность и определяющих политику США и России, мог бы послужить Центр обмена данными о пусках ракет. Впоследствии все более интенсивный обмен данными можно было бы дополнить включением российских средств, в том числе перехватчиков и РЛС, в совместную архитектуру ПРО.

Для американской стороны важным фактором, определяющим ее национальную политику, является возможность обретения Ираном потенциала МБР к середине 2020-х годов. Россия же относится к таким прогнозам скептически. ЦОД и продолжение обмена техническими и аналитическими данными позволили бы двум сторонам понять, почему различаются их позиции по данному вопросу. Кроме того, по мере приближения 2020 г., такая работа может помочь сблизить Россию и НАТО перед тем, как придет время принимать решение относительно четвертого этапа ПАП создания европейской ПРО, которая в настоящее время планируется как средство защиты от возможных будущих иранских МБР. Если такая угроза возникнет, скоординированный анализ угроз может помочь России понять основания для обеспокоенности НАТО. Если же угроза будет нарастать не столь быстрыми темпами, как ожидается, то, напротив, наличие этих механизмов сотрудничества может послужить для НАТО поводом для соответствующего переноса сроков развертывания европейской ПРО.

Помимо этого, благодаря активизированному процессу обмена данными, Россия могла бы понять как существующий противоракетный потенциал США, так и планы по его развитию в будущем. Можно было бы предоставить России доступ к данным испытаний противоракет, а также к планам развертывания средств наземного и морского базирования.

Одновременно с обменом данными и мерами укрепления доверия стороны могли бы рассмотреть вопрос о том, можно ли и каким образом объединить российские РЛС и, потенциально, новые противоракеты в единую архитектуру противоракетной обороны от угроз, исходящих с Ближнего Востока. Несмотря на то, что не может быть никаких компромиссов относительно принципа национального контроля над национальными средствами ПРО, можно будет разработать протокол, в соответствии с которыми государства-участники должны будут разрабатывать оперативные доктрины и планы в тесном сотрудничестве друг с другом на основе равенства и полного партнерства. И чем больше будет технический и финансовый вклад России в совместную систему ПРО, тем более ценным будет общий результат. Так, например, откроются возможности для создания дополнительного потенциала для противодействия угрозе атаки с использованием нескольких ракет, дополнительных средств перехвата отдельных ракет, дополнительных и вспомогательных средств слежения за ракетами. Такая подготовительная работа будет полезна и НАТО, и России в случае кризиса в отношениях между каким-либо ближневосточным государством и (или) Россией или НАТО в будущем. Если же такого кризиса не случится, этот опыт совместной работы по планированию взаимопомощи окажет положительный эффект, укрепив доверие между сторонами.

Сотрудничество в области ПРО и трансформация ядерного сдерживания. Соглашение о сотрудничестве в области ПРО не обязательно приведет к более широкому прорыву в отношениях между Россией и НАТО. В случае если трансформация все же начнется, достижение такого соглашения откроет путь к более глубоким сокращениям наступательных арсеналов значительно ниже уровней, установленных в новом Договоре СНВ. Российские военные элиты укрепятся во мнении, что американская система ПРО более не представляет угрозы для российских стратегических сил. Американские военные элиты с удовлетворением воспримут сотрудничество со стороны России по обеспечению безопасности, в частности, созданию общего фронта по борьбе с потенциальным

государством-изгоем и террористическими угрозами. При таком развитии событий руководство обеих стран будет иметь прочную основу для далеко идущих сокращений ядерных вооружений существенно ниже уровней, кажущихся возможными в настоящее время. Откроются возможности и для прогресса в смежных областях, таких как ограничение американского потенциала (баллистических и крылатых) ракет дальнего действия в обычном снаряжении и российского потенциала нестратегических ядерных вооружений.

В принципе, успех сотрудничества в области ПРО может создать условия и для укрепления доверия в отношении обычных вооружений. Со стороны России было бы нереалистично надеяться добиться четкого паритета с США в обычных вооруженных силах. Еще менее реалистично – надеяться на достижение такого паритета с НАТО. Ставить себе такие цели едва мог себе позволить Советский Союз во времена холодной войны. Сегодня же они не только непозволительны, но и непропорционально масштабны, т.к. численность населения стран НАТО во много раз превосходит численность населения России, и еще более существенна разница в их ВВП.

Однако, как и в случае с ПРО, США и НАТО есть что сделать, чтобы уверить Россию в том, что они с уважением относятся к ее важнейшим интересам и что они будут формировать и развертывать свои силы таким образом, чтобы свести к минимуму их угрозу для российской территории. Возможно, дальнейшее укрепление уверенности России в этом отношении будет достигнуто благодаря сокращению вооруженных сил и оборонных бюджетов в Европе в результате программы сокращения бюджетных расходов в большинстве стран НАТО.

Такое сокращение сейчас возможно лишь потому, что европейские государства – члены НАТО полагают, что вероятность крупномасштабной войны в Европе очень невелика. Однако существенные силы, сохранившиеся в странах НАТО и России, – это в определенной мере проявление наследия недоверия и антагонизма, существовавших в прошлом. В этом контексте соглашение о сотрудничестве в области противоракетной обороны действительно может радикально изменить отношения, послужив психологическим импульсом к дальнейшим шагам по сокращению обычных вооружений, а также более широкой демилитаризации между Россией и НАТО.

Вопрос о том, будет ли сотрудничество по ПРО способствовать более глубокой перезагрузке зависит как от внутривнутриполитических факторов, так и от развития событий в связи с неразрешенными противоречиями. В первом случае и российское, и американское политическое руководство, затратив столько своего политического капитала ради достижения соглашения по ПРО, может счесть, что должно пройти какое-то время, прежде чем будут начаты новые серьезные переговоры. В частности, в США многое будет определять то, как перспектива совместной безопасности с Россией будет воспринята в ходе президентских выборов 2012 г. Чем более политизированным станет сотрудничество в области ПРО, тем в большей степени дальнейший прогресс в области сокращения наступательных вооружений будет зависеть от итогов этих выборов. В связи с последним, продолжение потепления отношений между Россией и НАТО будет оставаться под угрозой, пока у сторон остаются серьезные разногласия в подходах к проблемам Грузии, Молдовы и другим – с более давней историей. Внезапное обострение в одной из этих областей может свести на нет многие из тех политических достижений, которых удастся добиться с помощью соглашения по ПРО.

Фактор Китая. Сотрудничество НАТО и России в сфере ПРО не должно рассматриваться вне более широкого контекста международной безопасности, в частности, без учета возможного воздействия на Китай, сотрудничество с которым будет иметь жизненно важное значение для обеспечения глобальной стратегической стабильности в будущем. И Россию, и НАТО заботит влияние растущей экономической и военной мощи Китая на их безопасность в долгосрочной перспективе. Руководство Китая

в свою очередь обеспокоено воздействием расширяющегося американского потенциала ПРО на его собственные относительно небольшие наступательные ядерные силы.

Одним из путей продвижения вперед в этом отношении, в свете соглашения по ПРО между Россией и НАТО, могло бы стать использование существующих переговоров между государствами «ядерной пятерки» в качестве форума для поиска путей постепенного вовлечения Китая в новые механизмы обмена данными. Этой цели могли бы, например, послужить механизмы по типу ЦОД с участием России, Китая и Японии. Кроме того, можно было бы начать переговоры о возможности применения малыми ядерными государствами (Великобритании, Франции и Китая в первом приближении) мер транспарентности и сдержанности в отношении их наступательных сил при условии дальнейших глубоких сокращений арсеналов США и России.

Возможность, а не панацея. Соглашение между НАТО и Россией о сотрудничестве в области ПРО само по себе не приведет к радикальному изменению ситуации. Но в совокупности с другими мерами оно будет обладать достаточным потенциалом для ускорения изменений в их отношении друг к другу, а следовательно, и для того, чтобы заложить основу для более широкой демилитаризации отношений. Такой итог отнюдь не гарантирован. В отсутствие соглашения о сотрудничестве по ПРО, и даже при наличии такого соглашения отношения России и НАТО в ближайшие десять лет могут ничем не отличаться от их отношений в прошедшем десятилетии и сводиться к мрачному сосуществованию с эпизодическими вспышками напряженности. Они могут и ухудшиться. Однако сейчас есть реальная надежда на улучшение, и такое улучшение будет отвечать интересам не только России, но и НАТО.

4. ВЗАИМНЫЙ ОТХОД ОТ КОНЦЕПЦИИ ОТВЕТНО-ВСТРЕЧНОГО УДАРА

Ядерное сдерживание и ответно-встречный удар. Общепринято считать, что цель ядерного разоружения достичь абсолютной гарантии, что ядерное оружие никогда не будет использовано. Однако до ядерного разоружения долгий и трудный путь, и пока стороны идут по этому пути, ядерное сдерживание останется политической и военной реальностью международных отношений.

Ядерное сдерживание – это вид военно-политических отношений государств, которые не являются союзниками или партнерами и которые находятся в пределах досягаемости их ядерных носителей друг до друга. Пока есть ядерное оружие, останется ядерное сдерживание и сохранится вероятность ядерного конфликта, если сдерживание не сработает.

Поэтому по мере ядерного разоружения необходимо гарантировать, чтобы применение ЯО становилось все менее вероятным, причем не только в политическом, но и в военно-стратегическом плане. В этом суть трансформации взаимного ядерного сдерживания в более конструктивный вид стратегических отношений держав.

Ядерное сдерживание, как известно, может воплощаться в разных уровнях и составах ядерных сил государств и в разнообразных доктринах и стратегических концепциях. Наиболее опасной формой ядерного сдерживания, которая сопряжена с высокой опасностью ядерной войны, является ориентация стратегии и сил на первый разоружающий удар по противнику. Такая направленность ядерных сил в одностороннем, а тем более в двустороннем форматах – по существу превращает ядерное сдерживание в свою противоположность. Из средства предотвращения войны оно превращается в инструмент развязывания войны с целью достижения победы или снижения своего ущерба до приемлемого уровня.

В новых военных доктринах России и США, принятых в 2010 г., снижена вероятность первого применения ЯО, но все же эта концепция остается как вариант

действий в экстремальной ситуации. Однако и ориентация на ответный удар может принимать достаточно опасные формы. Речь идет, прежде всего, о планировании ответно-встречных ракетных ударов по получению информации от систем предупреждения о ракетном нападении.

Этот способ применения ядерного потенциала достиг своего воплощения в оперативной концепции встречного или ответно-встречного удара (ОВУ), то есть запуска ракет наземного и морского базирования на основании информации от систем предупреждения о пусках ракет противника. Другие обозначения того же понятия: «запуск по предупреждению» или «запуск в ходе нападения» противника.

Такая стратегия и ее техническая база считались высшим достижением совершенствования ядерных потенциалов США и СССР, хотя ОВУ никогда не был единственной концепцией и всегда существовал наряду с концепциями первого и глубокого ответного ударов. В военном мышлении обеих держав глубоко укоренилось восприятие стратегии и средств ОВУ как наиболее престижной формы ядерного сдерживания и самой прочной гарантии безопасности державы.

Спустя 20 лет после окончания холодной войны имеются серьезные основания для взаимного пересмотра и глубоких корректировок таких концепций.

Подлетное время МБР при ударе США по СССР/России или в обратном направлении составляет примерно 30 мин. За это время пуск ракет должен быть обнаружен системой СПРН и, после принятия решения на высшем уровне, передан приказ на запуск ракет. С начала 80-х годов после появления контрсилового потенциала у БРПЛ (американские ракеты «Трайдент-2») требования к системам ОВУ еще более ужесточились ввиду сокращения подлетного времени боезарядов БРПЛ до 15–20 мин.

Опасность случайного или непреднамеренного обмена ядерными ударами всегда сохранялась как результат технического сбоя или неправильной оценки информации СПРН. Ведь даже при идеальном срабатывании всех систем государственному руководству оставалось всего несколько минут на принятие самого апокалипсического из всех вообразимых решений – о массированном ядерном ударе по другой сверхдержаве.

Ныне из девяти ядерных государств лишь Россия и США имеют концепции ОВУ в своей ядерной стратегии и обладают соответствующей технической базой для ее осуществления. Другие государства – обладатели ЯО не имеют существенного контрсилового потенциала против сил США или РФ, и для ответного удара по ним двум главным ядерным державам не нужна концепция ОВУ. Сами по себе другие страны не обладают необходимыми для ОВУ системами предупреждения и управления, а их ракеты не поддерживаются в достаточно высокой готовности к запуску.

США способны осуществить ОВУ с использованием МБР наземного базирования. Россия – с помощью группировки ракетных войск стратегического назначения (РВСН) и частью БРПЛ на подводных лодках, находящихся в базах в состоянии боевого дежурства. Можно предположить, что две державы в совокупности постоянно поддерживают порядка 2500 ядерных боеголовок в состоянии высокой готовности к запуску, из которых около 1700–1800 в состоянии готовности к запуску по информации СПРН о ракетном нападении (т.е. готовность – несколько минут).

Доводы в пользу сохранения ОВУ и высокой готовности. Для руководства США и России можно обозначить целый ряд доводов в пользу сохранения ставки на ответно-встречный удар.

Несмотря на приведенные соображения в политических и военных кругах России и США присутствует сильное сопротивление предложениям по взаимному отказу двух держав от концепции ОВУ. Это идет вразрез с глубоко традиционной военной логикой, по которой высокая боеготовность и способность немедленного ответного удара – это огромное преимущество и важнейшая задача боевой подготовки и технического совершенствования вооруженных сил и средств.

Помимо этого есть ряд конкретных соображений в пользу сохранения этой концепции:

1. При осуществлении ОВУ, несмотря на все сложности такой операции, системы СПРН и боевого управления фактически будут действовать в режиме мирного времени, т. е. полностью работоспособны, в отличие от условий после ядерного удара противника.

2. Не будучи запущены по предупреждению СПРН, МБР наземного базирования в шахтных пусковых установках (ШПУ) будут существенно ослаблены в результате контрсилового удара США. Асимметрия в пользу США состоит в том, что российские СЯС в большей степени опираются на уязвимые стационарные МБР (а также держат большую часть подводных лодок в базах и авиацию, сосредоточенную на малом числе аэродромов). И в то же время они обладают менее значительным контрсильным потенциалом против американских СЯС, в которых центр тяжести приходится на морскую составляющую триады.

3. Вероятность развертывания эшелонированной ПРО США и массового внедрения ВТО большой дальности в перспективе повышает ценность концепции ОВУ для России в целях ухода от поражения в местах базирования и для перенасыщения оборонительных систем противника.

4. Взаимный отказ от ОВУ будет или неконтролируемым (как соглашения о ненацеливании) или слишком сложным как объект переговоров, если поставить цель достижения технически реализуемого, проверяемого, безопасного, экономичного и сбалансированного соглашения при имеющихся асимметриях сил двух держав.

5. В кризисной ситуации может начаться гонка по восстановлению боеготовности сил сторон, что создаст стимулы к первому удару для стороны, которая опередит оппонента.

Названные аргументы необходимо учитывать. Вместе с тем значительная часть этих доводов основана на недостаточно глубоком анализе стратегических, оперативных и организационно-технических аспектов проблематики, что обуславливает недооценку рисков ОВУ.

Риски концепции «запуска по предупреждению». Планы и средства «запуска по предупреждению», безусловно, являются показателем высочайшего уровня организационно-технического развития СЯС обеих держав. В то же время их нельзя не признать анахронизмом холодной войны, причем анахронизмом – весьма опасным.

Во-первых, в современных политических реалиях вероятность разоружающего ядерного удара США и России друг по другу, на которую была рассчитана стратегия ОВУ, практически сведена к нулю.

Во-вторых, учитывая совершенно иные ставки в любом мыслимом конфликте двух держав, критерии допустимого ущерба радикально понижены. Даже угроза потери одного или нескольких крупных городов вполне достаточна для сдерживания ядерного нападения одной из держав на другую. Для этого более не требуется, чтобы преобладающая часть наземных сил выжила в случае гипотетического первого удара противника.

В-третьих, после распада СССР система СПРН России частично деградировала, и возросла опасность или несвоевременного предупреждения о ядерном ударе, или ошибочной оценки информации и выдачи санкции на запуск ракет по ложной тревоге со всеми предсказуемыми катастрофическими последствиями.

В-четвертых, живучесть СЯС двух держав не только не снижается, но возрастает. В снижающихся количественных потолках стратегических сил США переносят все большую часть своего потенциала на ракетные силы морского базирования. Россия в свою очередь не планирует снижать программы развития мобильных МБР наземного базирования и нового поколения ракетных подводных крейсеров стратегического назначения (РПК СН).

В-пятых, распространение ядерного оружия и ракетных технологий в мире, в том числе среди безответственных и неустойчивых режимов и экстремистских группировок, будет увеличивать вероятность случайных и провокационных запусков баллистических и крылатых ракет (особенно, морского базирования¹⁸⁶) и даже ядерных террористических актов, в том числе в столицах великих держав. Поддержание СЯС в режиме ОБУ в таких условиях может повлечь спонтанный обмен ядерными ударами.

Наконец, в-шестых, сохранение крупных ракетных сил в минутной готовности к удару по территории друг друга является жестким препятствием для углубленного взаимодействия двух держав в борьбе с общими новыми угрозами безопасности XXI в., прежде всего с распространением ОМУ и его носителей, международным терроризмом и стремлением последнего к обретению ядерного оружия. В частности, ядерное противостояние «на боевом взводе» не может сосуществовать с совместными системами СПРН и, тем более, ПРО.

Понижение уровня готовности стратегических сил. Как представляется, ядерное разоружение едва ли пойдет по пути линейного сокращения с 1550 до 1000 боеголовок, потом (с подключением других ядерных государств и охватом нестратегических ядерных вооружений) до 500, затем до 200 и так далее до нуля.

Если Россия и США продолжат этот процесс после нового Договора СНВ, то сокращение до 1000–1200 боеголовок будет еще одним шагом в традиционном формате, но после него державы скорее пойдут по пути понижения боеготовности, а не физического сокращения ядерных сил.

В пользу этого можно привести ряд аргументов:

- неопределенность с возможностью подключения других государств к процессу ядерного разоружения;
- неопределенность оценок стабильности на уровнях ниже, чем по 1000 ядерных боеголовок СЯС;
- проблемы ограничения нестратегических ядерных систем;
- неопределенность перспектив развития систем ПРО/ПВО/ПКО и сотрудничества РФ–США–НАТО;

проблемы высокоточных обычных вооружений и ударных космических (частично-орбитальных) систем.

Трансформация ядерного сдерживания может идти по пути взаимного отказа сначала от концепций и сил первого (контрсилового) удара – через сокращение ядерных вооружений при укреплении стратегической стабильности, которая и предполагает устранение стимулов и возможностей первого удара.

В качестве следующего шага России и США следует договориться об отказе от планирования ответно-встречных ударов по информации от систем предупреждения о ракетном нападении.

Прежде всего, если понижение готовности к запуску не сугубо символический акт, а согласованные организационно-технические и проверяемые мероприятия снижения уровня напряженности и влияния дестабилизирующих факторов, то они требуют углубленной совместной проработки и процесса согласования принципов и мероприятий.

В принципе поэтапные контролируемые меры понижения готовности могли бы быть реализованы для уровней СЯС по новому Договору СНВ. В то же время они потребовали бы более высоких затрат времени и средств сторон по сравнению с теми, которые необходимы в случае договоренностей по дальнейшим физическим сокращениям СНВ до уровней порядка 1000 боезарядов.

---

¹⁸⁶ БРПЛ и КРМБ, запущенные с кораблей, судов и подводных лодок представляют собой особую опасность, поскольку национальную принадлежность такого ракетного удара трудно определить для осуществления адекватного ответа.

Технические меры понижения готовности. Очевидно, что обсуждение конкретных организационно-технических мер понижения готовности требуют благоприятного политического климата и взаимного доверия сторон для решения множества сложнейших оперативных и технических вопросов. Способствовать этому в какой-то степени может то, что значительная часть комплекса таких технических мер обсуждалась специалистами при разработке мероприятий по подготовке к практической реализации Договора СНВ-2, который предусматривал досрочную «деактивацию» носителей, подлежащих ликвидации по указанному Договору.

При этом под «деактивацией» понималось приведение элементов ракетных комплексов каждой из сторон из исходного в такое состояние, при котором пуск ракет без возврата их в исходное состояние был невозможен. Время такого возврата могло варьироваться и поэтапно удлиняться на взаимной, сбалансированной и контролируемой основе.

В части «деактивации» МБР предлагались следующие способы:

- отделение головных частей;
- демонтаж бортовой батареи питания;
- демонтаж газогенераторов открытия крышки ШПУ;
- механическое расчленение пневмогидравлической системы предстартовой подготовки и пуска МБР.

Методы «деактивации» БРПЛ по понятным причинам могут относиться только к подводным лодкам в базах. В качестве возможных вариантов понижения готовности БРПЛ к немедленному пуску могут быть рассмотрены следующие:

- блокирование открытия крышки пусковой установки БРПЛ методом сварки;
- снятие головных частей развернутых БРПЛ;
- извлечение из пусковых установок подводных лодок их БРПЛ и помещение на хранение.

При этом все описанные способы обеспечивают полный контроль за техническим состоянием ядерной безопасности на боевом дежурстве, проведение дистанционных электрических проверок, не препятствуют проведению плановых обслуживаний и устранению неисправностей.

Исключительно важно то, что в первую очередь «деактивации» подлежали бы системы с наибольшим потенциалом контрсилового удара, одновременно оптимизированные и для ОВУ. Таким образом стратегические силы сторон трансформировались бы в потенциал исключительно ответного удара на благо стратегической стабильности.

Авиационная составляющая триад России и США обычно не связывается с концепцией ОВУ, поскольку длительное подлетное время бомбардировщиков делает их непригодными для контрсилового удара. Тем не менее при достаточно глубоком понижении готовности ракет к пуску авиацию нельзя исключать из комплекса мер проверяемой «деактивации», поскольку подлетное время бомбардировщиков (7–10 часов) будет меньше, чем время возврата ракет в исходное состояние.

В отношении бомбардировщиков могли бы применяться меры «деактивации», основанные на принципах их переоборудования для неядерных функций по СНВ-1. «Деактивация» ядерных тяжелых бомбардировщиков (ТБ) по аналогии с ракетами должна будет исключить их быстрое использование без возврата в исходное состояние. Например, такими мерами могли бы стать снятие и удаленное от авиабаз (скажем, на 100 км) хранение ядерного оружия, а затем и более глубокие меры: демонтаж внутрифузеляжных и внешних устройств подвески ракет и бомб и т.д.

Фактически прецедент такому пути положен в новом Договоре СНВ, который делает упор на сокращении и засчете оперативно развернутых носителей и боеголовок (700–1550).

«Деактивация» по существу является переводом сил из статуса развернутых в статус неразвернутых. По мере углубления «деактивации» все большая часть сил будет переводиться в неразвернутое состояние при растущем времени возврата их в статус развернутых средств. Неразвернутые вооружения тоже могут быть ограничены некоторыми потолками (чтобы ограничить возвратный потенциал), однако первоочередной задачей «деактивации» будет обоюдный отход от концепций ОВУ и переход исключительно к концепциям ответного удара.

Как показывают расчеты, в зависимости от исходного количества стратегических вооружений и методов «деактивации», время полного восстановления всех вооружений с пониженной готовностью может быть до 100 и более дней.

Например, после достижения следующего договора СНВ о сокращении СЯС примерно до 1000 боеголовок, на первом этапе можно было бы «деактивировать» СЯС двух стран так, чтобы в состоянии боеготовности осталось не более 600–700 боезарядов.

Первоначально это фактически лишило бы США средств ОВУ (МБР) и уменьшило бы число таких вооружений России, но в порядке компенсации у США сохранилось бы больше боеготовых сил в море. Последние не подходят для «пуска по предупреждению», но для обеспечения живучести они в этом и не нуждаются. Вместе с тем они обладают контрсилowym потенциалом и должны быть ограничены на последующих этапах сокращения и ограничения вооружений.

На следующей фазе можно было бы снизить уровень боеготовых сил до 500 боезарядов, а затем до 300–200 ед. и ниже. Поскольку такие меры неприменимы к подводным лодкам в море и мобильным МБР на маршрутах патрулирования, целесообразно было бы снизить их долю, находящуюся вне пунктов базирования (уменьшить так называемый коэффициент оперативной напряженности). В конечном итоге у США могли бы остаться в боеготовом состоянии по одной ПЛАРБ в Атлантическом и Тихом океанах (160 боеголовок) и 40 моноблочных МБР, а у России – 110 моноблочных МБР «Тополь-М» в шахтах и 30 МБР «Ярс» на маршрутах патрулирования (или одна ПЛАРБ на боевой службе в море).

Это фактически устранило бы контрсилую угрозу для российских МБР и сделало бы бессмысленным планирование ОВУ. Оставшиеся боеготовыми силы двух государств обеспечивали бы исключительно потенциал «глубокого» ответного удара ограниченными, но достаточными средствами – в максимальном соответствии с принципами стратегической стабильности.

Главный принцип, который должен соблюдаться в процессе контролируемого взаимного понижения готовности СЯС, состоит в том, что контрсилowym потенциал сторон должен снижаться опережающим образом по отношению к уменьшению готовности стратегических сил к применению для ответного удара. Этим объясняется важность повышенной выживаемости сил, остающихся в боеготовом состоянии (мобильные МБР, подводные лодки на боевом дежурстве в море).

Это также необходимо, чтобы в кризисной ситуации, если начнется гонка по восстановлению боеготовности сил сторон, не возникло стимула к упреждающему удару.

В США и России можно предвидеть сильную оппозицию предложенным мерам. Для их реализации требуется существенное улучшение политического климата отношений двух держав. Это возможно не на пути деклараций, а через практические дела – договоры по разоружению и сотрудничество в вопросах безопасности.

Такое понижение готовности при сохранении достаточно крупных оперативно неразвернутых сил, наряду с интеграцией систем СПРН и развитием сопряженной ограниченной ПРО для защиты от третьих ядерных государств, означало бы глубокую трансформацию ядерных сил и политики взаимного сдерживания России и США в направлении взаимодействия и частичной взаимной обороны. При этом путем

договоренности об ограничении оперативно развернутых (боеготовых) ядерных сил можно было бы привлечь к ядерному разоружению и третьи ядерные державы.

В конечном итоге, по мере приведения количества боеготовых сил к нулю можно было бы на многосторонней основе перейти к так называемому виртуальному сдерживанию – т. е. переводу ядерных сил в неразвернутый статус и устранению ядерного сдерживания из реальной политики обеспечения безопасности. Потенциал взаимного восстановления с большим временным интервалом сил для реального сдерживания сохранялся бы лишь как гипотетическая возможность в расчете на непредвиденный случай.

5. ПРОБЛЕМЫ ПОНИЖЕНИЯ УРОВНЯ БОЕВОЙ ГОТОВНОСТИ БАЛЛИСТИЧЕСКИХ РАКЕТ

Дискуссия вокруг проблем понижения боеготовности¹⁸⁷. Концепция понижения уровня технической боеготовности систем ядерных вооружений обсуждается вот уже много лет, причем нередко — в связи с политикой неприменения первым ядерного оружия. Для удобства обозначения этой концепции чаще всего используется термин «снятие с боевого дежурства». Снятие с боевого дежурства можно определить как обратимые действия, нацеленные на увеличение времени или усилий, необходимых для применения ядерного оружия, в частности, баллистических ракет. Привлекательность концепции снятия ядерного оружия с боевого дежурства состоит главным образом в том, что поддержание систем в состоянии повышенной боеготовности, подкрепленное философией, если не политикой, предполагающей принятие судьбоносных решений в течение нескольких минут, может привести к катастрофе в случае сбоя или просчета. Бывший американский сенатор Сэм Нанн отметил, что «снятие с боевого дежурства», возможно, не лучший термин для обозначения попыток увеличить время, необходимое для предупреждения и принятия решения, поскольку «он вызовет внутренний протест у любого военного, который всю свою жизнь учился быть наготове»¹⁸⁸. Помимо этого, есть еще один весьма часто используемый термин, который может ввести в заблуждение и которого, вероятно, лучше избегать — «состояние повышенной готовности». Однако, какие бы термины ни использовались, вот уже много лет идет разговор о том, что сложившуюся опасную ситуацию необходимо исправить путем вывода систем ядерных вооружений из состояния высокой боеготовности. В пользу этого приводится довод о том, что даже если поддержание ядерного потенциала в состоянии высокой готовности было оправдано на пике холодной войны (что тоже нельзя утверждать однозначно), то оно не имеет никакого смысла сейчас.

Этот вопрос тщательно проанализировали российские ученые Алексей Арбатов и Владимир Дворкин¹⁸⁹, а также ряд ученых и бывших государственных деятелей из США¹⁹⁰. Так, в журнале «Уолл-стрит джорнал» было опубликовано две знаменитые статьи, авторы которых — Джордж Шульц, Уильям Перри, Генри Киссинджер и Сэм

---

¹⁸⁷ Мнение и определения автора могут не отражать политику Государственного департамента США и Джорджтаунского университета.

¹⁸⁸ Nunn S., "The Four Horsemen of the Nuclear Apocalypse," Time, May 20, 2011.

¹⁸⁹ Arbatov A., Dvorkin V., Beyond Nuclear Deterrence, Carnegie Endowment for International Peace, 2006.

¹⁹⁰ Blair B.G., "De-Alerting Strategic Forces," в книге Reykjavik Revisited, Nuclear Threat Initiative and Hoover Institution, 2008; "De-Alerting Strategic Ballistic Missiles," Edenburn M.W., Trost L.C., Connell L.W., Fraley S.K., Sandia National Laboratory, 1999. Более скептическая точка зрения отражена в работе Ford Ch.A., "Playing for Time on the Edge of the Apocalypse: Maximizing Decision Time for Nuclear Leaders," в книге Deterrence: Its Past and Future, edited by G.P. Shultz, S.D. Drell and J.E. Goodby, Hoover Institution, 2011 (резюме доклада на конференции в Гуверовском институте в ноябре 2010 года).

Нанн — обратили внимание на ту опасную ситуацию, которая создается в связи с состоянием высокой боеготовности ядерных сил¹⁹¹.

Эта проблема емко сформулирована в проекте заявления, подписанном рядом руководителей медицинских факультетов и институтов США. В нем говорится: «С 1979 года было не менее пяти моментов, когда США или Россия ошибочно полагали, что подверглись нападению другой стороны, и уже были готовы нанести контрудар. Последний такой эпизод имел место в январе 1995 года, через пять лет после падения Берлинской стены. В каждом из этих случаев лишь несколько минут отделяли нас от начала масштабной ядерной войны. Наши лидеры умело и решительно работают над тем, чтобы предупредить случайную ядерную войну. Но если быть честными, мы должны признать, что своим выживанием в течение последних 30 лет мы обязаны по большей части простому везению. Мы не можем рассчитывать на то, что такое везение будет длиться вечно»¹⁹². Один из упомянутых драматических случаев произошел в июне 1980 года, когда советник по вопросам национальной безопасности Бжезинский едва не разбудил президента Картера сообщением о том, что тысячи советских ядерных ракет направляются к США, и не порекомендовал ему нанести ответный ядерный удар. К счастью, удалось вовремя установить, что дело было в сбое в одной из компьютерных микросхем, и отменить тревогу¹⁹³.

В 2007 году в Первом комитете ООН рассматривался проект резолюции, в которой содержался призыв «предпринять дальнейшие практические шаги в целях понижения уровня боевой готовности систем ядерных вооружений для обеспечения того, чтобы все ядерные вооружения были выведены из состояния высокой боевой готовности». Эту резолюцию поддержали 124 страны, в том числе Индия и Пакистан. США, Великобритания и Франция проголосовали против. Китай и Израиль воздержались, как и 32 другие страны, а Россия и Северная Корея не участвовали в голосовании¹⁹⁴. Позднее внимание к этой проблеме постарался привлечь в своей книге «Мертвая рука» Дэвид Хоффман, описав советскую систему «Периметр», которая представляет собой своего рода «Машину Судного дня», ставшую известной благодаря классическому фильму «Доктор Стрейнджлав»¹⁹⁵. Хотя, судя по всему, эту систему так и не приняли на вооружение, сам по себе тот факт, что над ней думали серьезные люди, свидетельствует о наличии проблемы.

Участники Конференции 2010 года по рассмотрению действия ДНЯО также приняли во внимание этот вопрос и поддержали предложение понизить уровень боеготовности ядерных вооружений, заявив: «Конференция признает, что понижение оперативного статуса ядерных вооружений и объявленные меры, касающиеся ненацеливания, способствуют процессу ядерного разоружения благодаря укреплению мер доверия и уменьшению роли ядерного оружия в политике обеспечения безопасности»¹⁹⁶.

Более далеко идущие меры, к которым призывали сторонники понижения уровня боеготовности, не были приняты из-за беспокойства о том, что в результате их повысится — по крайней мере, теоретически — уязвимость систем ответного удара, а, следовательно, появятся дополнительные стимулы для нанесения первого удара, и механизм сдерживания будет подорван. Нельзя не учитывать, что именно в связи с малым подлетным временем атакующих баллистических ракет и боязнь потерять силы

¹⁹¹ Shultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S., “A World Free of Nuclear Weapons,” Wall Street Journal, January 4, 2007 и “Toward a Nuclear-Free World,” Wall Street Journal, January 15, 2008.

¹⁹² Частное послание, Организация «Врачи за социальную ответственность».

¹⁹³ Blair B., Brown M., Burt R., “Can Disarmament Work?” Foreign Affairs, July/August, 2011, p. 174.

¹⁹⁴ Boese W., “Nuclear Weapons Alert Status Debated,” Arms Control Today, December, 2007.

¹⁹⁵ Hoffman D.E. The Dead Hand, Doubleday, 2009.

¹⁹⁶ “Заключительный документ Конференции 2010 года участников Договора о нераспространении ядерного оружия по рассмотрению действия Договора, Том I, пункт 90 (NPT/CONF 2010/50 Vol. I).

ответного удара в результате сокрушительного первого удара системы вооружений были изначально сконструированы таким образом, чтобы пуск занимал минимальное время. Помимо этого, проблематичными оказались бы меры, предполагающие раскрытие местоположения систем, живучесть которых связана с неопределенностью их местоположения.

Проблему случайного пуска во многом удалось решить путем ненацеливания ракет. Согласно общему пониманию, при случайном или несанкционированном запуске ненацеленная ракета падает в океан, не причиняя вреда. Несмотря на то, что ненацеливание несет огромную пользу, оно имеет очевидный недостаток: оно не поддается проверке и весьма быстро обратимо.

В ходе президентской избирательной кампании 2008 года кандидат Барак Обама заявил, что потенциал, готовый к быстрому пуску «повышает риск катастрофической случайности или ошибки». Однако в опубликованном в 2010 году Обзоре ядерной политики США был рассмотрен вопрос о снятии с боевого дежурства и сделан вывод, что «Соединенные Штаты будут поддерживать существующий уровень боеготовности своих стратегических сил: тяжелые бомбардировщики, способные нести ядерное оружие, будут сняты с постоянного/непрерывного боевого дежурства, почти все МБР останутся на боевом дежурстве, и значительная часть ПЛАРБ будет находиться на дежурстве в любой заданный момент времени». Далее в Обзоре говорилось, что США «вложит дополнительные средства в систему командования и контроля, с тем чтобы обеспечить президенту максимум времени для принятия решения в случае ядерного кризиса, и рассмотрит новые способы базирования МБР, позволяющие повысить их живучесть и еще более сократить любые стимулы для быстрого пуска».¹⁹⁷ В настоящее время проводится новое исследование в области ядерной политики США, с помощью которого предполагается внести большую ясность относительно указанных задач. Говоря об этом исследовании, координатор Белого дома по вопросам контроля над вооружениями отметил: «Мы рассчитываем, что президенту будут предложены варианты с учетом последствий изменения уровня боеготовности и состава боеготовых сил, а также того, как это скажется на численности и структуре сил»¹⁹⁸. В открытой версии российской военной доктрины, принятой в 2010 году, вопрос о понижении уровня боеготовности не затронут.

Понижение боеготовности обычно обсуждается в сочетании с проблемой нанесения ответного удара по информации от систем предупреждения о ракетном нападении и часто рассматривается как решение, с помощью которого можно уменьшить опасность, которую представляет политика нанесения ответного удара по информации СПРН. При этом крайне важно не путать потенциал для нанесения такого удара и политику его нанесения. Очевидно, что и США, и Российская Федерация обладают указанным потенциалом, но при этом неясно, придерживается ли кто-нибудь из них такой политики. Командование стратегических сил США заявляет, что «политика США не предполагает опоры на стратегию нанесения удара по информации СПРН. Силы США имеют такую численность и состав, которые позволят им сохранить максимальную гибкость, с тем чтобы США не оказались перед выбором применить ядерное оружие или проиграть»¹⁹⁹. Что же на деле произойдет в случае острого кризиса, будет зависеть от многих факторов, в случае с большинством из которых можно снизить степень риска и вероятность неправильного понимания. Важно отметить и то, что если только людям хватит ума не ввести в действие некое подобие автоматической «Машины Судного дня», у президентов и военного руководства будет сколько угодно времени для принятия решения при любом сценарии, вне зависимости от той политики, которой придерживается их государство. Многие из

¹⁹⁷ U.S. Nuclear Posture Review Report, April, 2010, p. 27.

¹⁹⁸ «Pentagon to Revise Nuclear Guidance», Arms Control Today, June, 2011, p.36.

¹⁹⁹ Сообщение по электронной почте от Стратегического командования США Ассоциации по контролю над вооружениями, ноябрь 2007 года.

соображений, изложенных применительно к концепции удара по информации от систем раннего предупреждения, хотя и в меньшей мере, но применимы и к концепции ответно-встречного удара.

Пути понижения уровня боеготовности. Существует целый ряд конкретных мер для. Их можно подразделить на несколько категорий.

Отделение или демонтаж критически важных компонентов. Наиболее очевидным вариантом, относящимся к этой категории и наиболее часто предлагаемым, является демонтаж ядерных боезарядов со средств их доставки. Большинство наблюдателей полагает, что эта практика уже применяется и в отношении баллистических ракет Индии и Пакистана²⁰⁰. С ракет могут быть демонтированы и другие критически важные компоненты, например, компоненты, отвечающие за наведение, батареи или инверторы, преобразующие прямой ток в постоянный на БРПЛ. В Договоре СНВ I содержится запрет на хранение отдельных предметов на расстоянии ближе 100 км от определенных мест. Например, ядерное оружие не может находиться ближе, чем в 100 км от баз тяжелых бомбардировщиков с обычными вооружениями. Еще до подписания Договора РСМД Восточная Германия, Болгария, Словакия и Чешская Республика уничтожили соединительные отсеки имевшихся у них ракет СС-23, а спустя несколько лет демонтировали и сами ракеты. В мае 1997 года президент Ельцин объявил о том, что со всех ракет, нацеленных на Европу, будут сняты ядерные боезаряды. Это вызвало всплеск радости на Западе и испуг в России. Позднее выяснилось, что Ельцин оговорился и имел в виду ненацеливание, тем не менее, эта оговорка открыла возможности для обсуждения более масштабных мер.

В настоящее время на тяжелые бомбардировщики США не загружаются ядерные боезаряды. На заре существования ядерного оружия бомбы доукомплектовывались критически важными ядерными компонентами или снимались с предохранителя только во время полета.

Создание препятствий для пуска ракет. Под этим понимается использование средств, которые делают запуск ракет физически невозможным. В качестве примера можно привести приваривание защитных крыш шахтных пусковых установок МБР или пусковых шахт БРПЛ, размещение тяжелых грузов на крышах ШПУ МБР или блокирование крыш и дверей стационарных сооружений для мобильных пусковых установок МБР, с тем чтобы их нельзя было открыть без продолжительных, а в некоторых случаях, возможно, и поддающихся проверке шагов.

Задержка пуска. На ракеты могут быть установлены электронные устройства, задерживающие запуск на определенное время с момента получения команды на запуск. Шахтные пусковые установки МБР могут быть снабжены предохранительными выключателями, препятствующими запуску. Такие выключатели можно сконструировать таким образом, чтобы на их деактивацию потребовалось определенное время.

Меры после пуска. На ракеты, находящиеся на боевом дежурстве, можно было бы устанавливать механизмы самоуничтожения, подобные тем, что используются при полетных испытаниях, с тем чтобы даже после запуска ракеты можно было отменить задание. В этой связи, очевидно, стороны будут испытывать беспокойство по поводу того, что потенциальный противник может узнать, как активировать такие устройства.

Декларативные меры. Определенную пользу могли бы принести недвусмысленные заявления о том, что страна не руководствуется политикой нанесения удара по предупреждению СПРН. Благодаря таким заявлениям удалось бы рассеять существующие сомнения.

---

²⁰⁰ См., например, Krepon M., "The Search for Nuclear Stabilization in Southern Asia," Stimson Center, March, 2009.

Интересным примером этого подхода служат сделанные в начале 1990-х годов параллельные односторонние заявления Буша-Горбачева и Буша-Ельцина о выводе отдельных систем из состояния повышенной боеготовности. Решения России о содержании МБР железнодорожного базирования в их гарнизонах и о ненацеливании систем вооружений, предназначенных для демонтажа, были не просто декларациями, но тот факт, что о них было объявлено, сделал их более эффективными.

Снятие с боевого дежурства как «легкий вариант» сокращения. Можно предвидеть такую ситуацию, когда страны договариваются о том, что размеры их арсеналов ядерного оружия превышают необходимые, и хотят отчитаться о сокращениях, но при этом не хотят принимать необратимых мер, уничтожая средства доставки и ликвидируя само ядерное оружие. В этом случае возможен промежуточный вариант: к таким системам в течение сколь угодно продолжительного времени могут применяться какие-либо более убедительные меры снятия с боевого дежурства. Хотя такие меры не будут отвечать требованию о необратимости сокращений, их выполнение должно проверяться. Стоит вспомнить, как в 1991 году односторонние решения США и России о выводе из Европы ядерного оружия меньшей дальности привели к некоторым сомнениям, поскольку их выполнение невозможно было проверить.

Роль ПРО. Сторонники ПРО, не заставив себя долго ждать, отметят, что при условии наличия эффективной ПРО лица, ответственные за принятие решений, будут уже не столь убеждены в необходимости быстрого запуска ракет для сохранения сил удара возмездия. Это утверждение неоднозначно и вызовет возражения со стороны Москвы. Однако не мешало бы напомнить, что первоначальная американская система ПРО «Сейфгард» разрабатывалась для защиты исключительно сил ответного удара, а не населения и хозяйственной инфраструктуры.

Оценка мер понижения уровня боеготовности. В идеале меры, нацеленные на понижение уровня боеготовности должны отвечать определенным требованиям. Такие меры:

- должны обеспечивать существенное увеличение времени и усилий, необходимых для применения ядерного оружия;
- не должны наносить ущерба сохранности, безопасности и надежности ядерного оружия;
- не должны подрывать сдерживающей роли ядерного оружия;
- должны позволять гарантированное восстановление уровня боеготовности при необходимости;
- должны поддаваться проверке (что не должно автоматически отменять необходимости непроверяемых деклараций). Некоторые возможные меры понижения уровня боеготовности можно было бы проверять в ходе тех 18 инспекций, которые будут ежегодно проводиться в рамках нового Договора СНВ.

При оценке возможных мер понижения уровня боеготовности следует отметить несколько очевидных соображений:

- проще всего применять такие меры к МБР шахтного базирования, т.к. их месторасположение известно, а шахтная пусковая установка сама по себе ограничивает доступ к ракете и создает существенные препятствия для запуска. Меры, позволяющие в режиме реального времени определять местоположение подводных лодок или мобильных МБР очевидно негативно скажутся на живучести этих вооружений. Меры, предполагающие возвращение подводных лодок в базу перед пуском, столкнутся с той же проблемой, но в еще более серьезной форме;
- некоторые полагают, что ситуация, когда пуск ракет физически невозможен в течение нескольких часов, дней или даже недель, послужит противнику мощным стимулом для нанесения первого разоружающего удара;

- с этим связан еще один довод: в результате мер, предполагающих физическую отстыковку ключевых компонентов, таких как боезаряды, последние могут стать привлекательной целью, если будет известно их местоположение. Одним из способов решения этой проблемы может стать хранение ядерных боезарядов в пустых ШПУ МБР. ШПУ уже защищены от несанкционированного доступа, обеспечат боезарядам защиту в случае нападения и поддаются контролю;
- с помощью мер по понижению уровня боеготовности можно было бы еще более затруднить использование ядерного оружия террористами, если бы им все же удалось каким-то образом получить к нему доступ;
- определенные сложности возникнут с проверяемостью таких мер. В некоторых случаях, например, в случае с чисто декларативными мерами, касающимися политики, провести проверку будет просто нереально. В тех же случаях, когда проверка будет возможна физически, она может быть слишком интрузивной и дорогостоящей, а, следовательно, малоэффективной. Как уже отмечалось выше, в результате декларирования или инспекций, позволяющих установить местоположение критически важных компонентов, последние могут стать привлекательной целью;
- некоторые полагают, что «гонка по восстановлению боеспособности» в кризисной ситуации сама по себе будет иметь более дестабилизирующее действие, чем изначально высокий уровень боеготовности. Другие считают, что начало деятельности по восстановлению боеготовности может стать полезным сигналом, который будет свидетельствовать о серьезном намерении и который может помочь избежать катастрофы, т.е. чем-то вроде французского *ultimeavertissement* (последнего предупреждения).

США и Российская Федерация уже приложили заслуживающие одобрения усилия для уменьшения опасности случайного или ошибочного применения ядерного оружия. В числе этих мер:

- создание линии прямой связи;
- создание центров по уменьшению ядерной опасности при Государственном департаменте США и Министерстве обороны России;
- заключение Соглашения об уведомлениях о пусках баллистических ракет;
- применение политики ненацеливания;
- осуществление достаточно обширного и подробного обмена данными в рамках Договора СНВ I и нового Договора СНВ;
- заключение Соглашения об инцидентах на море;
- заявления Буша-Горбачева и Буша-Ельцина.

Аналогичные инициативы принимали и другие ядерные державы.

Весьма важны и полезны продолжающиеся консультации по дипломатическим, военным и научным каналам. Мы должны и далее вести и углублять их при любой возможности и подключать к ним по мере необходимости другие ядерные государства.

Мы должны продолжать поиск путей уменьшения как возможностей, так и стимулов для незамедлительного применения ядерного оружия.

Мы должны и впредь повышать живучесть сдерживающих систем, а также живучесть и надежность систем командования и управления.

Мы должны довести до конца слишком затянувшуюся работу по созданию Центра обмена данными о ракетных пусках (ЦОД) в Москве (и, возможно, аналогичного центра в Брюсселе). Не так давно к этому призывали Мадлен Олбрайт и Игорь Иванов²⁰¹.

²⁰¹ Albright M., Ivanov I., "Moving Ahead on Reducing Nuclear Arms," New York Times, April 6, 2011.

Мы должны проделать огромную работу и придти к соглашению об общем видении роли систем ПРО. Успешное сотрудничество в этой области упростит нашу жизнь и сделает мир безопаснее во многих отношениях.

6. ТРАНСФОРМАЦИЯ ЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ ЧЕРЕЗ ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ

Трансформация ядерного сдерживания вряд ли достижима, если в этой сфере не будет создан многосторонний режим транспарентности. Данное убеждение основывается на наличии в сфере ядерного сдерживания такого очевидного фактора как дилемма (неопределенность) безопасности.

Любая активность государства – обладателя ядерного оружия воспринимается другими государствами, не относящимися к числу его союзников, как потенциальная угроза и вызывает с их стороны ответную реакцию, что приводит к эскалации напряжения в мире. В подтверждение этого можно сослаться на пример Карибского кризиса 1962 г. Тогда именно скрытность действий Советского Союза по размещению на Кубе ракетно-ядерного оружия и возникшая в увязке с этим неопределенность в отношении его дальнейших намерений привели к резкой реакции Соединенных Штатов. В ходе кризиса полеты американских стратегических бомбардировщиков вблизи границ СССР, патрулирование многоцелевых подводных лодок последнего с ядерными торпедами на борту в зоне блокады, а также интенсивная работа советских специалистов по приведению ракет на Кубе в боевую готовность – воспринимались другой стороной как подготовка к ядерному удару и чуть было не привели к ядерной катастрофе.

В итоге, мир оказался на грани развязывания ядерной войны. К счастью для человечества разум политиков все же восторжествовал над эмоциями, и обе сверхдержавы смогли достичь компромисса: Советский Союз убрал с Кубы ядерное оружие, а Соединенные Штаты отказались от намерения вооруженного вторжения на Кубу.

Стремясь не допустить повторения подобных коллизий в дальнейшем, Москва и Вашингтон согласно подписанному ими в июне 1963 г. Меморандуму установили линию прямой связи, а в сентябре 1971 г. подписали Соглашение о мерах по уменьшению опасности возникновения ядерной войны между СССР и США. Оба этих документа остаются в силе до сих пор.

Возможно ли ныне возникновение кризиса, подобного Карибскому? Такая возможность не исключается, поскольку теперь сфера ядерного сдерживания охватывает не только Россию и США, но и всю девятку «ядерного клуба». Поведение же в той или иной ситуации других ядерных государств, особенно непризнанных, трудно предугадать.

Необходимость расширения транспарентности. Для того чтобы свести к минимуму возможность возникновения ядерного кризиса, подобного Карибскому, необходима расширенная транспарентность в отношении намерений государств – обладателей ядерного оружия. Парадоксально, что в такой сфере как обычные вооружения существует многосторонний режим транспарентности, а в сфере ядерных вооружений, гораздо более опасной для существования человечества в случае ядерного конфликта, подобного режима нет.

Главная задача создаваемого многостороннего режима транспарентности для трансформации ядерного сдерживания – это минимизировать эффект существующей в этой сфере неопределенности посредством реализации комплекса мер по созданию и укреплению доверия между участниками режима.

Для выполнения этой задачи представляется полезным воспользоваться теми инструментариями, которые выработаны Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе для обеспечения транспарентности в отношении обычных вооруженных сил. Это, прежде всего, Венский документ 1999 г., предметом которого является поэтапное

осуществление эффективных и конкретных действий, направленных на укрепление доверия и безопасности и в достижении разоружения, а также Договор по открытому небу 1992 г., который предоставляет право его участникам осуществлять воздушное наблюдение за опасной военной деятельностью. Много полезного можно позаимствовать и у адаптированного Договора об обычных вооруженных силах в Европе, который, к сожалению, в силу пока не вступил. Безусловно, следует использовать богатый опыт по транспарентности в сфере ядерных вооружений, который приобретен в процессе реализации советско-американских и российско-американских договоров и соглашений по ограничению, сокращению и ликвидации определенных типов ядерного оружия.

Обеспечение открытости ядерных доктрин. Обеспечение открытости ядерных доктрин государств – обладателей ядерного оружия, и предсказуемости их поведения в отношении возможного применения ядерного оружия может стать первой подобной мерой.

К настоящему времени пятерка официально признанных ядерных государств – США, Россия, Великобритания, Франция и Китай продемонстрировали определенную (одни в большей, другие в меньшей степени) открытость своих ядерных доктрин. По большому счету все эти ядерные державы привержены принципу неприменения первым ядерного оружия, правда, каждая из них интерпретирует этот принцип по своему, допуская существенные оговорки. Поведение в сфере применения ядерного оружия тройки непризнанных ядерных государств – Индии, Пакистана, Северной Кореи, а также Израиля, негласно обладающего ядерным оружием, непредсказуемо, поскольку эти государства воздерживаются от опубликования своих ядерных доктрин.

В 1995 г. «ядерная пятерка» в преддверии Конференции по рассмотрению и продлению действия Договора о нераспространении ядерного оружия сделала односторонние заявления о неприменении ядерного оружия против государств, не обладающих таким оружием. Однако по прошествии более чем 15 лет, несмотря на настоятельные требования неядерных государств, входящих в Движение неприсоединения, о заключении юридически обязательного международного соглашения о предоставлении неядерным государствам гарантий против применения или угрозы применения ядерного оружия (так называемых негативных гарантий безопасности), такое соглашение не подписано. О готовности его подписать заявили лишь Китай и Россия. Под вопросом находится присоединение непризнанных ядерных государств к такому соглашению. Так, Израиль, например, делает вид, что вообще не имеет отношения к этой проблематике.

Подписание соглашения о негативных гарантиях безопасности пусть только «ядерной пятеркой», несомненно, способствовало бы трансформации ядерного сдерживания. К тому же это стимулировало бы присоединение в дальнейшем к указанному соглашению непризнанных ядерных государств.

Обеспечение прозрачности ядерных потенциалов. Эта мера может стать второй на пути государств – обладателей ядерного оружия к расширению транспарентности.

Неопределенность, тем более, скрытность вокруг накопленных ядерных арсеналов вносит элемент подозрительности в отношении намерений обладателей этих арсеналов, подрывает к ним доверие.

Если сегодня «ядерную пятерку» выстроить по рейтингу прозрачности ядерного потенциала, то можно представить такую последовательность: Великобритания, Франция, США, Россия и Китай. Последний крайне скупно раскрывает информацию о своих ядерных силах. Что касается тройки непризнанных ядерных государств, то информация об их ядерном потенциале покрыта мраком, а Израиль даже не признает наличия у него ядерного оружия.

Предварительное уведомление участников режима транспарентности. Такое уведомление об определенных видах деятельности ядерных сил может стать третьей мерой. Имеются в виду, прежде всего, уведомления о проведении крупномасштабных учений с привлечением ядерных сил, учебно-боевых и испытательных пусков

баллистических ракет и о иных мероприятиях, способных вызвать озабоченность других участников режима транспарентности.

Во времена холодной войны отсутствие заблаговременной информации, к примеру, о проведении в США учения со стратегическими наступательными силами вызывало у руководства Советского Союза повышенную военную настороженность, вплоть до усиления дежурных смен на пунктах управления стратегическими ядерными силами. А каждый пуск американской баллистической ракеты межконтинентальной дальности воспринимался как потенциальная угроза. Сейчас другие времена, но фактор ядерного сдерживания не исчез, а лишь отошел на задний план текущей политики, причем «ядерный клуб» расширился. Поэтому необходимо распространение мер доверия на ту ядерную деятельность, которая способна вызвать настороженность не только у участников режима транспарентности, но и у целого ряда неядерных государств.

Наблюдение за определенными видами деятельности ядерных сил. Подобное наблюдение может быть принято в качестве четвертой меры.

В настоящее время участники Договора по открытому небу, район применения которого простирается от Ванкувера (Канада) в восточном направлении до Владивостока (Россия), вправе совершать облеты территорий друг друга для наблюдения за опасной военной деятельностью. При этом под наблюдение может подпадать и деятельность ядерных сил США, Великобритании, Франции и России. Как показывает практика, такие наблюдательные полеты позволяют «снимать» озабоченности участников Договора по открытому небу в отношении военной деятельности того или иного государства, присоединившегося к этому Договору, и тем самым повышается уровень взаимного доверия.

Вне рамок Договора по открытому небу остаются Китай, а также тройка непризнанных ядерных государств и Израиль. Чтобы Договор стал полноценным инструментом создаваемого режима транспарентности, район его применения должен охватывать все ядерные государства. Реально достижимым представляется вовлечение в него Китая, Индии и, возможно, Пакистана.

Взаимные проверки соблюдения участниками многостороннего режима транспарентности. Проверка взятых обязательств является необходимой пятой мерой.

Не секрет, что сегодня многие государства в рамках тех возможностей, которыми они располагают, используют национальные технические средства для наблюдения за военной деятельностью других государств. Особенно активно национальные технические средства контроля из числа ядерных государств используют США, Россия, Китай, Франция, Великобритания, Индия и Израиль. Но добытая при этом информация о деятельности ядерных сил зачастую нуждается в дополнительной проверке на местах.

Ныне такие проверки на местах на взаимной основе могут осуществляться только в формате Россия – США, в соответствии с заключенным между ними в апреле 2010 г. Пражским договором СНВ. Представляется, что при создании многостороннего режима транспарентности потребуется распространить российско-американскую практику проверок на местах на всех участников этого режима. При этом проверки были бы обусловлены не контролем за ограничением вооружений, а сверкой соответствия реальности заявленных данных о ядерных силах держав. Количество и виды таких проверок – это предмет будущего соглашения о создании многостороннего режима транспарентности, но очевидно, что они будут менее широкими и строгими, чем по Договору СНВ.

Обозначенные меры транспарентности, безусловно, не являются исчерпывающими, но и многие из них будет трудно реализовать. Однако без продвижения по пути расширения транспарентности реально трансформировать ядерное сдерживание не представляется возможным.

Для того чтобы перевести идею создания многостороннего режима транспарентности в практическую плоскость, необходимо, прежде всего, создать дискуссионную площадку для обсуждения проблем в сфере ядерного сдерживания. Вопрос о создании такой площадки должен быть решен в первую очередь представителями пяти ядерных держав. В последующем формат мог бы быть расширен за счет вовлечения других ядерных стран.

Очевидно, что создание многостороннего режима транспарентности потребует проявления политической воли и настойчивости, в первую очередь, от глав государств, входящих в «ядерную пятерку».

7.ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ

Сегодня при обсуждении проблем ядерного разоружения транспарентность часто рассматривают как исключительное благо²⁰². Государства, не обладающие ядерным оружием, и негосударственные организации регулярно выступают с новыми инициативами. Ядерные же государства стараются всячески продемонстрировать, что они уже проявляют высокую степень транспарентности. В этой виртуальной гонке открытости лишь немногие задумываются о том, почему нужна, и нужна ли вообще транспарентность.

Многие безъядерные государства и неправительственные организации, выступающие за повышение уровня транспарентности, ценят ее главным образом за то, что благодаря ей можно более строго контролировать деятельность ядерных государств и выполнение ими обязательств в области разоружения. Боясь обвинений в молчаливой поддержке ядерного сдерживания они совершенно не желают даже задуматься о том, что при определенных обстоятельствах повышение уровня транспарентности может укрепить систему ядерного сдерживания. Вместо этого они утверждают, как если бы это была абсолютная истина, что большая открытость будет автоматически означать и большую безопасность. Подобный подход крайне недалек от реальности. Ядерные государства дали ясно понять, что ликвидация ядерного оружия будет носить постепенный характер, и продвижение к этой цели будет зависеть от изменений в международной обстановке безопасности в более широком плане. С учетом того, что ядерное оружие еще будет существовать в течение некоторого времени, все государства должны быть заинтересованы в том, чтобы дальнейшее повышение уровня транспарентности не подорвало стабильность сдерживания, например, поспособствовало накоплению вооружений или спровоцировало применение ядерного оружия.

В настоящей главе рассматривается взаимосвязь между транспарентностью и стратегической стабильностью. Термин «транспарентность» используется здесь в широком смысле и относится ко всем инициативам, направленным на повышение уровня открытости, от специальных односторонних мер по раскрытию информации (таких как рассекречивание США сведений о размерах своего ядерного арсенала) до юридических обязательных механизмов, охватывающих несколько государств (как, например, созданные в соответствии с различными договорами режимы проверки). Стратегическая же стабильность рассматривается в двух своих аспектах: стабильности гонки вооружений и кризисной стабильности. Стабильность гонки вооружений считается высокой, если ни одно из государств диады сдерживания не имеет и не ощущает стимулов к наращиванию ядерных сил. Кризисная стабильность считается высокой, если в кризисной ситуации ни одно из государств не имеет и не ощущает стимулов применить ядерное оружие первым из страха, что это может сделать другое государство.

Ценность концепции стратегической стабильности и этого «классического» определения в частности подвергается сомнению со времен окончания холодной войны (хотя следовало бы отметить, что она подвергалась сомнению и во времена холодной

---

²⁰² Автор настоящей главы выражает благодарность Жаклин Тандлер за помощь в проведении исследования.

войны). Объем настоящей главы ограничен и не позволяет привести в ней все доводы в защиту этой концепции полностью. Однако для того чтобы показать, что она до сих пор не утратила актуальности, будет достаточно и нескольких слов, в частности, о кризисной стабильности²⁰³.

Хотя мир радикально изменился с тех пор, как была выдвинута концепция кризисной стабильности, серьезные кризисы в отношениях между ядерными государствами по-прежнему возможны. И отчасти потому что такие кризисы все еще возможны, ядерные государства сохраняют ядерное оружие и имеют планы его использования. В случае резкого ухудшения международной обстановки, в результате которого отношения между любыми двумя из этих государств окажутся в состоянии кризиса, достаточно серьезного для того, чтобы рассматривать возможность применения ядерного оружия, будет в интересах всего земного шара минимизировать вероятность такого развития событий. Боязнь того, что другая сторона собирается применить ядерное оружие первой, лишь повысит вероятность этого²⁰⁴. Например, страх перед тем, что США первыми нанесут ядерный удар, может подтолкнуть Москву или Пекин к расщеплению мобильных пусковых установок на ранних стадиях кризиса, что усугубит кризис и, возможно, приведет к возникновению риска случайного или несанкционированного пуска ракет. Что еще хуже, из сильнейшего чувства страха перед неминуемым ядерным ударом со стороны США Москва или Пекин могут решиться на ограниченное применение ядерного оружия в надежде (расчете и т.п.) на то, что уstraшенный этим американский народ окажет давление на правительство и заставит его пойти на уступки²⁰⁵. Еще один возможный, хотя и менее вероятный, вариант реакции — это массированное применение ядерного оружия Россией в попытке ограничить ущерб, который будет ей нанесен в случае ядерной войны. Недопущение таких сценариев возможной эскалации конфликта, т.е. обеспечение кризисной стабильности, должно оставаться одной из важнейших задач в любой диаде сдерживания.

Транспарентность и стабильность гонки вооружений. Взаимосвязь между транспарентностью и стабильностью гонки вооружений носит сложный характер. На примере гонки морских вооружений между Германией и Великобританией в начале XX века — «типичном примере гонки вооружения в современном мире»²⁰⁶, по мнению главного ядерного и военно-морского стратега Бернарда Броди — отчетливо видно, как транспарентность может на деле способствовать соперничеству и тем самым подрывать стабильность.

Между Германией и Великобританией установились отношения с относительно высокой степенью прозрачности в том, что касалось их кораблестроительных планов. В целях привлечения средств для строительства кораблей правительства обеих стран открыто объявляли планы кораблестроения национальным законодательным органам в форме законов о программе кораблестроения в Германии и кораблестроительных программ в Великобритании. Кроме того, благодаря невозможности скрыть столь крупное строительство у обеих стран имелся непрерывный поток достаточно точных разведывательных данных.

Принятое в 1905 году решение Великобритании о строительстве «Дредноута» (который представлял собой революционно новое слово в кораблестроении и был

---

²⁰³ Более полную аргументацию в защиту этой концепции см. в работе Acton J.M. *Deterrence During Disarmament: Deep Nuclear Reductions and International Security*, Adelphi 417 (Abingdon: Routledge for the International Institute for Strategic Studies), pp. 15–21.

²⁰⁴ Наиболее свежий взгляд на различные возможные сценарии нестабильности см. в работе Gerson M. “No First Use: The Next Step for U.S. Nuclear Policy,” *International Security*, vol. 35, no. 2 (2010), pp. 35–39.

²⁰⁵ Следует отметить, что подобная стратегия будет противоречить обязательству Китая не применять ядерное оружие первым.

²⁰⁶ Brodie B. “On the Objectives of Arms Control,” *International Security*, vol. 1, no. 1 (1976), p. 30.

вооружен исключительно крупными орудиями) вызвало практически моментальную реакцию в Германии²⁰⁷. Германская программа (была начата в 1906 году и предполагала строительство трех линейных кораблей в год, а с 1908 года — и строительство одного дополнительного корабля ежегодно) поспособствовала мощному росту британского кораблестроения в 1909 году. Важно отметить при этом, что открытость германских кораблестроительных планов вызвала «растущее беспокойство и неуверенность» у британского населения, что вынудило политиков принять ответные меры²⁰⁸. А после спуска на воду линейного крейсера «Инвинсибл» (чуть менее крупный и более легко вооруженный корабль по сравнению с «Дредноутом») началось уже качественное соперничество в строительстве линейных крейсеров: стороны стремились превзойти по характеристикам последние корабли друг друга.

В октябре 1908 года был заложен немецкий линейный крейсер «Фон дер Танн» водоизмещением 19 400 тонн (что на 2 000 тонн больше, чем у «Инвинсибла»), вооруженный восемью 11-дюймовыми орудиями и способный развивать скорость в 25 узлов. В ответ на это в феврале 1909 года Британия заложила «Индефатигабл» — «Инвинсибл» с удлиненным корпусом, имеющий такое же вооружение и развивающий такую же скорость, но отличающийся более сильным бронированием бортов и палуб. [Гросс-адмирал Альфред фон] Тирпиц в апреле и июле 1909 года ответил на это строительством «Мольтке» и «Гёбена», каждый из которых имел водоизмещение 23 000 тонн, имел по десять 11-дюймовых орудий и развивал скорость в 27 узлов. За этим последовали «Зейдлиц» — 25 000 тонн, десять 11-дюймовых орудий и 26,5 узлов — и «Дерфлингер» и «Лютцов» — каждый по 28 000 тонн, с восемью 12-дюймовыми орудиями и способные развивать скорость до 27 узлов. На появление «Мольтке» и его «одноклассников» Британия отреагировала строительством четырех «кошачьих»: «Лайон», «Принцесс Ройял», «Куин Мери» и «Тайгер» — с водоизмещением в 27 000 тонн, вооружением в восемь 13,5-дюймовых орудий и скоростью до 28 узлов.²⁰⁹

В этом случае транспарентность лишь подстегнула гонку вооружений. Благодаря такой прозрачности каждая из сторон имела достаточно точное представление о том, сколько кораблей строит другая сторона, а также об их характеристиках/возможностях, в результате чего стороны были вынуждены — в том числе и под давлением общественности — предпринимать ответные шаги.

Справедливости ради следует отметить, что хотя уровень транспарентности между Германией и Великобританией был достаточно высок, она все же была неполной. В то время как каждая из сторон имела точное представление о числе кораблей, которые намеревалась построить другая сторона, ни одна из сторон не могла точно предсказать, когда корабли противника будут готовы к спуску на воду. В результате этого они исходили из худшего возможного варианта развития событий, что лишь усугубляло гонку вооружений. Например, «морская паника» 1909 года — эпизод, удивительно похожий на историю с «окном уязвимости» в США более семидесяти лет спустя — началась из-за страха, что темпы германского кораблестроения ранее недооценивались. Либеральное правительство подсчитало, что даже при наличии собственной расширенной программы к апрелю 1912 года отрыв Великобритании в морских вооружениях сведется всего к трем

²⁰⁷ Herwig H.H., "The German Reaction to the Dreadnought Revolution," *International History Review*, vol. XIII, no. 2 (1991), pp. 273–283.

²⁰⁸ Moll K. "Politics, Power and Panic: Britain's 1909 Dreadnought 'Gap'," *Military Affairs*, vol. 29, no. 3 (1965), p. 137. Более общий анализ ситуации см. на сс. 136–141. Более подробная информация о программах кораблестроительства содержится в работе Massie R.K. *Dreadnought: Britain, Germany, and the Coming of the Great War* (New York: Random House, 1991), pp. 909–911.

²⁰⁹ Massie, *Dreadnought*, p. 496.

дредноутам²¹⁰. Находившиеся в оппозиции консерваторы выразили еще больший пессимизм. По их мнению, к этому же времени Германия должна была занять лидирующее положение, имея 21 корабль против британских 20. Оба прогноза оказались слишком пессимистичными: к апрелю 1912 года Великобритания располагала пятнадцатью дредноутами против немецких девяти. Однако этот пессимизм весьма ощутимо послужил эскалации гонки вооружений.

С учетом того, что обе стороны готовились к худшему, вероятно, можно полагать, что уровень транспарентности между Германией и Великобританией был далек от должного. Его было достаточно для того, чтобы обоим государствам и общественности в них было известно о планах другой стороны, но недостаточно для точной оценки сроков выполнения этих планов. При этом остается неясным, привел ли бы более высокий уровень транспарентности к большей стабильности. Поскольку ни одна из сторон не была в состоянии точно оценить, когда будут спущены на воду ее собственные корабли, более высокий уровень транспарентности, вероятно, не привел бы к увеличению предсказуемости на практике.

Если же обратиться к ядерному оружию, небезынтересно рассмотреть, насколько отсутствие транспарентности — в частности в отношении сил Советского Союза — поспособствовало развитию гонки вооружений на ранних этапах холодной войны, в период наиболее острого соперничества. Конечно, на этот вопрос нет четкого ответа, но в конечном итоге представляется, что отсутствие транспарентности определенно имело как свои положительные, так и отрицательные стороны.

Историк Дэвид Алан Розенберг утверждает, что в 1950-х годах расширение американского перечня целей, который на тот момент был существенным фактором, влияющим на размер арсенала, «во многом объяснялось тем, что были определены дополнительные цели для контрсилового удара, в частности аэродромы и предполагаемые места дислокации ракет»²¹¹. Однако имевшиеся у США разведанные об этих целях были скудными. В 1956-1958 годах США провели лишь 20 или 30 полетов самолетов U-2 вглубь советской территории. Как утверждает Розенберг, в результате этого «низкое качество разведанных о целях на протяжении всех 1950-х годов... породило весьма изощренные догадки» и поспособствовало быстрому расширению числа целей, намеченных США²¹². Можно достоверно утверждать, что в этот период более высокий уровень транспарентности в отношении советских сил сдержал бы рост числа целей, намеченных США, и тем самым замедлил бы темпы наращивания американского потенциала.

То же самое можно сказать и о периоде конца 1950-х и начала 1960-х годов, когда многие в США испытывали страх перед «ракетным отставанием» от Советского Союза. В выпущенной в августе 1958 года национальной разведывательной оценке обстановки США, например, содержался прогноз, что к 1961 или 1962 году СССР может создать потенциал не менее чем в 500 межконтинентальных баллистических ракет (МБР)²¹³. Некоторые общественные оценки ракетного отставания были еще более тревожными. Журналист Джозеф Олсон предсказывал, что к 1963 году у СССР будет 2000 МБР против американских 130²¹⁴. В ходе своей предвыборной кампании в 1960 году будущий президент Джон Кеннеди пообещал активно наращивать силы США и ликвидировать это отставание.

---

²¹⁰ Moll, "Politics, Power and Panic," p. 140.

²¹¹ Rosenberg D.A. "The Origins of Overkill: Nuclear Weapons and American Strategy, 1945–1960," *International Security*, vol. 7, no. 4, (1983), p. 50.

²¹² Там же.

²¹³ См., например, Preble Ch.A. "Who Ever Believed in the "Missile Gap"? John F. Kennedy and the Politics of National Security," *Presidential Studies Quarterly*, vol. 33, no. 4 (2003), p. 804.

²¹⁴ Ball D. *Politics and Force Levels: The Strategic Missile Program of the Kennedy Administration* (Berkeley, CA: University of California Press, 1980), p. 7.

К концу 1961 года разведслужбам США стало ясно, что хотя ракетное отставание и существовало, отстающей стороной были отнюдь не США. Однако Кеннеди было политически невыгодно отступать от предвыборных обещаний, и он продолжил политику наращивания американского арсенала МБР и баллистических ракет морского базирования намного более высокими темпами, чем это планировала предыдущая администрация. Таким образом, если бы уровень транспарентности в отношении советских сил в начале ракетной эры был более высоким, не возникло бы мифа о ракетном отставании, а, следовательно, не началось бы вооружение США ускоренными темпами.

Однако у транспарентности могла оказаться и другая сторона. Утверждение о том, что отсутствие ясности поспособствовало наращиванию ядерных сил США ровно в той же мере справедливо, как и утверждение о том, что оно затормозило наращивание советского арсенала. В этом случае Москве пришлось бы поступить таким же образом, как Вашингтону, который был вынужден наращивать свои ядерные силы в 1958 – 1961 годах в результате всеобщей уверенности в том, что США находятся на втором месте в гонке ядерных вооружений, если бы общественности стало известно, что лидером гонки вооружений является не Советский Союз. И решение о наращивании советских сил в конце 1961 или начале 1962 года было принято по крайней мере отчасти под давлением этих обстоятельств. Историки Ричард Нед Лебоу и Дженис Гросс Стейн утверждают, что публичные заявления администрации Кеннеди относительно ракетного отставания в октябре 1961 года «создали серьезные проблемы для Советского Союза и его руководства» и, вероятно, подтолкнули СССР к тому, чтобы принять меры по ликвидации этого отставания, в том числе к размещению баллистических ракет средней и промежуточной дальности на Кубе²¹⁵.

Если обратиться к более позднему этапу холодной войны, когда политические взаимоотношения между СССР и США начали улучшаться и оба государства до определенной степени удовлетворились установившимся равенством, можно привести более убедительный пример того, как транспарентность послужила однозначно стабилизирующим фактором. В частности, несмотря на всю неполноту и несовершенство усилий по контролю над вооружениями времен холодной войны, они помогли ограничить, а в дальнейшем и снизить уровни сил. Трудно представить, что без уровня транспарентности, достаточного для осуществления проверок, были бы возможны какие-либо переговоры об ограничении или сокращении вооружений.

Аналогичный вывод можно сделать и в отношении того, как завершилось англо-германское соперничество на море. Эта гонка вооружений начала стабилизироваться практически сразу после окончания первой мировой войны, когда отношения между Германией и Великобританией ненадолго улучшились и в Германии постепенно утратили поддержку идеи о том, что господство Великобритании на море необходимо оспорить. Это отчасти объяснялось угрозой Уинстона Черчилля, который тогда был Первым Лордом Адмиралтейства, построить по два дредноута на каждый германский²¹⁶. Но даже эта неофициальная и введенная в одностороннем порядке форма контроля над вооружениями была бы невозможна, если бы уровень транспарентности был недостаточным и стороны не могли бы наблюдать за выполнением кораблестроительных программ друг друга.

Транспарентность и кризисная стабильность. Необходимым (но не достаточным) условием кризисной стабильности является наличие способных к выживанию ядерных сил. Государство, имеющее силы, заведомо способные к выживанию, может не бояться первого разоружающего удара, и в результате этого оно теряет стимулы к применению ядерного оружия уже на ранних этапах кризиса. В этой связи против необходимости

²¹⁵ Lebow R.N., Stein J.S. We All Lost the Cold War (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994), p. 39. Более общее описание см. на сс. 34–39.

²¹⁶ Maurer J.H. “The Anglo-German Naval Rivalry and Informal Arms Control, 1912–1914,” *Journal of Conflict Resolution*, vol. 36, no. 2 (1992), pp. 284–308.

транспарентности, в частности в отношении численности сил, можно привести довод о том, что она может подорвать способность сил к выживанию и тем самым снизить уровень кризисной стабильности.

Чаще всего к подобным доводам прибегают китайские аналитики, особенно возражая против того, что Пекину следует повысить уровень транспарентности в отношении своих ядерных сил. Например, в 2003 году аналитик, занимающийся вопросами контроля над вооружениями, Ли Бинь утверждал, что «своей живучестью имеющиеся [у Китая] силы МБР... обязаны отсутствию точной информации об их размере. Поскольку Китай не подтверждает и не опровергает сообщений о числе своих МБР, другие государства не могут быть уверены в точности каких-либо оценок. Агрессор, задумавший нанести первый удар по Китаю, не сможет быть уверен в том, что Китай будет неспособен нанести ответный удар. Так на сегодняшний день работает сдерживающий потенциал Китая»²¹⁷.

Однако за последние несколько лет это утверждение перестало быть столь однозначным. В настоящее время основу китайского потенциала ядерного сдерживания составляют мобильные силы: прежде всего, грунтовые мобильные баллистические ракеты, а также баллистические ракеты морского базирования. По оценкам министерства обороны США, Китай на данный момент располагает 95-120 транспортно-установочными пусковыми устройствами и примерно таким же числом баллистических ракет с ядерными боезарядами²¹⁸. Хотя не все эти ракеты могут достигнуть континентальной части Соединенных Штатов — в действительности эту миссию могут выполнить лишь 10-15 ракет DF-31A — все они могут поразить цели, представляющие чрезвычайную ценность для президента США, в том числе Тайвань или Японию. После рассредоточения мобильных ракетных пусковых установок их крайне трудно уничтожить. Даже если бы Вашингтону было известно точное число имеющихся у Пекина мобильных ракет, Китай почти наверняка нанес бы сокрушительный ядерный удар возмездия по США и их союзникам, несмотря на ущерб от первого удара США²¹⁹.

Однако делать окончательный вывод о том, что повышение уровня транспарентности Китаем не подорвало бы стратегическую стабильность, означало бы упростить ситуацию. Пекин наверняка по-прежнему обеспокоен тем, что раскрытие более подробных сведений о его силах позволит США нанести первый удар. Эта позиция, даже если она ошибочна, может породить кризисную нестабильность. В противном случае (и такой итог также нежелателен) Пекин может повышать уровень транспарентности в отношении своих ядерных сил и одновременно наращивать их более высокими темпами, рассчитывая повысить тем самым их способность к выживанию.

Все это ставит тех, кто занимается контролем над вооружениями, перед дилеммой. Чтобы добиться глубоких сокращений ядерных вооружений, а в конечном итоге и полного их уничтожения, процессу контроля над вооружениями будет необходимо придать многосторонний характер. При этом вовлечение Китая (а также Франции, Великобритании и других государств, обладающих ядерным оружием) в процесс контроля над вооружениями невозможен без повышения ими уровня транспарентности²²⁰. Однако сроки для этого назвать крайне затруднительно. С одной стороны, Китай необходимо будет подвергать справедливой критике, если он под предлогом страха оказаться в уязвимом положении будет скрывать данные, при этом обеспечив живучесть своих сил другими

---

²¹⁷ Li Bin, "China and Nuclear Transparency" в книге Nicholas Zarimpas (ed.), *Transparency in Nuclear Warheads and Materials: The Political and Technical Dimensions* (Oxford: Oxford University Press for SIPRI, 2003), p. 55.

²¹⁸ Office of the Secretary of Defense, *Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2010* (Department of Defense, 2010), http://www.defense.gov/pubs/pdfs/2010_CMPR_Final.pdf, p. 66.

²¹⁹ Acton, *Deterrence During Disarmament*, pp. 44–48.

²²⁰ Об одном из возможных путей придания многостороннего характера процессу контроля над вооружениями см. Acton J. *Low Numbers: A Practical Path to Deep Nuclear Reductions* (Washington, D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2011), www.carnegieendowment.org/files/low_numbers.pdf, ch. 4.

средствами, с другой стороны, международному сообществу не следует давить на Китай и вынуждать его прежде времени повышать уровень транспарентности, что создаст свои риски.

Транспарентность и противоракетная оборона. На сегодняшний день инициативы по повышению транспарентности в отношении ядерного оружия предполагают, скорее, открытость в отношении размера арсеналов, нежели в отношении возможностей ядерных сил. Так, например, почти все договорные режимы проверок нацелены на укрепление доверия в связи с размерами арсеналов: числом пусковых установок, ракет и боезарядов, имеющихся на вооружении сил. Исключений из этого правила — таких как обмен телеметрической информацией в соответствии с Договором СНВ-1 (Договор о сокращении стратегических наступательных вооружений) для целей определения забрасываемого веса — крайне мало. Для того же чтобы успешно преодолеть препятствия для заключения соглашений о контроле над вооружениями в будущем, потребуется укреплять доверие в отношении возможностей (или ограниченности возможностей) систем, вызывающих противоречия. В этой связи возникает новый комплекс трудностей для повышения транспарентности, что хорошо видно на примере систем противоракетной обороны.

Россия опасается, что с помощью системы ПРО в случае ее дальнейшего совершенствования и расширения США смогут подорвать российский потенциал сдерживания. Эти опасения могут отрицательно сказаться на стратегической стабильности. Так, руководство России открыто пригрозило наращиванием своих ядерных сил, если не будут сняты ее обеспокоенности в отношении системы противоракетной обороны. Например, в ноябре 2010 года российский президент Дмитрий Медведев заявил, что «в ближайшее десятилетие нас ждёт следующая альтернатива: или мы достигнем согласия по противоракетной обороне и создадим полноценный совместный механизм сотрудничества, или же (если нам не удастся выйти на конструктивную договорённость) начнётся новый виток гонки вооружений»²²¹.

После окончания холодной войны США последовательно заявляли, что их программа противоракетной обороны не нацелена против России. Однако российские аналитики и должностные лица обеспокоены тем, что в отсутствие соглашения об ограничении развертывания таких систем одна из будущих американских администраций может быстро и радикально расширить ПРО²²². В отсутствие серьезных улучшений в российско-американских отношениях Москва согласится пренебречь этой угрозой и пойти на дальнейшие меры по контролю над вооружениями лишь в том случае, если она будет считать, что противоракеты США не представляют угрозы для российских МБР. Поэтому перед США будет стоять задача убедить Россию в том, что *возможности* их противоракет ограничены.

После выхода из Договора по ПРО в 2002 году США пытались рассеять опасения России преимущественно опираясь на механизмы сотрудничества. Американские должностные лица не раз в частных беседах говорили о том, что главным преимуществом сотрудничества является транспарентность. Они надеются на то, что повышение уровня транспарентности позволит убедить Москву в том, что американская система ПРО не представляет для нее угрозы. Однако для того чтобы такая транспарентность принесла результаты, США и России будет необходимо выработать отсутствующее в настоящее время общее понимание относительно толкования технических данных системы противоракетной обороны.

Российские должностные лица придают большое значение скорости противоракеты в конце активного участка траектории (т.е. ее скорости сразу после того, как перестают

²²¹ Дмитрий Медведев, Послание Президента Федеральному Собранию, 30 ноября 2010 года, <http://kremlin.ru/transcripts/9637>.

²²² Рогов С., Есин В., Золотарев П. Ярынич В. Судьба стратегических вооружений после Праги. Независимое военное обозрение, 27 августа 2010 года, http://nvo.ng.ru/concepts/2010-08-27/1_strategic.html.

работать двигатели). Они опасаются, что американские противоракеты, имея достаточно высокую скорость после выгорания топлива, смогут настигнуть и уничтожить российские МБР. Озабоченность Москвы по поводу поэтапного адаптивного плана (предложенного администрацией президента Обамы плана развертывания ПРО в Европе), по-видимому, связаны большей частью с увеличением скорости противоракет на конечном участке траектории, предусмотренным этой программой. Так в ходе обсуждения вопросов сотрудничества в сфере ПРО в 2010 и 2011 годах Россия (безуспешно) пыталась добиться введения ограничений на скорость американских противоракет в конце активного участка траектории.

В США в целом руководствуются другим подходом к оценке эффективности противоракет. Не отрицая важности скорости противоракет в конце активного участка траектории, американские официальные лица рассматривают этот показатель лишь как один из нескольких факторов, отражающихся на эффективности противоракеты. Они полагают, что даже если бы американские противоракеты имели достаточно высокую скорость в конце активного участка траектории, чтобы догнать российские МБР, их уничтожение все равно оказалось бы крайне сложной, если не вообще невыполнимой задачей. Это объясняется отчасти тем, что в принципе крайне трудно уничтожить «пулю пуль», но главным образом сложными средствами для преодоления ПРО, которыми снабжены российские МБР и которые многократно затруднят любую попытку США уничтожить российские МБР в полете.

Без общего метода оценки эффективности противоракет транспарентность не окажет существенного содействия в снятии российских озабоченностей. Справедливости ради стоит сказать, что американское видение сотрудничества в сфере ПРО предполагает больше, чем просто повышение уровня транспарентности. Например, США и Россия пытаются придти к соглашению, которое позволило бы им обмениваться чувствительными технологиями, в том числе технологиями противоракет. Если такое соглашение удастся заключить, ввести в действие и начать осуществлять, с помощью обмена технологиями США, вероятно, могли бы убедить Россию в том, что их ПРО не подорвет ее потенциала сдерживания. Другие же предлагаемые элементы сотрудничества, такие как совместное раннее предупреждение о ракетных пусках, хотя они крайне желательны с других точек зрения, вряд ли помогут сократить разрыв между российским и американским подходами к оценке эффективности противоракет.

Если же этот разрыв не сократить, возможно, что в более долгосрочной перспективе повышение уровня транспарентности лишь обострит опасения России. Если в течение десяти-двадцати лет Россия будет наблюдать, как США создают все более и более скоростные и эффективные противоракеты, то в отсутствие количественных ограничений (введение которых вряд ли удастся объяснить кому-либо внутри США), ее страхи по поводу системы ПРО будут усугубляться.

Нужно оговориться, что это ни в коем случае не довод против повышения уровня транспарентности: если не рассеивать опасения России, риск для стратегической стабильности будет куда более велик, чем если попытаться снять ее озабоченности с помощью сотрудничества. Скорее, это довод в пользу того, чтобы США и Россия обратили пристальное внимание на такой риск и начали активный поиск путей для его уменьшения.

Между транспарентностью и стратегической стабильностью существует сложная связь. В истории имеется достаточно примеров, подтверждающих афоризм Стива Феттера: «как правило, транспарентность укрепляет безопасность только тогда, когда государства находят достаточно комфортным статус-кво»²²³. Так, в начале XX века англо-германская гонка морских вооружений началась с того, что Германия сочла существующее положение, господство Великобритании на море, неприемлемым и попыталась его изменить. При этом

---

²²³ Fetter S. Stockpile Declarations // Transparency in Nuclear Warheads and Materials / Ed. by Zarimpas. P. 137.

сравнительно высокий уровень транспарентности подкрепил худшие опасения обеих сторон и подтолкнул их к соперничеству. Когда Германия, хоть и нехотя, но начала признавать превосходство Британии на море в преддверии первой мировой войны, транспарентность стала играть более стабилизирующую роль. Аналогичная схема просматривается и в случае с гонкой ядерных вооружений. К началу 1970-х годов США и СССР начали принимать сложившуюся ситуацию ядерного равенства и взаимного гарантированного уничтожения. В этот период транспарентность способствовала стабилизации гонки вооружений за счет контроля над вооружениями. На более ранних этапах холодной войны, когда гонка вооружений была в разгаре, уровень прозрачности был существенно ниже. Разумеется, невозможно определить, оказало бы повышение уровня транспарентности стабилизирующее воздействие или нет, но факты свидетельствуют о том, что хотя отсутствие прозрачности и подтолкнуло США к наращиванию их ядерного потенциала, оно же затормозило наращивание советского арсенала.

Заглядывая в будущее, можно сказать, что повышение уровня транспарентности в российско-американских отношениях может принести определенную пользу как сегодня, так и на дальнейших этапах процесса сокращения вооружений. Для изменения существующего положения и обретения превосходства в ядерной области может быть использован целый ряд стратегических средств, в том числе противоракетная оборона, и с помощью повышения уровня транспарентности можно было бы свести к минимуму опасения, что это случится. Тем не менее, на этом пути придется преодолеть ряд трудностей. Так, например, Россия выражает озабоченность в связи с американской системой противоракетной обороны, и озабоченность эта связана главным образом с возможностями американских противоракет. Для того чтобы с помощью мер транспарентности укрепить доверие Москвы в отношении американского потенциала, потребуется выработать отсутствующее сегодня общее понимание в отношении технологий ПРО.

8. НОВЫЙ ДОГОВОР И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ СНВ

Подписанное в июле 2009 г. на саммите в Москве «Совместное понимание по вопросу о дальнейших сокращениях и ограничениях стратегических наступательных вооружений» свидетельствовало как об определенном прогрессе в начавшемся стратегическом диалоге России и США, так и о значительных проблемах, которые предстояло решить. Эти проблемы были связаны не только с известными разногласиями между Россией и США по вопросам ПРО, по оснащению стратегических носителей обычными высокоточными зарядами на стратегических носителях, наличием возвратного потенциала американских СНС после выполнения условий нового Договора. В США и России существуют круги, которым тесный стратегический диалог сторон представляется не соответствующим интересам национальной безопасности.

Достаточно упомянуть резкие протесты в США в связи с решением президента Обамы сократить на 14% расходы на ПРО, отказом от продолжения программы НИР по «надежной сменной боеголовке» (RRW), по созданию новых ядерных боезарядов. В России также существует позиция, в соответствии с которой США втягивают российские СЯС в процесс разоружения с целью достижения абсолютного военного превосходства за счет своего многократного превосходства по силам общего назначения, новейшим стратегическим неядерным средствам и системам ПРО. Именно эти разногласия привели к широкому начальному диапазону разногласий по стратегическим носителям (500–1100 ед.) и боезарядам (1500–1675 ед.).

В результате значительных усилий сторон препятствия на пути к новому Договору по СНВ удалось преодолеть. (Полное название – Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений.) Он был подписан президентами России и США 8 апреля в Праге и ратифицирован Сенатом США в декабре 2010 г., а Федеральным Собранием РФ в январе 2011 г.

Основные параметры нового Договора о СНВ. В отличие от своего предшественника, новый Договор в соответствии со ст. II в качестве основных ограничений содержит только допустимые пределы по боезарядам на развернутых носителях (1550 ед.), по количеству развернутых носителей (700 ед.) и суммарному количеству развернутых и неразвернутых пусковых установок МБР, БРПЛ и по числу ТБ (800 ед.). Никаких ограничений на структуры или подуровней ядерных триад сторон нет. Существенные изменения (ст. III) по сравнению с Договором СНВ-1 претерпели правила засчета боезарядов: их количество определяется по реальному оснащению МБР и БРПЛ независимо от числа «посадочных мест» на платформах разведения или максимального количества боеголовок, с которыми они были когда-либо испытаны, а любое количество КРВБ на ТБ считается за один боезаряд. Для вывода из числа развернутых подводных ракетоносцев нет необходимости не только полностью вырезать ракетные отсеки из корпуса ПЛАРБ, но и изымать из них пусковые установки («трубы»), что было определено условиями предыдущего Договора. Достаточно удалить крышки пусковых установок, связанных с ними обтекателей и, если возможно, газогенераторов (Протокол, гл. III, раздел IV, п. 1).

Для исключения из засчета СНВ подводной лодки, если все ее пусковые установки переоборудованы таким образом, что из них не могут запускаться БРПЛ (например, при переоборудовании их для запуска крылатых ракет), достаточно продемонстрировать факт переоборудования способом, который может быть избран стороной, осуществляющей переоборудование (Протокол, гл. III, раздел IV, п. 7).

Новый Договор по СНВ не накладывает никаких ограничений на модернизацию и замену стратегических наступательных вооружений. Необходимо всего лишь уведомить о новом типе МБР и БРПЛ, который отличается от ранее заявленного типа техническими характеристиками хотя бы по одному из признаков: количеству ступеней, типу топлива, по длине ракеты (без головной части), длине первой ступени, диаметру первой ступени более, чем на 3% (Протокол, гл. I, п. 42). Это дает значительно большую свободу для модернизации и изменению боевого оснащения ракет, по сравнению с условиями Договора СНВ-1.

Также сняты почти все прежние ограничения на пространственно-временные параметры и условия базирования и развертывания наземно-мобильных МБР, чему Россия придавала на переговорах большое значение.

Одна из проблем еще до начала и в процессе переговоров заключалась в американских планах по оснащению БРПЛ и МБР высокоточными неядерными боезарядами. Как следует из текста Договора, США согласились включать ракеты с таким оснащением в суммарное допустимое количество стратегических вооружений. Это означало, что в планы США не входит развертывание неядерных БРПЛ и МБР в таком количестве, которое могло бы заметно снизить ядерный потенциал СНВ (а впоследствии эти проекты были отменены). Это явилось одним из важнейших преимуществ Пражского Договора, по сравнению с Московским Договором СНП от 2002 г., большим достижением российской дипломатии и крупной уступкой США, которая почему-то не привлекла серьезного внимания общественности.

Вместе с тем Вашингтон не пошел ни на какие ограничения или методы включения в засчет стратегических подводных лодок, переоборудуемых под обычные КРМБ, и тяжелых бомбардировщиков (В-1 и дополнительного числа В-52), переоснащаемых под неядерные крылатые ракеты воздушного базирования (КРВБ). Что касается ядерных крылатых ракет

морского базирования (КРМБ), то администрация Обамы приняла решение об их односторонней ликвидации (около 200 ед.). В отличие от переговоров об СНВ-1, Россия не ставила вопрос об их ограничении (видимо, желая сохранить эти средства в боевом составе нестратегических ядерных вооружений), и новый Договор их вообще не касается. Ограничение ядерных КРМБ было большой спорной проблемой в ходе переговоров по СНВ-1, который ограничил их отдельным потолком в 880 ед. без процедур проверки. Это еще один из многих интересных примеров того, как стороны периодически менялись местами в подходе к тем или иным системам оружия и как проблемы, казавшиеся очень серьезными, потом становились незначительными.

Большие изменения произошли в согласованной сторонами системе инспекций и уведомлений. Интенсивность инспекций снизилась с 28 до 18 в год, и они разделены на два типа. Первый тип включает в себя инспекции по подтверждению данных о количествах и типах развернутых и неразвернутых вооружений, по количеству боезарядов на развернутых МБР и БРПЛ, а также по вооружениям на развернутых ТБ. Ко второму типу относятся инспекции по проверке данных о количествах, типах и технических характеристиках неразвернутых вооружений и фактов переоборудования или ликвидации вооружений, а также для подтверждения того, что ранее заявленные объекты не используются в целях, нарушающих положения Договора.

В соответствии с гл. IV Протокола значительно сокращен объем уведомлений относительно текущих исходных данных о состоянии стратегических вооружений, об их передвижениях, об инспекционной деятельности: 42 вида уведомлений вместо 152 по Договору СНВ-1.

Длительные дискуссии о необходимости обменов телеметрической информации завершились тем, что стороны согласились предоставлять магнитные ленты с записями измеряемых в полете параметров не более, чем при пяти пусках ракет ежегодно, при том, что каждая сторона сама выбирает конкретные пуски, по результатам которых она предоставляет необходимые данные. Это позволило полностью снять озабоченность российской стороны, связанную с тем, что только в России проводятся летные испытания новых МБР и БРПЛ, данные по которым необходимо передавать другой стороне, в то время как в США новых разработок в ближайшей перспективе не ожидается. В известном смысле, это стало новацией в ограничении вооружений, поскольку обмен информацией «не более, чем о пяти пусках» может означать и ноль. Возникает вопрос: станет ли нарушением Договора решение какой-либо стороны представить информацию о шести и более пусках?

Наряду с явной правовой нелепостью этого положения, в такой позиции России был серьезный военный недостаток: в США планировались летные испытания БРПЛ и МБР с неядерными высокоточными боезарядами, и информация по характеристикам такого типа боевого оснащения могла бы оказаться полезной для России. Отмена этих программ не означает, что к ним США никогда не вернуться, особенно, если не оправдаются надежды на новейшие ракетно-планирующие системы.

В соответствии с Договором СНВ-1, как отмечено выше, действовали 39 согласованных заявлений, а в новом Договоре остались только 10 (Протокол, гл. IX), и связаны они в основном с инспекционной деятельностью, процедурами показов вооружений, включая осмотры пусковых установок БРПЛ, переоборудованных под крылатые ракеты и с традиционным запретом на скоростное перезарядание (пятое заявление).

Представленный выше обзор статей нового Договора и Протокола к нему затрагивает лишь основные положения и ограничения, отличающие новый Договор от Договора СНВ-1.

Можно отметить, в частности, использование огромного опыта контроля в рамках СНВ-1, что позволило значительно уменьшить избыточные запреты и ограничения на стратегические вооружения, сократить инспекционную деятельность.

Политическое измерение нового Договора. В отличие от периода холодной войны отношения Москвы и Вашингтона теперь не наиглавнейший, а только один из ряда важных вопросов международных отношений, внешней политики США (в меньшей мере) и России (в большей мере). Точно так же стратегический ядерный баланс и переговоры о нем теперь не центральная, а лишь одна из нескольких основных проблем международной безопасности (наряду с терроризмом, нераспространением ОМУ и его носителей, локальными конфликтами и пр.). Соответственно, подход к соглашениям по СНВ стал менее жестким и придиричивым, ряд проблем и разногласий стороны отодвигают на задний план или откладывают на будущее.

Уникальной особенностью нового Договора является то, что на переговорах о нем США не преследовали цель, во что бы то ни стало ликвидировать, сократить и ограничить какие-либо вооружения или программы другой стороны (как, например, тяжелые МБР или мобильные ракеты СССР и России в прежние времена), а стремились в основном к максимальному сохранению режима транспарентности. Это объяснялось американской оценкой предстоящего сокращения российских СЯС независимо от соглашений СНВ – из-за экономических, технических проблем и ввиду специфических решений Москвы по ее стратегическим программам в прошедшем десятилетии.

Но так как Вашингтон не ставил задачу добиться определенных российских сокращений и ограничений, то и у России не было «козырей» для размена на уступки со стороны США (правила засчета, ограничения стратегических средств в обычном оснащении и пр.). Кроме того, демократическая администрация должна была готовиться к сильной республиканской оппозиции при ратификации Договора. А Москва в свою очередь не сочла нужным уступать по режиму контроля (постоянное наблюдение в Воткинске, запрет на шифрование телеметрии и т. д.). США приняли эту позицию, поскольку были заинтересованы в новом Договоре, прежде всего по политическим соображениям: предвыборные обязательства Б. Обамы, конференция по ДНЯО. Сказался и фактор времени – сжатый график переговоров ввиду истечения срока СНВ-1 в декабре 2009 г.

Новый Договор продемонстрировал важнейшую особенность и совпадение ядерной политики Москвы и Вашингтона – отсутствие намерений осуществлять в обозримой перспективе реальные сокращения своих стратегических вооружений значительно ниже уровня, зафиксированного еще в 2002 г. в Московском Договоре о сокращении наступательных потенциалов (1700–2200 боезарядов). Пониженный уровень боезарядов по новому Договору демонстрируется главным образом лишь изменением правил засчета боезарядов на бомбардировщиках. Если принять, что на 56 развернутых американских ТБ Б-52 реально могут быть размещены 1120 КРВБ (боезарядов), а по правилам условного засчета в Договоре СНВ-1 – 672 боезаряда, то теперь их засчитывается лишь 56. Таким же путем реальное количество боезарядов (более 850) на 77 развернутых российских ТБ типа Ту-160 и Ту-95 МС превращается в 77 боезарядов.

Однако за такими новшествами стоят определенные соображения, имеющие оперативно-стратегические и экономические основания. То обстоятельство, что стороны согласились как бы понизить «удельный вес» ТБ, может объясняться представлениями об их роли в стратегических операциях ядерной триады при обмене массированными ядерными ударами, которые рассматриваются как основная форма подобных операций. Задачи ТБ считаются не вполне определенными до, в процессе и после массированных ударов МБР и БРПЛ. При реальном снижении угрозы такого конфликта значением бомбардировщиков решили вообще пренебречь, тем более что в обычной ситуации они, в отличие от ракет, не имеют ядерного оружия на борту.

Возможно, что позиция администрации президента Обамы по дальнейшим сокращениям СНВ и переговорам по этой проблеме с Россией соответствует тому, что

изложено в опубликованной статье Д. Шульца и У. Перри²²⁴. Среди прочего речь в ней идет о том, что прежде, чем договариваться с Россией о новых сокращениях стратегических вооружений, необходимо решить задачу объединения усилий в сфере ПРО в формате США–Россия–НАТО. В статье также предлагается параллельно вести консультации по тактическому ядерному оружию (ТЯО) и обычным вооружениям в Европе, по проблемам Ирана и Северной Кореи, но на первом месте – ПРО.

Новый Договор о СНВ при всех содержащихся в нем новшествах является, тем не менее, воплощением традиционной модели ядерного сдерживания. Таким образом, на практике оказалось, что даже в условиях самых благоприятных за всю историю российско-американских отношений политических возможностей, которые открывались в период президентства Б. Обамы и Д. Медведева, отойти от ядерного сдерживания в центральном документе, принятом в это время, так и не удалось.

9. ВНЕШНЯЯ И ВОЕННАЯ ПОЛИТИКА ДЕРЖАВ КАК ФАКТОР РАЗОРУЖЕНИЯ

Большинство российских политиков и экспертов сходятся во мнении, что Россия, не являясь членом НАТО и других западных альянсов и будучи включена в объективно существующие отношения взаимного сдерживания с другими ядерными державами, должна поддерживать большой ядерный потенциал и достаточно крупные силы общего назначения для защиты своей территории, союзников по ОДКБ и для локальных операций. При этом блок НАТО в основном рассматривается как недружественная военная сила, возможности которой надо стремиться блокировать или уравновешивать.

Российская военная политика. Военная политика России весьма противоречива. Она не просто отражает неоднозначность ее внешней политики, но в большой степени существует как бы независимо от нее. Военные приоритеты РФ в ряде случаев противоположны внешнеполитическим. При этом нынешняя военная реформа и ее программы не снимают такое противоречие, а в ряде случаев обостряют его.

В отношении приоритетов внешней политики президент Медведев выразил свою позицию следующим образом: «...Нам нужны, я уже об этом говорил, специальные модернизационные альянсы с нашими основными международными партнерами. С кем? Прежде всего, с такими странами, как Германия, Франция, Италия, с Евросоюзом в целом, с Соединенными Штатами Америки. Взятый на ростовском саммите «Россия–ЕС» (31 мая – 1 июня 2010 г.) курс партнерства для модернизации предлагает совместную разработку крупных проектов, включая технологическое перевооружение российской промышленности... Сотрудничество в сфере инноваций... может создавать вполне позитивную повестку дня в отношениях с Соединенными Штатами Америки и может позволить раскрыть и будущий потенциал нашего взаимодействия. А он не должен ограничиваться только сокращением ракет или пикировкой по отдельным региональным конфликтам... Нас объединяет осознание того, что основу национальной безопасности составляет устойчивое и поступательное развитие. Полностью совпадает с нашим и комплексный подход к обеспечению безопасности, исходящий из понимания того, что военная сила имеет ограниченные возможности»²²⁵.

Сопоставим эту позицию с новой Военной доктриной России, принятой в феврале 2010 г., которая так определяет приоритетность внешних опасностей:

«Основные внешние военные опасности:

²²⁴ См.: Perry W., Shultz G. How to Build on the Start Treaty // The New York Times. 10.04. 2010.

²²⁵ Выступление на совещании с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях // Президент России. 12 июля 2010 г. (<http://news.kremlin.ru/transcripts/8325>).

- а) стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран – членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем расширения блока;
- б) попытки дестабилизировать обстановку в отдельных государствах и регионах и подорвать стратегическую стабильность;
- с) развертывание (наращивание) воинских контингентов иностранных государств (групп государств) на территориях сопредельных с Российской Федерацией и ее союзниками государств, а также в прилегающих акваториях;
- д) создание и развертывание систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также милитаризация космического пространства, развертывание стратегических неядерных систем высокоточного оружия»²²⁶.

Понятно, что все четыре приоритетные «опасности» исходят от США и их союзников. А «распространение оружия массового поражения, ракет и ракетных технологий» и «распространение международного терроризма», которые предполагают сотрудничество с Западом, находятся лишь на шестом и десятом местах соответственно²²⁷.

По поводу характера вероятных будущих войн Доктрина гласит: «Военные конфликты будут отличаться скоротечностью, избирательностью и высокой степенью поражения объектов, быстротой маневра войсками (силами) и огнем, применением различных мобильных группировок войск (сил). Овладение стратегической инициативой, сохранение устойчивого государственного и военного управления, обеспечение превосходства на земле, море и в воздушно-космическом пространстве станут решающими факторами достижения поставленных целей»²²⁸.

Понятно, что речь идет не о борьбе с терроризмом или радикальными режимами, а именно о войне с США и их союзниками. И чтобы не оставлять по данному поводу никаких сомнений, в Доктрине следует уточнение: «Для военных действий будет характерно возрастающее значение высокоточного, электромагнитного, лазерного, инфразвукового оружия, информационно-управляющих систем, беспилотных летательных и автономных морских аппаратов, управляемых роботизированных образцов вооружений и военной техники»²²⁹.

Соответственно, в качестве важнейшей задачи Вооруженных Сил ставится «своевременное предупреждение Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации о воздушно-космическом нападении...», а затем «обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения»²³⁰.

Важно отметить, что и президент отдал дань этой стратегической линии в послании Федеральному Собранию, поставив на первое место необходимость уделить внимание «...укреплению воздушно-космической обороны страны, объединить существующие системы противовоздушной и противоракетной обороны, предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства»²³¹.

Иными словами, то ли осознано, то ли нет, первые приоритеты российской обороны и военной реформы – ядерное сдерживание и защита от воздушно-космического нападения –

---

²²⁶ Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Российская газета. 10.02.2010 (<http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html>).

²²⁷ Там же.

²²⁸ Там же.

²²⁹ Там же.

²³⁰ Там же.

²³¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Президент России. 30 ноября 2010 г. (<http://президент.рф/news/9637>).

направлены против тех, с кем Россия должна создавать, по словам президента Медведева, «специальные модернизационные альянсы», кого рассчитывает привлечь к «технологическому перевооружению российской промышленности», с кем «совпадает... комплексный подход к обеспечению безопасности, исходящий из понимания того, что военная сила имеет ограниченные возможности». А именно, как указал президент, «с такими странами, как Германия, Франция, Италия, с Евросоюзом в целом, с Соединенными Штатами Америки»²³², с которыми на ростовском саммите «Россия–ЕС» 2010 г. взят курс на «Партнерство для модернизации».

Следует также подчеркнуть, что и в стратегическом плане две приоритетные функции Вооруженных Сил в известном смысле противоречат друг другу. А именно, упор на воздушно-космическую оборону территории страны от массированных ударов высокоточного оружия (а возможно, и от ядерных средств, хотя этот вопрос не уточняется) ставит под сомнение надежность сдерживания – решимость России ответить на такого рода нападение ядерным ударом. Между тем Доктрина подразумевает, что ядерное оружие будет применено в случае такой военной угрозы, как «воспрепятствование работе систем государственного и военного управления Российской Федерации, нарушение функционирования ее стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной энергетики, атомной, химической промышленности и других потенциально опасных объектов»²³³.

Можно предположить, что в случае гипотетических массированных ударов максимум, на что будут в отдаленной перспективе реально способны российские системы ПРО и ПВО, это «точечная» защита инфраструктуры системы управления, СЯС и СПРН для сохранения потенциала ответного удара. Это, кстати, вполне соответствует традиционной концепции стратегической стабильности, заложенной во все договоры ОСВ/СНВ, начиная с Договора по ПРО от 1972 г. и кончая Пражским Договором 2010 г.

Ядерное сдерживание – теория и практика. Помимо явных противоречий внешней и военной политики (доктрины), дело усугубляется расстыковкой официального военного курса (доктрины) и практических мероприятий военной реформы. В частности, речь идет о ядерном оружии и поддержании приемлемого стратегического баланса.

По поводу ядерного сдерживания в Доктрине указывается: «Недопущение ядерного военного конфликта, как и любого другого военного конфликта, – важнейшая задача Российской Федерации». А для сдерживания необходимо «поддержание стратегической стабильности и потенциала ядерного сдерживания на достаточном уровне».

Условия применения ЯО определены следующим образом: «Российская Федерация оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства». Иными словами, первый ядерный удар возможен лишь в самом крайнем случае.

Согласно перечисленным стратегическим целям ставится задача поддержания стратегических ядерных сил на уровне, «гарантирующем нанесение заданного ущерба агрессору в любых условиях обстановки». Примечательно, что не упомянуты прежние задачи упреждающего разоружающего удара (в советской стратегической мысли это называлось «предотвращением ядерного нападения агрессора») «сокрушительного возмездия» или «гарантированного уничтожения». В целом, очевидно, что новая Военная

---

²³² Выступление на совещании с российскими послами и постоянными представителями в международных организациях // Президент России. 12 июля 2010 г. (<http://news.kremlin.ru/transcripts/8325>).

²³³ Указ Президента Российской Федерации от 5 февраля 2010 г. № 146 «О Военной доктрине Российской Федерации» // Российская газета. 10.02.2010 (<http://www.rg.ru/2010/02/10/doktrina-dok.html>).

доктрина выражает более сдержанное отношение к роли и задачам ядерного оружия и в этом вполне согласуется с внешней политикой президента.

Однако практическая военная политика, в том числе программа вооружения, которая является неотъемлемой частью текущей военной реформы, идет явно вразрез и с доктриной, и с внешнеполитической линией Кремля. Речь идет о программе разработки новой тяжелой жидкостной МБР с РГЧ (до 10 боеголовок) для размещения в шахтных пусковых установках. Новая тяжелая МБР будет противоречить принципам стратегической стабильности. Эта система сконцентрирует большое число боезарядов на малом количестве стационарных носителей. Ракеты станут привлекательной целью и будут крайне уязвимы в ШПУ для удара американских ядерных МБР и БРПЛ с достаточно точными и мощными головными частями, а в перспективе, возможно, и для высокоточных стратегических систем в обычном оснащении (крылатых, баллистических ракет и орбитальных систем).

Тяжелые МБР больше любой другой системы ядерного оружия являются символом холодной войны и гонки вооружений. В этой связи появление у России тяжелой МБР, вместо создания у США стимула к более существенным ограничениям в рамках СНВ, могут вызвать прямо противоположный эффект. Стратегическая стабильность будет существенно подорвана, как и перспективы дальнейших переговоров об СНВ, сотрудничества в создании совместной с США (НАТО) системы ПРО для Европы.

Препятствия для сотрудничества в развитии ПРО. В духе «перезагрузки» отношений в 2008–2010 гг. США и Россия, а также Совет Россия–НАТО приняли ряд деклараций о совместном развитии систем ПРО.

Со своей стороны Россия предложила концепцию общей «секторальной» ПРО, по которой РФ и НАТО защищали бы друг друга от ракет с любых направлений. НАТО выступила за самостоятельные, но сопряженные по ряду элементов системы ПРО. Были созданы контактные группы на правительственном уровне и влиятельные комиссии экспертов. Они сделали серьезные предложения о принципах и первых практических шагах такого сотрудничества, в частности: создании Центра оперативного обмена данными систем предупреждения о пусках ракет (ЦОД), возобновлении совместных противоракетных учений, общей оценки ракетных угроз, критериях и принципах стабилизирующих систем ПРО и транспарентности их развития и пр.

Тем не менее, при всей привлекательности упомянутых инициатив, переговоры летом 2011 г. зашли в тупик. Основная причина, видимо, в том, что нельзя решать проблему изолированно, поскольку противоракетные системы встроены в более широкий контекст военной политики сторон и их военно-политических отношений. И в этом контексте есть большие препятствия для сотрудничества в столь кардинальной и деликатной сфере как ПРО. Без их преодоления будет бесконечное хождение по кругу деклараций и предложений, которое никогда не обретет практического характера.

Во-первых, речь идет о мотивах программы США. В курсе Вашингтона есть большие нестыковки, которые вызывают естественные подозрения Москвы об истинных целях поэтапного адаптивного плана (ПАП) развития ПРО. И дело вовсе не в том, что у Ирана пока нет ни МБР, ни ядерного оружия. Есть серьезные причины подозревать наличие военной ядерной программы Ирана (подтвержденные претензиями со стороны МАГАТЭ и лежащие в основе шести резолюций Совета Безопасности ООН).

Дело в другом: США не раз официально заявляли, что ни за что не допустят обретения Ираном ядерного оружия (подразумевая, видимо, и решимость Израиля не допустить этого). А раз так, то стоит ли создавать крупную систему ПРО для защиты от ракет в обычном оснащении. В отличие от ядерных ракет, ущерб от удара таких носителей был бы незначителен. Для его предотвращения вполне можно полагаться на потенциал разоружающего удара и массированного возмездия с применением высокоточных

обычных систем, столь эффективно использованных в Югославии, Ираке, Афганистане и Ливии.

Иногда представители Вашингтона говорят, что система ПРО будет сдерживать Иран от создания ракетно-ядерного оружия. Это весьма сомнительно. Скорее наоборот, такая система воспринимается в Тегеране как свидетельство того, что США, в конце концов, смиряются с вступлением Ирана в «ядерный клуб» – недаром иранское руководство никогда не протестовало против американской программы ПРО. С точки зрения Тегерана, чем масштабнее ПРО США – тем лучше, так как она раскалывает Москву и Вашингтон, что позволяет Ирану продвигать свои программы все дальше.

Однако в России многие чувствуют, что в свете масштабов и характеристик ПАП ПРО противодействием иранской угрозе дело едва ли ограничивается. Помимо новых потенциальных арабских претендентов в ракетно-ядерный клуб (которые могут стать итогом арабских революций 2011 г.), есть острейшая проблема Пакистана. В случае прихода к власти исламистов эта страна превратится во второй «Иран», но уже с готовыми ракетами и ядерными боеголовками к ним. Однако, по понятным причинам США не могут открыто говорить об этой угрозе, чтобы не дестабилизировать своего нынешнего союзника, от которого зависит операция в Афганистане.

Наконец, есть фактор Китая, с которым США всерьез готовятся к долгосрочному региональному (Тайвань) и глобальному соперничеству в обозримый период XXI века. На противостояние с КНР все больше нацеливаются и наступательные ядерные силы США, и их высокоточные средства большой дальности в обычном оснащении (КРМБ), и новейшие разработки частично-орбитальных ракетно-планирующих систем (Минотавр Лайт IV). Программа ЕвроПРО – это элемент глобальной противоракетной системы, наряду с ее районами развертывания на Дальнем Востоке, Аляске и в Калифорнии. Она направлена против ограниченного ракетно-ядерного потенциала Китая, чтобы как можно дальше отодвинуть время достижения им ракетно-ядерного паритета и взаимного ядерного сдерживания с США. Но и об этом Вашингтон не может сказать открыто, чтобы не провоцировать КНР на форсированное ракетное наращивание, не пугать еще больше Японию и Южную Корею и не подталкивать их к ядерной независимости.

Мир, в котором США становятся уязвимы для ракетно-ядерного оружия растущего числа стран, включая экстремистские режимы, – это новая и пугающая их окружающая военно-стратегическая среда, с которой они не желают примириться. Вспомним, как болезненно, долго и трудно, через какие кризисы и циклы гонки вооружений в 60–70-е годы минувшего века Вашингтон приходил к признанию неизбежности паритета и своей уязвимости для ракетно-ядерного оружия СССР. Не стоит забывать и тревогу, с которой Советский Союз реагировал на развертывание Китаем ракет средней дальности, а потом и МБР в 70–80-е годы. Сохранение Московской системы ПРО А-135 в большой мере определялось китайским фактором.

Ключевой вопрос для Москвы в том, может ли эта глобальная противоракетная система в конечном итоге повернуться против России. Самые авторитетные российские специалисты утверждают: как нынешняя, так и прогнозируемая на 10–15 лет вперед американская ПРО не способна существенно повлиять на российский потенциал ядерного сдерживания. В рамках нового Договора СНВ и даже при дальнейшем понижении его потолков (например, до 1000 боеголовок) попытка создать ПРО для защиты от российских стратегических сил потребовала бы таких колоссальных средств и дала бы столь сомнительные плоды, что нанесла бы ущерб безопасности самих США. К тому же возникли новые и более приоритетные угрозы, для противодействия которым Вашингтон нуждается в сотрудничестве, а не в новой конфронтации с Москвой. При этом, разумеется, непреложным условием является поддержание достаточного потенциала стратегических ядерных сил России в рамках Договора СНВ, чтобы ни у кого не возникло соблазна изменить в свою пользу стратегический баланс с помощью глобальной ПРО.

Другое дело, что совершенно неприемлемо нежелание Вашингтона допустить возможность корректировки программы ПРО в будущем. Раз программа называется «адаптивной», то она должна предусматривать возможность поправок не только в качестве реакции на угрозу, но и в зависимости от развития сотрудничества с Москвой. Однако Вашингтон до сих пор не определился с тем, какого вклада он ждет от России. Большие препятствия создает резкая позиция по вопросу ПРО республиканской оппозиции в Конгрессе США.

Второе препятствие – расхождение в оценке угроз. Некоторые союзники США по НАТО не вполне разделяют оценки Вашингтона в отношении Ирана, но поддержали ПАП, как новое связующее звено солидарности НАТО в условиях растущих трудностей операции в Афганистане, а также с расчетом на экономические и технологические выгоды взаимодействия.

С Россией у США есть гораздо большие различия в оценке угроз. И главное не в разных прогнозах эволюции ядерной и ракетной программ Ирана. Если называть вещи своими именами, то основное различие в том, что большинство политического и стратегического сообщества России не считают ракетную угрозу Ирана (и КНДР) сколько-нибудь серьезной и полагают, что традиционного ядерного сдерживания вполне достаточно. А главную угрозу видят со стороны США и НАТО. Об этом открыто сказано в новой российской Военной доктрине от 2010 г., где в списке военных опасностей действия и вооружения США и НАТО (включая их противоракетные системы) стоят на первых четырех позициях, а распространение ракет и оружия массового уничтожения, против которых может создаваться ПРО – лишь на шестом месте.

Это обстоятельство резко сужает, если вообще не аннулирует, основу для сотрудничества России и НАТО в развитии ПРО. Делать вид, что этого нет, и как ни в чем не бывало обсуждать на всех уровнях технические и оперативные вопросы совместной ПРО – это ни что иное, как военная схоластика, оторванная от практической политики. Пора прямо и открыто включить эту тему в диалог по ПРО. Иначе проблема, оставаясь в тени, будет и далее блокировать любые возможности сотрудничества.

Довольно странно выглядит на этом фоне предложенный Москвой проект «секторальной» ПРО, согласно которому Россия возьмет на себя ответственность за оборону НАТО, а последняя будет защищать Россию. Причем устами официальных представителей предлагался даже двойной контроль над «кнопкой», единый периметр обороны, распределение секторов отражения ракет.

В НАТО прекрасно понимают, что сама Россия в контексте ее общей военной политики не намерена положиться на США в защите своей территории от ракетно-ядерного удара. Поэтому проект «секторальной» ПРО был воспринят на Западе в лучшем случае, как скороспелая и нереалистичная импровизация, а в худшем – как блеф, рассчитанный на отказ другой стороны, чтобы получить предлог для срыва серьезных переговоров. Причем этот проект воспринимался как блеф тройной. Помимо отмеченного обстоятельства, есть еще два: нет государств с ракетами, которые могут лететь к России через территорию стран НАТО, а у России нет перехватчиков, которые могли бы в обозримое время защитить от ударов РСД с юга и юго-востока российскую территорию, не говоря уже о территории НАТО. Возможно, политическое руководство РФ действовало из благих побуждений, не осознавая отмеченных моментов, но это не снижает ущерб, причиненный «секторальным» проектом деловой репутации российской политики.

Третье препятствие – разные цели сторон в сотрудничестве по ПРО. После неудачи переговоров по ПРО в Довиле в июне 2011 г. российский президент сказал: «...Мы должны получить гарантии: что это не против нас. Нам такие гарантии никто не дал».

Однако не декларации и даже не юридически обязывающие соглашения с Западом (из которых, как показал опыт, можно выйти), а российский потенциал СЯС, который никак не ограничивается новым Договором СНВ, – вот главная и нерушимая гарантия

того, что ПАП не будет направлен против России, просто ввиду неспособности сколь угодно ощутимо повлиять на ее потенциал сдерживания. Соединенные Штаты не требуют от России никаких гарантий того, что ее ВКО не подорвет американский потенциал ядерного сдерживания, хотя эта программа откровенно направлена против США и НАТО. США полагаются на свой огромный потенциал ядерного сдерживания, способный преодолеть любую российскую оборону.

Практически любая система обороны от баллистических носителей оружия имеет техническую способность перехватить какое-то количество стратегических ракет или их элементов на траекториях полета. Это относится и к Московской ПРО А-135, и к будущей системе С-500, согласно обещаниям ее разработчиков. Как свидетельствуют специалисты, даже существующие американские системы типа ТХААД и Стандарт-3 имеют некоторый потенциал перехвата МБР.

Однако для оценки стратегического влияния ПРО на такой крупный ядерный потенциал сдерживания, как российский, нужно учитывать возможности обороны в совокупности всех ее элементов по отражению первого, ответно-встречного или ответного удара другой стороны с учетом всех ее ресурсов. Также нужна реалистическая оценка катастрофических последствий потери всего нескольких (не говоря уже о нескольких десятках) городов для любой сверхдержавы XXI века.

Периодически повторяющиеся угрозы в адрес Запада («...если мы не договоримся, начнется гонка вооружений») не производят никакого впечатления за рубежом, хотя вызывают чувства национальной гордости у большей части политических кругов России. Между тем разумную модернизацию СЯС и ТЯО Россия должна вести в любом случае («Тополь-М/Ярс», «Булава-30», «Искандер»), включая развитие технических средств преодоления любой системы ПРО на всех участках траектории. Избыточные вооружения (вроде новой жидкостной тяжелой многозарядной МБР шахтного базирования) лишь отвлекут финансовые ресурсы от действительно необходимых программ и других кричащих нужд обороны. Кроме того, это спровоцирует Запад на ответные меры в области наступательных и оборонительных вооружений с опорой на его экономическое и военно-техническое превосходство.

Для Вашингтона очевидно, что настойчивое требование гарантий со стороны России есть свидетельство того, что главный мотив ее возможного участия в программе – не противодействие ракетной угрозе третьих стран (в которую она не очень верит), а получение военно-технических доказательств невозможности ее использования против МБР, то есть ограничение боевой эффективности ЕвроПРО. Участие в программе обороны не с целью обороны, а ради ее ограничения – это весьма зыбкая основа для сотрудничества.

Тем не менее для отдельных характеристик это в принципе возможно (дислокация антиракет, способность их систем наведения к перехвату на активном участке траектории и пр.). Несомненно, что военно-техническое участие России в программе ЕвроПРО – в зависимости от объема этого участия – предоставило бы большую или меньшую возможность влиять на характеристики противоракетной системы.

В то же время, поскольку грань между системами перехвата МБР и РСД размыта, Вашингтон едва ли пойдет на существенные ограничения эффективности системы против Ирана и других стран, имеющих ограниченный ракетный потенциал. В США мало кто рассчитывает на существенный вклад России в совместную ПРО. Похоже, что США намерены реализовать намеченную программу самостоятельно, а от России им было бы достаточно политического согласия не возражать и не чинить препятствий.

Такой вид «сотрудничества» не устраивает Россию, она требует совместного планирования и осуществления программы ЕвроПРО на равноправной основе. Впрочем, равноправие – это привлекательный лозунг, но он должен дополняться конкретикой с учетом различий сторон в экономическом, военно-техническом и геостратегическом отношениях, а также в восприятии угроз. Кроме того, Москва не вспоминает о совместном

планировании, согласовании и равноправии, продвигая свою собственную программу Воздушно-космической обороны (ВКО).

Четвертое препятствие – российская ПРО. Одним из высших приоритетов современной военной политики России и Государственной программы вооружений до 2020 г. (ГПВ-2020) является развитие Воздушно-космической обороны. Эта программа выглядит не менее внушительно, чем американская ПРО. Помимо модернизации существующих и создания новых элементов СПРН в составе РЛС наземного базирования и космических аппаратов (что, безусловно, в любом случае необходимо), планируется развернуть 28 зенитных ракетных полков, оснащенных комплексами С-400 «Триумф» (около 1800 зенитных управляемых ракет – ЗУР), а также 10 дивизионов (около 400 ЗУР) перспективной системы С-500²³⁴. Кроме того, планируется обновление парка истребителей-перехватчиков (в числе 600 закупаемых самолетов), создание новой системы управления и интеграция в ней систем ПРО и ПВО, СПРН и контроля космического пространства²³⁵. О приоритетности программы свидетельствует и то, что в ходе текущей военной реформы было принято решение увеличить планируемый контингент офицерского корпуса на 50% (со 150 до 220 тыс. человек) ради создания ВКО.

Военная доктрина не скрывает, что ВКО предназначена для защиты от США и НАТО, ставя в качестве первоочередной задачи «своевременное предупреждение Верховного главнокомандующего Вооруженными Силами Российской Федерации о воздушно-космическом нападении...», а затем «обеспечение противовоздушной обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовность к отражению ударов средств воздушно-космического нападения»²³⁶.

Понятно, что речь идет не о третьих странах или террористах, а о наступательных системах США, особенно оснащенных высокоточным обычным оружием (авиация, крылатые ракеты, частично-орбитальные ракетно-планирующие системы и пр.). И это еще один аспект темы, находящийся вне противоракетного диалога политиков и экспертов, но подспудно вполне ощутимо влияющий на него.

Совершенно очевидно, что в ее нынешней конфигурации российская ВКО для защиты от нападения США и НАТО плохо совместима с общей системой ПРО для прикрытия Европы. Но Россия не может развивать две параллельные программы: одну вместе с НАТО для защиты друг друга («секторальный» проект), а другую для отражения ракетных ударов («воздушно-космического нападения») со стороны США и их союзников. Недаром весной 2011 г. на заседании коллегии Министерства обороны, определяя мероприятия развития ВКО, президент Медведев призвал делать это «...в контексте текущей ситуации, включая решение вопроса о нашем участии или неучастии в создаваемой системе европейской противоракетной обороны»²³⁷.

Поэтому участие России в программе ЕвроПРО – весьма искусственная и отвлеченная постановка проблемы. Скорее, нужно говорить о совместимости ВКО с поэтапной программой НАТО.

Пятое препятствие – внутренние факторы. Еще одно осязаемое препятствие на пути совместной ПРО состоит в том, что ни американский, ни российский военно-промышленные комплексы на деле не заинтересованы в сотрудничестве. Военные ведомства и промышленные корпорации США не хотят ни в чем ограничивать свою свободу рук в развитии системы, опасаются утечки технологических секретов, не хотят попадать в зависимость от России с ее многовекторной политикой.

²³⁴ См.: Мы не можем позволить себе закупать плохое вооружение // Военно-промышленный курьер. 2011. 2–8 марта. № 8. С. 6; Независимое военное обозрение. 2011. 11–17 марта. № 9. С. 8–9.

²³⁵ См.: Независимое военное обозрение. 2011. 25–31 марта. № 11. С. 3.

²³⁶ Военная Доктрина Российской Федерации 2011 г.

²³⁷ Там же.

Их российские аналоги осуществляют программу ВКО, и, если в ГПВ-2020 она составляет хотя бы одну пятую часть намеченного финансирования, то речь идет о сумме более 100 млрд. долл. Хотелось бы верить, что программу ВКО не затронет коррупция (по недавно нашумевшему заявлению военной прокуратуры, из Гособоронзаказа расхищается каждый пятый рубль). Но российским заказчикам и подрядчикам тоже вовсе ни к чему американский аудит и придирки комитетов Конгресса.

Оба военных истеблишмента не уверены в том, как впишется совместная ПРО в привычную и «накатанную» систему отношений взаимного ядерного сдерживания. Поэтому под разными предложениями блокируются даже такие бесспорные и простые первые шаги, как возрождение Центра обмена данными СПРН, совместные противоракетные учения.

Чтобы в таких сферах воплотить свою политическую волю в практику, президенты должны создавать государственные и промышленные структуры, имеющие задачу развивать сотрудничество, материально и институционально заинтересованные в нем.

Новый формат. Поскольку реальные военные курсы обеих держав противоречат концепции совместной ПРО, наивно думать, что идея сотрудничества в этой сфере станет рычагом, который изменит всю военную политику сторон. Скорее, получится наоборот, проект совместной ПРО будет заблокирован, что пока и происходит. Столь же наивно полагать, что технические предложения и доводы о взаимных выгодах сотрудничества по ПРО станут достаточным стимулом для взаимодействия и избавят от необходимости тщательно разбираться с существующими препятствиями и последовательно их устранять через собственные решения и международные договоренности по имеющим прямое отношение к делу проблемам.

Процессу можно придать «второе дыхание», пересмотрев формат обсуждения проблемы и включив ряд важнейших, тесно связанных с ней вопросов, без которых тема ПРО «висит в воздухе». Ставить соглашение по ПРО в качестве предварительного условия переговоров по другим темам – значит обречь весь процесс на длительный тупик. Наоборот, нужно двигаться по нескольким параллельным каналам переговоров.

Прежде всего, Москве следовало бы официально информировать западных партнеров о том, что Россия осуществляет собственную приоритетную и обширную программу ВКО, включая противоракетные системы. Страна не может делать две оборонительные системы: одну вместе с НАТО, а другую против нее. Нужно подчеркнуть, что основанием для ВКО служит озабоченность России рядом ударных средств, программ и концепций применения новейших неядерных вооружений США. Их ненаправленность против России и возможное ограничение (по типу включения в потолок Договора СНВ обычных боеголовок баллистических ракет) должны стать предметом следующего этапа переговоров о сокращении СНВ. Параллельно с ними Россия должна быть готова обсуждать ограничение ТЯО, наряду с мерами возрождения Адаптированного ДОВСЕ.

В случае успеха на этих треках России следует согласиться реструктурировать свою программу ВКО, ориентировать ее на отражение ракетных угроз третьих стран и сделать совместимой с ЕвроПРО. Со своей стороны, США и НАТО должны проявить готовность учесть озабоченности России, включая коррекцию программы ПРО в сторону совместимости с российской ВКО.

10. ОБЕСПЕЧЕНИЕ МИРА И СТАБИЛЬНОСТИ НА ПУТИ ЯДЕРНОГО РАЗОРУЖЕНИЯ

Образ безъядерного мира зачастую представляется многим как воплощение некоего идеального состояния, детализировать которое дело заведомо неблагодарное. Но из этого вовсе не следует, что в вопросах ограничения и сокращения ядерных арсеналов можно

удовлетвориться другой формулой: «движение – все, конечная цель – ничто». Надо хотя бы в общих чертах представлять, куда это движение осуществляется.

Еще важнее понять, каким, в конце концов, будет итог этого движения – станет ли мир более безопасным и стабильным. Первая гипотеза, которая кажется привлекательной не только идеалистам и романтикам из числа энтузиастов ядерного разоружения, состоит в том, что мир станет совсем иным – предсказуемым, комфортным, надежным.

Вполне можно допустить и то, что все по большому счету останется как прежде, сопровождаясь лишь легкими модификациями. Ведь устранение ядерного оружия не перечеркнет то огромное количество факторов, которые выступают в качестве движущих сил международного развития. Останутся экономическое соперничество, борьба за политическое влияние, исторические обиды, этноконфессиональные коллизии, социокультурные симпатии и антипатии, психологические комплексы, цивилизационные пристрастия – короче, вся гамма человеческих страстей, которые правят миром и из которых вырастают отношения между людьми, между народами, между странами. И отсюда – вторая гипотеза: кардинальных перемен в постъядерном международном порядке не произойдет. Что-то, конечно, изменится – но не настолько, чтобы говорить о новом прекрасном мире.

Крайние оценки облегчают прояснить проблемы, а конфликтующие между собой гипотезы подталкивают к тому, чтобы искать истину где-то посередине. Отсюда третий сценарий – как представляется, более реалистичский. Он отталкивается от анализа функций ядерного оружия в современной международной системе. Ключевым здесь является ответ на вопрос о том, сохранится ли востребованность этих функций, и если да – то кто и как будет их выполнять? Таковы главные вопросы, возникающие при попытке проанализировать особенности международного порядка в постъядерном мире.

Заметим (в скобках), что здесь вполне уместна параллель с дебатами о всеобщем и полном разоружении. Люди воюют не потому, что у них много оружия – наоборот, у них много оружия, потому что есть из-за чего воевать. Когда не будет последнего – отпадет и потребность в оружии. Вместе с тем наличие оружия создает возможность и стимул к силовому разрешению конфликтов.

И это не схоластика. Наоборот – как раз из этой аналогии и можно вывести некие базовые параметры, важные для безъядерного мира. Поставим вопрос таким образом: что важно для международного порядка в условиях, когда ядерного оружия не будет? Ответ будет состоять из трех компонентов.

Чтобы решались те проблемы, за которые в мире с ядерным оружием именно последнее несло ответственность.

Чтобы при этом не происходило дестабилизации мирового порядка (в целом или в отдельных его сегментах).

Чтобы были эффективно элиминированы стимулы и возможности для «возвращения» ядерного оружия.

Вот об этих трех сюжетах и требуется поразмышлять в рамках «неромантического» анализа проблем постъядерного мира.

Безопасность. Ключевым здесь является вопрос о роли ядерного оружия. В его генезисе могут быть разные компоненты, но главным из них остается императив обеспечения национальной безопасности.

Это, впрочем, относится к любому оружию, к любым средствам военного противоборства. Их создают, совершенствуют для того, чтобы решить две принципиальных задачи:

- обеспечить себе преимущество в эвентуальном столкновении с внешним противником, или
- убедить последнего: в таком столкновении он не выиграет, а проиграет.

Эту сдвоенную функцию (war-fighting и deterrence, боевое применение и сдерживание) ядерное оружие доводит до экстремума.

Во-первых, по своим поражающим возможностям оно сверхэффективно, намного превосходя любые другие виды оружия.

Во-вторых, по масштабам разрушительных последствий и их всеобъемлющему характеру оно абсолютно катастрофично. Именно в силу этого производимый им эффект сдерживания является крайне действенным, убедительным, способным помешать противнику перейти роковую черту.

Функцию сдерживания могут выполнять и другие инструменты военной силы (и не только военной силы), но ядерное оружие остается вне конкуренции. Говоря о причинах этого, уместно – помимо упомянутой «наглядности» – отметить еще, по крайней мере, три обстоятельства.

В продолжавшейся на протяжении 40 лет биполярной конфронтации за ядерным оружием признается роль, если не главного, то крайне существенного фактора, который вводил ее в некие рамки, охлаждая накал страстей и даже побуждая к кооперативному взаимодействию.

В нескольких конкретных ситуациях, когда возникала реальная перспектива перерастания кризиса с вовлечением СССР и США в состояние клинча, такое развитие было предотвращено опасениям с их стороны, что будет запущен механизм глобального конфликта с применением ракетно-ядерного оружия.

Ядерное оружие позволяет рассчитывать на эффект сдерживания сильным слабым, что практически нереально с опорой только на силы общего назначения.

Указанные две функции (боевое применение и сдерживание) не есть нечто имманентно присущее ядерному оружию. С его устранением, как можно предположить, востребованность в них не будет перечеркнута. Иными словами, императивы обеспечения безопасности не исчезнут – только отвечать на них надо будет уже без опоры на ядерное оружие. Сдерживание эвентуального противника тоже не обязательно станет чисто умозрительной категорией – оно может оказаться вполне конкретной задачей, решать которую придется уже без эффекта, производимого ядерным оружием. Следовательно, возникает вопрос: что станет субститутом ядерного оружия в этих его двух ипостасях?

Ответ на данный вопрос для сторонников безъядерного мира представляется более трудным, чем когда они рассуждают о путях продвижения к нему, о конкретных задачах снижения уровня ядерных вооружений или укрепления стратегической стабильности, решить которые можно было бы сегодня или завтра. Что будет послезавтра – тут уверенности меньше, неопределенностей больше, временные горизонты становятся размытыми, аргументы порою трансформируются в благие пожелания (как правило, очень привлекательные, но не всегда убедительные). Примечательно, что на этом поле противники безъядерного мира (а точнее сказать – скептики) нередко чувствуют себя гораздо увереннее.

В безъядерном мире, и это понятно, ядерное оружие (просто в силу физического исчезновения) перестанет быть фактором безопасности. Последняя, казалось бы, станет более прочной и надежной, поскольку все те угрозы и риски, которые проистекают от ядерного оружия, окажутся элиминированными.

Прежде всего, это касается разнообразных видов ракетно-ядерного удара: первого, разоружающего, ответно-встречного, превентивного, контрсилового (по военным объектам и пунктам управления), контрценностного (по городам), демонстрационного (для обозначения решимости), селективного (для решения ограниченных задач), на театре военных действий, в рамках тактических операций и т.д.

Далее, станут иррелевантными многие темы, которые объективно порождали стратегическую неопределенность, а субъективно создавали почву для опасных манипуляций с целью получения выигрыша в условиях превалирования

конфронтационной парадигмы: возможность ядерной эскалации конвенционального конфликта, понижение или повышение ядерного порога, надежность (или проблематичность) ядерных гарантий союзникам и т.п.

Наконец, уйдет в прошлое задача определения ракетно-ядерного баланса, условий его устойчивости и иных параметров.

Однако все перечисленное выше относится к ядерному оружию как инструментарию, используемому (политически, угрозой военного применения) для решения определенных задач. Если такие задачи сохранятся, решать их придется иными средствами. В принципе движение можно осуществлять по трем траекториям:

- с использованием неядерных конвенциональных сил и средств (обычных вооружений и сил общего назначения);
- через переключение на несиловой (политический) инструментарий;
- переосмысливая (односторонним путем или во взаимодействии с внешними контрагентами) содержание указанных задач и требования к их решению.

Эти три траектории не являются взаимоисключающими и могут «осваиваться» одновременно. Попробуем прочертить их несколько более четким образом.

Альтернативы. Первая траектория – решение с помощью конвенциональных сил и средств тех задач, которые возлагались на ядерное оружие. В рамках чисто военного обеспечения безопасности такой подход выглядит самоочевидным, но одновременно исключительно затратным. Хотя бы потому, что в полном объеме «заменить» ядерное оружие обычными вооруженными силами и вооружениями, наверное, не смогут. Разве что возникнут какие-то принципиально новые средства ведения войны (например, с использованием информационных технологий или оружия на новых физических принципах).

Из этого проистекает не просто возможность, но и весьма высокая вероятность значительной активизации военных приготовлений в конвенциональной области. «Естественный» ход событий, если в него не будут внесены существенные коррективы, может весьма быстро вывести на новую гонку вооружений, с акцентом на их качественные характеристики.

Причем сама такая перспектива станет фактором, работающим против продвижения к миру без ядерного оружия. Зачем отказываться от него, если высокоточное конвенциональное оружие окажется в руках противника весьма эффективным? Тут есть и немаловажная политическая составляющая – если в такой перспективе видеть стремление США выйти вперед за счет своего научно-технологического лидерства, заставляя других – например, Россию – отказаться от компенсаторной роли ядерного оружия. Причем аргументацию такого же плана нетрудно отнести и к региональным ситуациям, где присутствует (или может присутствовать) ядерный фактор (Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея, Иран).

Отсюда – очевидный вывод: безъядерный мир должен сопровождаться крупными мерами по регулированию военного соперничества между государствами в области обычных вооруженных сил и вооружений. Без контроля над вооружениями в неядерной сфере, причем более широкомасштабного и глубокого, чем это имело место до настоящего времени, сам факт устранения ядерного оружия может оказаться не плюсом, а минусом – и потому станет недостижим.

Не исключено, что решение этой задачи будет на порядок более трудным, чем достижение договоренностей о безъядерном мире. По количеству участников, по многослойности, многоплановости и многофакторности содержательной стороны дела, по имеющемуся опыту (сравним СНВ и ДОВСЕ) есть основания ожидать серьезных препятствий на этом пути. Но если движение по нему не начнется, на идее безъядерного мира можно поставить крест.

Возможность еще одной траектории движения в условиях безъядерного мира обусловлена тем, что парадоксальным следствием «вступления» в него может оказаться понижение порога применения силы в международных делах. При этом в минус придется записать и то обстоятельство, что эффект «самосдерживания» в использовании конвенциональных сил и средств выражен гораздо менее отчетливо, чем в отношении ядерного оружия. Эвентуальное применение последнего и сегодня, через 65 лет после начала ядерной эры, рассматривается как нечто экстраординарное, тогда как применение обычных вооруженных сил и вооружений стало банальным и рутинным явлением.

В безъядерном мире проблема применения ядерного оружия *ipso facto* оказывается снятой. Таким образом, сдержанность в его использовании перестанет быть необходимой. Но альтернатива сдержанности – более свободное обращение к силе, поскольку силовая коллизия уже не будет чревата превращением в ядерное столкновение. Политически и психологически это может означать устранение «тормозов», которые удерживают участников конфликта от опасной черты – а значит, и пролиферацию международных конфликтов.

Вывод, который из этого следует, также представляется очевидным: в безъядерном мире необходимы крайне энергичные меры по переключению эвентуального силового противоборства в несилевое русло. Механизмы политического урегулирования конфликтов и решения проблемных ситуаций должны стать предметом приоритетного внимания участников международной жизни.

Здесь есть проблемы, к которым невозможно подобрать универсальный ключ ни в ядерном, ни в безъядерном мире. Например, если политический механизм не срабатывает – возникает соблазн обойти существующие нормы, в том числе и путем применения силы. Хорошо известно, что оно зачастую оказывается односторонним, выборочным, сомнительным по легитимности. Но даже наличие ядерного оружия у некоторых возражающих против такой линии стран не является сегодня сдерживающим фактором в отношении тех, кто ее инициирует – как это было в случае с интервенцией в Ираке, которая была осуществлена, несмотря на негативное отношение трех ядерных стран – России, Китая и Франции. В этом смысле в отсутствии ядерного оружия картина, возможно, и не изменится принципиальным образом. Но круг проблем, по которым можно будет при желании игнорировать мнение оппонентов, скорее всего, расширится.

В результате, необходимость эффективного политического регулирования проблемных ситуаций в условиях безъядерного мира будет даже более острой, чем сегодня. Это – еще один императив продвижения к безъядерному миру. Не будем рассматривать здесь эту тему подробно, поскольку она выходит далеко за тематику ядерного оружия и его ликвидации. В сущности, речь идет об организации международно-политической системы, что ставит длинный перечень вопросов: о функциях ООН, суверенитете и международной ответственности государств, возможностях и пределах внешнего вмешательства во внутренние дела, роли негосударственных участников и т.д.

Требование «решить» все такие вопросы в качестве условия перехода к безъядерному миру было бы нелепым. Нелепы и страхи, что он знаменует собой переход к «беспределу» на международной арене. Но безъядерный мир должен заложить новую повестку дня для международного сообщества и стать мощным импульсом к ее плодотворному освоению.

Наконец, остановимся на третьей из обозначенных выше траекторий, предполагающей переосмысление задач, которые ассоциируются с ядерным оружием. Прежде всего, напомним, что для пяти стран, «официально» (по параметрам ДНЯО) обладающих ядерным оружием, некоторые выполняемые им функции политико-стратегического характера важны не меньше, чем те, которые касаются собственно безопасности.

В политическом плане ядерное оружие – квалификационная характеристика эксклюзивности. Весьма показательны, что все государства – постоянные члены Совета

Безопасности ООН, обладающие особыми функциями и полномочиями в международной системе, относятся к числу «традиционных» ядерных держав. Кроме того, для каждого из них ядерное оружие соотносится со специфическими статусными мотивами.

Указанные страны, в силу обладания ядерным оружием, в известном смысле обладают иммунитетом от применения против них силы. Или, с оговорками: от (i) широкомасштабного применения силы (ii) соизмеримым по мощи и статусу противником, (iii) что могло бы поставить под вопрос само существование государства или его жизненно важные интересы.

По этой причине политически и психологически переход к безъядерному миру для них связан с серьезными издержками. Хотя формально эти страны приняли на себя обязательство «вести переговоры об эффективных мерах по ... ядерному разоружению» (ст. VI ДНЯО), и именно от них в первую очередь зависит, быть или не быть безъядерному миру – трудно избавиться от ощущения, что как раз с их стороны продвижение к нему будет тормозиться более всего.

Кажется, именно здесь возникает ключевая проблема в обсуждаемой теме, одно из наиболее труднопреодолимых препятствий на пути к миру, свободному от ядерного оружия.

Вопрос, следовательно, в том, чтобы ядерные «гранды» приняли для себя необходимость отказаться от своего ядерного статуса, причем не формально – из соображений политкорректности и для направления позитивного сигнала общественному мнению и другим странам, – а по собственному мироощущению. Возможен ли такой поворот? Сомнения на этот счет могут быть весьма серьезными, поскольку указанное мироощущение инерционно и консервативно.

Но все же возможности определенной самокоррекции, как представляется, здесь есть – причем по основаниям не только этического, но и рационального плана. Это могло бы происходить по нескольким линиям.

При всей значимости ядерного статуса, его невозможно или крайне затруднительно операционализировать, то есть трансформировать в политические и даже чисто военные дивиденды.

Вместе с тем происходит постепенная эрозия значимости ядерного статуса относительно других компонентов военной силы (распространение ЯО, в том числе среди отсталых стран, высокоточное конвенциональное оружие, мобильные группировки, внедрение информационных технологий и т.п.). То же самое происходит в связи с растущим значением «мягкой силы».

Еще более существенное значение имеет то обстоятельство, что престиж, авторитет, влияние и прочие атрибуты позиционирования страны на международной арене все меньше зависят от наличия у нее ядерного оружия или отсутствия такового. (Например, в претензиях Индии на статус постоянного члена Совет Безопасности ООН ее статус де-факто ядерной державы, в сущности, является молчаливо признаваемым аргументом лишь третьего, если не четвертого плана.)

Отказ «грандов» от собственного ядерного статуса может оказаться самым весомым – если не единственным – аргументом, политически легитимирующим запрет на распространение ядерного оружия и применение силы против пролиферантов.

Во взаимоотношениях между теми странами «ядерного клуба», которые были и остаются политическими антагонистами, фактор взаимозависимости постепенно становится все весомее, оттесняя на задний план мотивы взаимной конфронтационности.

Позиционирование «грандов» в отношении остальных участников международной жизни также вписано в проблему более общего плана (центр – периферия), и она тоже решается (или обсуждается) главным образом вне контекста ядерной проблематики.

Особая тема – ядерный статус «неофициальных» (по критериям ДНЯО) ядерных государств. Речь идет об Индии, Пакистане, Израиле, Северной Корее. К этому кластеру,

по аналитическим основаниям, представляется возможным отнести и Иран (если принимается гипотеза о его стремлении к обретению ядерного оружия).

Для всех этих стран ядерное оружие – фактор функциональный. Его обретение соотносится с решением вполне конкретных задач, которые в указанных странах рассматриваются как имеющие для них жизненно важное значение.

В безъядерном мире решение указанных задач должно быть обеспечено без ядерного оружия, причем с такой степенью надежности, которая удовлетворила бы соответствующие страны. Только на этом основании можно рассчитывать на их лояльное отношение к данному проекту и даже на участие в нем.

Конкретные возможности, которые здесь просматриваются, кажутся достаточно зыбкими, но все-таки попробуем обозначить их.

«Радикальный» вариант развития событий – если государство станет безъядерным в результате коллапса или силовой операции извне. Реалистичность таких сценариев (i) в целом подвергается сомнению, но не считается нулевой, и (ii) неодинакова для разных стран. Одно дело – возможность денуклеаризации Северной Кореи вследствие краха режима и объединения с Южной Кореей. Совсем другое – Иран, где даже самым решительным образом настроенные внутренние оппоненты режима не ставят под сомнение необходимость ядерных устремлений страны.

Из этого следует необходимость курса на политическое преобразование всего «расширенного Ближнего и Среднего Востока», в том числе и с целью имплантировать в этот процесс ядерные амбиции/возможности Ирана и Израиля, равно как и околоядерные тренды в ряде других стран региона.

Особняком стоит вопрос о «денуклеаризации» международно-политического уравнения в Южной Азии. Для Пакистана здесь могут оказаться важными международные гарантии, для Индии – возможность вступить в безъядерный мир наряду и одновременно с Китаем.

Гарантии. В международно-политическом порядке, которым должно сопровождаться установление безъядерного мира, важно обеспечить сверхнадежные гарантии против «возвращения» ядерного оружия. Таковые должны обеспечиваться как минимум по трем направлениям:

- максимальный интрузивный контроль в отношении любой деятельности, которая могла бы предполагать создание или восстановление ядерного потенциала;
- применение немедленных санкций, в том числе силовых, в случае обнаружения такой деятельности;
- принятие решений на этот счет не по согласованию государств, а от лица специально созданного для данной цели института, имеющего вне- и наднациональный статус.

Последнее положение может быть реализовано и в более широком масштабе – как часть общего движения к формированию механизмов межнационального, транснационального, наднационального управления. Это движение, как известно, отнюдь не осуществляется со скоростью курьерского поезда – слишком многие императивы международного поведения государств завязаны на сугубо национальные интересы. Как это ни парадоксально, но логика безъядерного мира позволяет осуществить прорыв в наиболее чувствительной на этот счет сфере – сфере ядерных вооружений. Ведь они будут уже ликвидированными или подлежащими уничтожению, а это означает, что все связанные с ними вопросы могли бы быть безболезненно переданы в ведение над- или вненациональной администрации.

Заметим, что, продолжая «развертывать» указанную логику в обратном (по времени) направлении, можно в принципе прийти к выводу о возможности ее плодотворного использования и на стадии перехода к безъядерному миру. Например, через:

- договоренности о беспрецедентной транспарентности в отношении ядерных вооружений;

- согласования разными странами параметров своих ядерных потенциалов, вплоть до совместного управления ими (в начале – отдельными их фрагментами);
- введение (хотя бы постепенное) режима интернационализации в отношении ядерных вооружений и ядерной энергетики в целом.

С точки зрения сегодняшних политических обстоятельств, такая постановка вопроса может показаться совершенно неуместной и даже абсурдной. Но с учетом перспективы безъядерного мира – вполне в стилистике «мыслей о неммыслимом».

Однако мы уже были свидетелями определенных шагов в реализации именно подобных подходов. В попытках разрешения кризиса вокруг иранской ядерной программы политическая и аналитическая мысль работала в направлении создания многонационального производственного комплекса по обогащению урана – проекта учреждения международного банка ядерного топлива под эгидой МАГАТЭ.

В данном случае важным представляется акцентировать не разочаровывающее отсутствие результатов, а принципиальную сторону дела – политически релевантное предложение вывести из-под эксклюзивного национально-государственного контроля проблематику, которая относится к числу наиболее чувствительных и к которой на национально-государственном уровне демонстрируется особое отношение. Именно такой подход присутствует в идее совместной противоракетной обороны России и США/НАТО.

Достаточно точно и кратко суть безъядерного мира сформулирована в статье Е.Примакова, И. Иванова, Е. Велихова и М. Моисеева²³⁸. В долгосрочной перспективе, подчеркивают эти четверые именитых автора, «мир без ядерного оружия – это отнюдь не нынешний мир минус ядерное оружие. ... Поэтому реализация идеи ядерного разоружения, которая должна оставаться стратегической целью, возможна лишь в контексте глубокой реорганизации всей международной системы». Оба этих процесса должны идти параллельно, питая и поддерживая друг друга и прокладывая путь к более безопасному и более стабильному миру.

---

²³⁸ Примаков Е., Иванов И., Велихов Е., Моисеев М. ...

ВЫВОДЫ

Работа над совместным проектом ИМЭМО РАН и фонда «Инициатива по сокращению ядерной угрозы» позволила проанализировать ряд кардинально важных задач в контексте рассмотрения возможностей, сроков и путей продвижения по пути глубокого разоружения и перехода к миру без ядерного оружия.

Достижение этой цели потребует развития качественно новых отношений в сфере обеспечения безопасности между участниками мирового процесса. Построение таких отношений параллельно с интенсификацией процесса сокращения и ликвидации ядерных вооружений будет представлять сложнейшую и крупнейшую по своему масштабу задачу. Так, на стадии перехода к безъядерному миру будут необходимы договоренности о беспрецедентной транспарентности в отношении ядерных вооружений; согласование разными странами своих ядерных потенциалов, вплоть до совместного управления ими (вначале – отдельными их компонентами); введение режима интернационализации в отношении ядерных вооружений и атомной энергетики.

Анализ широкого спектра проблем, связанных с реализацией темы проекта, позволил прийти к целому ряду выводов, которые могут послужить основой для выработки и принятия практически значимых решений.

1. В нынешних радикально изменившихся военно-политических условиях – в эпоху глобализации и взаимозависимости государств, в свете новых угроз и дестабилизирующих факторов, следует констатировать значительное расширение представления о стратегической стабильности по сравнению с традиционными взглядами периода холодной войны. В связи с этим, содержание стратегической стабильности сейчас и на перспективу требует значительной корректировки.

Во-первых, гарантия взаимной способности ответного удара, оставаясь в центре стабильности, может впредь предполагать существенно пониженные критерии нанесения ущерба и менее жесткие требования к условиям выполнения этой задачи. Такая обоюдная способность не требует равенства во всех формах традиционно планируемых ядерных ударов. Достаточно будет примерного баланса по боезарядам остающихся боеготовых средств в качестве «страхового полиса» безопасности. Концепция примерного равенства потенциалов сторон по способности нанесения контрсилового, ответно-встречного и ответного удара может быть упразднена по мере отказа сторон от таких оперативных концепций и средств их осуществления.

Во-вторых, двусторонний баланс стратегических сил по мере снижения СЯС России и США до уровня порядка 1000 боезарядов будет обретать многосторонний характер и потребует подключения в той или иной форме третьих ядерных держав, а затем и государств, стоящих вне ДНЯО.

В-третьих, важнейшим фактором, влияющим на стабильность, становятся темпы распространения ОМУ и его носителей. Соответственно, «подпорками» конструкции стабильности должны быть меры укрепления режимов ДНЯО и контроля над распространением ракет и ракетных технологий.

В-четвертых, распространение ядерного оружия и его носителей ставит серьезнейшую и крайне трудную задачу интеграции в контекст стратегической стабильности совместных систем СПРН и ПРО (сначала ПРО ТВД, а затем стратегической ПРО). Не менее сложная задача состоит в подключении к этим системам союзников и партнеров великих держав и ответственных нейтральных государств.

В-пятых, необходимо добиться совместимости стратегической стабильности и развития ведущими государствами неядерных ВТО большой дальности для использования в локальных конфликтах.

В-шестых, нужно предотвратить создание космических вооружений, которое в корне подрывет стабильность.

Для того чтобы отношение к ядерному разоружению в России изменилось к лучшему, США необходимо убедительно продемонстрировать не на декларативном уровне, а реальными шагами в своей военной и ядерной политике, что они рассматривают ядерное разоружение как средство укрепления международной безопасности, а не способ увеличения своего превосходства в новейших военных технологиях и системах (ПРО, ВТО, космос, СОН и пр.)

2. Военные доктрины, включая их ядерный аспект, с одной стороны, являются руководством для своих вооруженных сил и оборонного комплекса, определяя характер и степень вероятности возможных войн и конфликтов, цели и задачи собственных военных действий, необходимые для них принципы боевой подготовки и программы технического оснащения армии и флота. С другой – эти документы рассчитаны на их восприятие другими странами (вероятными противниками и союзниками), содержат предупреждение первым и гарантии вторым, объясняя при каких условиях и каким образом государство готово пойти на применение военной силы.

С точки зрения условий, при которых считается оправданным применение ядерного оружия принятые в 2010 г. доктринальные документы РФ и США определяют это более схожим образом, чем раньше.

3. Российская военная доктрина во главу угла ставит принцип сдерживания и предотвращения военных конфликтов. Исходя из ее положений можно сделать вывод, что, во-первых, ядерные силы России предназначены для ответного ядерного удара в качестве возмездия за ядерный удар противника по России и (или) ее союзникам. Во-вторых, – для первого ядерного удара в ответ на нападение на РФ и ее союзников с использованием химического, бактериологического или радиологического оружия. В-третьих, – для первого ядерного удара в условиях неминуемой национальной катастрофы в результате нападения на Россию (но не на ее союзников) с использованием обычных вооруженных сил и вооружений. Последнее, очевидно, адресовано угрозам, проистекающим от превосходства расширившейся НАТО по силам общего назначения и высокоточным обычным вооружениям, а также вероятным опасностям меняющейся не в пользу РФ стратегической ситуации на востоке.

4. В Соединенных Штатах, согласно их последней доктрине, роль ядерного оружия состоит в сдерживании ядерного нападения на США, их союзников и партнеров. При этом Вашингтон, как утверждается, будет рассматривать возможность применения ядерного оружия только в крайних обстоятельствах для защиты жизненно важных интересов своей страны, союзников и партнеров. Задача сдерживания нападения с использованием сил общего назначения или других видов ОМУ практически снята, хотя и с оговорками. Это обязательство, однако, не относится к ядерным державам и странам, нарушающим ДНЯО, что, по-видимому, подразумевает союзнические гарантии безопасности Японии и Южной Кореи для их защиты от КНДР. В этом контексте США сохраняют вариант ядерного ответа на нападение с использованием обычного оружия или других видов ОМУ.

Тем не менее, учитывая особое геостратегическое положение США и их превосходство над другими державами по всему диапазону вооруженных сил и вооружений (обычных и ядерных), новая американская ядерная доктрина, как представляется, могла бы пойти дальше. Например, заявить о неприменении ЯО первыми против всех ядерных держав – членов ДНЯО, о готовности, на определенных условиях, вывести свои ядерные средства из Европы, о снижении уровня готовности своих СЯС к применению (включая масштаб боевого дежурства ракетных подводных лодок в море), о стремлении снять озабоченности других держав в связи с развитием американских систем

ПРО, высокоточных обычных вооружений большей дальности, космических систем, средств «быстрого глобального удара» и пр.

Специфические черты ядерных доктрин других государств, обладающих ядерным оружием и некоторых их объединений (НАТО, например), наглядно демонстрирует таблица в Приложении 2.

5. Провозглашенные российским политическим руководством новые принципы и направления внешней политики (глобализация и взаимозависимость, партнерство для модернизации, перезагрузка отношений, путь к безъядерному миру и пр.) вступают в очевидное противоречие с негласными политическими предпосылками российской военной доктрины и военной политики, включая государственную программу вооружений. Российская военная мысль продолжает исходить из презумпции сохранения США и их союзников в качестве основного вероятного противника России и наличия имманентно агрессивных намерений у этого вероятного противника.

6. В высших эшелонах российского военного ведомства, оборонно-промышленного комплекса и среди большей части экспертного сообщества России сложилось устойчивое представление о новой и растущей военной угрозе со стороны США и их союзников в виде крылатых и баллистических ракет в неядерном снаряжении, которые рассматриваются в качестве средств возможного нападения на Россию, включая разоружающий (контрсиловой) удар по ее СЯС, СПРН и центрам боевого управления.

Тем не менее, объективный анализ свидетельствует, что высокоточное обычное оружие не может сравниться с ядерным оружием при ударе по ключевым высокозащищенным или мобильным военным целям, не говоря уже об административно-промышленных центрах. Кроме того, решившись на массированный контрсиловой удар, гипотетический агрессор заведомо свяжет себе руки применением только обычного оружия и сознательно пойдет на риск получения намного более мощного ядерного возмездия, чем было бы в случае первого разоружающего удара с применением ЯО.

7. Остается, однако, фактом, что американский потенциал ВТО представляет определенную военно-стратегическую проблему для России. Пока у нее есть внушительные средства ядерного сдерживания, прямую военную угрозу массированного применения ВТО против РФ не следует преувеличивать (как и возможность планируемых американских систем ПРО перехватить ответный ядерный удар). Именно на поддержание оптимального потенциала сдерживания нужно направлять ограниченные оборонные ассигнования РФ, а не на развитие эшелонированной системы ПВО для отражения мифических угроз.

Вместе с тем развертывание высокоточного неядерного оружия большой дальности будет создавать трудности и для ядерного разоружения и для сотрудничества держав в сфере безопасности.

8. При наличии политической воли сторон проблемы, порождаемые системами ВТО, могут быть сняты или уменьшены различными договорно-правовыми путями. В частности, речь может идти о запрете базирования ударной авиации (в дополнение к неразмещению ядерного оружия) на территории государств – новых членов НАТО. Аналогичные обязательства могут быть приняты Россией в отношении ее союзников по ОДКБ и СНГ, вероятных новых партнеров на других континентах.

Угроза ПЛАРБ «Огайо» с КРМБ может быть существенно ослаблена при их базировании только на западном побережье США (из Тихого и Индийского океанов они не перекрывают по своей дальности основную часть баз российских МБР, а выход в Арктику сопряжен с оперативными трудностями).

В рамках последующих переговоров по СНВ Россия может поставить вопрос о введении ограничений на переоборудование ПЛАРБ и ТБ под крылатые ракеты в неядерном оснащении, оставив для этого многоцелевые подводные лодки, надводные корабли и тактическую ударную авиацию.

Полезны были бы также меры доверия в виде обменов информацией о практике размещения ВТО на кораблях, подводных лодках и авиации, оперативных принципах их развертывания и применения в локальных конфликтах, обмена визитами и наблюдателями в ходе учений, а в перспективе – совместные учения ВВС и флотов в отработке операций контрраспространения, принуждения к миру, борьбы с терроризмом и пиратством.

Более далеко идущая мера – ограничение районов патрулирования подводных лодок-носителей крылатых ракет с тем, чтобы предотвратить возможность развертывания значительной части подводных лодок США вблизи территории РФ и наоборот.

Представляется, что США, которые создали обсуждаемую проблему, должны проявить инициативу и предложить меры ограничения вооружений, мер доверия и сотрудничества по ВТО, чтобы обеспечить поддержку Россией курса на ядерное разоружение и нераспространение. Такие решения могут быть согласованы в контексте следующего этапа переговоров по сокращению СНВ или параллельно с ним.

9. Космос, ввиду его растущего военного и мирного значения, может уже в ближайшем будущем стать новой ареной гонки вооружений и возможного применения силы. США, Россия, и Китай способны в обозримой перспективе реализовать создававшийся на протяжении долгого времени потенциал милитаризации космического пространства. Безусловным лидером здесь являются США, которые располагают разнообразным арсеналом новейших космических технологий и научно-техническим заделом для создания, и, возможно, принятия на вооружение в период после 2010 г. отдельных образцов противоспутниковых систем наземного (стационарного, подвижного) и морского базирования.

10. Внесение 12 февраля 2008 г. на рассмотрение Конференции по разоружению в Женеве российско-китайского проекта Договора о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов, принесло некоторые положительные результаты, но только в политико-пропагандистском ключе, а не в плане практического разоружения.

Следует наращивать усилия на этом направлении. В качестве выбора предмета переговоров целесообразно отойти, во всяком случае, на первом этапе, как от позиций СССР в 80-е годы, так и от недавних предложений России и Китая в Женеве. Следует сузить предмет переговоров и не пытаться запретить все системы класса «земля-космос» и класса «космос-земля» и «космос-космос», технические свойства которых не ясны, равно как не ясны и возможности контроля подобных соглашений.

Вместо запрещения на развертывание – способом косвенного решения этой задачи могла бы стать первоначальная договоренность о запрете на испытания любых противоспутниковых систем и космических ударных средств ПРО против реальных мишеней в космосе с разрушением таких объектов (то есть против КА и головных частей и элементов баллистических ракет на траекториях полета).

В качестве первого шага на пути к разработке международных соглашений, предотвращающих вооружение космического пространства, может послужить скорейшее принятие Кодекса поведения государств в космической деятельности, в котором государства на добровольной основе присоединились бы к общим принципам мирного и кооперативного использования космоса.

11. Для целей дальнейшего эффективного процесса разоружения важнейшее значение имеет прогресс на региональных направлениях сокращения и ограничения вооружений. Важной составляющей здесь является нормализация отношений Россия-НАТО, их переход в стабильное русло сотрудничества и партнерства.

Логика строительства «особых отношений» между Россией и НАТО в конечном итоге должна быть ориентирована на их стратегическое партнерство и даже на союз России и НАТО в долгосрочной перспективе. Проработка механизма деталей этого

процесса может быть начата уже сейчас в рамках специально созданной совместной экспертной группы.

Важной для России темой обсуждения остается создание новой архитектуры европейской безопасности, предложенной российским президентом в 2008 г. Даже само начало предметного диалога по обсуждению основных содержательных компонентов такой системы может самым благотворным образом воздействовать на улучшение отношений между Россией и НАТО (а в более широком контексте, и с Западом в целом), создать условия для ускорения процесса сокращения и ограничения стратегических ядерных вооружений, дальнейшего глубокого ядерного разоружения.

12. Дефицит доверия и взаимопонимания, уходящий корнями во времена холодной войны не позволяет выйти на необходимый уровень панъевропейского диалога по проблемам безопасности. Продолжает повышаться «градус напряженности» вокруг проблемы ЕвроПРО. Как оказалось, предложения администрации президента Обамы по созданию американской ПРО ТВД в Европе и их интерпретация в реальной политике США и НАТО, не устранили, а лишь отложили «противоракетный кризис» в отношениях Москвы и Вашингтона.

Разрядке напряженности в этом вопросе могла бы послужить совместная оценка ракетных угроз. Сотрудничество в разработке и развертывании систем ПРО США–ЕС–России должны заменить односторонние действия США и их союзников в этой сфере. Двустороннее и многостороннее сотрудничество в области ПРО способно создать необходимый материальный фундамент для построения отношений прочного взаимодействия России и Запада, гораздо в меньшей степени, чем сейчас, подверженного политическим кризисам.

Первым шагом на этом пути могло бы стать возрождение проекта Центра обмена данными о пусках ракет и ракет-носителей. Параллельно с этим следует возобновить прерванную серию совместных компьютерных учений с США и НАТО по ПРО ТВД с последующим расширением этих учений за пределы театра военных действий и на полигоны.

Следующим этапом могла бы стать интеграция систем предупреждения о ракетном нападении России и США, что способно существенно повысить эффективность обнаружения пусков ракет. В дальнейшем, был бы возможен переход к более глубокому сотрудничеству с целью развертывания низкоорбитальной космической информационной системы глобальной ПРО, космические аппараты которой могут быть выведены на орбиты с требуемой высотой и наклоном конверсионными «тяжелыми» ракетами по российско-украинскому проекту «Днепр».

Другим важнейшим параллельным направлением военно-политического сотрудничества, выходящим далеко за рамки традиционного ограничения вооружений, могло бы стать совмещение систем обнаружения, сопровождения и перехвата противовоздушной обороны НАТО и ОДКБ.

13. Подключение «третьих» ядерных государств к возможным дальнейшим российско-американским переговорам по сокращению ядерных сил по мере продвижения по этому пути будет становиться все более необходимой составляющей. Пока прямое участие их в переговорах и соглашениях представляется проблематичным. В достаточной мере не проработаны стимулы и идеология вовлечения этих стран в данный процесс.

Однако было бы полезно, чтобы «третьи» ядерные государства предприняли добровольные меры по ограничению своих ядерных сил, как это уже было сделано Великобританией и Францией, в одностороннем порядке существенно сократившими ядерные арсеналы. При наличии определенных стимулов, Китай со своей стороны мог бы добровольно пойти на меры ограничения и увеличения транспарентности своих ядерных сил.

14. Возрождение идеи ядерного разоружения и продвижение в сокращении СЯС неизбежно поднимет вопрос о ТЯО. Увязка Россией этого вопроса с прекращением расширения НАТО на восток и продвижением по ДОВСЕ вполне обоснованна и может стать дополнительным средством достижения этих двух целей.

Применительно к ТЯО можно было бы договориться, в качестве первого шага, о перемещении всех тактических ядерных средств с передовых баз вглубь национальных территорий на объекты централизованного хранения (фактически в резерв). Для этого вначале нужно было бы обменяться информацией об имеющихся средствах такого класса на базах ВВС и флота.

15. Продвижение по пути к дальнейшим сокращениям ядерных вооружений и укреплению стратегической стабильности будет все сложнее осуществлять без сокращений обычных вооруженных сил (то есть – развития процесса ДОВСЕ). «Подвешенный» процесс ДОВСЕ и российский мораторий на выполнение Договора мешают процессу контроля над вооружениями и построению отношений доверия. Дополнительным негативным фактором для поиска развязок на этом направлении стало заявление Вашингтона о приостановлении выполнения части обязательств перед Россией в рамках Договора.

Однако без выхода на продолжение процесса ограничения обычных вооружений в Европе будут невозможны и эффективные шаги на пути дальнейшего контроля над вооружениями в ядерной области. Значимость стабильности и доверия в области обычных вооружений будет возрастать по мере приближения к более низким потолкам ядерных вооружений.

Представляется целесообразным взять за основу российское предложение относительно временного применения адаптированного Договора. В отношении фланговых ограничений, наряду с возможностью их полного упразднения, перспективным может быть увеличение этих подуровней с одновременным обеспечением большей транспарентности с российской стороны.

Суверенитет Абхазии и Южной Осетии является несомненным препятствием для следующих шагов по ДОВСЕ. Однако здесь нельзя полностью исключать технического решения, когда вопрос о российских базах на территории двух республик будет «выведен за скобки» договоренности и по нему будет принят отдельный документ, регламентирующий статус этих баз.

Первым шагом возрождения процесса ДОВСЕ могло бы стать восстановление режима транспарентности всей зоны применения Договора. В перспективе, следует иметь в виду начало переговоров о достижении нового договора, который будет включать более широкий круг участников и предусматривать более глубокое сокращение вооруженных сил и военной техники, а также большую транспарентность.

16. Проведенный авторами проекта анализ привел к выводу о наличии часто не прямой, но очевидно прослеживаемой взаимосвязи ограничения и сокращения вооружений и нераспространения. Многолетний застой в процессе ядерного разоружения привел к провалу попыток упрочения ДНЯО и режимов ядерного нераспространения.

Можно с достаточными основаниями утверждать, что следующий этап распространения, если он наберет инерцию, не просто повлечет экспоненциальный рост угрозы применения ядерного оружия, но, в силу слияния многочисленных факторов риска, сделает использование ЯО в обозримой перспективе практически неизбежным.

Цели перекрытия каналов распространения служит повышение эффективности гарантий МАГАТЭ, совершенствование системы экспортного контроля, жесткая формализация и повышение политической значимости процедуры выхода из ДНЯО, введение в силу и заключение ряда многосторонних договоров, призванных стать «барьерами» против нарушения Договора или выхода из него.

17. В конкретном плане можно рассматривать решение ряда задач: воплощение в жизнь нового Договора о СНВ; начало переговоров о дальнейшем сокращении ядерных вооружений двух ведущих держав с учетом сопутствующих проблем (высокоточные обычные средства большой дальности, частично-орбитальные ракетно-космические системы, до-стратегические ядерные средства и пр.); переговоры о сотрудничестве в создании систем ПРО России и США/НАТО; предоставление «ядерной пятеркой» (или поначалу хотя бы «четверкой») своих предприятий ЯТЦ (в первую очередь, заводов по обогащению урана) под контроль МАГАТЭ, что могло бы ускорить и переговоры по ДЗПРМ и универсализацию Дополнительного протокола от 1997 г.; начало переговоров о Кодексе деятельности в космическом пространстве, а затем о договорах по предотвращению гонки космических вооружений; организация консультаций по многостороннему ядерному диалогу с целью включения Великобритании, Франции и Китая в систему ограничений СНВ, принятия ряда мер контроля и доверия.

Расширение «переговорного поля» по ограничению и сокращению вооружений, переход к процессу реального поэтапного ядерного разоружения создадут мощные дополнительные стимулы и необходимую атмосферу для уверенного укрепления режима нераспространения.

18. В серьезную проблему для поддержания режима нераспространения превратилось право выхода из ДНЯО. Решению этой проблемы будет содействовать совершенствование гарантий МАГАТЭ и универсализация Дополнительного протокола 1997 г.

Заявление государства о предстоящем выходе из ДНЯО должно стать поводом для интенсивных проверок со стороны МАГАТЭ и созыва внеочередной конференции стран – участников ДНЯО для рассмотрения мотивировки выхода из Договора. В случае признания несоответствия этой мотивировки ст. X.1 и (или) невозможности решить проблему без выхода из Договора следует незамедлительно передать вопрос на рассмотрение СБ ООН в рамках гл. VII ст. 41 Устава ООН.

19. Высокий уровень риска для режима ядерного нераспространения обусловлен распространением технологий производства делящихся ядерных материалов. Следует начать процесс постепенной интернационализации услуг существующих центров ЯТЦ, желательно, под эгидой МАГАТЭ. Необходимо, также, разработать, помимо ценовых стимулов, комплексную систему технологических и коммерческих мер поощрения стран, отказавшихся от ЯТЦ.

20. Для целей укрепления режима нераспространения необходимо совершенствование всего комплекса институтов нераспространения. Важным представляется повышение эффективности коллективных действий по линии СБ ООН в области принуждения к нераспространению.

Успех выполнения этой задачи в огромной степени будет зависеть от сближения интересов трех великих держав – Китая, России и США.

21. Первостепенной задачей на пути к ядерному разоружению является отход от унаследованных со времен холодной войны опоры на ядерное сдерживание и его доктринальное обоснование. В настоящее время, спустя более двадцати лет после окончания холодной войны, есть серьезные основания для взаимной глубокой корректировки концепции ядерного сдерживания, во всяком случае, в отношениях великих держав и возглавляемых ими союзов.

Сотрудничество России с США и НАТО в сфере ПРО может стать одним из важнейших направлений трансформации взаимного ядерного сдерживания и предотвращения новых «противоракетных кризисов» в отношениях России и Запада. При этом, разумеется, обе стороны должны стремиться к такой трансформации, что, к сожалению, пока не нашло своего отражения в практической политике США и России.

Для продвижения в развитии совместной ПРО необходимо переформатировать диалог по этому вопросу и обсуждать не участие России в программе ПРО НАТО, а вопросы совместимости российской ВКО и ПАП ПРО США (НАТО). Это предполагает как определенную адаптацию программы НАТО, так и существенное изменение ВКО и ее переориентацию на угрозы третьих стран, что требует соглашений, которые устранили бы воспринимаемую Россией опасность «воздушно-космического нападения» США.

22. Ставить прогресс в ряде основных аспектов сокращения и ограничения вооружений в зависимости от согласия по совместной ПРО – означает загонять переговоры по всем вопросам в тупик. Прогресс на пути взаимодействия в области ПРО невозможен без последовательных решений всего круга проблем, которые определяют направленность военных курсов держав друг против друга.

Поэтому необходимо вести дело к соглашениям параллельно по нескольким направлениям: новый договор СНВ, ограничение стратегических вооружений в обычном оснащении, совместимость ВКО и ПАП ПРО, ограничение тактического ядерного оружия, возрождение системы и режима ДОВСЕ.

Если бы руководители России и США до выборов 2012 г. осознали эту диалектическую взаимозависимость и выступили с совместным документом о необходимости «многоканального» продвижения в трансформации взаимного ядерного сдерживания – то это, наряду с Пражским Договором СНВ, стало бы их крупным вкладом в укрепление взаимной безопасности, создало бы задел для продолжения этой линии следующими администрациями.

23. Ядерное разоружение предполагает снижение вероятности ядерной войны, причем применение ЯО должно становиться все менее вероятным не только в общем политическом, но и в военно-стратегическом плане. В этом суть трансформации взаимного ядерного сдерживания в более конструктивный вид стратегических отношений держав, пока сравнительно крупные ядерные потенциалы остаются в составе их вооруженных сил.

Сокращение до 1000–1200 боеголовок может быть следующим шагом в переговорах по СНВ, однако после этого державы могут пойти по пути взаимного понижения уровня боеготовности СЯС, а не сокращения через физическую ликвидацию ядерных вооружений.

24. Трансформация ядерного сдерживания может идти по пути взаимного отказа сначала от концепций и сил первого (контрсилового) удара – через сокращение ядерных вооружений при укреплении стратегической стабильности, которая и предполагает устранение стимулов и возможностей первого удара. В качестве следующего шага России и США следует договориться об отказе от планирования ответно-встречных ударов по информации от систем предупреждения о ракетном нападении.

Понижение готовности к запуску должно представлять собой не сугубо символический акт, а согласованные организационно-технические и проверяемые мероприятия снижения уровня напряженности и влияния дестабилизирующих факторов. Главный принцип, который должен соблюдаться в процессе контролируемого взаимного понижения готовности, СЯС состоит в том, что контрсилового потенциал сторон должен снижаться опережающим образом по отношению к уменьшению готовности стратегических сил к применению в ответном ударе.

25. Создание многостороннего режима транспарентности может в существенной степени способствовать трансформации ядерного сдерживания. Сегодня некоторые виды деятельности государства – обладателя ядерного оружия воспринимаются другими державами, не относящимися к числу его союзников, как потенциальная угроза и вызывают с их стороны ответную реакцию, что приводит к эскалации военной напряженности. Для того, чтобы свести к минимуму возможность возникновения ядерного кризиса необходима расширенная транспарентность в отношении намерений государств – обладателей ядерного оружия.

К числу наиболее значимых мер многостороннего режима транспарентности следует, как представляется, отнести следующие: обеспечение открытости ядерных доктрин, обеспечение прозрачности ядерных потенциалов, предварительное уведомление участников режима транспарентности об определенных видах деятельности ядерных сил, наблюдение за определенными видами деятельности ядерных сил, взаимные проверки соблюдения участниками многостороннего режима транспарентности.

26. Возврат к идее ядерного разоружения как конечной, пусть и отдаленной цели политики ведущих держав, придает целенаправленность таким рациональным и перспективным мерам как новый Договор о СНВ и последующее более глубокое сокращение ядерных вооружений. Открывается путь к реализации ДВЗЯИ и ДЗПРМ, как важнейших соглашений на стыке ядерного разоружения и нераспространения. Становится реальным будущее подключение к процессу третьих ядерных держав и «стран-аутсайдеров» (Индии, Пакистана, Израиля). Получает мощный импульс курс на упрочение ДНЯО и его режимов, решение ядерных вопросов КНДР и Ирана, на интернационализацию ядерного топливного цикла, обеспечение высоких мировых стандартов сохранности ядерных материалов.

Не менее важно, что только в контексте этой политики, и никак иначе, Россия (и другие страны) получит возможность достичь приемлемого для себя решения целого ряда актуальных военно-политических проблем: остановки расширения НАТО на восток, ограничения стратегических систем ПРО и высокоточных обычных вооружений, предотвращения гонки космических вооружений и ряда других.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. СТАТЬИ ВИДНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ РОССИИ И США

Примаков Е.М., Иванов И.С., Велихов Е.П., Моисеев М.А. От ядерного сдерживания к общей безопасности²³⁹.

2010 год ознаменовался важными событиями в сфере ядерного разоружения и нераспространения, что благоприятно сказалось на укреплении международной безопасности.

Президенты России и США подписали в Праге новый Договор по СНВ. В случае его ратификации стратегические отношения между двумя ядерными державами станут более устойчивыми, транспарентными и предсказуемыми.

Многосторонний саммит по ядерной безопасности, состоявшийся в Вашингтоне, принял решения по улучшению сохранности ядерных материалов в мире.

Очередная обзорная Конференция по Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) завершилась успешным принятием итогового документа о путях упрочнения договора, его режима и институтов.

Все это, несомненно, весьма полезные шаги. Однако они пока не затрагивают стратегическую ядерную идеологию - взаимное ядерное сдерживание. Между тем парадокс ядерного сдерживания состоит в том, что оно по большей части обращено к угрозам прошлого века, в то время как вероятность крупномасштабного вооруженного конфликта между великими державами и их союзниками в современных условиях глобализации и многополярности близка к нулю.

Вместе с тем ядерное сдерживание бессильно против новых угроз XXI века: распространения оружия массового уничтожения (ОМУ) и средств его доставки, международного терроризма, этнических и религиозных конфликтов, трансграничной преступности и пр. Хуже того, ядерное сдерживание в ряде случаев подстегивает процессы распространения ОМУ и ракетных технологий или мешает более глубокому сотрудничеству великих держав в борьбе с такими угрозами (совместное развитие систем ПРО).

Для того чтобы ядерное сдерживание не препятствовало взаимодействию ключевых игроков на мировой арене, нужно путем договоров понижать уровни вооружений на основе принципа минимальной достаточности, укреплять стратегическую стабильность в контексте обеспечения равной и неделимой безопасности для всех, исключить возможность первого ядерного удара или пуска ракет из-за технической неисправности и ошибочной оценки намерений другой стороны, или дефицита времени на принятие решения политического руководства. Новый Договор по СНВ отвечает этим целям, но многое в этой сфере еще предстоит сделать.

Следующий этап ядерного разоружения не может быть исключительно двусторонним. Потребуется ограничения и меры доверия применительно к третьим ядерным державам. В отличие от США геостратегическое положение России делает ее досягаемой для всех ядерных государств, что не может не учитываться при дальнейшем глубоком ядерном разоружении.

Концепция ядерного сдерживания стала непреодолимым препятствием на долгом и нелегком пути всеобщего ядерного разоружения. Не секрет, что в США, России и других странах имеются не только сторонники, но и противники процесса ядерного разоружения.

---

²³⁹ Примаков Е.М., Иванов И.С., Велихов Е.П., Моисеев М.А. От ядерного сдерживания к общей безопасности // Известия. 15 октября 2010 (<http://www.izvestia.ru/news/367072>).

Кто-то просто не может избавиться от идеологических стереотипов "холодной войны". Но немало и тех, кто высказывает вполне конкретные и не лишённые оснований опасения в связи с этим процессом. От таких доводов нельзя просто отмахнуться - их следует самым серьёзным образом учитывать, чтобы последовательно снимать реально существующие препятствия на пути дальнейших глубоких ядерных сокращений.

В России, например, по-прежнему широко распространено мнение, что ядерный потенциал страны является главным атрибутом российского статуса великой державы, без которого США и другие страны не будут считаться с ее внешнеполитическими интересами.

Мы убеждены, что статус России в окружающем мире будет обеспечиваться, главным образом, модернизацией экономики, ростом жизненного уровня, социально-политическими правами и свободами граждан, развитием науки и культуры. Но пока в международных отношениях используется угроза "проецирования силы" и ее прямое применение, Россия будет вынуждена сохранять достаточный военный, в том числе ядерный, потенциал - для защиты себя и своих союзников, отстаивания своих законных интересов.

Таким образом, путь к ядерному разоружению лежит через рост доверия между государствами и укрепление международной безопасности и стабильности. Администрация Барака Обамы провозгласила курс на многосторонность действий в обеспечении международной безопасности, укрепление ее правовых норм и действующих институтов, приоритетность дипломатии в решении спорных проблем, равноправное партнерство с Россией. Важно, чтобы эти принципы были реализованы в практической внешней политике США и их союзников.

Это касается и ПРО, и обычных вооружений, и стратегических носителей в неядерном исполнении, и планов милитаризации космоса. На этих и других направлениях в сфере ограничения вооружений в ближайшее время потребуются дополнительные далеко идущие меры укрепления доверия.

Размышляя о долгосрочной перспективе, мы пришли к мнению, что мир без ядерного оружия - это отнюдь не нынешний мир минус ядерное оружие. Нужна международная система, построенная во многом на иных принципах и институтах. Мир, свободный от ядерного оружия, не должен стать миром, свободным для войн с применением других видов ОМУ, обычных вооруженных сил, новейших неядерных вооружений и систем на новых физических принципах.

При этом речь идет не только о больших войнах, но и о локальных конфликтах. Ведь малые страны сейчас смотрят на ядерное оружие как на средство нейтрализации огромного превосходства ведущих держав по обычным вооружениям. Именно в этом заключается один из стимулов ядерного распространения на региональном уровне, порождающий угрозу ядерного терроризма. Устранение таких опасностей требует создания надежных механизмов мирного решения как больших, так и локальных международных и трансграничных конфликтов.

Поэтому реализация идеи ядерного разоружения, которая должна оставаться стратегической целью, возможна лишь в контексте глубокой реорганизации всей международной системы.

Это, безусловно, поможет решению и других ключевых проблем XXI века, связанных с глобальной экономикой и финансами, энергообеспечением, экологией, климатом, демографией, эпидемиями, трансграничной преступностью, религиозным и этническим экстремизмом.

В таком контексте ядерное разоружение не столько самоцель, сколько одно из важнейших направлений, предпосылка и способ реорганизации международной жизни на более цивилизованной основе в прямом смысле этого понятия и в соответствии с велением наступившего столетия.

Киссинджер Г., Нанн С., Перри У., Шульц П. Мир без ядерного оружия²⁴⁰.

Сегодня ядерное оружие представляет собой огромную опасность; в то же время в этой сфере открывается исторический шанс. Для того, чтобы всей планетой перейти на следующую ступень – ступень твердого всеобщего согласованного отказа от ядерного оружия и предотвращения его попадания в опасные руки, а в перспективе и вовсе исключения исходящей от него угрозы миру, – лидерство в этом процессе должны взять на себя Соединенные Штаты.

Во времена 'холодной войны' ядерное оружие было необходимо для поддержания международной стабильности, поскольку оно представляло собой средство сдерживания противника. С окончанием 'холодной войны' ушла в прошлое и советско-американская доктрина взаимного устрашения. Для многих государств подобное сдерживание остается важной составляющей обороны от угроз, которые исходят от других государств, однако содержание ядерных сил для этих целей становится все более опасной и все менее эффективной мерой.

Ядерные испытания, проведенные недавно Северной Кореей, а также отказ Ирана остановить программу обогащения урана, которая потенциально может завершиться получением оружейного ядерного материала, говорят о том, что мир стоит на пороге новой, опасной ядерной эры. Растет – и это гораздо более тревожный факт – вероятность попадания ядерного оружия в руки террористов, не имеющих родины и государства. В войне с мировым порядком, которую ведут сегодня террористы, ядерное оружие остается сверхэффективным средством массового уничтожения, в то время как доктрина сдерживания не может быть эффективной в отношении террористических группировок, не имеющих государственной принадлежности и потому представляющих собой новую опасность, против которой чрезвычайно сложно бороться.

Но даже если не учитывать террористическую угрозу, то Соединенные Штаты, если не будут срочно приняты соответствующие меры, против своей воли откроют новую ядерную эру - более рискованную, психологически дезориентирующую и гораздо более затратную экономически, чем даже 'холодная война'. Мы вряд ли сумеем успешно повторить старое советско-американское 'взаимно гарантированное уничтожение' со все растущим числом ядерных противников во всем мире, не увеличивая риск практического использования ядерного оружия. В новых ядерных государствах нет системы защиты, которая долгие годы, шаг за шагом выстраивалась во время 'холодной войны' и позволила в результате не допустить ядерных аварий и ошибочных или несанкционированных запусков. Советский Союз и Соединенные Штаты учились на ошибках, которые не несли фатальных последствий. Обе страны за время 'холодной войны' реально прилагали все усилия к тому, чтобы применение ядерного оружия так и не состоялось - ни по ошибке, ни по приказу. Но будет ли новым ядерным государствам и миру в целом так же крупно везти еще пятьдесят лет, как нам везло все то время, что шла 'холодная война'?

К ядерному вопросу неоднократно обращались лидеры самых разных стран. В 1953 году Дуайт Д. Эйзенхауэр в обращении к Организации Объединенных наций, названном 'Атом для мира', заявил, что Америка готова 'участвовать в разрешении страшной ядерной дилеммы - готова все свое сердце и весь свой разум посвятить поиску способов, которые позволят сделать так, чтобы удивительная изобретательность человечества делала лучше его жизнь, а не приближала его смерть'. Джон Ф. Кеннеди, стремившийся выйти из тупика и встать на путь к ядерному разоружению, сказал: 'Мир не был создан как тюрьма, в

²⁴⁰ Неофициальный перевод статьи: Киссинджер Г., Нанн С., Перри У., Шульц Дж. Мир без ядерного оружия // inoСМИ.Ru – все, что достойно перевода. 8 января 2007 г. (<http://www.inosmi.ru/world/20070108/232029.html>). См. оригинал статьи: Shultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. A World Free of Nuclear Weapons // Nuclear Security Project. January 4, 2007 (<http://www.nuclearsecurityproject.org/publications/a-world-free-of-nuclear-weapons>).

которой человек обречен ждать собственной казни'. То же самое говорил в своем выступлении на Генеральной Ассамблее ООН Раджив Ганди 9 июня 1988 года: 'Ядерная война не принесет смерть ни сотням миллионов, ни даже тысяче миллионов людей. Ядерная война будет означать уничтожение четырех тысяч миллионов людей, то есть конец жизни на планете Земля в нашем понимании. Мы пришли в Организацию Объединенных наций, чтобы получить вашу поддержку. Нам нужна ваша поддержка, чтобы остановить это безумие'. Рональд Рейган призывал к полному отказу 'от любого ядерного оружия', оружия, по его словам, 'абсолютно противоречащего здравому смыслу, абсолютно негуманного, не годящегося ни для чего, кроме убийства, причем, возможность, полного уничтожения жизни и цивилизации на Земле'. Эту точку зрения также высказывали другие президенты Америки. Ее разделял Михаил Горбачев.

Хотя на встрече в Рейкьявике Рейган и Горбачев так и не достигли своей конечной цели - не подписали соглашение о полном отказе от всего ядерного оружия, - им все же удалось остановить гонку вооружений. С их действиями начались практические шаги по существенному сокращению ядерных сил постоянной готовности, оснащенных ракетами дальнего и среднего радиуса действия; кроме того, целый класс ракет был уничтожен полностью.

Что нужно, чтобы воссоздать систему, единожды сформированную Рейганом и Горбачевым? Можно ли добиться во всем мире согласия на то, чтобы предпринять целый ряд практических шагов, которые привели бы к существенному сокращению ядерной опасности? На эти два сложных и опасных вопроса необходимо дать ответы, причем безотлагательно.

В Договоре о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) говорится о полном его уничтожении. Два основных положения договора заключались в том, что (а) страны, по состоянию на 1967 год не имеющие ядерного оружия, отказываются от его приобретения, и (б) страны, имеющие ядерное оружие на момент подписания, обязуются со временем полностью освободиться от него. Все президенты США после Ричарда Никсона (Richard Nixon), к какой бы партии они ни принадлежали, неизменно подтверждали свою верность обязательствам, которые взяла на себя Америка по этому договору, однако неядерные государства со временем занимали все более скептическую позицию относительно честности ядерных держав.

Сегодня для предотвращения распространения ядерных материалов и технологий в мире предпринимаются очень серьезные усилия. Программа совместного уменьшения угрозы, Инициатива по глобальному уменьшению угрозы, Инициатива по борьбе с распространением оружия массового поражения и Дополнительные протоколы к ним - все это новые подходы, дающие мощный инструментарий для обнаружения нарушений ДНЯО и опасностей, возникающих для безопасности всего мира и безусловно заслуживающие полномасштабного практического применения. Критически важны в этом плане переговоры по вопросу распространения ядерного оружия на Северную Корею и Иран, в которых сегодня участвуют все постоянные члены Совета Безопасности ООН, Германия и Япония. Эти переговоры необходимо активно продолжать.

Однако ни один из этих шагов сам по себе не в состоянии адекватно противостоять опасности. Двадцать лет назад президент Рейган и генеральный секретарь Горбачев, встречаясь друг с другом в Рейкьявике, хотели намного большего - они хотели полного уничтожения ядерного оружия. Тогда это желание шокировало всех экспертов по ядерному сдерживанию, но пробудило надежду в людях всего мира: лидеры двух стран - обладательниц самых крупных ядерных арсеналов договаривались об отказе от самого мощного оружия, которым располагали.

Что же нам делать сегодня? Можем ли мы сегодня обещать, что положения ДНЯО и возможности, открывшиеся после Рейкьявика, будут реализованы до конца? Мы считаем,

что для получения положительного ответа Соединенные Штаты должны начать новое мощное движение и сделать целый ряд конкретных шагов в этом направлении.

Первое и главное, что необходимо сделать - провести работу с лидерами всех стран, обладающих ядерным оружием, и превратить 'мир без ядерного оружия' в общую для всех этих стран цель. Общность сформированных таким образом задач изменит отношение ядерных государств к текущим вопросам и добавит веса предпринимаемым сегодня попыткам не допустить появления ядерного оружия у Северной Кореи и Ирана.

Программа, на основе которой необходимо добиваться подписания подобных документов, должна состоять из согласованных и срочно необходимых шагов, закладывающих прочный фундамент для построения мира, свободного от ядерной угрозы. В частности, необходимо предпринять шаги следующего характера:

- изменить параметры боевого дежурства ядерных сил, принятые во времена 'холодной войны', с увеличением времени задержки пуска и, таким образом, уменьшением опасности ошибочного или несанкционированного запуска;
- продолжать существенное сокращение размеров ядерных сил в тех странах, где таковые есть;
- уничтожить ядерное оружие ближнего радиуса действия, размещаемое перед передним краем обороны;
- начать в Сенате сотрудничество между партиями по ядерному вопросу, включая меры по повышению доверия, периодические проверки выполнения программ, переговоры по ратификации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний с учетом полного использования последних достижений науки и техники и проведение переговоров с другими странами на предмет ратификации ими этого договора;
- обеспечить во всем мире наивысший стандарт безопасности для всех запасов оружия, оружейного плутония и высокообогащенного урана;
- установить контроль над процессом обогащения урана и одновременно обеспечить гарантированную возможность приобретения по разумным ценам урана для атомных реакторов, сначала производимого Группой стран-поставщиков ядерных материалов, а затем из запасов Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) или любого другого органа, находящегося под международным контролем. Также необходимо самым серьезным образом рассмотреть вопрос получения оружейных материалов из ядерного топлива, отработавшего свой срок в реакторах атомных электростанций;
- остановить во всем мире производство оружейных расщепляющихся материалов, исключить использование высокообогащенного урана в гражданском обороте, а также обеспечить изъятие оружейного урана из всех без исключения исследовательских реакторов и его безопасное хранение;
- принять дополнительные меры к разрешению региональных конфликтов и противоречий, создающих предпосылки для возникновения новых ядерных держав.

Также, чтобы достичь этой цели и действительно освободить мир от ядерного оружия, необходимо принять эффективные меры к тому, чтобы предотвратить любые действия в ядерной сфере, потенциально угрожающие безопасности любого государства или народа, и противостоять таким действиям.

Восстановление в правах единожды сформулированной цели 'мир без ядерного оружия' и практические шаги к ее реализации предстанут в глазах всего мира и будут в реальности прорывной инициативой, полностью соответствующей моральному наследию Америки. Эти действия в высшей степени положительно скажутся на безопасности будущих поколений. Если не будет цели, сами действия не получат должной оценки по

срочности и не будут считаться искренними. Если не будет практических действий, сама по себе эта цель не будет ни реалистичной, ни реализуемой.

Мы призываем всех поставить перед собой цель - освободить мир от ядерного оружия - и выполнить задачу - активно работать по достижению этой цели, в первую очередь в направлениях, обозначенных нами выше.

Киссинджер Г., Нанн С., Перри У., Шульц П. К миру без ядерного оружия²⁴¹.

Ускоряющееся распространение ядерного оружия, ядерного ноу-хау и ядерных материалов подвело нас к последнему рубежу. Перед нами реальная вероятность того, что самое разрушительное оружие из когда-либо созданного может попасть в опасные руки.

Шаги, предпринимаемые нами в ответ, неадекватны этой угрозе. При все большей доступности ядерного оружия сдерживание становится все менее эффективным и все более рискованным.

Год назад, в эссе, опубликованном в этой газете, мы призвали к глобальной инициативе по снижению опоры на ядерное оружие в целях предотвращения его попадания в потенциально опасные руки и, в конечном счете, его ликвидации как угрозы миру. За год возник огромный интерес к этому вопросу, был дан мощный импульс, и появилось политическое пространство для его решения на фоне одобрительных откликов со всего мира.

В январе 2007 г. Михаил Горбачев написал, что он, как человек, подписавший первые договоры по реальному сокращению ядерного оружия, считает своим долгом поддержать наш призыв к безотлагательным действиям: 'Все очевиднее становится, что в новую эпоху ядерное оружие не является средством укрепления безопасности, наоборот - с каждым годом оно все больше превращается в фактор ее ослабления и разрушения'.

В июне министр иностранных дел Великобритании Маргарет Беккет сигнализировала о поддержке со стороны своего правительства, заявив: 'Нам нужно как видение - сценарий для мира без ядерного оружия, так и действие - поступательные меры по снижению числа боеголовок и ограничению роли ядерного оружия в политике безопасности. Это два отдельных направления, но они взаимно усиливают друг друга. Оба они необходимы, но в настоящее время слишком слабы'.

Кроме того, о своей принципиальной поддержке проекта заявили другие бывшие официальные лица США с большим опытом работы на посту государственного секретаря и советников по обороне и национальной безопасности. Среди них - Мадлен Олбрайт, Ричард Аллен, Джеймс Бейкер III, Сэмюэл Бергер, Збигнев Бжезинский, Фрэнк Карлуччи, Уоррен Кристофер, Уильям Коэн, Лоренс Иглбергер, Мелвин Лэйрд, Энтони Лейк, Роберт Макферлейн, Роберт Макнамара и Колин Пауэлл.

Вдохновленные этой реакцией, в октябре 2007 г. мы организовали в Институте Гувера Стэнфордского университета конференцию, на которую пригласили ветеранов последних шести администраций, а также ряд других экспертов по ядерным вопросам. Все согласились с тем, что очень важно, чтобы видение мира без ядерного оружия направляло наше мышление о ядерной политике, и необходимо предпринять серию шагов, которые отведут нас от края ядерной пропасти.

Особая ответственность лежит на США и России, обладающих примерно 95 процентами ядерных боеголовок в мире, а также уникальным опытом ядерного разоружения. Однако подключиться должны и другие страны.

---

²⁴¹ Неофициальный перевод статьи: Киссинджер Г., Нанн С., Перри У., Шульц Дж. К миру без ядерного оружия // inoСМИ.Ru - все, что достойно перевода. 15 января 2008 г. (<http://inosmi.ru/world/20080115/238915.html>). См. оригинал статьи: Shultz G.P., Perry W.J., Kissinger H.A., Nunn S. Toward a Nuclear-Free World // Nuclear Security Project. January 15, 2008 (<http://www.nuclearsecurityproject.org/publications/toward-a-nuclear-free-world>).

Некоторые шаги уже делаются - например, снижение числа ядерных боеголовок, размещенных на стратегических бомбардировщиках и ракетах большой дальности. Другие шаги на ближайшее будущее, которые США и Россия могли бы начать предпринимать уже в 2008 г., могут сами по себе значительно снизить ядерные угрозы. Они включают в себя:

- Продление основных положений Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений 1991 г. Реализация этих положений значительно расширила наши представления о важнейшей задаче верификации. Срок действия договора истекает 5 декабря 2009 г. Ключевые положения этого договора, включая основные требования по мониторингу и верификации, должны быть продлены, а дальнейшие сокращения, предусмотренные Московским договором 2002 г. о сокращении стратегических наступательных потенциалов, должны быть осуществлены как можно скорее.
- Предпринять шаги по увеличению времени предупреждения и принятия решения по запуску всех баллистических ракет с ядерными боеголовками, снизив тем самым риск случайного или несанкционированного запуска. В сегодняшней международной среде полагаться на процедуры запуска, не дающие командующим достаточного времени для принятия осторожных и благоразумных решений, ненужно и опасно. Более того, использование компьютерных технологий в целях кибервойны создает новые угрозы, которые могут иметь катастрофические последствия в том случае, если системы оперативного управления какого-либо государства, обладающего ядерным оружием, будут взломаны злонамеренными хакерами. Со временем, по мере роста доверия в американо-российских отношениях, могут быть предприняты дальнейшие шаги путем введения, по взаимному согласию, верифицируемых физических барьеров в последовательность действий по оперативному управлению.
- Отказаться от любых еще существующих оперативных планов массового удара, разработанных в годы 'холодной войны'. Трагедия сдерживания как взаимно гарантированного уничтожения является устаревшей политикой в сегодняшнем мире: США и Россия официально объявили о том, что они являются союзниками в борьбе с терроризмом и больше не воспринимают друг друга как врагов.
- Провести переговоры по созданию совместной многосторонней системы баллистической противоракетной обороны и раннего предупреждения, как было предложено президентами Бушем и Путиным на их московском саммите в 2002 г. В частности, нужно добиться согласия по планам отражения ракетных угроз Европе, России и США с Ближнего Востока, а также завершить работы по созданию Совместного центра обмена данными в Москве. Снижение напряженности по вопросу противоракетной обороны способствует продвижению по более широкому кругу ядерных вопросов, имеющих огромное значение для нашей безопасности. Без этого более широкое сотрудничество в ядерной сфере будет заметно осложнено.
- Значительно усилить темп работ по обеспечению высочайших стандартов безопасности хранения ядерного оружия, а также ядерных материалов во всех странах мира, чтобы не допустить попадания ядерной бомбы в руки террористов. Материалы для создания ядерного оружия имеются более, чем в 40 странах, и недавно сообщалось о предполагаемых попытках контрабанды ядерных материалов в Восточной Европе и на Кавказе. США, Россия и другие страны, участвовавшие в программах Нанна-Лугара, вместе с Международным агентством по атомной энергии, должны сыграть ключевую роль в создании условий для реализации резолюции Совета Безопасности ООН 1540, касающейся повышения ядерной безопасности - предлагая группам экспертов совместно помогать каждой заинтересованной стране в выполнении обязательств в рамках данной резолюции для обеспечения надежности хранения этих материалов.

Ошибки совершаются во всем, что предпринимают люди, - отмечает губернатор Арнольд Шварцнегер в своем обращении к участникам нашей октябрьской конференции. - Почему ядерное оружие должно быть исключением?' В подтверждение слов губернатора 29-30 августа 2007 г. шесть крылатых ракет с ядерными боеголовками были загружены на борт самолета ВВС США, перенесены через всю страну и выгружены. В течение 36 часов никто не знал не только о том, где находятся боеголовки, но даже о том, что они исчезли.

- Начать диалог, в том числе, в рамках НАТО и с Россией, по укрупнению арсеналов ядерного оружия, предназначенных для последующего развертывания, в целях повышения их безопасности и в качестве первого шага в направлении их тщательного отслеживания и, в конечном итоге, ликвидации. Небольшие и мобильные ядерные арсеналы являются, с учетом их характеристик, возжеленными целями для террористических групп.
- Усилить средства мониторинга соблюдения Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) в качестве противовеса распространению новейших технологий. Продвижение в этой сфере является крайне необходимым, и его можно добиться путем распространения разработанных МАГАТЭ положений о мониторинге (дополнительных протоколов) на все государства, подписавшие ДНЯО.
- Согласовать процесс реализации Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ), что усилит ДНЯО и способствует международному мониторингу активности государств в ядерной сфере. Это потребует анализа представителями обеих партий, во-первых, того, как за последнее десятилетие улучшилась система международного мониторинга в том, что касается идентификации и локализации подземных ядерных испытаний в нарушение ДВЗЯО и, во-вторых, того, насколько технический прогресс, достигнутый за последнее десятилетие, позволяет сохранять уверенность в надежности, безопасности и эффективности ядерного арсенала страны в условиях запрещения ядерных испытаний. Организация Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний создает новые пункты мониторинга с целью выявления ядерных испытаний - США должны срочно поддержать эту меру еще до ратификации.

Параллельно с этими шагами, предпринимаемыми США и Россией, диалог должен выйти на международный уровень, и к нему должны быть привлечены как неядерные, так и ядерные державы.

К его ключевым темам относится превращение цели 'мир без ядерного оружия' в практическую международную инициативу путем приложения необходимой политической воли к выработке международного консенсуса по приоритетам. В феврале при содействии правительства Норвегии будет проведена конференция, которая станет вкладом в этот процесс.

Еще одна тема: создание международной системы, контролирующей риски ядерного топливного цикла. Учитывая рост интереса в мире к выработке ядерной энергии и потенциальное распространение возможностей ядерного обогащения, развитые ядерные страны и усиленная МАГАТЭ должны создать международную программу, целью которой будет обеспечение надежных поставок ядерного топлива, запасов обогащенного урана, инфраструктурной поддержки, финансирования и утилизации использованного топлива, чтобы гарантировать, что материалы, пригодные для создания ядерного оружия, не будут распространяться по планете.

Должно быть также достигнуто соглашение о дальнейшем значительном сокращении американских и российских стратегических сил, помимо предусмотренного в американо-российском Договоре о сокращении стратегических наступательных потенциалов. По мере осуществления сокращений могли бы подключиться и другие ядерные державы.

Нужно вновь подтвердить максимуму президента Рейгана 'доверяй, но проверяй'. Заключение верифицируемого договора, препятствующего странам создавать ядерные

материалы для производства оружия, стало бы вкладом в создание более жесткой системы безопасности ядерных материалов и контроля над ними.

Кроме того, мы должны выработать международный консенсус относительно сдерживания, в случае необходимости, попыток стран нарушить договоренности.

Четко сформулированная конечная цель должна способствовать успеху. Более того, это единственный способ создания доверия в мире и обеспечения широкого сотрудничества, требуемого для эффективного ответа на сегодняшние угрозы. Без видения полной ликвидации ядерного оружия мы не найдем сотрудничества, необходимого для разрыва порочного круга.

В некоторых отношениях цель 'мир без ядерного орудия' подобна вершине очень высокой горы. С высоты нашего тревожного мира мы даже не видим этой вершины и испытываем соблазн сказать, что до нее нам никогда не добраться. Но сползая вниз и топчась на месте, мы подвергаем себя осязаемому риску, который невозможно игнорировать. Нам нужно проложить путь к более высокой точке, откуда вершину горы будет видно лучше.

2. ТАБЛИЦА. ВАРИАНТЫ ЯДЕРНОЙ ДОКТРИНЫ. РОЛЬ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Государства	Престиж – статус	Предотвращение и отражение нападения на свою страну с применением:				Предотвращение и отражение нападения на союзные страны с применением:				Разменная карта
		ЯО	другого ОМУ	СОН	ВТО	ЯО	другого ОМУ	СОН	ВТО	
Россия	+	+	+	+	+	+	+	-	-	+
США	+	+	-	-	-	+	- (с оговорками)	-	-	-
Великобритания	+	+	- (?)	-	-	+	- (?)	- (?)	-	-
Франция	+	+	+	-	-	+	+	+	-	-
КНР	+	+	-	-	+	-	-	-	-	-
Индия	+	+	+	-	-	-	-	-	-	-
Пакистан	+	+	-	+	-	-	-	-	-	-
Израиль	- (?)	-	+	+	-	-	-	-	-	+
КНДР	+	+	-	+	+	-	-	-	-	+

3. СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АПЛ	атомная подводная лодка
АЭС	атомная электростанция
ББМ	боевые бронированные машины
БГУ	быстрый глобальный удар
БЗ	боезаряд
БЛА	беспилотный летательный аппарат
БПЛА	беспилотный летательный аппарат
БР	баллистическая ракета
БРПЛ	баллистическая ракета подводных лодок
БРСД	баллистическая ракета средней дальности
ВВ	взрывчатое вещество
ВВС	военно-воздушные силы
ВВП	валовой внутренний продукт
ВКО	воздушно-космическая оборона

ВМС	военно-морские силы
ВМФ	военно-морской флот
ВНИИТФ	Всероссийский научно-исследовательский институт технической физики
ВНИИЭФ	Всероссийский научно-исследовательский институт экспериментальной физики
ВОУ	высокообогащенный уран
ВПУ	вертикальная пусковая установка
ВС	Вооруженные силы
ВТО	высокоточное оружие
ВШК	Военно-штабной комитет (ООН)
ГД	газовая диффузия
ГИБАЯТ	Глобальная инициатива по борьбе против актов ядерного терроризма
ГПВ	государственная программа вооружений
ГСК	Глобальная система контроля
ГСС	глобальная система связи
ГУМО	главное управление Министерства обороны
ГЦ	газовая центрифуга
ГЧ	головная часть
ГЭС	гидроэлектростанция
ГЯП	Группа ядерных поставщиков
ДВЗЯИ	Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ДЕБ	Договор о европейской безопасности
ДЗПРМ	Договор о запрещении производства расщепляющихся материалов в военных целях
ДНЯО	Договор о нераспространении ядерного оружия
ДОВСЕ	Договор об обычных вооруженных силах в Европе
ДПРОК	Договор о предотвращении размещения оружия в космическом пространстве, применения силы или угрозы силой в отношении космических объектов
ЕврАзЭС	Европейское экономическое сообщество
ЕПБО	Европейская политика в области безопасности и обороны
ЕРР	единица разделительной работы
ЕС	Европейский союз
ЗУР	зенитная управляемая ракета
ИБОР	Инициатива по безопасности в борьбе с распространением
ИК	инфракрасный
ИМЭМО РАН	Институт мировой экономики и международных отношений Российской академии наук
ИНМ	инспекции на месте
ИНПРО	Международный проект по инновационным ядерным реакторам и топливным циклам
ИРИ	Исламская республика Иран
ИС	истребитель спутников
ИЯП	иранская ядерная программа
КА	космический аппарат
КБТО	Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении (1972 г.)
КВ	космические вооружения

КК	космическое командование
КНР	Китайская Народная Республика
КНДР	Корейская Народно-Демократическая Республика
КП	командный пункт
КП СПРН	командный пункт системы предупреждения о ракетном нападении
КР	Конференция по разоружению в Женеве
КРВБ	крылатая ракета воздушного базирования
КРМБ	крылатая ракета морского базирования
КРНБ	крылатая ракета наземного базирования
КРН	космическая ракета-носитель
КХО	Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (1993 г.)
МАГАТЭ	Международное агентство по атомной энергии
МБР	межконтинентальная баллистическая ракета
МКП	Международный кодекс поведения по предотвращению распространения баллистических ракет
МО	министерство обороны
МСМ	международная система мониторинга
МЦД	международный центр данных
МЦОУ	Международный центр по обогащению урана
НАТО	Организация Североатлантического договора
НИОКР	научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НИР	научно-исследовательские работы
НИЭР	научно-исследовательские и экспериментальные работы
НТСК	национальные технические средства контроля
НОУ	низкообогащенный уран
НЦД	Национальный центр данных
ОБСЕ	Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе
ОВД	Организация Варшавского договора
ОВУ	ответно-встречный удар
ОДВТ	ограничиваемые договором вооружения и техника
ОДКБ	Организация Договора о коллективной безопасности
ОКР	опытно-конструкторские работы
ОМУ	оружие массового уничтожения
ООН	Организация Объединенных Наций
ОПК	оборонно-промышленный комплекс
ОСВ-1	Временное соглашение между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (1972 г.)
ОТР	оперативно-тактическая ракета
ОЯТ	отработанное (облученное) ядерное топливо
ПАП	поэтапный адаптивный план (развертывания ПРО в Европе)
ПВО	противовоздушная оборона
ПК ОДВЗЯИ	Подготовительной комиссии Организации по Договору о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний
ПКО	противокосмическая оборона
ПЛАРБ	атомная подводная лодка с баллистическими ракетами
ПЛО	противолодочная оборона
ПРО	противоракетная оборона
ПРО ТВД	противоракетная оборона театра военных действий

ПСС	продление срока службы
ПУ	пусковые установки
РВСН	ракетные войска стратегического назначения
РГЧ	разделяющиеся головные части
РГЧ ИН	разделяющиеся головные части индивидуального наведения
РКРТ	Режим контроля за экспортом ракет и ракетных технологий
РКО	ракетно-космическая оборона
РЛС	радиолокационная станция
РПК СН	ракетный подводный крейсер стратегического назначения
РСБК	Рамочное соглашение по безопасности в космосе
РСД	ракета средней дальности
РСД-РМД	Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности (1987 г.)
РСМД	Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней и меньшей дальности (1987 г.)
РЭБ	радиоэлектронная борьба
РЭП	радиоэлектронное противодействие
СБ ООН	Совет Безопасности ООН
СИПРИ	Стокгольмский институт исследования проблем мира
СК	стратегическая концепция
СКВН	средства космического и воздушного нападения
СКУВД	система по координации управления воздушным движением
СМИ	средства массовой информации
СНВ	стратегические наступательные вооружения
СНВ-1	Договор между СССР и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (1991 г.)
СНВ-2	Договор между РФ и США о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений (1993 г.)
СНВ-3	Договор между РФ и США о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (2010 г.)
СНП	стратегические наступательные потенциалы
СОИ	стратегическая оборонная инициатива
СОН	силы общего назначения
СПРН	система предупреждения о ракетном нападении
СУ	Совет управляющих (МАГАТЭ)
СХК	Сибирский химический комбинат
СЯС	стратегические ядерные силы
ТБ	тяжелый бомбардировщик
ТВС	тепловыделяющие сборки для реакторов
ТИР	Тегеранский исследовательский реактор
ТХААД	противоракетный комплекс мобильного наземного базирования для высотного заатмосферного перехвата
ТЯО	тактическое ядерное оружие
УЭХК	Уральский Электрохимический комбинат
ЦК КПСС	Центральный комитет Коммунистической партии Советского Союза
ЦОД	центр обмена данными
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ШПУ	шахтная пусковая установка
ЭХК	Электрохимический комбинат
ЯБ	ядерный боезаряд

ЯБП	ядерный боеприпас
ЯМ	ядерный материал
ЯО	ядерное оружие
ЯТЦ	ядерный топливный цикл
ANGELS	Autonomous Nanosatellite Guardian Evaluation Local Space
EASI	Euro-Atlantic Security Initiative
GBI	Ground Based Interceptor
GNEP	Global Nuclear Energy Project
KEDO	Korean Peninsula Energy Development Organization
NSP	Nuclear Security Project
NTI	Nuclear Threat Initiative
PR	Public Relations
RRW	Reliable Replacement Warhead
SAINT	Satellite Inspection Technique
SBGV	Space-Based Gliding Vehicle
CIRUS	Canada India Research Utility Services
SOSUS	Sound Surveillance System
STSS	Space Tracking and Surveillance System